

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. Ломоносова

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ**

Шестые Валентеевские чтения

Материалы международной конференции

22-24 апреля 2010 г.

Москва, Россия

Москва
2010

Редакторы:
к.э.н. В.В.Елизаров, к.э.н. И.А.Троицкая

Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В.Елизаров, И.А.Троицкая. – М., МАКС Пресс, 2010. – 400 с.

В сборник вошли доклады и тезисы участников международной научной конференции «Проблемы народонаселения в зеркале истории» (Шестые Валентеевские чтения), Москва, 22-24 апреля 2010 г.

В материалах конференции нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с историческими аспектами проблем, традиционно изучающихся в демографии: демографическая динамика, рождаемость и смертность, брак и семья, демографическая политика, миграции, региональная и этническая демография.

Сборник представляет интерес для широкого круга специалистов, изучающих проблемы народонаселения – демографов, историков, географов, социологов и др., а также для преподавателей демографии и смежных дисциплин.

Сборник издан при финансовой поддержке
Представительства Фонда ООН
по народонаселению (UNFPA) в России

Оригинал-макет: И.А.Троицкая

За содержание представленных материалов отвечают авторы.
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакторов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория, методы, источники в исторической демографии

Зверева Н.В. <i>Д.И.Валентей и история становления современной демографии в СССР и в России</i>	10
Семенова В.Г., Евдокушкина Г.Н. <i>Социальная детерминанта как прогностический фактор эпидемиологического перехода</i>	19
Сиротко М.Л. <i>Демографическое состояние Самарской губернии во второй половине XIX века в отражении земской санитарной статистики</i>	22
Frantsuz Yu. <i>Population theories: History, discourse and avenues</i>	29

История демографической науки и образования

Прибыткова И.М. <i>Из истории развития демографической мысли в Украине в XVIII - XIX вв.</i>	38
Сахвадзе А.Ш. <i>Демографические воззрения А. Смита, Д. Рикардо и С. Де-Сисмонди на фоне современного демографического развития</i>	52
Сукнёва С.А. <i>Роль экспедиции Академии наук СССР в исследовании демографических процессов в Якутии</i>	65
Шахотько Л.П. <i>История проведения демографических исследований на территории Беларуси</i>	72

Демографическая динамика и развитие: прошлое и настоящее

Антипова Е.А. <i>Географический образ демографической истории сельской местности Беларуси (1959-2009 гг.)</i>	76
Журавлева В.А., Вишнякова О.М. <i>Численность городского населения Урала в 1920–1930-е гг.</i>	86
Игнатъева Л.Н. <i>Динамика численности населения Казахской ССР в конце 40-х – 50-е годы XX века</i>	95
Раков А.А. <i>Демографические трансформации в Беларуси в XIX-XXI веках</i>	102
Сафарова Г.Л., Косолапенко Н.Г. <i>Динамика возрастной структуры населения России</i>	109

Хакимов П.Ш. <i>Исторические аспекты развития населения РТ в период 1913-2008 гг.</i>	117
Политика народонаселения в исторической ретроспективе	
Есимова А.Б. <i>Визуальные материалы в проведении демографической политики (советский и китайский опыт)</i>	125
Козлов В.А. <i>История развития корпоративной социальной политики</i>	136
Мостахова Т.С. <i>Опыт реализации демографической политики в Республике Саха (Якутия)</i>	150
Сулакшин С.С. <i>Идентичность и демография</i>	156
Рождаемость	
Безрукова О.Н. <i>Трансформация семейных ценностей и репродуктивных установок поколения родителей и детей</i>	159
Курило И.А. <i>Тенденции рождаемости в Украине за последние сто лет</i>	168
Стешенко В.С. <i>Когортный анализ рождаемости и плодовитости у женщин Украины: основные результаты</i>	175
Смертность	
Peņina O., Meslé F., Vallin J. <i>Mortality by cause in Moldova since 1965: assessing long-term trends and recent changes</i>	183
Пискунов С.В. <i>Этническая дифференциация смертности и средней продолжительности жизни в Украине в 1959–1989 гг.</i>	194
Шпенев А.П. <i>Переход в смертности в городском населении в первой половине XX в. (на примере Москвы)</i>	200
История миграций	
Воробьева О.Д., Чикляева Е.В. <i>Экономика миграционной политики России в XVIII-XIX веках и начале XX века</i>	208

Ивахнюк И.В. <i>Миграционная политика в СССР: человеческое измерение</i>	224
Каржаубаева А.И. <i>Этнодемографические процессы в Западном Казахстане в XIX-XXI вв.</i>	230
Максакова Л.П. <i>Узбекистан: миграционные процессы в 20 веке</i>	241
Моисеенко В.М. <i>Основные направления изучения миграции в России во второй половине XIX- начале XX в.</i>	252
Тухашвили М. <i>Миграция как фактор формирования русской диаспоры в Грузии</i>	263
Семья и домохозяйство в прошлом	
Араловец Н.А. <i>Брачно-семейные ценности населения России, вторая половина XX в.</i>	269
Барашкова А.С., Ефимова Г.А. <i>Экономико-демографические аспекты жизнедеятельности семьи Якутии в конце XIX и XX веков</i>	276
Кулиева Н.Г., Рагимова З.Р., Аббасова С.Г. <i>Демографические особенности развития семьи в Азербайджане</i>	283
Попова Л.А. <i>Историческая специфика отношений в брачно-семейной сфере среди коми</i>	288
Слюсар Л.И. <i>Брак и семья на Украине в 20-30-е годы XX века</i>	294
Региональная, мировая и этническая демография	
Артыкбаев Р.Д. <i>История демографического развития крупнейшего столичного города (на примере Ташкента)</i>	302
Баженова Е.С. <i>Население Китая в зеркале истории</i>	307
Забирова А.Т. <i>Этнодемографическая структура досоветского и советского Казахстана</i>	315
Клупт М.А. <i>Как отразить единство всемирной демографической истории?</i>	321

Rallu J.L. <i>The growth and collapse of South Pacific island populations: A comprehensive approach for pre- and post-European contact periods...</i>	329
Чернышева И.В. <i>Этнический фактор в демографическом развитии населения Удмуртской Республики</i>	341

Население и кризисы в XX веке

Вербицкая О.М. <i>Демографическое старение сельских жителей России во второй половине XX-го века</i>	350
Жангуттин Б.О. <i>Репатриация из Синьцзяна в Казахстан во второй половине 1940-х г. – 1950-е гг. XX века</i>	360
Максудов С. <i>Некоторые проблемы изучения потерь населения в годы коллективизации</i>	371

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! У вас в руках сборник докладов, представленных участниками Шестых Валентеевских чтений – Международной научной конференции **«Проблемы народонаселения в зеркале истории»** (Москва, МГУ, 22-24 апреля 2010 г.). Конференция посвящается *исторической демографии, историческим аспектам развития населения, демографических концепций и демографической политики в России и зарубежных странах*. Многие участники нынешней конференции уже представляли свои доклады на предыдущих Валентеевских чтениях. Напомним их краткую историю.

Проведение подобных чтений в память о видных ученых, основателях научных школ – одна из традиций Московского университета. На наш взгляд, это важный элемент научной культуры, соединяющий ученых разных поколений и парадигм.

Прошедшая в сентябре 1997 г. (в дни 75-летия Д.И.Валентя) международная конференция “Народонаселение: современное состояние научного знания” получила, по предложению ее участников, статус Первых Валентеевских чтений.

Вторые Валентеевские чтения – конференция “Демографические и социально-экономические аспекты старения населения” прошли в ноябре 1999 г. и были приурочены к Международному году пожилых людей. **Третьи Валентеевские чтения** прошли в сентябре 2002 г. (в год 80-летия Д.И.Валентя и 35-летия кафедры народонаселения) и были посвящены вопросам демографического образования и преподавания демографии. **Четвертые Валентеевские чтения** – международная конференция «Политика народонаселения: настоящее и будущее» состоялась 5 лет назад в апреле 2005 г. **Пятые Валентеевские чтения** – «Миграция и развитие» – были проведены в сентябре 2007 г., в дни, когда мы отмечаем 85-летие Д.И.Валентя и 40-летие кафедры народонаселения.

В этих конференциях принимали участие по 120-160 ученых из России и зарубежных стран. Материалы всех Валентеевских чтений опубликованы. Четвертые и пятые чтения проходили при финансовой поддержке ЮНФПА, что во многом способствовало проведению конференций на высоком уровне.

Нынешние – **Шестые Валентеевские чтения** проводятся в преддверии 300-летия основателя Московского университета М.В.Ломоносова (р.1711). Кроме того, они совпали с небольшими, но важными для нас датами: 45-летием созданной Д.И.Валентеем на экономическом факультете МГУ лаборатории народонаселения и 25-летием выхода в свет «Демографического энциклопедического словаря» (главный редактор – Д.И.Валентей).

Решение о создании в МГУ лаборатории было принято в тогдашнем Минвузе СССР в феврале 1965 г., а в апреле был подписан соответствующий приказ Ректора МГУ. В 1967 г. Д.И.Валентей создал кафедру

народонаселения, а в 1968 г. объединил лабораторию и кафедру в Центр по изучению проблем народонаселения.

Ведущие сотрудники лаборатории активно участвуют в учебной работе, а преподаватели – в исследовательских проектах. Идея Д.И.Валентея соединить учебную и научную работу доказала свою плодотворность и жизнестойкость.

Молодые сотрудники, пришедшие на работу в последние годы, работают вместе с демографами «первого призыва», теми, кто пришел в демографию во второй половине 1960-х.

Между 5-ми и 6-ми Валентеевскими чтениями прошло 2,5 года. Увы, не обошлось без потерь, больших невосполнимых потерь. В 2007-2008 гг. ушли из жизни наши учителя и коллеги, бывшие сотрудники Центра Татевосов Рудольф Вартанович (1937-2007), Белоконь Ольга Васильевна (1941-2008), Сысенко Виктор Алексеевич (1937-2008), Бахметова Гюльджан Шариповна (1941-2008), Кваша Александр Яковлевич (1928-2008), Медков Виктор Михайлович (1945-2008).

В 2009 г. не стало наших коллег-демографов, замечательных ученых и популяризаторов науки Переведенцева Виктора Ивановича (1931-2009) и Волкова Андрея Гавриловича (1931-2009). Мы сохраним память о них.

Уже можно говорить, что сложилась традиция проводить Валентеевские чтения дважды за пять лет, при этом нечетные (по номеру) чтения попадают на юбилейные годы со дня рождения Д.И.Валентея. Попробуем и далее сохранить эту регулярность.

Следующие, **Седьмые Валентеевские чтения** планируем провести в сентябре 2012 г, в дни, когда будем отмечать 85-летие Д.И.Валентея и 45-летие созданной им кафедры народонаселения. Тема конференции будет определена позднее.

* * *

Выбор темы Шестых Валентеевских чтений не случаен. В демографическом сообществе едва ли вызывает сомнения тот факт, что характер и течение современных демографических процессов во многом определяются событиями, происходившими в населении в прошлом. Интерес к проблемам народонаселения в исторической ретроспективе отражен в программе нашей конференции.

Оказалось, что многие ученые-демографы из России и стран СНГ, известные нам как специалисты по современным демографическим процессам, детально изучают их течение в прошлом. Хронологические рамки представленных докладов очень широки: от XVIII века до последних переписей населения. Региональное разнообразие также заслуживает внимания: среди участников конференции, помимо российских, есть представители научных сообществ практически всего ближнего зарубежья – Беларуси, Молдовы и Украины, республик Средней Азии и Казахстана; также в сборнике представлены доклады, посвященные населению других стран и регионов мира (Китая, островов Тихого океана).

Секция, посвященная теории, методам и источникам, включает доклады о земской статистике, исторический обзор демографических теорий. В секции «История демографической науки и образования» уделяется внимание демографическим воззрениям мыслителей XVIII века, развитию демографической мысли в Украине в XVIII-XIX вв., роли академических институтов в региональных демографических исследованиях в 1920-е годы (на примере Якутии). География докладов, предложенных в секцию «Демографическая динамика и развитие», очень широка: авторы оценивают численность и структуру населения России и ее регионов, Беларуси, Казахстана, Таджикистана. Секция, посвященная истории политики народонаселения, содержит доклады о визуальных материалах в демографической политике, истории корпоративной социальной политики в России, проблемам идентичности в демографии. Проблемы рождаемости в Украине за последнее столетие, трансформация репродуктивных установок в России, когортный анализ составляют содержание секции, посвященной рождаемости. Изучение смертности представлено докладами о причинах смертности в Молдове во второй половине XX века, этнической смертности в Украине, переходу в смертности городского населения в XX веке (на примере Москвы). Секция «История миграций» охватывает широкий спектр сюжетов, от миграционной политики в России и СССР, изучения миграций в России в XIX–начале XX вв. до анализа роли миграции в формировании этнического состава населения Грузии, Казахстана и Узбекистана. Доклады, посвященные проблемам брака и семьи в России и странах ближнего зарубежья, составляют содержание секции «Семья и домохозяйство в прошлом». Среди докладов, представленных в секции «Региональная, мировая и этническая демография», читатель найдет анализ теоретических подходов к мировой демографической истории, данные о численности населения Китая с древнейших времен до наших дней, изменения в населении островов Тихого океана под влиянием европейской цивилизации, влияние этнического фактора на формирование населения. Секция «Население и кризисы в XX веке» включает доклады, посвященные старению сельского населения России, репатриациям, потерям населения в период коллективизации в СССР.

Сборник докладов в полной мере отражает одну из основных характеристик исторической демографии и истории населения – междисциплинарность. Среди авторов сборника, помимо демографов и историков, – географы, социологи, статистики, этнографы, медики.

Организаторы надеются, что конференция окажется интересной и полезной для всех участников, а распространение ее материалов позволит широкому кругу специалистов, изучающих проблемы народонаселения, ознакомиться со взглядами российских и зарубежных демографов на исторические корни современных демографических процессов.

*В.Елизаров
И.Троицкая*

Теория, методы, источники в исторической демографии

Зверева Н.В.

(Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва)

Д.И.Валентей и история становления современной демографии в СССР и в России

Большая роль в становлении современной демографии в нашей стране принадлежит Д.И.Валентею, основателю кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Центра по изучению проблем народонаселения, организатору и члену многочисленных координационных советов и комиссий по проблемам населения. Сейчас многие провозглашенные им подходы и идеи некоторым кажутся или схоластическими, слишком общими, не имеющими отношения непосредственно к демографии, или устаревшими, или тривиальными. Но не нужно забывать, что сама наша оценка, а, зачастую, и переоценка взглядов предшественников и современников определяются теми вопросами и задачами, которые перед нами ставит жизнь сегодня. Мы вдруг замечаем в работах наших коллег то, чего не видели или не ценили десять лет назад. Вот почему так важно изучать историю нашей науки, идеи ученых, в ней работавших.

Некоторые вопросы, которые были поставлены десятилетия назад Д.И.Валентеем, становятся теперь актуальными, на них мы ищем ответы еще (или уже) и сегодня. Определение проблем населения и его воспроизводства, как «проблем национальной важности» (теперь говорят – «проблем национальной безопасности»), с одной стороны, и как важных глобальных проблем – с другой, попытки ответа на них в определенных исторических условиях – это крупнейшая научная заслуга ученого.

Период активной творческой деятельности Д.И.Валентея (60-80-е гг. прошлого века) непосредственно совпадает с новым этапом исследований народонаселения в нашей стране, формированием демографии как самостоятельной общественной науки. Становление современной демографии было подготовлено предшествующим развитием демографических исследований, расширением статистической базы (перепись 1959 г., большая возможность пользоваться данными текущего учета). Оно определялось и запросами практики, необходимостью объяснить ярко обозначившуюся территориальную дифференциацию демографических процессов на территории бывшего Союза, разрабатывать демографические прогнозы для долгосрочного социально-экономического планирования, а также необходимость участия в работе мирового сообщества по решению глобальной демографической проблемы, идеологическими причинами, что для того времени было немаловажно. В это же время образуются специальные организационные формы осуществления научных разработок в

области изучения народонаселения и демографии (в 1963 г. – Координационный Совет по проблемам народонаселения при Минвузе СССР), создаются научные коллективы из представителей различных наук, изучающих народонаселение. Важную роль в организационном оформлении демографии также сыграл Д.И.Валентей.

Благодаря усилиям Д.И.Валентя и таких ученых, как А.Боярский, Б.Урланис, С.Струмилин и многих других, обосновавших необходимость создания в нашей стране специального научного учреждения по изучению народонаселения, в 1965 г. на экономическом факультете МГУ была создана проблемная лаборатория, а в 1967 г. – кафедра народонаселения.

С середины 60-х гг. демографические исследования получили новый импульс развития, все больше ученых во всех республиках бывшего Союза стали профессионально заниматься демографией. Подготовка кадров, налаживание контактов с демографами из других республик Союза, из разных регионов России всегда стояли в ряду приоритетных задач Д.И.Валентя и возглавляемого им коллектива. Наши коллеги и выпускники работали и сейчас работают по всей стране – от Прибалтики до республик Кавказа и Средней Азии, Урала и Сибири. О совместной деятельности ученых-демографов из всех республик и регионов, взаимной поддержке коллег со всей страны, подготовке кадров нужно говорить отдельно – опыт того времени мог бы и сейчас принести нам всем большую пользу. Я останюсь только на одном вопросе – роли Д.И.Валентя в развитии теоретической демографии, поскольку именно демографической теорией он занимался как ученый.

В это время ясно обозначились три основных школы теоретических демографических исследований. Первая – самая представительная – это собственно «демографическая школа» (А.Вишневский, А.Волков, Е.Андреев, В.Белова, А.Боярский, Г.Киселева, А.Кваша, Б.Урланис и др.). Предметом изучения этой школы является «демографическая система», как относительно самостоятельное естественно-общественное явление, обладающее собственными закономерностями («демографический переход», его стадии) и внутренними системными взаимодействиями между демографическими процессами (рождаемостью, смертностью, брачностью, разводимостью). Отличительной характерной чертой этого направления было изначальное единство абстрактно-теоретического и конкретно-исторического подходов, формулирование гипотез, проверяемых с помощью исторических, социологических и статистических методов (не всегда это возможно было сделать в то время, но позднее, с развитием демографии попытки повторялись, и успешно)¹.

¹ См., напр.: А.Вишневский «Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее». – М., 1974. Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А.Вишневого. – М., 2006; Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Г.Малевой и О.Синявской. – М., 2007.

Другое направление в демографии, которое условно можно назвать социально-экономическим, исходило из отрицания существования «демографической системы» как относительно самостоятельной. Его представители считали, что демографические закономерности – это, по сути своей, закономерности социально-экономические, а динамика воспроизводства населения, отдельные демографические процессы – это лишь форма проявления исторически меняющихся социально-экономических отношений (демографические закономерности – это демографическое проявление социально-экономических типов воспроизводства населения). Согласно этому направлению, предмет демографии – социально-экономические отношения воспроизводства населения (В.Стешенко, В.Пискунов, В.Горелик, В.Грузин, П.Ильиницкий, В.Корниенко, В.Перковский, В.Чуйко и др.)². Из-за сложности терминологии не многие идеи этого направления были поняты тогда демографами (демографией в то время в большинстве своем занимались статистики). Однако, можно утверждать, что эти исследования по сути своей во многом шли вровень с соответствующей концепцией «новой экономики семьи» (Г.Беккер, Т.Шульц), развиваемой в то же время на Западе, концепцией, которой сейчас активно пользуются экономисты при попытках объяснения демографической динамики и интеграции демографических переменных в стратегии развития (не зная о том, что общие методологические подходы к такому анализу в бывшем СССР также разрабатывались более трети века назад).

С именем Д.И.Валентя связано развитие еще одного направления в демографии – «развитие народонаселения», суть которого состояла в том, что предметом исследований выступали не сами по себе демографические процессы, а система их взаимодействий с социально-экономическим развитием (при этом воспроизводство населения не «растворялось» в социально-экономических отношениях, а выступало активной стороной взаимодействия – Д.Валентей, Ю.Козырев, В.Сысенко, Р.Ротова, А.Судоплатов, Б.Хорев, Р.Татевосов, В.Медков, В.Елизаров, Н.Зверева, А.Саградов, и др.).

Все эти теоретические направления отражали разные стороны сложного предмета своих исследований – воспроизводства населения, делали акцент на его отдельных сторонах (собственно демографических процессах, экономических отношениях между социально-демографическими группами и поколениями, взаимодействиях воспроизводства с развитием). Изучение всех этих аспектов чрезвычайно важно и в настоящее время, это признается сейчас большинством исследователей. Поэтому в последнее время идет сближение позиций и подходов.

² См. периодические выпуски «Демографические тетради», многочисленные тематические выпуски и монографии по экономике народонаселения, выпускавшиеся представителями этого направления.

С именем Д.И.Валентя связаны теоретические дискуссии о предмете демографии, ее основных понятиях и законах, ее месте и задачах в системе знаний о населении. Многие подходы, понятия, гипотезы, выдвинутые или разработанные Д.И.Валентеем и его сотрудниками в 60-е–80-е годы, имеют значение сейчас. Это:

- комплексный подход к анализу закономерностей воспроизводства населения;
- изучение воспроизводства населения в социально-экономическом контексте, акцент на качество и развитие населения, составной частью которого выступает и его воспроизводство;
- обоснование активной социально-демографической политики.

Важной задачей исследований Д.И.Валентя (да и вообще любых теоретических исследований) было изучение закономерностей воспроизводства населения. В его время эта проблема решалась в самом общем виде. Д.И.Валентей критически относился к теории демографического перехода как теории, отражающей общие закономерности воспроизводства населения. Его идеи и сейчас понятны немногим. Он считал, что законы воспроизводства населения – это не только закономерное изменение численности населения, его структур, интенсивности демографических процессов. За числами стоят исторически меняющиеся взаимосвязи воспроизводства населения и социально-экономического развития. В тогдашней концепции демографического перехода анализа такого взаимодействия он не видел. Говоря современным языком, общие для всех или многих стран закономерности воспроизводства населения – это общие модели его взаимодействия с социально-экономическим развитием и переход от одних моделей к другим.

Для многих стран или больших исторических периодов можно выделить самые общие, абстрактные модели взаимодействий. Для одной страны такие модели будут более содержательными, более полными и сложными. В пределах одной страны для различных классов и социальных групп также могут существовать свои собственные системы условий и факторов их воспроизводства, рождаемости и смертности. Степень влияния этих условий и факторов определяют демографическую стратегию классов и социальных групп, если их условия и образ жизни существенно различаются. Для развитых стран XIX века такие различия в условиях и образе жизни существовали между классами, для стран с многоукладной экономикой – между социальными, этническими, религиозными или другими группами, представляющими тот или иной уклад жизни. Если процесс индивидуализации и роста разнообразия будет идти и дальше, то, нужно изучать индивидуальные (семейные) стратегии демографического поведения. Я думаю, что эта идея еще себя не исчерпала. Бурное развитие в настоящее время историко-демографических, социолого-демографических и экономико-демографических исследований в изучении закономерностей демографических процессов соответствует современным задачам.

Социолого-демографические и историко-демографические исследования позволяли и в настоящее время позволяют нам интегрировать факторы демографического поведения в единое целое, изучать конкретно-исторические модели (и типы) воспроизводства населения. Именно такие исследования, как я полагаю, в настоящее время в новых условиях выступают реальным практическим развитием комплексного подхода к объяснению демографических закономерностей.

Д.И.Валентей был одним из первых крупных ученых нашей страны, кто стоял у истоков исследований воспроизводства населения как составной части его развития.

Он указывал на проблему развития народонаселения как наиболее общую, включающую в себя все другие его проблемы: воспроизводства, отдельных демографических процессов, расселения, семьи, женщин, детей, отношений между поколениями, здоровья населения, его образования и т.д.³ Среди качественных характеристик им особо выделялись образование и здоровье. Понятие «качество населения» непосредственно связывалось с понятием «развитие населения».

Впервые теоретико-методологический анализ этого понятия был дан в работе «Система знаний о народонаселении» (1976), хотя ссылки на определенное понимание этого термина имелись в работах самого Д.И.Валентея или вышедших под его редакцией раньше. Это понятие было необходимо Д.И.Валентею для обозначения системы социально-экономических взаимодействий воспроизводства населения и социально-экономического развития, частью которого оно являлось. Введение этого понятия давало возможность через «развитие» выйти на объяснение закономерностей воспроизводства населения и отдельных демографических процессов, а также определить направления влияния демографических факторов на социально-экономическое развитие. Таким образом, им ставилась общая проблема развития народонаселения непосредственно в связи с его воспроизводством.

Обсуждение проблем развития и связанного с ним качества населения затихает к середине 80-х гг. и только с конца 80-х – начала 90-х гг. снова обнаруживается к нему интерес. Понятие «развитие человеческого потенциала», «человеческое развитие» близко понятию «развитие населения», предлагавшемуся еще в 70-е гг. Д.И.Валентеем и его сотрудниками. Уже одно то, что эту проблему мы хотя бы обозначили более трети века назад, что для нас это «возвращение» было простым «узнаванием», а не открытием совершенно нового – в этом тоже заслуга Д.И.Валентея и его учеников (А.Саградов).

Сейчас, видимо, именно развитие населения (воспроизводство как часть этого развития) становится предметом озабоченности мирового

³ См.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. / Под ред. Д.И.Валентея. – М., 1974.

сообщества, а смягчение его неравномерности представляет собой одну из важнейших, актуальных глобальных проблем народонаселения. Хотя Д.И.Валентей придерживался широкой трактовки этого понятия, все равно сама ее постановка в нашей стране еще с 60-х гг. имела большое значение для развития исследований населения в настоящее время.

В рамках разрабатываемых ООН программ развития с 1990 г. ежегодно публикуются отчеты о развитии человеческого потенциала (человеческом развитии). Был предложен и измеритель – индекс развития человеческого потенциала (человеческого развития), включающий оценки продолжительности жизни, уровня образования и доходов населения. Развитие человеческого потенциала определяется как процесс увеличения человеческих возможностей, состоящий в том, что человек должен прожить долгую и здоровую жизнь, быть образованным, иметь нормальный уровень жизни, что обеспечивается политической свободой, правами человека, общественным уважением к личности. В докладах, выпускаемых в рамках Программы развития ООН (ПРООН), затрагиваются такие вопросы, как урбанизация, безопасность, борьба с нищетой, занятость, влияние глобализации, жизненные потребности, модели потребления, гендерное равенство, миграция и развитие и многое другое.

Анализ «детерминант и последствий демографических тенденций», проводимый мировым сообществом уже более 40 лет, в настоящее время становится изучением человеческого развития. Для демографии важно отметить следующее. Приходит всеобщее понимание важности анализа «развития человеческого потенциала» для объяснения процессов рождаемости и миграции, влияния компонент развития на демографические процессы (образования, дохода на продолжительность жизни, ИРЧП – на рождаемость и миграцию и т.д.)⁴.

Большое внимание уделял Д.И.Валентей разработке вопросов социально-демографической политики. Можно даже утверждать, что именно необходимость комплексного подхода к социально-демографической политике явилась одним из важных определяющих факторов разработки проблем развития населения в целом, которые рассматривались именно как проблемы, ждущие своего решения. Не случайно, первая монография Д.И.Валентея называлась «Проблемы народонаселения» (1961), а вторая его монография, вышедшая более 40 лет назад, называлась «Теория и политика народонаселения» (1967).

В докладе на Всесоюзном симпозиуме по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения еще в 1966 г. Д.И.Валентей и Ю.Н.Козырев отмечали, что политика народонаселения (сейчас говорят «социально-демографическая политика»), воплощаясь в наборе разрозненных, не связанных в единое целое мероприятий, никогда не была и

⁴ См., напр. Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН. – М., 2009.

не может быть действительно эффективной, если понимать под эффективностью содействие с помощью этой политики прогрессу народонаселения как целого. Управление развитием народонаселения, определение действительно научных принципов соответствующей политики – в высшей степени серьезная проблема. Здесь недопустимы какие бы то ни было упрощения⁵.

Уже во второй половине 60-х гг. Д.И.Валентей сформулировал главные особенности демографической ситуации в нашей стране, ее проблемы, ждущие своего решения. Основные критерии их остроты и настоятельности решения, по его мнению, определялись степенью соответствия численности, структуры, воспроизводства, размещения населения по территории страны потребностям развития производства для обеспечения занятости, благосостояния и развития всех членов общества. Речь шла о системе социально-экономических критериев. Он выделял следующие проблемы населения:

- Снижение рождаемости и система факторов, его обуславливающих («А чем объяснить падение рождаемости в семьях, где имеется все необходимое для содержания и воспитания второго и третьего ребенка? Не правы ли в этом случае те, кто считает, что остановиться на одном из факторов (например, рост материального благосостояния семьи или более высокий образовательный уровень) и им ограничиться, значит, по сути, не сказать ничего?»⁶).

- Начавшееся в то время повышение смертности, потери от сверхсмертности мужчин.

- Снижение темпов роста населения страны и усиление его региональной дифференциации на территории бывшего Союза, что определяло актуальность его объяснения и регулирования, с одной стороны, и учета как важнейшего фактора социально-экономического развития – с другой.

- Старение населения, изменение демографической нагрузки – социально-экономические последствия.

- Нерациональное, с точки зрения интересов производства, направление потоков миграции и размещения населения по территории страны, осложняющее экономическую и геополитическую ситуацию в отдельных регионах и стране в целом.

- Проблемы укрепления семьи и сокращения числа разводов. Особое внимание здесь, по его мнению, нужно уделять молодой семье, семьям с несколькими детьми.

- Гендерные проблемы как социально-экономические проблемы всего общества.

⁵ Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения / Под ред. Д.И.Валентея. М., 1969. С.16.

⁶ Д.И.Валентей Теория и политика народонаселения. -М., 1967.С.163.

- Проблемы детей, молодежи, физического и нравственного воспитания здорового молодого поколения.

Обо всех этих проблемах мы говорим и сейчас, на решение многих из них направлена принятая в 2007 г. Концепция демографической политики России. Осознание остроты и важности этих проблем как общегосударственных, необходимости их решения, приводит все большее число стран к проведению активной демографической политики – об этом свидетельствует очередной обзор демографической политики (проведенный по 195 странам мира в 2007 г., сравнительный анализ с предшествующими обзорами).

Д.И.Валентей был сторонником программно-целевого подхода при проведении социально-демографической политики. Под его руководством в Центре по изучению проблем народонаселения разрабатывались теоретические и методические основы целевых (региональных) комплексных программ развития населения и пакета подпрограмм («Семья в Москве», «Молодая семья», «Семья и дети» и др.), был проведен ряд научно-практических конференций в разных городах страны, где обсуждались проблемы разработки и реализации таких программ. Активная научная и практическая деятельность Д.И.Валентея в этой области имеет сейчас для нас особое значение. На федеральном и региональных уровнях реализуется комплексные демографические программы. Итоги первого этапа реализации федеральной Концепции мы будем подводить в конце этого года.

В настоящее время для нас актуальна разработка комплексной модели факторов воспроизводства населения, отдельных демографических процессов, включающей как социально-экономические условия, так и систему потребностей семьи и личности (соотношение в ней демографических и недемографических потребностей), мотивов демографического поведения в конкретно-историческом контексте. Д.И.Валентей положил начало подобным исследованиям еще 40 лет назад. Комплексные социолого- и экономико-демографические региональные и общероссийские исследования проводятся в нашем Центре и сегодня.

В области социально-демографических исследований в нашей стране в настоящее время работают такие исследовательские коллективы, как Институт демографии университета Высшей школы экономики, Всероссийский центр уровня жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт социально-политических исследований и др. С 2004 г. в рамках международного проекта «Поколения и гендер», проводится уникальное по числу опрошенных (более 11 тыс. человек), по детализации вопросов, по типу (панельное) исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (Институт

⁷ Проводится с середины 70-х гг. Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.

демографии высшей школы экономики, Независимый институт социальной политики). Активизировались комплексные социально-демографические исследования в регионах (Санкт-Петербург, Свердловская область, Новосибирская область, Республика Дагестан, Республика Саха-Якутия и др.).

Определять сейчас и спорить о том, кто сделал для демографии больше, а кто меньше, чьи работы лучше, чьи хуже, представляется мне бессмысленным. Но как бы мы ни относились к научному наследию Д.И.Валентя, мы все равно и сейчас еще пытаемся ответить на вопросы, поставленные им, решить противоречия, которые мы видим в его работах, развивать и продолжать те идеи, с которыми мы согласны. Изучая и оценивая работы предшественников и современников, мы формируем свои собственные представления, отличные и от их идей, и от идей других исследователей, представителей современных нам школ и направлений – это естественный процесс развития науки. Но я убеждена, что, только оглядываясь назад (и по сторонам тоже), мы все можем и видеть дальше, и идти вперед быстрее.

Литература

- Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. – М., 1961.
Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. – М., 1967.
Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения / Под ред. Д.И.Валентя. – М., 1969.
Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И.Валентя. – М., 1974.
Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. – М., 1974.
Система знаний о народонаселении / Под ред. Д.И.Валентя. – М., 1976. (второе изд. - М., 1991).
Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М., 1982.
Основы теории народонаселения / Под ред. Д.И.Валентя. – М., 1986.
Саградов А.А. Теория и методы изучения качества населения. – М., 1995.
Демография: современное состояние и перспективы развития научного знания / Под ред. Д.И.Валентя. – М., 1997.
Демографическая модернизация России. 1900-2000 гг. / Под ред. А.Г.Вишневского. – М., 2006.
Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Т.М.Малевой и О.В.Синявской. – М., 2007.
Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН. – М., 2009.

***Социальная детерминанта как прогностический фактор
эпидемиологического перехода***

Теоретической основой, объясняющей смену моделей смертности на протяжении всего существования человечества, является концепция эпидемиологического перехода, предложенная Абделем Омраном в 1971 году. В своей классической работе Омран выделил 3 периода эпидемиологического развития общества, начиная с его самых ранних стадий: период заболеваний и голода, период снижающейся пандемии и период дегенеративных и профессиональных заболеваний. В 1986 г. S.J.Olshansky и A.V.Ault развили теорию эпидемиологического перехода, добавив четвертый период, на котором и находится население постиндустриальных стран – период отложенных (или отсроченных) дегенеративных заболеваний. При этом Омран выделил факторы, определявшие эпидемиологическое развитие общества, объединив их в 3 группы детерминант:

1. Экобиологические детерминанты
2. Социально-экономические, политические и культурные детерминанты
3. Медицинские детерминанты и детерминанты в области общественного здравоохранения.

Однако объединение в рамках второй детерминанты изменений базиса происходящих сдвигов (экономических условий) и изменений надстроечных элементов (социальных, политических, культурных условий) – осложнило теоретическое осмысление истинных механизмов влияния социально-экономического прогресса на эпидемиологическую ситуацию. Существенно более продуктивным представляется выделение социальной детерминанты, под которой понимается эволюция социальной структуры общества как форма выражения сдвигов экономического базиса. Чтобы избежать субъективных и расплывчатых оценок, для характеристики социальной детерминанты мы использовали единственный количественный показатель, который предоставили нам социологи и который остается актуальным во все периоды развития человеческой истории, за исключением самых ранних его этапов – периода примитивных обществ: это доли бедных в тот или иной период истории.

Доля бедных мало менялась на протяжении тысячелетий (от 90% в античных обществах до 60%-70% в позднем средневековье), и столь же непоследовательно и мало менялась продолжительность жизни. Основной группой риска в стабильные периоды (в отсутствие «мора» и голода) и в богатых, и в бедных слоях были дети и молодые женщины, господствовавшая патология – инфекционные и паразитарные болезни – определяла детскую и материнскую смертность. На первом этапе, в период

эпидемий и голода, смертность регулировалась, прежде всего, экобиологическими факторами. При этом роль социального статуса в детерминации продолжительности жизни была минимальной: эпидемии и последствия антисанитарии были одинаковым фактором риска и для верхов, и для низов общества.

Заметный рост продолжительности жизни начался с конца XVIII в. и практически совпал с тем периодом, когда в Европе, в соответствии с изменившимися экономическими отношениями, начал формироваться средний класс. Формирование среднего класса означало все более расширяющийся слой людей, имеющих материальные возможности для доступа ко всем основным достижениям тогдашнего общества – достойное жилье, достаточное питание, санитарно-гигиенические навыки, доступ к здравоохранению и образованию. В Европе этот процесс шел достаточно быстрыми темпами: во всяком случае, если в Англии начала XIX в. бедными считалась половина ее населения, то в конце его – только 15%. Таким образом, на второй стадии, в период снижающейся пандемии, рост продолжительности жизни начинает определяться социальной детерминантой.

Начало третьего этапа, который относят к 30-м годам XX в. – периода дегенеративных и профессиональных заболеваний, безусловно, определялось открытием и массовым внедрением антибиотиков и сульфаниламидов. Благодаря этим препаратам стало возможным взять под контроль большинство инфекционных болезней, в первую очередь – туберкулеза и пневмонии. Резкое снижение инфекционной смертности привело к смене возрастных групп риска – впервые за всю историю человечества ими перестали быть дети и молодые женщины, вследствие чего люди стали умирать в основном в старших возрастах, и продолжительность жизни человека превысила 60 лет. Соответственно изменилась и структура причин смерти: на первое место вышли болезни, от которых люди умирают в старших возрастах – в первую очередь, сердечно-сосудистые заболевания и новообразования.

Следовательно, на третьем этапе на первое место выходит медицинская детерминанта, связанная с деятельностью здравоохранения как социального института. Однако было бы некорректным приписать эти успехи только достижениям медицины: в этот период социальная детерминанта начинает действовать опосредованно, через развитые институты здравоохранения. Мы возьмем на себя смелость утверждать, что само по себе открытие антибиотиков, без обеспечения к ним массового доступа всех нуждающихся, независимо от их имущественного положения, конечно, снизило бы смертность, но рост средней продолжительности жизни за 30-40 лет не был бы столь разительным.

Однако в 60-е годы XX столетия наметилась стагнация, а в некоторых европейских странах даже рост смертности, в первую очередь, от сердечно-сосудистых заболеваний, а также травм и отравлений. Чтобы преодолеть

этот барьер, западное здравоохранение разработало ряд простых, но весьма эффективных стратегий, которые можно определить как здоровый образ жизни и принцип индивидуальной ответственности за собственное здоровье, а массированная реклама сделала этот образ жизни модным и широко распространенным. При этом нельзя забывать, что к этому времени в западном обществе большинство людей (60%-80%) относились к той или иной стране среднего класса, следовательно, имели достаточный образовательный ценз и материальный достаток, чтобы воспринять эти рекомендации и воспользоваться ими. Это вызвало, уже во второй половине 1970-х годов, новый рост продолжительности жизни, которая существенно превысила 70 лет. В настоящее время постиндустриальные страны оказались на четвертом этапе эпидемиологического перехода – этапе отсроченных дегенеративных заболеваний, переход к которому определяется как социальной (к среднему классу в постиндустриальных обществах относится 60-80% населения), так и медицинской (путем направленных и эффективных здравоохранительных мероприятий) детерминантами.

Следовательно, с начала XIX в. рост продолжительности жизни в западных странах определяется в первую очередь социальной детерминантой: и напрямую, через рост доли людей, которым экономически доступны все достижения современной цивилизации, и опосредованно, через институт здравоохранения, эффективное функционирование которого позволяет своевременно выявить новые факторы риска и выработать действенную стратегию борьбы с ними. Именно поэтому эпидемиологический переход в западной литературе характеризуется как переход от болезней бедности к болезням процветания.

В контексте теории эпидемиологического перехода изменения в здоровье населения, происшедшие в России в 90-х – начале 2000-х годов, представляются закономерными, поскольку они обусловлены деградацией всех 3 основных детерминант современного эпидемиологического процесса – экономической, медицинской и, в первую очередь, социальной, и могут быть охарактеризованы как обратный эпидемиологический переход.

Наблюдавшееся в 1991-2002 гг. снижение продолжительности жизни на 4,5 года у мужчин и 2,3 года у женщин было обусловлено прежде всего ростом смертности от экзогенной патологии и внешних (в первую очередь – насильственных), а также размытых, неопределенных причин, с одной стороны, и смертности в трудоспособных (в первую очередь – младших трудоспособных) возрастах – с другой. Так, при 25,9%- и 17,8%-ном росте смертности всего населения России рост смертности лиц 20-39 лет составил 58,5% и 65,8% соответственно. Показателен спектр причин, обусловивший этот рост: опережающими темпами росла смертность от туберкулеза (соответственно в 2,9 и 4,1 раза), пневмонии (в 5,9 и 5,7 раза), болезней органов пищеварения (в 3,1 и 3,5 раза), при 17- и 24-кратном росте смертности от алкогольных циррозов печени. На фоне 28%- и 18,1%-ного роста кардиологической смертности у всего населения России темпы роста

среди 20-39-летних были максимальными и составили 78% и 93,8% соответственно. Следует подчеркнуть, что смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в этих возрастах определяется в значительной мере кардиомиопатиями явно и неявно алкогольной этиологии и носит экзогенный характер. 39,5%- и 84,3%-ный рост смертности молодого населения от травм и отравлений определялся в первую очередь такими малоцивилизованными причинами, как алкогольные отравления (в 2 и 3,8 раза), повреждения с неопределенными намерениями (в 1,9 и 2,2 раза), убийства (в 1,5 и 1,9 раза). Максимально (в 4,1 и 4,2 раза) в 1991-2002 гг. выросла смертность от неточно обозначенных состояний. Показательно, что в подавляющем большинстве смертность 20-39-летних была обусловлена неработающими, а также низкоквалифицированными рабочими.

Таким образом, рост потерь в 1991-2002 гг. определялся, с одной стороны, маргинальными слоями населения, с другой – столь же маргинальными, малоцивилизованными причинами смерти, «болезнями бедности». Подобная картина обусловлена логикой эпидемиологического перехода, в первую очередь – деградацией социальной детерминанты, переходом в ту или иную страту бедности более чем половины российского населения.

Показательно, что улучшение социально-экономической ситуации в стране привело к росту продолжительности жизни в 2005-2007 гг. на 2,5 года у мужчин и 1,5 года у женщин, отмеченному во всех возрастных группах и по всем причинам смерти. Возникает вопрос: позволит ли современный экономический кризис завершить наметившееся возвращение России в русло общемирового эпидемиологического процесса или же в стране будут окончательно сформированы тенденции 1990 – начала 2000-х годов – тенденции обратного эпидемиологического перехода.

Сиротко М.Л.

(Самарский государственный медицинский университет, г. Самара)

Демографическое состояние Самарской губернии во второй половине XIX века в отражении земской санитарной статистики

В связи с принятием 1 января 1864 г. «Положения о земских губернских и уездных учреждениях» в России началась земская реформа – введение земского хозяйственного самоуправления. В Самарской губернии в июне 1864 года был создан Временный Губернский комитет под председательством губернатора Н.П. Мансурова для проведения подготовительной работы по открытию земских учреждений. В июле 1864 года начали работу аналогичные уездные комитеты, а в декабре 1864 года прошли выборы гласных во всех семи уездах Самарской губернии: Самарском, Ставропольском, Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, Николаевском и Новоузенском.

По данным Самарского губернского статистического комитета, изданным в 1870 году, в Самарской губернии проживало 1 645 771 человек. Количество населения по уездам губернии составляло: в Самарском уезде – 169 922 человек, в Ставропольском – 185 418, в Бугульминском – 190 563, в Бугурусланском – 251 376, в Бузулукском – 314 197, в Николаевском – 323 383, в Новоузенском – 210 912 человек [25]. Уезды были весьма неравны между собой по площади: Новоузенский уезд втрое превосходил Бугульминский и Ставропольский уезды, вдвое – Бугурусланский и в два с половиной раза – Самарский, тогда как плотность расселения в нем была ниже, чем в Николаевском, Бузулукском и Бугурусланском уездах [18].

Учредительное Губернское земское собрание было создано 28 февраля 1865 года, первым в России. Текущая работа между сессиями губернских земских собраний возлагалась на исполнительный орган земства – губернскую земскую управу.

Приступившим к работе выборным общественным организациям не хватало имеющихся в официальной статистике сведений, и приходилось начинать собственные исследования. Повсеместно ощущалась необходимость ориентированной на местные требования статистической, в том числе и санитарно-статистической, службы [26].

В составе Самарской губернской земской управы были созданы различные отделения; некоторые из них имели непосредственное отношение к регистрации фактов демографического состояния губернии и решению вопросов, связанных с его улучшением в виде организации медицинской и противоэпидемической помощи населению.

Так, созданное первым оценочно-статистическое отделение занималось оценкой недвижимого имущества, подлежащего обложению земским сбором, изучением земель губернии в почвенном, ботаническом, геологическом и климатическом отношениях, подворной переписью крестьянских хозяйств с целью соразмерного налогообложения, обследованием промышленности для определения ее доходности. Значительное количество информации было собрано за 1883-1892 гг. и издано в виде статистических сборников [11].

Одним из первых результатов работы отделения стало составление списка населенных мест Самарской губернии с указанием всех селений, деревень и хуторов, размера удобной земли в каждом селении и ее прихода на одну душу мужского пола [13].

В своей работе земские статистики использовали выборки данных из различных источников: книг сделок и договоров; книг о выдаваемых паспортах и свидетельствах при волостных правлениях; ревизских сказок, из которых выбирались по селениям данные о числе крестьянского населения мужского и женского пола, а также о числе семей и рабочих членов; окладных книг; актовых книг старшего нотариуса; уставных грамот; страховых ведомостей; конторских книг, ведущихся на крупных предприятиях частных владельцев [12].

Кроме того, земством впервые была разработана «Программа для составления текста сводного тома сборника статистических сведений по Самарской губернии», которая включала раздел «Народонаселение». В него вошли следующие данные: распределение населения по уездам, волостям, селениям и национальностям; плотность населения; естественный прирост населения, связь этого явления с экономическими факторами; эмиграция населения и ее причины; размеры селений; крестьянские жилища; численность и материал сельских построек. Эта программа прилагалась к докладу Губернскому земскому собранию о статистических работах в 1889 году [7]. В докладе отмечалось, что селения Самарской губернии отличаются большой протяженностью наделов земли. Например, в 55 селениях Бузулукского уезда наделы тянутся на расстояние 10-20 верст, в 25 селениях Бугурусланского уезда – на 25 верст, в Новоузенском уезде – на 50 и даже 70 верст. Такая удаленность наделной земли от усадьбы, конечно же, не могла не отражаться на всей организации жизни и быта крестьян [8].

Согласно «Положению о земских губернских и уездных учреждениях», земской управе было предоставлено также право о «попечении, в пределах, законом определённых и преимущественно в хозяйственном отношении, о народном здравии». Земство, приступая к реорганизации медицинской помощи населению, не имело никаких образцов для ее осуществления. Проектов по преобразованию здравоохранения, имеющих российское, тем более губернское значение, прежде не существовало.

Этими вопросами стало заниматься созданное при губернской земской управе отделение здравоохранения. В Ведомости Приказа Общественного Призрения (1862 г.) содержится указание, что в губернском городе Самара имеется только одна больница и одна богадельня [22]. В первое полугодие 1865 г., то есть практически сразу же по введении земских учреждений в Самаре, городская больница была переведена в ведение Самарского губернского земства. Постепенно было увеличено штатное число коек до 250, организован амбулаторный прием больных, расширен штат служащих и их жалованье, в штат больничной прислуги введено значительное число женщин, улучшены гигиенические условия содержания больных, пересмотрен состав больничных порций питания. К концу 1865 года в больнице работали уже 7 врачей и 26 фельдшеров.

К 1870 г. в городах и уездах Самарской губернии проживало 1 645 771 человек. Медицинскую помощь им оказывали всего 15 врачей [14,25]. Разъездная система не могла существенно улучшить оказание медицинской помощи крестьянам. Выдающийся представитель земской медицины Е.А. Осипов, работавший земским врачом в Самарской губернии с 1870 по 1875 гг., явился инициатором участкового принципа обслуживания и введения учета посещаемости амбулаторных больных. Территория губернии постепенно была разделена на участки: если в Самарской губернии в 1866 году насчитывалось всего 10 врачебных участков, то в 1888 году их стало

уже 51 [19]. Самарское земское совещание врачей наметило тип медицинского участка в 15 тыс. жителей и радиус обслуживания, равный 15 верстам [5].

С развитием земства в Самарской губернии особенно стал заметен рост числа уездных больниц, приемных покоев, фельдшерских пунктов и амбулаторий: в 1868 г. – 9, в 1873 г. – 18, в 1878 г. – 22, в 1883 г. – 29, в 1888 г. – 37, в 1893 г. – 43, в 1898 г. – 52 [1].

Постепенно растет число обращающихся за медицинской помощью жителей Самарского края в медицинские учреждения земства [15] (табл.1).

В 1878 году в Самарской Губернской Земской больнице находилось на излечении 2 056 человек и в родильном доме – 142 женщины. В 1902 году поступило на стационарное лечение почти в 4 раза больше больных – 8 217 человек, в амбулаторию при больнице обратились 9 645 больных. По сословному признаку пациенты распределились следующим образом: крестьян – 7 056 чел. (73%), мещан - 2 357 чел. (24%), дворян – 70 чел. (0,8%), почетных граждан – 55 чел. (0,7%), чиновников – 42 чел. (0,5%), лиц духовного звания – 29 чел. (0,4%), солдат – 18 чел. (0,3%), казаков – 12 чел. (0,2%), купцов – 6 чел. (0,1%). Среди них русских было 9 044 чел. (94%). Из города Самары в амбулаторию обратились 7 186 пациентов (75%), остальные прибывали из уездов и других губерний [23].

Таблица 1

**Количество стационарных больных, находившихся на лечении
в земских медицинских учреждениях Самарской губернии**

Годы	Число больных
1869-1873	4 035
1874-1878	5 929
1879-1883	7 899
1884-1888	9 832
1889-1893	10 533
1894-1898	12 675

Прогрессивно настроенные земские врачи, понимая влияние условий жизни и быта крестьян на возникновение и распространение болезней, отмечали: «земская медицина не то, что клиническая медицина: наряду с заботами о восстановлении здоровья того или иного лица она должна заботиться и о том, чтобы как можно подробнее изучить причины и силу распространения той или другой болезни среди населения, чтобы впоследствии, изучивши врага, земство имело возможность целым рядом целесообразных мер уничтожить этого врага в корне» [21].

С этой целью земскими врачами впервые были разработаны различные формы отчетности, анализ которых позволяет составить более полную характеристику населения Самарской губернии, показателей заболеваемости и смертности жителей отдельных уездов, а также приезжих больных из других губерний. Например, в отчетах земских врачей

Самарского уезда содержатся сведения о приходящих больных, распределении их по болезням и участкам; о больных, лечившихся в земских больницах; об эпидемиях, бывших в Самарском уезде; об акушерской помощи; об операциях и их распределении по участкам; о медикаментах, аптекарских материалах и перевязочных средствах по участкам Самарского уезда, а также описание быта крестьян, особенностей их жилища, характера питания, отношения к своему здоровью, уходу за детьми и пр. Земский врач В.А. Португалов занимался изучением причин заболеваемости населения болезнями, которые сопровождались наиболее высокой смертностью больных [20].

2 июля 1886 года на базе земской больницы по инициативе её врачей создается вторая в России (после Одессы) и третья в мире (после Парижа) Пастеровская станция по борьбе с бешенством. Самарская Пастеровская станция обслуживала огромную территорию: Поволжье, Урал, Сибирь, Среднюю Азию (22 губернии России). С 1886 по 1902 гг. прививки против бешенства получили 7 396 жителей всей обслуживаемой территории [18]. В дальнейшем в Самаре открывается бактериологическая лаборатория губернского земства по борьбе с дифтерией.

В 1901 году Самарской врачебной управой был сделан доклад «Об устройстве кумысолечебного заведения», в котором указывалось, что «чахотка ежегодно уносит в могилу много молодых сил. Борьба с нею – вопрос вполне назревший, и вести его следует всеми доступными для земства средствами...». Но малосостоятельные лица из-за недостатка средств не могли себе позволить воспользоваться кумысолечебницей. Для таких больных туберкулезом земство оплачивало проживание и лечение кумысом [18].

Самарское земство принимало активное участие в регистрации детской беспризорности и решении вопросов детского призрения (по данным «Ведомости о количестве детей-подкидышей» в Самарской губернии в конце XIX в. было 400 подкидышей). В губернии создаются детские приюты: Алексеевский приют для мальчиков (1851 г.), Николаевский сиротский дом для девочек (1864 г.), Мариинский приют для детей воинов (1878 г.), получает распространение патронаж – передача брошенных детей в крестьянские семьи, которым земство выплачивало определенное вознаграждение. К началу XX века в Самарской губернии таким образом призревалося 1 159 (из 17 000 по всей России) детей [10].

В 1888 г. была открыта Самарская Губернская Земская больница для душевнобольных. Уже в декабре 1888 г. в клинике содержалось 115 мужчин и 72 женщины. За последующие 15 лет общая численность пациентов составила 4 966 человек, большая часть которых получала пособия на лечение от земства. В больницу, помимо жителей губернии, направлялись нуждающиеся из Астрахани, Варшавы, Вильно, Владимира, Вологды, Вятки, Дагестана, Сибири, Средней Азии, из Области Войска Донского. В конце XIX века в ней содержалось 600 человек [9].

Во второй половине 70-х гг. XIX века Самарское губернское земство приняло ряд важных шагов по активизации санитарного дела, заинтересовав уездные земства в проведении противоэпидемических мероприятий, направленных на уменьшение смертности среди населения: организация эпидемических отрядов, проведение санитарно-просветительной работы с населением, надзор за «многолюдными» пунктами, введение предохранительных прививок и пр. [6].

Земскими врачами Самарского уезда была разработана и составлена специальная отчетность по учету эпидемий. Так, только в 1886 году различного рода эпидемии наблюдались в 40 селениях уезда. Всего переболело 800 человек, из которых 25 умерло. Наибольшее число заболевших наблюдалось при эпидемии кори, брюшного тифа и дизентерии, причем, если эпидемия кори и брюшного тифа охватила несколько селений (от 6 до 24 соответственно), то эпидемия дизентерии с самым большим числом заболевших (248 человек) распространилась только в одном селении. Из 248 человек мужчины составили 50 чел. (20%), женщины – 52 чел. (21%), дети – 146 чел. (59%) [21]. Не менее опасной инфекцией была скарлатина, при которой умирал почти каждый пятый заболевший (17,7%), особенно это касалось детского возраста.

В 80-х годах XIX века при Самарской губернской земской управе была образована санитарная комиссия, которая совместно с врачебно-санитарным и эпидемическим отделениями вела учет эпидемических заболеваний (холера, дифтерия, скарлатина, чума, оспа), составляла карту губернии с указанием распространения эпидемий, участвовала в мероприятиях по ограничению их распространения, принимала в ведение земства холерные бараки, выписывала скарлатинную лечебную сыворотку и различные вакцины, а также готовила материалы к докладам очередным земским собраниям по состоянию здоровья населения и организации медицинской и противоэпидемической помощи в Самарской губернии [16]. В 1892 году эпидемия холеры в Самарской губернии унесла жизни 18 тыс. человек, а затраты губернского земства на борьбу с ее последствиями составили 150 тыс. руб. [17]. Комиссия предписывала регистрировать случаи появления холеры, проводить осмотр санитарного состояния сельских поселений, следить за отводом земли для кладбищ, контролировать качество питьевой воды в селениях, наблюдать за санитарным состоянием ярмарок [2].

В дальнейшем, в 1893 году, при земской управе было организовано врачебно-санитарное бюро. Его задачей стал сбор медико-статистического материала по эпидемиям и освобождение врачей от этой обязанности [24]. Земские санитарные врачи постепенно вырабатывали порядок сбора медико-статистических сведений и выносили для рассмотрения и утверждения на съездах врачей губернских и уездных земств новые формы отчетности: карточки амбулаторных, стационарных, эпидемических, сифилитических больных; экстренные сообщения; ежемесячные общие ведомости; регистры

дифтеритных, пользованных сывороткой; фельдшерские записи; формы ежемессячной и годовой отчетности [3]. В конце 90-х годов XIX века были внесены дополнения в форму «Экстренного предварительного сообщения о появлении эпидемии», включающие регистрацию названий селений и волостей, вида эпидемий, в пораженных селениях – количества дворов и в них числа жителей обоого пола, расстояние селения от врача и от фельдшера, времени появления эпидемии, числа пораженных домов, числа больных, а из заболевших – числа умерших и выздоровевших [4].

Таким образом, земскими врачами и статистиками постепенно вырабатывались методы медико-санитарного обследования территорий, изучались численность населения губернии и его состав по полу, вероисповеданию, сословному положению (по городам и уездам), общая, детская и младенческая смертность, структура и динамика, распространение эпидемий. Полученные сведения позволяли органам местного земского самоуправления внедрять новые принципы организации, управления и финансирования здравоохранения, в частности:

- строить новые лечебные учреждения;
- создавать врачебные участки, участковые больницы, приемные покои;
- расширять смешанную и междуездную системы медицинского обслуживания;
- вводить новые штатные врачебные должности и развивать специализированную медицинскую помощь, готовить фельдшеров и акушерок;
- вводить бесплатное лечение для отдельных категорий населения;
- развивать попечительство и патронаж детей-сирот и больных;
- формировать санитарно-противоэпидемическую службу.

Литература

1. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. М., СПб, 1911. - Т.III - С. 395.
2. ГАСО. Ф.5. Оп.4. Д.10 б. Л.35-36.
3. ГАСО. Ф.5. Оп.4. Д.18. Л.11.
4. ГАСО. Ф.5. Оп.4. Д.73. Л.257.
5. ГАСО. Ф.5. Оп.8. Д.7. Л.31-33.
6. ГАСО. Ф.5. Оп.8. Д.82. Л.13,17,18.
7. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.195. Л.151-152.
8. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.355. Л.5.
9. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.1068.
10. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.1073.
11. ГАСО. Ф.5. Оп.15. Д.2. Л.8.
12. ГАСО. Ф.5. Оп.15. Д.2. Л.57.
13. ГАСО. Ф.5. Оп.15. Д.13. Л.1-9.
14. ГАСО. Ф.102. Оп.2. Д.9. Л.13.
15. ГАСО. Ф.173. Оп.1. Д.256.
16. ГАСО. Ф.372. Оп.1. Д.155. Л.2,5.
17. ГАСО. Ф.372. Оп.1. Д.306. Л.1,2.

18. Кабытов П.С., Арнольдов Н.А., Кабытова Н.Н. и др. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865-1918 гг.) – Самара, Самарская Губернская Дума, 2009. – С.20, 197, 199.
19. Кузьмин В.Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864-1917 гг.). – Самара, 2000. – С.101.
20. Медицинский отчет по Самарской губернской земской больнице за 1901-1902 годы. Самара, 1903. – С.267-268.
21. Отчет по обеспечению народного здоровья в Самарском уезде за 1886 год, составленный врачами уездного земства. – Самара, Земская Типография, 1887. – С.16, 99.
22. Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг., изданная Самарским Губернским Статистическим Комитетом. – Самара, Губернская типография, 1864 г. – С.15.
23. Рожанский В.Н. Медицинский отчет по Самарской губернской земской больнице за 1901-1902 гг. – Самара, 1903 г. – С.86, 97-99.
24. Сборник постановлений Самарского губернского земского собрания. Отдел врачебно-благотворительный. Самара, 1899 – С.30.
25. Статистические таблицы Самарской губернии. Отдел I. Состав народонаселения Самарской губернии. – Самара, Губернская Типография, изд. Самарским Губернским Статистическим Комитетом, 1870. – С. 278-279.
26. 115 лет Самарской земской статистики (1882-1997) / Госкомстат России. Самарский областной комитет государственной статистики. – Самара, 1997. – С.8.

Frantsuz Yu.

(University for Humanities, Russia / University of Minnesota, USA)

Population theories: History, discourse and avenues

Population processes possesses many puzzles for researchers and policy-makers. Among questions that are caused by controversial empirical developments are: If fertility and mortality levels in the different parts of world are moving toward homogeneity with advance of modernization and globalization, or parochial institutional heritage still determines huge heterogeneity? If current demographic theories could be integrated in order to create all-encompassing explanations of the fertility trends across the countries and regions?

In this paper I attempt to address these issues by performing analysis of existing theories covering demographic behavior issues, providing agenda for exploring epistemological foundations of population theories with the purpose of their partial integration and identifying scopes for theories' application.

Theoretical problems of fertility have generated vast amount of researchers' attention. Among the most thorough attempts to review and analyze demographic theories are the ones performed by S.Greenhalgh (1994) and D.van De Kaa (1995). To a certain point typologies of demographic theories provided by both scholars overlap though each has its own original contributions. In my analysis I use both but mostly the one by S.Greenhalgh. According to this classification, there are following fertility theories: classic transition, post-classic

transitions, including wealth flow and microeconomic, institutional and cultural. S.Greenhalgh also singles out anthropological approach to fertility that is closely related to institutional and cultural theories, with the difference of placing more emphasis on "human agency" in macro-micro interactions. Due to the fact that this approach is yet short of meeting theory construction requirements I leave it out of the current analysis.

Classic Transition Theory

The classic transition theory is a version of modernization theory. It has a universal (for space and time) character and emphasizes social and economic forces for change. It views social change as unidirectional and progressive, assuming societies move irreversibly toward more homogeneity. The main premises of the demographic transition theory were formulated by Greenhalgh (1994, 10) as following:

1. Fertility transition is a phased process. Societies begin at the primitive or traditional stage and end at the advanced or modern stage;
2. Fertility transition is a homogenizing process that produces tendencies toward converging among societies;
3. Fertility transition is an Europeanization (or Americanization) process;
4. Fertility transition is an irreversible process: once started, it cannot be stopped;
5. Fertility transition is a progressive process - in the long run it is desirable;
6. Fertility transition is a lengthy process.

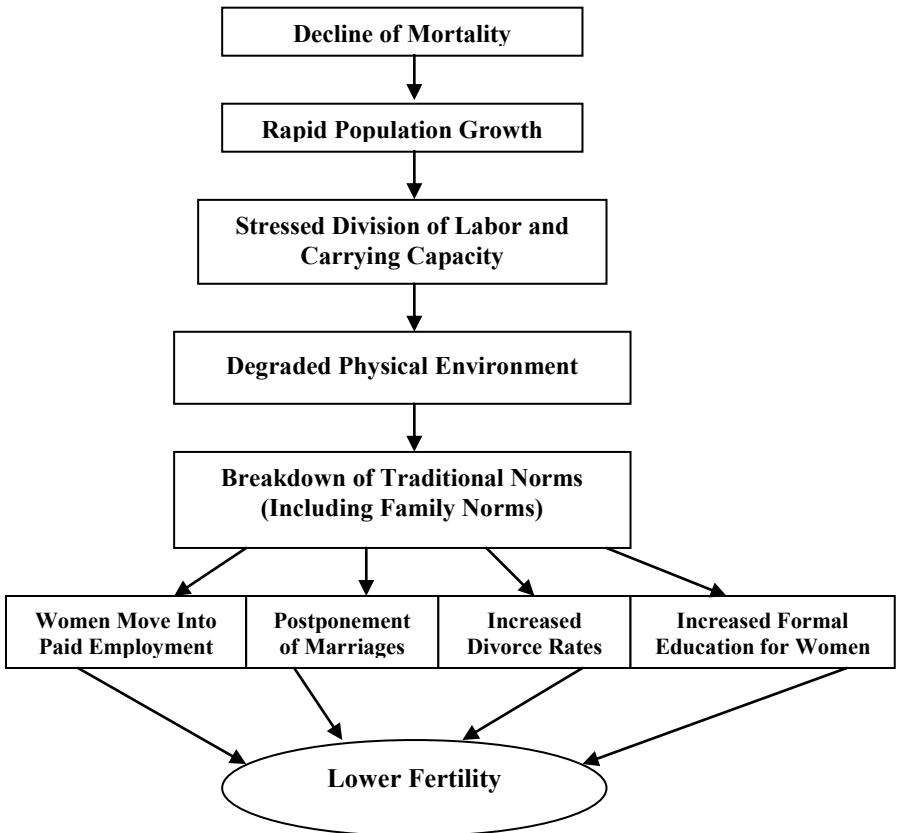
I would like to concentrate on what could be called an extreme functionalist version of the transition theory, exemplified by K. Davis. This perspective is presented in an explicit way in Davis' article on the history, reasons and current trends in fertility decline (Davis 1986, 48-65). The scholar follows the functionalist view of subsystem (in that case a demographic one), adjusting itself to the "outside environment". When one parameter of the "demographic subsystem" (death rates) changes, it poses a threat to the equilibrium with the environment. Thus, other parameter of the subsystems (birth rates) is brought up in line to maintain the equilibrium. The main tools or mechanisms for achieving this, following the functionalist view, are institutional settings and culture.

Davis subsequently turns to what he calls the underlying causes of four proximate interrelated reasons of low fertility: 1) Postponement of marriage; 2) The rise of non-marital reproduction; 3) High divorce rates; 4) High and rising participation of married women in labor force. These four reasons stem largely from the above-mentioned structural and institutional changes, and are closely interrelated

With the inclusion of proximate reasons and underlying cultural causes for the Below-Level Fertility (BLF), the detailed causal relationship of this functionalist-oriented theory could be diagrammed in the following way (Fig.1).

Demographic transition theory provided one of the first theoretical explanations of a long-range fertility decline. The critique of this theory largely reflects the vulnerable points of functionalism. Among these points are: the build-in illegal teleology, assumptions about inevitability of bringing the system to the stage of equilibrium, the unspecified causal link between the requisite for system balancing and “switching” of cultural mechanisms. Also, demographic transition theory had been criticized for the assumption of universality of demographic mechanism and processes. It failed to explain short-term demographic changes, unrelated to changes in mortality.

Figure 1

Wealth-Flow Theory

The first theory in a family of post-classical transition theories is wealth-flow. Its author, John C. Caldwell (1976) emphasizes links between demographic behavior and the mode of production. Two basic modes of production are specified: familial and non-familial. The basic premise of the theory is that fertility behavior is rational in both modes: in familial mode there is an economic gain achieved from high fertility, while in non-familial there is not. The basic reason for this is that the familial mode is characterized by “net wealth flows” from younger to older generation, while in non-familial modes these flows take the opposite direction.

Caldwell (1978) then defines traditional peasant economy as a familial-based one, where relations of production between kins allow having material advantage to more powerful. High fertility is considered to be advantageous to the most powerful members of the family, as well as to the family as a whole. The analysis of familial mode of production leads to the conclusion that “intergenerational wealth flows is of the most importance (in comparison with non-intergenerational flows, like from wife to a husband) for keeping fertility high”.

Caldwell stresses benefits from high fertility in the peasant societies even for the least powerful member of the kin – young wives: “Only by bearing children can the young wife establish her position, work a little less hard, enjoy a somewhat larger share of food and other consumption items, and, ultimately, achieve a major breakthrough with regard to all these matters by becoming a mother-in-law” (Caldwell 1978). The scholar does not agree with the view that the reason for high fertility was lack of contraception; he insists that it has been a product of conscious choice and was highly valued.

The shift to a non-familial mode of production with its reversed intergenerational wealth-flows is the core explanation for lowering fertility. Among the proximate factors contributing to the change of the wealth-flow direction the author lists rise in the cost of children and a decline in their labor inputs and ideological change. As an example of the latter, the influence of the egalitarian strain of modern ideology on girls’ education and married women participation in the workforce is stressed.

The wealth flow theory’s advantage was in shifting focus of demographic decision-making to the micro (family) level. However, as well as transition theory, it fails to account for significant short-term fluctuations in fertility.

Microeconomic Theory. General Approach

The next post-classic transition theory is the one of microeconomic. It was first formulated in 1957 by H. Leibenstein, and later advanced by G. Becker. The micro-economic approach is often referred to as a “demand theory”, “The Chicago School model”, “new home economics”, and “new household economics”. The microeconomic theory of fertility has developed as a branch of the theory of consumer choice. The key assumption of that theory is that family members are

rational, self-interested actors, maximizing their behavior in all decision-making situations (Becker 1960). This kind of behavior is the same for making decisions about purchasing a house or giving birth to an “additional” child (the term used for defining children in this approach is (not accidentally) the one of “consumer durables”). The key unit, where this decision-making process takes place is the household and the “household production function” approach links fertility decision to other household processes, including consumption.

Microeconomic theory states that what is maximized by the members of a family is the well-being (i.e. utility), and the immediate sources for this well-being are produced in the household by its members by combining their time with market goods and services. These immediate sources are called “household commodities”. Becker defines these commodities and its sources: “These commodities cannot be purchased in the marketplace but are produced as well as consumed by households using market purchases, own time, and various environmental inputs. These commodities include children, prestige and esteem, health, altruism, envy, and pleasures of the senses, and are much smaller (sic) than the number of goods consumed” (Becker 1991). For example, health is a function of hygiene, and clothes need to be clean. It requires efforts and time on behalf of household members, as well as investment in the market purchases of laundry supplies. This kind of activity represents “household production function” for such “household commodity” as health.

The important assumption of microeconomic theory of fertility is the one of fixed preferences – constant across time and social groups. Only change in opportunities (and related constraints) determines change in producing different “commodities”, including children. As R. Pollak and S. Watkins put it: “Individuals are assumed to be and ordering- complete, reflexive and transitive. In the household consumption model, preferences are generally assumed to be monotonic, convex, and continuous as well. It can be shown that such preferences are “representable” by a real-valued function in the sense that numbers can be assigned to collections (“bundles”, “vectors”) of goods in such a way that higher numerical values are assigned to collections that rank higher in the individual’s preference ordering. Economists call a function that represents an individual’s preference ordering “a utility function.” Thus, when economists speak of “utility maximizing behavior,” they mean only that the individual when faced with a set of opportunities chooses from that opportunity set the “best” (i.e. highest ranking) alternative, where the ranking is that specified by the individual’s preference ordering (Pollak and Watkins 1993, 480).

Microeconomic theory provided a useful tool for understanding demographic decision-making. However, it is criticized for many of its assumptions, premises and uninclusiveness. Among these criticisms are:

- 1) Assumed universality of cost-benefit maximization in demographic decision-making.
- 2) Assumed perfect knowledge about all possible costs and benefits related to children, in utility-maximizing decisions on fertility.

- 3) Ignorance of important cultural and institutional constraints and impacts on fertility decision-making.
- 4) Difficulties in empirical verification due to ambiguity in concepts and in defining their relationship.

Cultural Theory

To summarize classic transition theory and its post-classic versions, the bottom line would be postulating the dominant influence of socioeconomic development on fertility. This influence could affect fertility either through cultural norms serving “functionalist needs” for the demographic system adaptation to the environment, or via changing “opportunities” on micro-level, either by diffusion of technological advances (like birth control means), or by changing parameters in the utility-maximizing fertility decision-making equation in the households.

The findings that emerged in the course of the Princeton European Fertility Project largely disproved these premises. As stressed by R. Pollak and S. Watkins, empirical findings of the Princeton European Fertility project, as well as of the World Fertility Survey, which used both national and provincial aggregate data, pointed out for sudden, sharp and discontinuous change (Pollak and Watkins 1993, 468). The levels of marital fertility were flat and then suddenly declined, in the latter part of the nineteenth century in most European countries, and after 1960 – in many other regions of the world. As was also noted by many scholars, huge diversity of economic circumstances between provinces, ranging from deep rural to highly industrial, makes any economic force to be accountable for simultaneous fertility decline highly doubtful.

Also, no link between timing of mortality drops and fertility drops were found in most of the countries. In some countries, like England and Belgium, the decline of fertility preceded that of infant mortality in most areas. Because, as noted above, mortality change was held accountable for fertility decline in classic transition theory, these findings have cast doubt in theory’s premises and stimulated new explanations to be found.

The new explanation (the cultural one) arose from the interpretation of the aggregate provincial data on fertility, gathered in the course of the European Fertility Project. This data showed inference from geographic, socioeconomic and cultural patterns in the timing of fertility decline. The pattern of spreading out of fertility decline, clearly pointed out for diffusion. As noted by demographers, decline that was set up initially in France in the eighteenth century moved to the other countries of Northwestern Europe, then east to the Balkans and south to the European rim in the Mediterranean. As emphasized by S. Watkins, the geographically and socially isolated provinces with distinctive languages or dialects were usually last to experience fertility decline.

The strong association between linguistic and ethnic boundaries, on one hand, and the patterns of fertility decline, on the other, convinced many analysts in the importance of culture in the impacting of change in demographic behavior. It

gave a boost to the creation of cultural theory of fertility. The main premise of that theory is that culture largely determines changes in the pattern of fertility behavior via gossip, sharing information and normative control. The mechanism of spreading out of these norms and corresponding demographic behavior is well described by diffusion models. As noted by Pollak and Watkins, “the importance of spatial and social distance in diffusion has been well documented”. In regard to analyzing demographic transitions, the spreading cultural norms are mostly about permissiveness in using birth control means. The important distinction of the cultural theory is that it is cultural properties, like preferences, not “opportunities” (in that case – availability of birth control means) that determine changes in the use of contraception and, by this, affect fertility.

To summarize the cultural theory of fertility, one could stress the decisive role of cultural properties, ideas, values and norms, in shaping demographic behavior. Cultural theory had illuminated the important variable in fertility decision-making. However, as even cultural theory proponents recognize, large portions of it is not a theory as such. The role of culture is defined, the mechanism of spreading out of norms and values is specified (diffusion), but the mechanism and path of culture’s impact on fertility is not discovered.

Institutional Theory

As well as cultural, the institutional theory of fertility was brought to life largely as a response to shortcomings and “universality” of classic transition theory and its post-classic versions. It emphasizes again, as cultural theory does, the contextual, often times situational character of fertility decision-making.

Institutions that could be used as determinants or predictors of fertility behavior, are not, as one of the main proponent of institutional theory G. McNicoll puts it, “...tangible public entities like prisons or hospitals” but “clusters of behavioral rules governing (or, to put it more neutrally, regularities describing) human actions and relationships in recurrent situations” (1994, 4-5). Institutions share with culture some properties, like an ideational system. However, the institutions are characterized by a broader structure, having both material and cultural antecedents.

Having recognized that institutions are not neatly classifiable, McNicoll suggests following enumeration of some supposedly fertility-related institutions: (1) family and local community, (2) family and property law and the local dimension of public administration; (3) family and the stratification system and the mobility paths it accommodates; and (4) family and the labor market (McNicoll 1984, 11). Several assumptions allow creating a model of this interaction between institutions and fertility involving several intervening variables. The first assumption is that institutional forms in the society could recreate an incentive structure. The latter is defined as the one that “comprises the arrays of pressures directly or tangentially leaning on fertility” (McNicoll 1984, 443). Such pressures, according to a scholar, could be either economic incentives that work through

economic returns to children; legal administrative sanctions, like marriage laws or governmental decrees; or, social pressures to conformity.

The second assumption is that a person does not experience institutional environment as a whole, but rather “as a series of domains, within each of which behavior is adaptive” (McNicoll 1984, 457). Such domains are called “segmented decision environments.” It is these decision-settings that combine delineated institutional change with the decision process of a person. It is this structured part of institutional environment that really matters for fertility behavior.

Institutional approach in its most developed form came close to the theory construction requirement in defining the mechanism of institutions’ impact on fertility. It failed, however, to provide a clear algorithm of how intervening variable, the segmented decision-making environment, is created out of the institutional change. That leaves the possibility for the ad hoc definitions of the segmented decision-making environment and multiple interpretations of the way fertility is affected.

In general, all above mentioned theories, along with advancing knowledge on demographic processes, have also generated criticisms. In addition to the lines of criticisms on each of the theories provided above, I’d like to outline the new development in the theoretical discourse. In Russian native literature on demography well-known scholar A. Vishnevsky have further developed demographic transition orientation that brought this heterogeneous theory closer to functionalism and system theories (Vishnevsky 1978). This vision has been dominating in the intellectual community for quite some time. Recently, another Russian scholar, M. Klupt have come up with what he calls an institutional approach emphasizing prevalence of parochial factors of cultural and institutional nature that determine demographic processes rather than universalistic laws (Klupt 2008).

However, Klupt’s use of institutional approach is somewhat different from the ones introduced by McNicoll and other scholars in that school of thought. Klupt’s views are closer to the classical neo-institutionalism with its path dependency approach; the scholar advocates approaching explanations of the demographic phenomena using case studies that catch local (parochial) specifics rather than attempting universalistic theories. In that very sense institutional approach looks rather like general epistemological orientation that contrasts any universalistic explanation. (The role of the latter could be played not only by demographic transition but also, say, microeconomic theory).

Based on the undertaken analysis and having in mind the criticisms that were generated by each of the demographic theories, the following agenda for advancing the latter could be proposed:

1. To analyze the links between demographic theories and their roots in Social Sciences including Sociology. These could help addressing the critique that was drawn to demographic theories’ foundations in Social Sciences.

2. In order to find complementary parts in demographic theories for the purpose of their partial integration, ones has to follow J. Alexander's approach according to which theories could be complemented if they address different scopes of the phenomena (E.g., demographic transition theory premises could be applied to long-term fertility dynamics while microeconomic theory could be used for short-term fluctuations of that process within each of the transition stages).
3. To specify to what extent universal theories work, and to what degree parochial conditions prevail, so that demographic trends could be better explained by case studies analyzing institutional paths, one has to perform more empirical studies using different units of analysis (cities, regions, civilizations, etc.)

References:

- Alexander, J. *Theoretical Logic in Sociology*. Vol.1. L.A., 1982.
- Becker, G. *An Economic Analysis of Fertility*. – In “Demographic and Economic Change in Developed Countries”. 1960.
- Becker, G. “A Treatise on the Family”, Revised and Enlarged Edition. 1991.
- Vishnevsky, A. “Demographicheskaya Revolutsiya”. M, 1978.
- Caldwell, J. *Toward a Restatement of Demographic Transition Theory // Population and Development Review*, 1976, N2.
- Caldwell, J. *A Theory of Fertility. From High Plateau to Destabilization // Population and Development Review*. 1978, N4.
- Davis, K. *Low Fertility in Evolutionary Perspective*. – In “Below-Replacement Fertility in Industrial Societies. Causes, Consequences, Policies” // *Supplement to Population and Development Review*, vol. 12. 1986.
- Easterlin, R. *An Economic Framework for Fertility Analysis // Studies in Family Planning*, 1974.
- Easterlin, R., R. Pollak and. M. Watcher. *Toward a More general Economic Model of Fertility Determination: Endogenous Preferences and natural Fertility*. - In “Population and Economic Change in Developing Countries”. 1997.
- Friedman, D., M. Hechter and S. Kanazava. *A Theory of the Value of Children / Demography*, 1004, N31: Pp. 375-401.
- Greenhalgh, S. *Anthropological Contributions to Fertility Theory // Population Council Division Papers*. 1994.
- D. van deKaa. *Anchored Narratives // Population Studies*, 1995, N4.
- Klupt, M. “Demographia Regionov Zemli”. SPb, 2008.
- Leibenstein, H. *Economic Backwardness and Economic Growth*. N.Y., 1957.
- McNicoll, J. *Institutional Analysis of Fertility // Population Council Research Division Working Papers*. 1984, N62.
- Pollak, R. and S. Watkins. *Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper marriage or “Mesalliance” // Population and Development Review*, 1993, N3.

История демографической науки и образования

Прибыткова И.М.

(Институт социологии Национальной Академии наук Украины)

Из истории развития демографической мысли в Украине в XVIII - XIX вв.

Формирование научных знаний о демографическом развитии началось в Украине на рубеже XVII и XVIII веков. Первым, кто обратился к проблеме воспроизводства населения, был украинский государствовед и поэт Климентий Зиновьев, создавший в стихотворной форме энциклопедию жизни украинского народа того времени. В ней содержатся наблюдения сугубо демографического характера: К.Зиновьев отмечает такие демографические парадоксы, как бесплодие, рождение близнецов, рождение детей вне брака, детоубийство. Он осуждает ранние браки, которые не были тогда редкостью. По мнению К.Зиновьева, оптимальный возраст для заключения первого брака не должен быть ниже 20 лет для жениха и 15 лет – для невесты. Исходя из семейно-брачной доктрины православной церкви, он выступил против заключения третьих и четвертых браков, которые к тому времени, вопреки запрету церкви, приобрели в Украине широкое распространение. К.Зиновьев отстаивал этническую эндогамию брака, выступая против его конфессиональной гомогамии. Он также отметил более высокую смертность среди мужчин и численное превосходство женщин в украинском обществе тех времен как следствие постоянных войн [1].

Возникновение демографического знания связано с формированием соответствующего понятийного аппарата и терминологии. И здесь значительно опередил свое время украинский государствовед Г.И. Новицкий. Это ему принадлежит термин "велелюдство" (прообраз термина "народонаселение"). Он предложил его еще в 1715 году. Г.И. Новицкий понимал категорию совокупности людей в условиях современной ему историко-географической реальности в двойном смысле: как множество, состоящее из значительного количества людей, и как оценку численности народов в сравнительной форме. Работа Г.И. Новицкого была опубликована только в 1884 году, поэтому его идеи оказались неизвестными его современникам.

Непосредственное статистическое изучение народонаселения Украины насчитывает более двухсот лет. Сведения о численности дворов, наблюдения степени заселенности территории появляются уже в 30-тых годах XVIII века в работах И.К. Кириллова и Г.Ф. Юнкера. Эти данные приводятся только для Левобережной Украины, частично – Слобожанщины. В работе И.К. Кириллова "Цветущее состояние Всероссийского государства" содержатся данные о "дворовой численности" казаков и помещиков, учтенных региональной подворной ревизией 1723 года, а также о численности дворовых казаков в полках Слободской Украины [2].

Г.Ф. Юнкер был первым, кто обратил внимание на причины, сдерживавшие рост заселенности края. Эта тема получила развитие в "Экстракте об изнеможении слободских полков", составленном Военной коллегией в конце 50-х – начале 60-х годов XVIII века. Г.Ф. Юнкер отмечал влияние государственной политики на заселение степных окраин Малороссии, в первую очередь территорий слободских полков. Он же указал, что политика военно-государственной эксплуатации и произвол казачьей старшины вызвали массовое бегство людей, которые жили в полках, в результате чего за 1733-1759 года их численность уменьшилась более чем на 82 тысячи душ мужского пола¹ [3].

В конце 60-х годов XVIII века были закончены описания земель донских казаков известным украинским историком А.И. Ригельманом. Здесь впервые была приведена общая численность и сословный состав мужского населения Донского края, которые к тому времени оставались неизвестными. При определении численности сословных групп, включавших регулярные войска, казачество, украинцев на Дону, А.И. Ригельман применил принципы политической арифметики, что было новацией в государствоведении того времени. Ему же принадлежит приоритет (1785-1786 гг.) в определении численности населения Украины на середину XVII века. Используя метод политической арифметики, А.И. Ригельман определил количество жителей территории, которую контролировал Богдан Хмельницкий во время воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Вычисленные А.И. Ригельманом размеры населения составили 4 млн. человек. Как это часто случается с выдающимися работами опередивших свое время исследователей, расчеты А.И. Ригельмана оказались неизвестными широкому кругу его современников и были опубликованы лишь в 1847 году. Его "Летописное повествование о Малой России и ея народе и казаках вообще" в 4-х томах было незаслуженно забыто и не использовалось последующими поколениями исследователей.

Развитие демографической мысли в Левобережной Украине вплоть до 60-х годов XVIII века было ограниченным в силу того, что в региональных ревизиях учитывали только количество дворов или, как его официально именовали в ревизионной документации, "подворное количество". Поэтому в 1763-1764 годах при проведении очередной региональной ревизии казаков и посполитых подворный принцип учета был дополнен принципом подушного учета мужчин соответствующих сословных категорий, с записью их возраста и отношения к главе хозяйства и семьи [4].

¹ В итоге (1775 г.) полковое устройство в Левобережной Украине было окончательно упразднено. В соответствии с правительственным указом "О введении губерний", который делил Российскую империю на губернии, его действие было распространено и на украинские земли.

Ревизия 1763-1764 г. показала, что демографический потенциал Украины или не уступает по численности, или превосходит размеры населения многих государств Европы того времени. А государственное управление переходит к более емкому и богатому по социально-экономическому содержанию понятию о "численности народа". Ревизия 1763-1764 года – важный момент в становлении демографической мысли в Украине и своего рода хронологический рубеж между предысторией и собственно историей демографической науки в нашей стране.

В ее развитие весомый вклад сделал П.А. Румянцев, который возглавлял Малороссийскую коллегию в 1765-1782 гг. По его инициативе было проведено генеральное описание Левобережной Украины 1765-1769 гг., в ходе которого перепись населения была впервые объединена с составлением имущественного ценза. Несмотря на то, что старшина, чиновники и духовенство не подлежали подушному учету, их недвижимое имущество (земельные угодья, дома и хозяйственные здания) было переписано. Впервые были учтены не только мужские, но и женские души, их состояние здоровья и трудоспособность. Впервые были получены данные о миграциях населения: учитывали "породу" – сословную и этническую принадлежность переселенцев из других местностей с указанием места происхождения – поселения, сотни, полка; в городах была обследована сезонная миграция работников, занятия постоянного населения. У мужчин-казаков измеряли рост.

Генеральное описание Левобережной Украины закончилось неудачей по причине сопротивления украинских помещиков его проведению. Тем не менее предусмотренный его программой принцип группировки возрастов со временем был применен в Малороссийской коллегии по инициативе П.А. Румянцева при определении возрастного состава населения Левобережной Украины по данным предыдущей переписи-ревизии 1763-1764 гг. Это стало нововведением в ревизской статистике населения в России. С именем П.А. Румянцева связаны подворные переписи 1772-1773 и 1774 годов в Молдове во время российско-турецкой войны 1769-1775 годов.

Данные о "подворном количестве" и "численности народа" в течение XVIII века составляли государственную тайну, что вне всякого сомнения, не могло не повлиять на уровень развития демографических знаний. Именно по этой причине работы И.К. Кириллова, Г.Ф. Юнкера и А.И. Ригельмана не могли быть опубликованы и сохранялись в рукописях. Только в конце 60-х годов XVIII века, после появления в 1767 году "Указа" Екатерины Второй, появляются первые публикации отдельных статистических данных о количестве жителей в стране и ее регионах и естественном движении населения. Подготовка и издание "Указа" – бесспорная заслуга представителей передовой дворянской мысли в стране, среди которых были и известные просветители, воспитанники Киево-Могилянской академии Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис. В состав "Указа" был включен раздел "О

размножении народа в государстве", посвященный вопросам увеличения количества жителей в стране [5].

Н.Н. Мотонис сделал важный вклад в развитие демографической мысли в Украине. Это он ввел в обращение термин "велелюдство", который получил к тому времени широкое распространение в Западной Европе. Будучи депутатом Гадячского, Миргородского и Полтавского полков от шляхты, Н.Н. Мотонис предложил внедрить в стране статистический учет дворянства в региональном разрезе.

В 1773 году в Санкт-Петербурге выходит справочник "Краткие географические, политические и исторические сведения о Малой России", который содержал данные об административной структуре, правовом статусе городов, истории, сословном составе общества, "численности народа" в Левобережной Украине по данным ревизии 1763-1764 годов. Обычно в литературе эту работу приписывают В.Г. Рубану, тем не менее, по мнению украинского демографа А.Л. Перковского, этот справочник был подготовлен в Малороссийской коллегии лицом, приближенным к генеральному писарю В.Г. Туманскому, и издан в Петербурге при поддержке Г.В. Козицкого и Н.Н. Мотониса и меценатском участии П.А. Румянцева.

Для развития демографической мысли в Украине немало сделал представитель украинского государственоведения последней четверти XVIII века, член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.И. Туманский, автор первой в Украине статистико-экономической и этнографической анкеты (1779 г.). Она была составлена в связи с проведением топографического описания края с целью его раздела на наместничества. При ее составлении важным источником стала программа Генерального описания Левобережной Украины П.А. Румянцева. Из нее были заимствованы пункты, в которых нашел отражение социально-демографический срез украинского общества того времени. В соответствии с ними в анкете был предусмотрен реальный учет сословного состава жителей края; статистическое распределение жителей – городских и сельских; их имущественное состояние, занятия и профессии; простейшие антропометрические наблюдения.

Демографическая часть анкеты Ф.И. Туманского не была простым копированием отдельных тезисов программы Генерального описания П.А. Румянцева. Ф.И. Туманский выдвинул требование сбора статистических данных о всей совокупности жителей населенного пункта, включая и те их категории, которые не подлежали ранее в Украине и России ревизскому учету, – дворяне, чиновники, регулярные войска, ученики академий и коллегиумов, отчасти духовенство. Анкета предусматривала получение сведений об общем количестве жителей каждого поселения по схеме, которая бы целиком удовлетворила современного демографа: соответственно ей должны были учитываться и мужчины, и женщины. В те времена это был прогрессивный шаг, поскольку повсеместный учет женщин

был введен лишь ревизией 1782 года, то есть через три года после составления анкеты Ф.И. Туманским.

Демографическая часть анкеты Ф.И. Туманского с некоторыми ограничениями стала основополагающей для единой программы описания создаваемых Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. В соответствии с ней были составлены так называемые экстракты, которые содержали в табличной форме перечни поселений, сотен и частей сотен, которые должны были войти в создаваемые уезды будущих наместничеств. Напротив названия каждого населенного пункта в соответствующих столбцах записывали количество домов дворянства, духовенства, разночинцев, казаков (выборных и их помощников отдельно), крестьян разных категорий, фамилии и имена помещиков. Количество жителей в поселениях не фиксировали, тем не менее для каждого уезда были сделаны итоговые подсчеты числа хозяйств по сословным группам и отмечено общее количество домов и душ мужского пола для самых привилегированных сословий по ревизии 1763-1764 годов.

Итак, реализованная программа описаний 1779-1781 годов представляет собой адаптированный к нуждам административного управления проект Ф.И. Туманского. Необходимо отметить, что внес эти изменения его дядя, И.Г. Туманский, член Малороссийской коллегии, который непосредственно ведал ревизионным учетом жителей Левобережной Украины. Он был воспитанником Киево-Могилянской Академии и Петербургского академического университета, учеником М.В. Ломоносова, Н.Н. Мотониса и Г.В. Козицкого и более известен как просветитель, переведивший статьи из французской энциклопедии, в том числе и государственно-экономического содержания.

Идеи анкеты Ф.И. Туманского оказали влияние на содержание работы А.Ф. Шафонского, посвященной Левобережной Украине и Черниговскому наместничеству (1786 г.). В ней была приведена статистическая характеристика сословной структуры Черниговского наместничества по итогам общегосударственной ревизии 1782 года, которая в Левобережной Украине проводилась впервые. Идеи Ф.И. Туманского получили творческое развитие в работе А.Ф. Шафонского: следуя принципу учителя, который утверждал необходимость отображения сословной структуры общества в административно-территориальном разрезе, А.Ф. Шафонский старался выяснить этнический состав сословных групп - купцов, мещан, крестьян и т.п.. Тем не менее работа А.Ф. Шафонского была издана лишь в 1851 году.

В XVIII веке было опубликовано только одно описание украинского наместничества в Слободской Украине (1788 г.). В нем был сделан важный шаг вперед в развитии демографической мысли в Украине. В этом описании нашла отражение теоретическая схема объединенных "духом европейской народности" "чиноустройств" украинского общества в Слободской Украине: "Третий, или низший слой жителей, возникает вследствие умопостроения ко второму, или высшему. Это статистическое равновесие поднимает низшие

чиноустройства к средним, а средние объединяет с первыми. Не забытый и в бедности, сельский житель уподобляется по образу жизни, насколько возможно, жителю города; городской житель, парафиальный священник, наказной служитель и мещанин, не отрываясь от крестьянина, соприкасаются другим краем с дворянством, уподобляясь ему образованием, поведением, едой, жильем и т. д. Все три слоя уподобляются один другому, но не равны" [7].

На эту концепцию решающее влияние оказал ведущий принцип европейского просвещения XVIII века о естественном праве человека. Не учитывать сословных реалий, которые существовали в стране и крае к тому времени, автор этой известной работы не мог, тем не менее его группировка сословий не имела ничего общего с ограниченным крепостническо-дворянским видением современного ему общества. Автор практически вплотную подошел к пониманию категории народонаселения как сложной совокупности, богатой социальными признаками, хотя к тому времени в русскоязычной печатной литературе термин "народонаселение" еще не появился. Исторической заслугой автора было описание характерного для демографической ситуации того времени распада многопоколенной стержневой семьи в украинском селе и формирование относительно небольших хозяйств на основе нуклеарной семьи [7].

Дискуссия об авторстве "Топографического описания Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с других времен переменах..." продолжается сто лет. Ее участники называли несколько имен возможного автора. Мы присоединяемся к мысли А.Л. Перковского, который считает, что им был Василий Иванович Крамаренков. Он родился в Сумах в семье священника, был одним из самых одаренных выпускников Академического Университета в Петербурге, служил в сенате, а в 1785-1796 года был главой гражданской палаты Харьковского наместничества.

А.Л. Перковский считал, что теоретическая зрелость суждений ставит автора Топографического описания Харьковского наместничества в ряд значительных ученых своего времени, которые свободно ориентировались в новейших достижениях прогрессивной западноевропейской общественной мысли. В 80-е годы XVIII века таким высоким требованиям среди просвещенных людей Слободской Украины мог отвечать только В.И. Крамаренков, просветитель, ученый-экономист и вместе с тем влиятельный администратор, который имел свободный доступ к служебной статистической информации наместничества.

Значительный интерес представляют взгляды на народонаселение "украинского Радищева" - В.Г. Полетики. В работе, формально посвященной сюжетам из древней истории, а на самом деле – изложению взглядов автора на острые социально-экономические проблемы тогдашней Русской империи, В.Г. Полетика отдельно остановился на концепции роста народонаселения в историческом контексте. По сути, он сформулировал концепцию

постепенного роста народонаселения, связывая его с культивированием плодородия земли человеком, ростом его знаний, изменением занятий и повышением их сложности. Можно сказать, что он достаточно приблизился к идее развития народонаселения.

В конце 1780-х лет появляется диссертация воспитанника Киево-Могилянской Академии и Московского университета Я.А. Рубана "Рассуждение историческое о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской империи" (1789 г.). Используя методы политической арифметики, Я.А. Рубан определил численность славян в период великого переселения народов приблизительно в 1.5 млн. человек.

В историю демографической мысли в Украине вошел и М.И. Антоновский как один из соавторов "Наиновейшего повествовательного землеописания" [8]. Он родился в старшинской семье в Борозне Черниговского полка, учился в Киево-Могилянской академии, а затем – в Московском Университете. Кроме М.И. Антоновского, в написании этой работы принимали участие М.Д. Жулковский и С.М. Завалиевский, отобранные им лично в 1787 г. из студентов Киево-Могилянской Академии для службы в Адмиралтейской коллегии в Санкт-Петербурге.

Для обозначения категории народонаселения М.И. Антоновский употребляет термин "народоисчисление", желая, видимо, подчеркнуть статистический характер этого понятия, его количественную сторону. В работе представлен прогноз численности народонаселения страны до 1892 года. В этих расчетах М.И. Антоновский несколько зависил темп общего прироста населения России в XVIII веке, тем не менее методика его прогноза оказалась намного более совершенной, чем та, которая была использованная И.Ф. Германом и К.Ф. Германом. Достаточно отметить, что период удвоения численности народонаселения России И.Ф. Герман считал равным 30 годам, а М.И. Антоновский – 70 годам [8].

"Наиновейшее повествовательное землеописание", по оценке В.М. Птухи, является одним из наиболее значительных отечественных памятников статистико-демографической мысли XVIII века. Тем не менее судьба книги и ее главного творца была трагической. За высказывание автором симпатий к Великой Французской революции книга была запрещена, ее тираж конфискован, служебная карьера М.И. Антоновского сломана, а он сам был несколько лет лишен возможности публиковать другие работы под своим именем. Знаменательно, что при изложении вопроса об этническом составе страны М.И. Антоновский, как и другие украинские государственеды XVIII века, отмечал, что существует "малороссийская нация", "малороссийский народ". Вместе с тем он сделал весомый вклад в развитие российско-украинских научных и культурных связей в 80-е годы XVIII века.

В XVIII веке государственеды России и Украины имели самое приблизительное представление о численности населения Украины. Поэтому ее оценки нередко оказывались неточными. Так, по мнению украинского статистика Я.М. Марковича, численность населения Левобережной Украины в конце XVIII века достигала трех миллионов мужчин. На самом деле же население края, по данным ревизии 1795 года, только ненамного превышало два миллиона жителей. Не доверяя официальным и редко публикуемым итогам ревизий населения, Я.М. Маркович опирался в своих оценках на завышенные расчеты численности населения. Однако М.И. Антоновский предпочел придерживаться в прогнозах преимущественно исходных статистических данных. По времени публикации работа Я.М. Марковича "Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях" (1798 г.) – одна из последних работ украинского государственедения XVIII века.

В целом же демографическая мысль в Украине прошла в XVIII веке значительный и трудный путь. Развиваясь преимущественно в рамках государственедения, она вместе с тем постоянно обогащалась за счет методов политической арифметики. Решающую роль в плодотворном развитии демографической мысли в Украине XVIII столетия сыграли российско-украинские научные связи: обмен идеями и учеными, постоянные контакты Киево-Могилянской Академии, Петербургской Академии наук и Московского Университета.

Зарождение историко-демографического изучения народонаселения в Украине как научного направления датируется первой половиной XIX века. Повторно, после А.И. Ригельмана, в украинской историографии решить проблему численности народонаселения для середины XVIII столетия пытался историк и статистик Н.А. Маркевич, сформулировавший гипотезу о том, что "Хмельницкий был главой народа, который насчитывал свыше шести миллионов душ". Ему же принадлежит работа об итогах демографического развития в XVII-XVIII ст. Левобережной Украины и, в частности, территории будущей Полтавской губернии. Н.А. Маркевич был первым украинским историком, который обратил внимание на влияние естественного движения и миграции на темпы роста населения в регионе с историко-демографических позиций.

Заслуга Н.А. Маркевича заключается в том, что он в методическом плане точнее подошел к толкованию демографической величины двора в украинских переписях XVII – первой половины XVIII веков, чем это сделали со временем А.В. Яблоновский и М.Ф. Владимирский-Буданов. Н.А. Маркевича целиком справедливо можно считать основателем историко-демографического направления в изучении народонаселения Украины.

А.В. Яблоновский был виднейшим представителем польской исторической демографии последней трети XIX – начала XX веков. Он специализировался на издании источников в области демографической

истории Восточной Украины XVI – начала XVII веков и их научном комментировании. Его гипотезы относительно характера заселения украинских земель и численности их населения базировались на обширных материалах уцелевших статистических записей. Тем не менее политические выводы, которые делал при этом А.В. Яблоновский, имели целью оправдать экспансию польских феодалов на украинских землях. Против экспансионистских взглядов А.В. Яблоновского, опираясь на богатый фактический материал, собранный им же, а также на источники Архива Юго-Западной России, выступил М.Ф. Владимирский-Буданов. Его главные историко-демографические работы были ответом на публикации А.В. Яблоновского.

В 40-ые годы XIX века началось изучение истории Южной Украины и Слобожанщины, и наиболее содержательным оказалось исследование южноукраинского региона в работах А.А. Скальковского, освещавших "успехи народонаселения". Представляют интерес его расчеты численности населения земель Войска Запорожского, которые были впоследствии использованы другими историками для более поздних оценок численности запорожского казачества.

Важным моментом в формировании этногеографического направления историко-демографических исследований в Украине стало выступление в 1857 году первого ректора Киевского университета М.А. Максимовича против погодинской концепции запустения Приднепровья в связи с монголо-татарским нашествием XIII века. По утверждению русского историка и академика Петербургской Академии наук М.П. Погодина, уцелевшее коренное древнерусское население якобы убежало, а опустевшую территорию заселили пришедшие из Карпатского региона "малороссияне". М.А. Максимович убедительно показал ошибочность этих взглядов. Тщательно проанализировав исторические факты, он пришел к обоснованному выводу о том, что вопреки тяжелым демографическим потерям, коренное население не оставило родные места и возродило к жизни опустошенные поселения Приднепровья.

Используя погодинскую концепцию, польские дворянские историки предложили свою версию заселения земель Восточной Украины в XIV-XVI веках. Согласно их гипотезе, Литовское государство освободило украинские земли от азиатов-кочевников, а последующая польская колонизация возродила эти земли, на которые возвратилось вскоре и коренное население из мест изгнания. М.А. Максимович выступил резко против такой трактовки. Его работы положили начало долголетней дискуссии, которая продолжилась и в начале XX века. А главными ее участниками стали А.В. Яблоновский и М.В. Владимирский-Буданов.

Определенный вклад в развитие исторической демографии сделал А.М. Лазаревский, который опубликовал источники, касающиеся Левобережной Украины, и изучил их с историко-географических позиций. Публикацией источников по проблемам этнического состава населения

Украины занимался И.М. Каманин, который попытался раскрыть механизмы развития этноса в связи с социально-экономическими условиями его существования. Работы украинского историка и ректора Харьковского университета Д.И. Багалия были посвящены преимущественно заселению Слободской Украины. Важное значение для развития демографической мысли в Украине имела магистерская диссертация М.М. Шпилевского (1871 г.) по истории демографической политики правительства Екатерины Второй. Она стала первым системным изложением демографической политики в России в исторической литературе [9].

Важную роль в развитии демографического знания в Украине XIX века сыграли работы земских статистиков, которые изучали современное им население губерний и уездов Украины и привлекали в ряде случаев в целях анализа долговременных тенденций социально-экономического развития статистические материалы Генерального (Румянцевского) описания Левобережной Украины 1765-1769 годов, а также государственных ревизий XVIII – первой половины XIX веков. Воспользовавшись данными ревизий 1764 и 1782 годов, А.А. Русов установил динамику численности населения Черниговской и Полтавской губерний.

Уже в начале XIX века в Украине появляются исследования социолого-демографического характера. Их пионером стал выдающийся дворянский просветитель и один из инициаторов открытия в 1805 году первого в Украине университета в Харькове – В.Н. Каразин. Впервые в отечественной науке он поднял и частично решил проблему изучения естественного прироста населения в его сословно-социальных группах. Он исследовал особенности естественного движения городского населения, крепостных и государственных крестьян в военных поселениях и, в частности, выявил более высокую смертность крепостного крестьянства в сравнении с другими группами сельского населения. На конкретном материале В.Н. Каразин показал отрицательные демографические последствия барщины.

Для становления и развития демографических знаний в Украине XIX века важное значение имело открытие высших учебных заведений, в которых преподавали статистику и политическую экономию. Вслед за Харьковским университетом в 1834 году был открыт Киевский. Кроме того, в Украине функционировали три лица – в Кременце (с 1805 года), Одессе (с 1817 года) и Нежине (с 1820 года). В 1865 году на базе Ришельевского лица в Одессе был открыт Новороссийский университет.

Важную роль в сборе и публикации материалов по статистике населения сыграли губернские статистические комитеты, открытые во второй половине 1830-х годов, а также Генеральный штаб, осуществлявший военно-статистические описания России, в том числе девяти украинских губерний. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел в конце 1850-х годов начал составление и публикацию списков

поселений, введения в которые представляли собой самостоятельные работы по исследованию населения в регионах, в том числе и в Украине.

Уже в начале XIX века в Харьковском университете появляются работы, посвященные теоретическим проблемам изучения населения. К их числу относятся труды И.М. Ланга и А.Ф. Павловского по политической экономии и общей статистике. Так, А.Ф. Павловский предложил составить таблицы смертности по отдельным социальным группам населения. Он считал, что систематическое изучение метрических записей по разным социальным группам и слоям позволит изучить дифференциальную смертность. Однако это предложение осталось нереализованным, поскольку намного опережало имеющиеся тогда возможности и представления современников.

Работы профессоров Харьковского университета И.И. Срезневского и А.П. Рославского-Петровского ознаменовали новый этап в развитии демографической мысли в Украине. И.И. Срезневского по праву можно назвать одним из основателей экономической демографии. Развивая идею А. Кетле о необходимости дифференциации экономической ценности возрастных групп, он предложил классифицировать их по признаку трудоспособности. На примере России и ряда других стран он вычислил нагрузку непроизводительного населения (детей, пожилых и старых) на трудоспособное население, а также осуществил расчеты средней продолжительности общественно полезной жизни и "окупаемости" поколений.

Работы А.П. Рославского-Петровского были посвящены изучению общих проблем народонаселения России, а также критическому анализу его развития в сравнении с ходом демографических процессов в западноевропейских государствах. На время появления работ И.И. Срезневского и А.П. Рославского-Петровского в научное обращение уже был введен термин "народонаселение". Он присутствует в названиях работ обоих профессоров.

Во второй половине 1840-х и 1850-х годов сформировалась киевская школа статистики, которая к тому времени заняла ведущие позиции в развитии отечественной демографической мысли благодаря работам Д.П. Журавского, Г.П. Галагана и В.В. Тарновского. Главные теоретические тезисы этой школы были изложены Д.П. Журавским. Еще в 1846 г. он написал, что для изучения процессов воспроизводства населения недостаточно ограничиваться только данными о его естественном движении. По его мнению, полную картину "количественного развития" можно получить, изучая воспроизводство населения по социальным группам, с учетом миграций и социальной мобильности, расселения, имущественного состояния, занятий и т.п. В дальнейшем он развил свою идею, предложив схему баланса воспроизводства налогооблагаемых групп населения на основании данных ревизских сказок.

Учениками Д.П. Журавского в области демографии были профессор Киевского университета, со временем академик Н.Х. Бунге, общественные деятели Г.П. Галаган и В.В. Тарновский. Н.Х. Бунге и Г.П. Галаган сформулировали концепцию о кризисе воспроизводства крепостного крестьянства в России в условиях упадка феодально-крепостнической системы, а В.В. Тарнавский конкретизировал идеи Д.П. Журавского относительно изучения крестьянской семьи, создав первую в России работу по демо-экономике сельской семьи. Идеи В.П. Журавского были воплощены в методиках изучения населения земской статистикой и санитарно-демографических исследованиях и оставались актуальными в течение нескольких десятилетий.

Вторая половина XIX – начало XX века представляют собой новый этап в развитии дореволюционной демографической мысли в Украине. Глубокое влияние на развитие комплексного подхода к изучению народонаселения в программах земских городских и сельских переписей оказали работы доцента Киевского университета Н.И. Зибера. Под его руководством была составлена программа переписи населения Киева 1874 года, а также программа деятельности Русского географического общества.

Весомый вклад в расширение и углубление представлений о развитии народонаселения сделали и представители украинской революционно-демократической мысли. Так, И.Я. Франко и П.А. Грабовский посвятили ряд публицистических статей проблеме трудовой миграции крестьян из украинского села вследствие аграрного перенаселения.

Работы С.А. Подолинского по проблемам здоровья населения Украины способствовали развитию демографических исследований во второй половине XIX – начале XX века. Значительный вклад в изучение качества населения и его естественного движения вносят работы украинских социал-гигиенистов – И.И. Пантюхова, Т.И. Маковецкого, И.П. Скворцова, М.М. Кузнецова, Е.В. Святловского, А.Ю. Корчак-Чепурковского, Л.А. Смидовича и других.

Развитие земской статистики, в том числе и санитарной, создание в губерниях врачебных обществ, открытие кафедр гигиены в Киевском, Харьковском и Новороссийском университетах создают необходимые научно-организационные предпосылки для развертывания медико-демографических исследований. Важное значение для изучения демографической ситуации, сложившейся в Украине во второй половине XIX века, имели методические разработки и конкретные исследования выдающихся социал-гигиенистов А.И. Якобия, М.С. Уварова, Н.И. Тезякова, П.Н. Диагтропова, которые работали к тому времени в Украине. Углубление медико-демографических аспектов исследований стало во второй половине XIX века объективной необходимостью: в условиях быстрого развития продуктивных сил после отмены крепостного права высокая смертность населения стала серьезным препятствием для социально-экономического прогресса, нанося ощутимый вред хозяйству. Поэтому главной проблемой

демографических исследований к тому времени стало изучение смертности, особенно детской, а также смертности городского и сельского населения в возрастном разрезе.

Работы ведущих социал-гигиенистов того времени не только существенным образом обогатили прикладную демографию, совершенствуя ее методику, но и внесли весомый вклад в развитие демографических идей и открытие новых направлений в изучении народонаселения. Так, профессор А.И. Якобий своим циклом работ о демографическом кризисе ряда небольших по численности народов (исследование по проблеме "вымирания инородных племен") много сделал для того научного направления, которое сегодня известно как этническая демография.

Ученый-энциклопедист, профессор Харьковского, а впоследствии Киевского университетов, И.П. Сковрцов содействовал своими работами утверждению демографии как самостоятельной общественной науки. Полемизируя с известным немецким статистиком Г. Майром, он подчеркивал, что демографию нельзя отождествлять со статистикой населения: "Статистика, как наука, должна быть скорее отнесена к области таких чисто формальных наук, как математика, логика, т.е. наук, определяющих пути и способы приобретения человеком знаний о себе и о природе".

Значительное место среди специальных работ по теоретическим проблемам демографии занимает труд Т.Р. Рыльского, общественного деятеля, близкого к либеральному направлению, этнографа и экономиста. Эта работа, написанная в первой половине 1870-х годов, посвящена изучению форм движения населения, обусловленных социальными и географическими условиями жизни людей. К географическим, или естественным, автор относил среди прочих и антропологические характеристики народов, а к социальным условиям – влияние разных уровней благосостояния на физиологическую способность к воспроизводству потомства, жизнестойкость и психологические установки людей. В отличие от своих современников, Т.Р. Рыльский не рассматривал эпидемии как стихийное явление природы, а относил их к группе "динамических социальных причин", которые влияют на движение населения. Он ставил задачу выяснить влияние рода занятий на движение населения, а также влияние образа жизни на воспроизводство населения.

Большое влияние на изучение естественного движения населения в Украине оказала работа выпускника Московского университета, математика К.А. Андреева, которую он представил в 1873 году на публичный диспут для занятия должности приват-доцента Харьковского университета, где он трудился в течение 25 лет (до 1898 года). Его монография содержала, по мнению А.Л. Перковского, более реалистическую оценку смертности в России, чем таблицы В.Я. Буныковского, содействуя тем самым повышению точности демографических исследований в стране.

В конце XIX – в начале XX века был сделан определенный шаг вперед в изучении социальной структуры населения и миграций, что значительно расширило круг демографической проблематики. Весомый вклад в развитие этого направления сделали работы А.С. Бориневича, А.А. Русова и К.Г. Воблого. Так, в частности, перу К.Г. Воблого принадлежит удачная попытка статистически-экономического исследования заатлантической эмиграции, ее причин и следствий.

Вообще система демографических знаний в начале XX века еще переживала процесс становления, самой развитой ее составляющей частью была демография в узком понимании, направленная преимущественно на изучение естественного движения населения. В меньшей мере были изучены вопросы миграции и социальной мобильности, их роль как опосредованного звена в процессах брачности, рождаемости и смертности. Неравномерность развития составляющих демографического знания и их заметная обособленность были характерны для состояния демографической науки XIX – начала XX века в Украине.

Недостаточная зрелость системы демографического знания того времени, наверное, стала причиной парадоксальной ситуации, когда ученые, которые немало сделали для развития демографии в Украине, рассматривали ее как одну из отраслевых статистик (например, А.А. Русов, К.Г. Воблый и некоторые другие), либо сводили демографию как самостоятельную науку, которая имеет свой собственный предмет исследований, к "статистике населения и моральной", как сделал это М.В. Птуха [8].

В целом же демография в Украине в досоветский период прошла длинный исторический путь. За это время было накоплено немало оригинальных идей и систематизирован обширный эмпирический материал. В ее развитии огромную роль сыграли поддержка и участие со стороны представителей передовой научной общественности России, которые выражались в обмене идеями, в их пропаганде в печати, в личных контактах ученых.

Литература

1. *Климентий Зиновьев*. Стихи, сентенции. – Киев, 1971.
2. *Кириллов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. - Г., 1977.
3. Экстракт об изнеможении слободских полков // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1899. – Т. 2.
4. *Перковский А.Л.* Формирование демографической мысли на Украине в XVIII веке // Проблемы исторической демографии в СССР. Сборник научных трудов. – Киев, 1988. – С. 62-74.
5. *Перковский А.Л.* Украинское население в 70-х гг. XVIII ст. // Украинский исторический журнал. – 1968. – №1.
6. *Тарновский В.* О делимости семей в Малороссии. – Киев, 1853.
7. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с других времен переменах взятым к объяснению деяний и хронологии из татарской истории князя Щербатова,

начертания Европейской истории Готфрида Ахенвалля и Политической истории Самуила Пуфендорфа. – М., 1788.

8. *Антоновский М.И. и др.* Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами: В 5-ти частях. – СПб., 1795.

9. *Шпилевский М.М.* Политика народонаселения в царствование Екатерины II // Записки Новороссийского университета. – Одесса, 1871. – Т. 6.

10. *Птуха М.В.* Очерки по теории статистики населения и моральной статистике // Записки юридического факультета Петроградского университета. – СПб, 1916.

11. *Прибыткова И.М.* Основы демографии. – Киев, 1995. – 254 с.

Сахвадзе А.Ш.

(Сухумский государственный университет, Грузия)

Демографические воззрения А. Смита, Д. Рикардо и С. Де-Сисмонди на фоне современного демографического развития

До формирования демографии как самостоятельной научной дисциплины, развитие демографических (демологических) воззрений происходило в рамках различных наук и по своей актуальности всегда вызывало большой общественный интерес.

О демографических вопросах писали еще философы античных времен [7], а начиная со средних веков, развитие демографических воззрений происходило благодаря трудам историков, экономистов, математиков, правоведов, священнослужителей, врачей и др. Из этих наук, демография более других обязана все же экономистам. Например, в демографической литературе (да и не только в демографической) хорошо известно имя и заслуги выдающего английского экономиста Т.Р. Мальтуса в исследовании демографических вопросов, который посвятил специальный труд вопросу о размножении населения.

Но очень мало что известно о работах тех экономистов, кто посвятил демографическим проблемам не отдельные монографические исследования, а с различной глубиной и интенсивностью рассматривал их в своих основных трудах.

Исходя из заглавия нашей работы, мы постараемся проанализировать демографические воззрения указанных экономистов, и дать возможность заинтересованной в демографических проблемах публике, хотя бы в хрестоматийной форме, с нашими короткими комментариями, ознакомиться с взглядами этих великих экономистов и философов на те общечеловеческие проблемы, которые изучает демография.

Известный шотландский ученый-экономист, *Адам Смит* (1723-1790), который, оправдывая свою фамилию (Smith – кузнец, т.е. по русский, Кузнецов), фактический выковал так называемый «классический» образец

политической экономии, изложил свои демографические воззрения в работе: «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Хотя, со дня выхода книги А.Смита, в мире много что изменилось, этот труд все же остается бессмертным и в действительности является «богатством народа». А чем она интересна с демографической точки зрения и какие теоретические воззрения высказал в практической демографии одиночка-неудачник, но величайший ученый-экономист и философ А.Смит, об этом читатель узнает из нижеприведенного анализа, несмотря на то, что по мнению некоторых ученых, «вопросы земельного богатства и населения не были предметом специальных изучений Адама Смита» [2; 169].

С экономико-демографической точки зрения интересны воззрения как А.Смита, так и приведенные им (и как видно, для него вполне приемлемые), взгляды Кантильона. В частности, важно отметить, что для каждого рабочего «...заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования» [1; 63], так как, «в противном случае ему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения» [1; 63]. Это, совершенно справедливое экономико-демографическое положение и по сей день не утратило свою актуальность и, подобно развивающимся странам, в Грузии эта проблема также до сих пор не решена.

С другой стороны, по приведенному взгляду Кантильона конкретизируется, что «рабочий самого низшего разряда должен зарабатывать по меньшей мере вдвое больше того, что необходимо для его личного содержания, дабы он мог вырастить двух детей» [1; 63]. Видимо, тогда уровень детской смертности был так высок, что: «половина детей, как установлено, умирает до достижения совершеннолетия» [1; 63].

Совершенно логичным кажется и то заключение, которое автор выводит из следующего рассуждения: «Следовательно, согласно такому расчету, чета беднейших рабочих должна пытаться вырастить по меньшей мере четырех детей, чтобы двое из них достигли совершеннолетия» [1; 63]. На языке современной демографии это означает, что суммарный коэффициент рождаемости, или число детей, рожденных одной женщиной в течение всей своей жизни, должно быть равно четырем, а нетто-коэффициент воспроизводства, или число детей, рожденных одной женщиной, которые дожили бы до репродуктивного возраста (без учета их пола), – двум, что, по нашему мнению, для того времени нельзя считать высоким показателем.

С точки зрения экономической демографии очень интересна авторская оценка по поводу того, что: «расход на содержание четырех детей, как полагают, приблизительно равен стоимости содержания взрослого рабочего. Труд сильного раба, добавляет указанный автор, признается имеющим вдвое большую стоимость, чем расход на его содержание, а труд самого простого рабочего, как он полагает, не может стоить меньше труда сильного раба. Ввиду этого представляется несомненным, что для

содержания семьи труд мужа и жены, даже для низших разрядов простейшего труда, должен приносить несколько больше того, что абсолютно необходимо для их собственного содержания; я не берусь, впрочем, определить, насколько именно больше в упомянутой ли пропорции или в иной» [1; 63-64]. Тут заслуживает внимание скромность автора, по поводу точного установления отмеченной пропорции, и еще раз указывает на его профессиональную добросовестность.

Трудно не согласиться с А.Смитом в том, что: «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения» [1; 65], что, к сожалению, стало так желанным для Грузии конца XX и начала XXI века.

Вместе с тем, хотим обратить внимание читателей и на утверждение А.Смита, которое гласит: «В британских колониях Северной Америки, как установлено, население удваивается в 20 или 25 лет» [1; 65], Т.е. выходит, что еще значительно ранее публикации знаменитого труда Т.Р.Мальтуса, А.Смит утверждал, что население удваивается в двадцать пять лет. Повторенное Т.Р.Мальтусом (а не открытое им, как иногда ему приписывают), это мнение («Мы можем, следовательно, считать несомненным, что если размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые двадцать пять лет, и возрастает в геометрической прогрессии» [4; 99]), до сих пор имеет много оппонентов.

В связи с этим как не вспомнить высказывание одного из биографов Т.Р.Мальтуса: «Смит написал книгу, которую все хвалят, хотя никто не читает, Мальтус же написал книгу, которую тоже никто не читает, но все бранят» [5; 176]. А целью нашей работы, как уже было отмечено выше, является именно выбор из «мало читаемой» книги А.Смита его демографических воззрений и предложение заинтересованным читателям, вместо довольно объемного двухтомника, только цитируемых и комментированных нами мест, что значительно облегчит им ознакомление с демографическими воззрениями одного из величайших экономистов и философов.

Что касается периода удвоения населения в «британских колониях Северной Америки», или фактически, тогдашнего населения США, интересно замечание А.Смита о том, что: «в настоящее время этот рост населения обуславливается главным образом не постоянной иммиграцией новых жителей, а быстрым размножением населения» [1; 65]. Т.Р.Мальтусу часто ставили в упрек то, что он не принимал во внимание иммиграционный рост американского населения. Как видно из приведенного цитаты А.Смита, Т.Р.Мальтус был прав по поводу быстрого темпа роста населения США.

Как экономист, А.Смит обращает внимание на доход рабочего человека и пишет: «Труд там вознаграждается так хорошо, что большое количество детей не только не служит обузой, но является источником богатства и благополучия для их родителей» [1; 65]. Более того, он подчеркивает полезность детей для семьи и пишет: «Труд каждого ребенка

до той поры, когда он в состоянии покинуть родительский дом, приносит родителям, как высчитывают, сто фунтов стерлингов чистого барыша» [1; 65]. Видимо, именно полезность детей определяла очень необычную для других стран привычку – повторного замужества молодых вдов с детьми. «За молодой вдовой с четырьмя или пятью малыми детьми на руках, которая среди средних или низших слоев населения в Европе имела бы мало шансов вступить вторично в брак, здесь часто ухаживают, как за какой-то находкой» [1; 65].

Исходя из полезности детей, справедлив и следующий вывод А.Смита: «Тот факт, что дети представляют такую большую стоимость, является величайшим из всех поощрений к браку. Нам не приходится поэтому удивляться, что жители Северной Америки обыкновенно вступают в брак очень молодыми. И несмотря на большой прирост населения, вызываемый столь ранними браками, в Северной Америке не прекращаются жалобы на недостаток рабочих рук. Спрос на рабочих и фонды, предназначенные на оплату их, возрастают, по-видимому, еще быстрее, чем число рабочих, предлагающих свой труд» [1; 65-66]. Т.е. кроме того, что здесь подчеркнута прямая зависимость между материальным положением семьи и уровнем рождаемости, также обращается внимание на экономическую полезность детей и их роль в стимулировании браков. Несмотря на то, что в ту эпоху аналогичная ситуация наблюдалась почти во всех странах, все же на этот факт обращали мало внимания, и поэтому, с демографической точки зрения, это положение А.Смита должно считаться довольно актуальным и своевременным.

Мы хотим обратить особое внимание читателей на одну справку, приведенную А.Смитом: «В Великобритании и в большинстве других европейских стран население, как полагают, удваивается приблизительно в пятьсот лет» [1; 65]. Хотя, в другом месте, А.Смит, называет 50 лет, т.е. в десять раз меньше («В большей части Европы число жителей, как предполагают, удваивается не меньше, чем в пятьдесят лет» [1; 354]), вследствие чего, для нас остается непонятным, какое именно число является верным из этих двух различных показателей. По нашему мнению, вместо 500, вероятнее всего, должно было быть 50, что более логично с учетом сделанных Смитом выводов.

Интересно мнение А.Смита и по поводу миграции населения. В частности, он пишет: «Несмотря на все то, что говорят о легкомыслии и непостоянстве человеческой природы, опыт очевидно доказывает, что перемещение человека связано с большими трудностями, чем перемещение какого бы то ни было другого груза» [1; 69]. Это очень актуальная тема для сегодняшней Грузии, т.к. традиционно характеризуемое низкой миграционной подвижностью население Грузии, и особенно грузины, в последнее время (после распада СССР), все чаще покидают свою родину и до наступления лучших времен находят пристанище в различных странах Европы и Америки. Так что замеченная А.Смитом, взаимосвязь между

экономическим положением людей и миграцией, вполне подтверждается и современным положением Грузии.

По нашему мнению, тут же можно сделать следующее заключение практического характера: если государство хочет вернуть своих бывших сограждан, оно также должно учесть выводы А.Смита и на всей территории дать трудящимся возможность получения необходимых для содержания семьи, хотя бы минимальных средств существования.

Успешное же решение этой задачи будет важнейшим шагом на пути к «безбедному» существованию населения, т.к. «если рабочий-бедняк может содержать свою семью в тех местностях королевства, где заработная плата ниже всего, то там, где она стоит на высшем уровне, она более чем достаточна для этой цели» [1; 69]. Т.е. если в стране минимальная оплата будет превышать прожиточный минимум, это заметно улучшит уровень жизни ее населения. Трудно не согласиться с этим мнением А.Смита, т.к. ролью и назначением любого государства и ее правителей всегда, во все эпохи, было не накопление богатства, как иногда сегодня многим кажется, а забота об увеличении ее населения и безбедном и счастливом его существовании.

Интересно, хотя, по сегодняшним оценкам, не совсем приемлемо воззрение А.Смита о том, что «бесплодие, столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению» [1; 72]. Автор здесь старается объяснить низкий уровень плодовитости богатых женщин их экономическим положением, или нахождением в роскоши. Другими словами, А.Смит связывает уровень женской плодовитости с экономическим бытом и между этими двумя явлениями видит обратно пропорциональную зависимость.

Примечательно мнение А.Смита и по поводу высокой детской смертности, что он также связывает с бедностью, «но бедность, хотя она и не предупреждает деторождение, чрезвычайно неблагоприятна для воспитания детей» [1; 72].

Более того, высокий уровень детской смертности, А.Смит объясняет экономическим бытом родителей: «Однако такая смертность повсеместно встречается, главным образом, среди детей престолярства, которое не может окружить их таким уходом, каким пользуются дети более обеспеченных родителей» [1; 73].

Из-за высокой детской смертности, низким был уровень «полезной», или т.н. «эффективной рождаемости» [6; 15], для иллюстрации которой А.Смит приводит очень впечатляющий, и, как он сам подтверждает, не такой уж редкий пример из жизни своей родины: «в Горной Шотландии нередко встречаются матери, родившие двадцать детей и сохранившие в живых только двух» [1; 72].

По утверждению А.Смита такое положение имеет место только в низших слоях населения, что вызвано недостатком средств существования и, естественно, что именно с высокой детской смертностью в них происходит ограничение размножения человеческого потомства. «Но в цивилизованном обществе только у низших слоев народа недостаток средств существования может ставить предел дальнейшему размножению рода человеческого, и это может происходить только одним путем – уничтожением большей части детей, рождающихся от плодovitых браков этих низших классов народа» [1; 73].

Хотя А.Смит указывает и на то, что ограничение размножения среди бедняков может смягчить предоставление высокой заработной платы рабочим, что дало бы им возможность лучше ухаживать за своими детьми, сократить детскую смертность и тем самым повысить характерную для низшего класса границу размножения населения. Вместе с тем, повышение заработной платы рабочим А. Смит связывает с потребностью на труд, или, фактически, с повышением спроса на людей и пишет: «Таким образом, спрос на людей, как и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей – ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро. Этот именно спрос регулирует и определяет размножение рода человеческого во всех решительно странах мира, в Северной Америке, в Европе и Китае; он вызывает быстрое размножение людей в первой, медленное и постепенное во второй и держит население на стационарном уровне в Китае» [1; 73]. Таким образом, отсюда ясно видно, что и в сфере населения А. Смит провозглашает основной принцип рыночной экономики – спроса и предложения, и считает его всеобщим для всех стран и для всех времен. Мы и сегодня поддерживаем этот принцип.

В дальнейшем рассуждении А.Смит еще более конкретно высказывается о размере заработной платы рабочих: «Заработная плата, выплачиваемая поденщикам и рабочим всякого рода, должна достигать в среднем таких размеров, чтобы давать им возможность поддерживать общее число поденщиков и рабочих на том уровне, какой требуется возрастающим, уменьшающимся или стационарным состоянием спроса общества на них» [1; 74].

Из этого А.Смит выводит очень интересную трехчленную последовательность, которую схематично можно выразить так: рост богатства → высокая оплата труда → рост населения. По поводу этой схемы он пишет: «Итак, высокая оплата труда, будучи последствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной возрастания населения. Жаловаться по поводу нее значит оплакивать необходимые следствия и причины величайшего общественного благосостояния» [1; 74]. Так что каждый компонент из этой циклической триады находится в причинно-следственном положении с остальными двумя, и рассуждая об

изменении какого-либо из них, необходимо учесть и изменения, происходившие в динамике других.

Анализируя взаимозависимость между положением рабочих-бедняков и тем или иным видом развития общества, А.Смит рассматривает все те основные варианты связей, которые могут возникнуть между этими двумя явлениями. Он пишет: «Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее его состояние полно печали» [1; 74].

Эта заключительная часть цитаты весьма примечательна для современной Грузии, которая по своему фактическому экономическому положению, вместо декларированного властью расцвета, реально находится на регрессивном этапе, со всеми вытекающими из этого последствиями. В таких условиях, по нашему мнению, хорошо было бы, если сегодняшнее руководство учло бы вопрос о взаимоотношении между компонентами вышеотмеченной триады и разработало и реализовало бы комплексную социально-экономическую программу вывода страны из экономического и демографического кризиса.

«Спрос на работников увеличивается, тогда как предложение их уменьшается. Таким образом, цена на труд в годы дешевизны часто повышается» [1; 76]. Тут А.Смит еще раз подчеркивает существование принципа рыночной экономики, или спроса и предложения, в сфере народонаселения, что по нашему мнению, вполне логично и справедливо.

Из приведенной цитаты выясняется, что в условиях дефицита рабочей силы спрос на нее растет и соответственно растет и оплата труда.

Если поменять местами этот основной принцип рыночной экономики и перенести его в нашу действительность, мы получим, что низкая а иногда совсем никакая оплата (т.е. безработица), есть следствие избыточности рабочей силы, т.е. фактически следует признать, что имеет место так называемое перенаселение, признания которого сегодня все избегают. А без его признания, всякая попытка чем-нибудь помочь сложившейся ситуации будет бесполезна.

Выдающим представителем «классической политэкономии» является известный английский экономист, *Давид Рикардо* (1772-1823), демографические взгляды которого изложены в его основном экономическом сочинении «Начало политической экономии и налогового обложения».

С учетом того, что демографические воззрения Д.Рикардо мы уже опубликовали в виде монографии [8], ограничимся только перечислением

тех экономико-демографических вопросов, которые изложены в вышеотмеченном труде.

Их можно сформулировать следующим образом:

- первоначальное расселение людей на определенной территории и влияние количества и темпа роста населения на земельную ренту;
- демографические последствия, вызванные фондом регулирования численности населения (фонд занятости населения) и его изменением;
- цикл экономико-демографического воспроизводства страны (снижение относительной цены на сырье → накопление капитала → увеличение спроса на труд → повышение заработной платы → рост населения → дальнейший рост потребности сырья → расширение пашни);
- соотношение размера минимальной («естественной») и номинальной («рыночной цены») заработной платы, необходимой для простого воспроизводства населения (когда последующее поколение численно равно предыдущему), с ценами на продукты питания, средства существования и предметы комфорта, т.е. с реальной заработной платой;
- соотношение между ростом численности населения и «рыночной ценой на труд», иначе говоря, с заработной платой;
- зависимость роста численности населения (следовательно и роста спроса на труд), от процесса увеличения капитала;
- демографические последствия увеличения спроса на труд, а значит и роста заработной платы;
- демографические факторы, влияющие на изменение уровня заработной платы («1) вследствие спроса и предложения рабочих, 2) вследствие цен на продукты, на которые расходуется заработная плата»)
- мероприятия демографической политики, дифференцированно (в старых и новых, в богатых и бедных странах) проводимые для устранения несоответствия (перепроизводство или, наоборот, дефицит населения) между темпами роста населения (удвоение населения за 25 лет) и темпами роста средств существования;
- мероприятия демографической политики, проводимые во избежание перенаселения;
- демографические факторы, определяющие взаимосвязь заработной платы и цен;
- требование постепенной отмены «антидемографических» эффектов (рост численности населения, ранние и необдуманные браки) «законов о бедных», с целью улучшения экономического положения населения живущего за чертой бедности;

- естественная неприянь, оставление родины как фактор, препятствующий вывозу капитала;
- демографические причины роста цен на хлеб;
- демографические причины эволюции структуры расходов возросшей заработной платы;
- демографические факторы, определяющие рост заработной платы;
- сравнительно низкие темпы роста населения обусловленные половозрастными факторами, относительно темпов роста капитала;
- влияние установленного размера оброка на сельскохозяйственную продукцию на сокращение населения;
- цена на труд как потребность общества в рабочих;
- более высокий рост фонда содержания рабочих по сравнению с их количеством, следовательно, необходимость своевременного проведения мероприятий демографической политики;
- различия, существующие между демографическим развитием человека и нации;
- существование взаимозависимости между количеством населения и объемом средств для удовлетворения их потребностей (соответственно принципу спроса и предложения);
- взаимосвязь между экономическим положением рабочих и числом браков;
- увеличение населения и замена хлеба другим, более высокопродуктивным продуктом (картофелем);
- взаимозависимость между численностью населения (нации) и ее уровнем жизни (благополучием);
- влияние трудностей в добывании пищи на процесс роста населения богатых стран;
- использование машин как источник ухудшения экономического положения рабочих и вследствие этого появление избыточного населения;
- ухудшение экономического положения рабочих в результате снижения спроса на труд (по мере сокращения валового продукта) и «перенаселения»;
- превращение некоторой части населения в «перенаселение» и внедрение результатов научно-технического прогресса (изобретение и использование машин) в процесс производства;
- демографические последствия изменений структуры потребления доходов богатого населения;
- различные виды войн и их демографические последствия;
- постоянное противостояние между машиной и трудом;
- вклад Т.Р. Мальтуса в процесс развития экономики и демографии;

- полемика Д.Рикардо и Т.Р.Мальтуса о существовании причинно-следственной связи между производством продуктов питания и спросом на труд.

Как видно, спектр демографических вопросов, которых затрагивал Д.Рикардо, довольно широк, хотя в анализируемой работе они изложены с разнообразной глубиной и убедительностью.

Третьим из рассматриваемых нами авторов является знаменитый швейцарский ученый экономист-историк, Жан Шарль Леонар **Сисмонди** (1773-1842), демографические воззрения которого изложены в его основном экономическом труде: «Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению», в которой, кроме того, что о демографической тематике указывается уже в заглавии, они собраны вместе и излагаются в виде отдельной книги (сочинение состоит всего из семи книг, среди которых демографическим вопросам посвящается последняя, седьмая книга заглавием – «О народонаселении»).

В свое время В.И. Ленин назвал С.Сисмонди «более мальтузианцем, чем сам Мальтус». Он считал, что С.Сисмонди разработал как теорию кризисов, так и, что для нас особенно важно, - теорию населения: «Сисмонди возвращается к этой мысли чрезвычайно часто, связывая с ней и свою теорию кризисов, и «теорию» населения; в его учений это такой же доминирующий пункт, как и в учении русских народников» [2; 17]. Хотя именно эти «главные пункты» стали основной причиной недовольства В.И.Ленина к С.Сисмонди.

С экономико-демографической точки зрения, для нас очень интересно мнение Сисмонди о том, что государство – « ... должно поощрять размножение живущих по его законом людей лишь постольку, поскольку оно в состоянии увеличить возможность благоденствия для них» [2; 148]. Такая логика практически исключает существование в стране бедных людей, т.к. проповедует размножение населения только тогда, когда государство в состоянии «увеличить возможность благоденствия для них».

Само по себе это положение нам кажется верным, и оно полностью оправдано как с чисто экономической, так и с демографической точки зрения, т.к. подразумевает равновесие, или существование определенного баланса, между экономическим и демографическим положением страны и исключает несоответственного развития какой либо стороны (демографической или экономической) в ущерб другой.

Как видно, этого мнения С.Сисмонди, совсем не учитывает руководство Грузии, которая, почему-то считает приемлемым, с одной стороны, призывать то многочисленное население, которое именно из-за экономических трудностей эмигрировало из Грузии (и пока не спешит возвращаться), чтобы вернуться на родину, и с другой стороны, почти ничего не делает, не то что для возвращения эмигрантов, но и для улучшения благосостояния пока еще оставшегося части населения, чье положение из-за

сокращения рабочих мест и подорожания жизни, реально с каждым днем ухудшается.

Вообще-то не плохо было бы, если наше руководство учло бы второе, не менее важное мнение С.Сисмонди о том, что: «Действительно, богатство и размеры народонаселения не служат (каждое в отдельности) абсолютными показателями благоденствия государства; благоденствие это зависит от их соотношения. Богатство есть благо, если оно несет довольство всем классам; точно так же многочисленность народонаселения представляет преимущество лишь при том условии, если каждый человек уверен, что он своим трудом может обеспечить себе сносную жизнь. Но государство может оставаться бедным, даже если некоторые лица накопили колоссальные состояния. Если население, как например в Китае, по численности своей превосходит количество средств существования, если оно питается тем, чего не едят даже животные, если ему постоянно угрожает голод, то это многочисленное население не может служить ни предметом зависти, ни признаком могущества: оно составляет бедствие» [2; 149]. Это мнение С.Сисмонди очень актуально для современной Грузии и складывается такое впечатление, будто он писал это, глядя на нашу страну.

Из экономических воззрений С.Сисмонди явно видно, что он фактически поддерживает существование равновесия между экономическим развитием страны и темпом роста ее населения. Более того, по его мнению, именно нарушение этого равновесия является причиной неравноправия людей. «Итак, рост промышленности, рост производства, обгоняющий рост населения, ведет к увеличению неравенства среди людей» [2; 181]. В общем то мы тоже разделяем этот принцип и согласны с Сисмонди в том, что для нормального поступательного развития общества и в целом страны, должно существовать соответствие между ее экономикой и темпом роста населения.

Для современной Грузии очень симптоматично мнение Сисмонди о перенаселенной стране: «Но в стране, где существует перенаселение, увольнение большей части работников земли в такое время, когда подобное же усовершенствование техники оставило без работы больше половины рабочих мануфактур, является бедствием. Нация есть совокупность отдельных личностей; рост ее богатства является иллюзорным, если он достигается ценой увеличения нищеты и смертности» [2; 252]. В самом деле для сегодняшней Грузии очень важен довольно высокий уровень безработицы, т.е. фактической бедности, как сельского, так и городского населения, что делает слишком иллюзорным как расцвета, одной кучки богатей, так и обогащение всей страны, декларированного руководством страны. Тем более, что такому положению сопутствует довольно высокие уровни смертности и эмиграции населения.

С точки зрения демографической политики, направленной к размножению населения, очень интересно мнение Сисмонди о том, что нежелательно размножение бедного населения, т.к. это не будет выгодно для общества, как с нравственной, так и с экономической стороны: «Призвать

человека к жизни и лишить его в то же время всех радостей, которое придают жизни цену, дать отечеству гражданина, который не чувствует к нему никакой любви, которое ничто не привязывает к существующему порядку, - большое зло; в то же время это и экономический нерасчетливо, раз такой человек не создает своим трудом дохода, равного его затратам, раз он не возмещает капитала, который был истрачен на его подготовку» [2; 331].

Об отношении к миграционной мобильности различных слоев общества говорит следующее мнение Сисмонди: «Торговцы, фабриканты, фермеры, все, кто получает доход от приложения капитала, несколько больше привязаны к месту, чем капиталисты; по крайней мере, для двух последних классов оставить родину очень трудно» [3; 81-82]. Тут интересно отметить, что, по мнению Сисмонди, капиталисты (или владельцы капитала, т.е. по современной терминологии – инвесторы) выделяются более высокой миграционной мобильностью, чем торговцы, фабриканты или фермеры. По тому же мнению можно объяснить традиционно характерный для Грузии низкий уровень миграционной мобильности людей, занятых выращиванием многолетних сельскохозяйственных культур.

А по поводу основного вопроса демографии – о воспроизводстве населения, Сисмонди пишет: «Но если есть такая часть национального дохода, к которой фиск должен подходить с осторожностью ввиду возможности нанести ущерб тому, что необходимо для воспроизводства дохода, то это, конечно, заработная плата, доход всех, живущих своим трудом. Этот доход рабочие должны потреблять, поддерживая самих себя, ибо они являются живым капиталом нации» [3; 82]. Другими словами, это означает, что государство, для своего нормального развития, рабочему классу, или «живому капиталу нации», как пишет Сисмонди, должно обеспечить такой зарплатой, которая необходимо хотя бы для поддержания простого воспроизводства населения. А современная финансовая политика Грузии не обеспечивает воспроизводство не то, что занятого человека и ее семью (что в условиях существующего высокого уровня безработицы, имеет особое значение), но даже физическое воспроизводство одного человека. Так что, это мнение Сисмонди еще не утратило свою актуальность, хотя бы в реалиях Грузии и должны надеяться, что в ближайшем будущем и этому наиважнейшему экономическому, и следовательно, демографическому вопросу, будет обращено должное внимание.

По тому же экономическому контексту, заслуживает внимание и такое мнение Сисмонди: «Приходится думать, что порядок в человеческих обществах призваны устанавливать страшнейшие бедствия, как буря, гроза и град прочищают воздух, как чума, война и голод поддерживают соответствие между численностью нарождающихся поколений и количеством пищи, которое может им дать земля» [3; 121].

Из этого мнения Сисмонди видно, что в человеческих обществах для обеспечения равновесия между численностью населения и средствами их

существования, или как он пишет, «установления порядка», на подобие Т.Р. Мальтуса, он тоже первичным считает избыток населения, которого уравнивают, различного рода бедствия.

Фактически, конкретизацией и продолжением предыдущего мнения является и следующее воззрение Сисмонди: «В годы голода чума была бы выгодна для переживших ее, ограничивая число тех, кто должен был кормиться за счет скудных продовольственных средств; но горе тому, кто в надежде на это принесет чуму своим согражданам! Точно также есть, быть может, такая эпоха в прогрессивном движении наций, когда разрушение существующего богатства необходимо для того, чтобы могла возобновиться творческая деятельность. Но горе тому, кто в этих целях подождет город своих отцов! Горе тому, кто поощряет растраты и безрассудную расточительность правительств! Не нам вызывать бедствие, если даже оно может оказаться для нас полезным. Будем стремиться к богатству, здоровью, свободе и счастью наций. Если необходимо для них бедность, болезни, угнетения, несчастья, чтобы разбудить их активность, возродить население, поднять мужество и закалить характер, великие законы природы причинят им достаточно бед и без нашего вмешательства» [3; 121].

Это означает, что на подобье Т.Р. Мальтуса, Сисмонди тоже признает влияние «великих законов природы» на социальное развитие населения. Но в отличие от него, он четко не формулирует причинно-следственную связь между этими двумя взаимоопределяющими явлениями, и как истинный гуманист пишет, что: «Не нам вызывать бедствие, если даже оно может оказаться для нас полезным», в чем, с одной стороны трудно не согласится с Сисмонди, но с научной точки зрения, не менее важно знание того механизма, которого предложил Т.Р. Мальтус, и согласно которому в этой взаимосвязи определяющую роль играет более быстрый рост населения по сравнению с средствами их существования, за которым неизбежно следуют те негативные социальные последствия, о которых говорит и Сисмонди.

Так что недостаточно только знание декларируемого Сисмонди лозунга: «Будем стремиться к богатству, здоровью, свободе и счастью наций» – если не будем знать реальных путей ведущих к этой действительно прекрасной цели, т.е. те механизмы, чем фактически сможем достичь счастья на этой земле.

С этой точки зрения воззрения Сисмонди характеризуются с меньшей ясностью и практической значимости, в связи с чем, трудно согласится и с В.И. Ленином в том, что «Сисмонди более мальтузианец чем сам Мальтус».

Таковы кратко наши комментарии на те основные экономико-демографические воззрения С. Сисмонди, которые изложены в первых шести книгах его сочинения, имеющих чисто экономический характер. А что касается последней, седьмой книги этой же работы, и по своему заглавию («О народонаселении» [3; 122-177]) и по содержанию демографической части, то из-за экономии места тут предлагаем только названия ее глав, которые сами подчеркивают свою демографическую

принадлежность и побуждают к ознакомлению. Эти заглавия таковы: О естественном росте населения; Каким образом доход ставит пределы росту населения; Рост населения ограничивается не количеством жизненных припасов, которые земля может дать; Какой рост населения желателен для нации; О поощрении роста населения со стороны религии; О государственных мероприятиях, поощряющих рост населения; О населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин; Как государство должно охранять население от действия конкуренции; Рабочий имеет право на гарантию со стороны работодателя.

Литература:

1. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. М.-Л., «Государственное социально-экономическое издательство», 1935.
2. Ж. Симонд де Сисмонди. Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению, перевод под редакцией А.Ф. Кона, т. I, М., «Государственное социально-экономическое издательство», 1936.
3. Ж. Симонд де Сисмонди. Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению, перевод под редакцией Ф.И. Михалевского, т. II, М., «Государственное социально-экономическое издательство», 1937.
4. Т.Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения. Перевел П.А. Бибииков т. I, СПб., 1868.
5. Bonar. Malthus and his Work, 1885, p. 3. Цитировано из книги: Н Водовозов. Экономические этюды. Второе дополненное издание. С.Петербург, «Типография т-ва «Общественная польза»», 1907.
6. Так называл проф. Б.Ц. Урланис рождаемость, которой сопутствовала очень высокая смертность детей в возрасте 0-5 лет. См: Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // В сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Под ред. А.Г.Вишневого. М., 1977.
7. Например, о демографических воззрениях Аристотеля, см. в книге: А. Сахвадзе, Демографические этюды II (на груз. языке), Тб., «Универсал», 2003, с. 3-66.
8. См. А. Сахвадзе М. Геджуа, Демографические воззрения Давида Рикардо (Резюме на русском и английском языке). (На груз. языке). Тб., «Универсал», 2009, 94 с.

Сукнёва С.А.

(Федеральное государственное научное учреждение «Институт региональной экономики Севера», Якутск)

Роль экспедиции Академии наук СССР в исследовании демографических процессов в Якутии

Якутская экспедиция Академии наук СССР 1925-1930 гг. явилась естественным следствием тех работ, которые вела Академия наук в области географических исследований и изучения естественных производительных

сил страны за время своей двухвековой деятельности¹. По просьбе Якутского Правительства Академия наук отправила на полевые работы отряды ученых-исследователей для изучения ее физико-географических, исторических особенностей и культурного состояния населения, всех условий, определяющих ступень, на которой находилось народное хозяйство Якутской республики.

Экспедиция Академии Наук стала важным этапом в исследовании населения Якутии. В составе экспедиции был статистико-экономический и медико-санитарный отряды.

Экспедиционное врачебно-санитарное обследование населения было проведено с 25 мая 1925 г. по 24 сентября 1926 г. в Вилюйском и Олекминском округах, а также в Намском улусе Якутского округа. Отправка специальной врачебной экспедиции стала первым случаем в жизни Академии наук. Задача экспедиции заключалась в обследовании постоянных жителей Якутии (якутов, тунгусов, юкагиров, чукчей и др.) с целью изучения их физического состояния, возрастного и полового состава, брачности, семейного состояния, состава семей, рождаемости, смертности заболеваемости и условий жизни населения. Отряд пользовался выборочной системой обследования. Всего было обследовано 1849 чел. в Вилюйском округе, 223 чел. в Намском наслеге Якутского округа и 1334 чел. в Олекминском округе. Параллельно с исследованием оказывалась медицинская помощь населению. По мнению начальника медико-санитарного отряда С.Е. Шрейбера: «Отличие Якутской экспедиции от прежних академических экспедиций в том, что в состав входит специальная врачебная группа, на долю которой выпадает наряду с исследованием санитарно-эпидемиологического характера и антропометрическими, оказывать медицинскую помощь многочисленным больным глухих мест, склоняя тем самым в свою пользу недоверчивое население, которое ищет, прежде всего, актуальной помощи»².

Сотрудниками отряда были собраны материалы по учету населения и выяснению названий, местоположения, характера обитания жителей населенных пунктов³. По результатам работы данного отряда была собрана информация о числе жителей по каждому обследованному населенному пункту, с выделением структуры по полу, возрасту, национальному составу, грамотности, главным занятиям. Изучались также степень заселенности данного пункта и других мест, и собирались сведения

¹ Виттенбург П.В. Якутская экспедиция Академии Наук. – Л., 1925.

² Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.) – Изд. АН СССР, Л., 1931. – С.10.

³ Никифоров В.В. Предварительный отчет по демографическому и дозиметрическому обследованию Вилюйского и Олекминского округов // Краткие отчеты о работах отрядов Якутской Экспедиции АН СССР 1925-1926. – Л.: изд-во АН СССР, 1929. – С.149-177.

о миграционных перемещениях населения (выселение из населенных пунктов в другие места).

На момент изучения, население Якутской республики было преимущественно сельским, проживавшим в улусах и наслегах, лишь 4 % населения относилось к городским жителям. При общей очень низкой плотности населения по территории республики оно было распределено крайне неравномерно. По данным переписи населения 1917 г. в целом по Якутской области плотность населения составила 8 чел. на 100 кв. км. Самым населенным в республике являлся Якутский округ, где проживало 19,1 чел., в Вилюйском – 8,8 чел., в Олекминском – 6,9 чел., в Ленском – 5,8 чел. Наименее заселенными были Колымский и Верхоянский округа, где плотность населения составила 1,3 чел. на 100 кв. км.

Медико-санитарным обследованием охвачено 3472 чел., в том числе в Намском улусе Якутского округа 223 чел., в Вилюйском округе 2072 чел. и 1334 чел. в Олекминском округе. Были исследованы вопросы структуры населения по полу и возрасту, национальному составу, а также брачности, семейного состояния, состава семьи, рождаемости, смертности, состояние здоровья и условия жизни населения.

Обследование состава семей показало, что у якутов среднее число членов семей в Вилюйском и Олекминском округах почти одинаково. Русское и татарское население имеет больший размер семей по сравнению с якутским населением. Средний размер русских семей, проживающих в Вилюйском округе оказался больше, чем в Олекминском округе и семей других национальностей (табл. 1). У русского населения семьи, состоящие из 8 человек, составили 5,81%, для якутского населения доля таких семей находилась на уровне 3,45%. А вот семьи из 9 человек у якутов были лишь в 0,58% случаев, при этом у русского населения их доля оказалась значительно выше – 8,14%.

Таблица 1

Среднее число членов одной семьи

Округ	Якуты	Русские	Метисы	Татары
Вилюйский	4,42	6,09	4,77	4,78
Олекминский	4,20	4,90	4,89	6,05
Итого	4,38	5,18	4,80	5,87

Источник: Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931, с. 130

Анализ состояния брачности обследованного населения показал высокую долю повторных браков, особенно среди мужского населения. Как отмечено в исследовании, уже в возрасте 20-24 года имеются мужчины, женатые второй раз из-за смерти жен. Свыше 20% мужчин якутов состояли во втором браке, более 4% составляли мужчины, живущие в третьем браке. На долю якутских женщин, пребывающих во втором браке пришелся

значительно меньший процент, по сравнению с второбрачными мужчинами (табл. 2).

Были выявлены различия в среднем возрасте вступления в первый брак. Вступление в брак якутов наступает раньше по сравнению с проживающими в этой же местности русскими. По расчетам, представленным в отчете, средний возраст вступления в первый брак якутских мужчин составил 23,3 года, у женщин якуток 18,6 лет. Для русских мужчин средний возраст вступления в первый брак по сравнению с якутами был выше на 2,5 года, для женщин – на 1,1 года⁴.

Таблица 2

Брачность обследованного населения (на 100 чел. каждого пола по народностям)

В котором браке состоите	Мужчины		Женщины	
	Якуты	Русские	Якутки	Русские
1	78,71	81,08	85,38	92,18
2	20,07	15,54	13,64	7,41
3	4,26	3,38	0,79	0,41
4	1,78	–	0,19	–
5 и более	0,18	–	–	–
	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931, с. 138.

Материалы обследования зафиксировали высокий уровень рождаемости населения. Отмечено, что часто встречаются семьи с количеством родных детей в 8-10 человек, далеко не редки матери, у которых родилось 15-18 детей, не составили также исключение и семьи, у которых было 20-25 рождений.

Среднее число рождений, в расчете на одну замужнюю русскую женщину оказалось выше по сравнению с замужними якутскими женщинами. В таблице 3 представлено число детей, рожденных обследованными замужними женщинами. О высоком уровне рождаемости свидетельствуют показатели итоговой рождаемости, так к возрасту 50 лет среднее число рождений, приходящихся на одну замужнюю якутку составило 7,87 детей, на одну женщину, представительницу русской национальности 8,91.

Большое внимание в ходе обследования было уделено изучению

⁴ Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931. - С.139.

чрезмерно высокой детской смертности населения и выявлению ее причин. Из общего количества всех 2069 детей, родившихся у обследованных матерей, умерло 1259, что составило 60,85%.

Таблица 3

Среднее число рождений одной замужней женщиной

Возраст женщин	Якутки	Русские
15-19	0,47	0,50
20-24	1,73	1,75
25-29	3,47	3,32
30-34	4,80	4,94
35-39	6,88	6,80
40-44	6,96	7,58
45-49	7,00	7,00
50 лет и старше	7,87	8,91
Итого:	5,08	5,2
Вилуйский округ	5,2	5,0
Олекминский округ	4,82	5,26

Источник: Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилуйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931, с. 146

По мнению исследователей, среди причин младенческой смертности на первом месте стоит то обстоятельство, что якутские матери в Вилуйском округе в большинстве случаев совершенно не кормят младенцев грудным молоком. Вместо этого младенцам давали цельное коровье молоко, которое отличалось очень высоким содержанием жира (7% и более). При этом само кормление происходило при полном отсутствии элементарных правил гигиены. Фактором высокой смертности выступила пониженная устойчивость детей к инфекционным болезням, вызванная неправильным питанием и, как показали обследования, тем, что якутские матери отличаются резкой физической слабостью, и не могут давать крепких детей⁵. Эпидемии кори, воспаление легких, туберкулез, а также несчастные случаи, падения, ушибы и отсутствие ухода за грудными детьми стали основными причинами чрезвычайно высокой младенческой смертности.

Был проведен анализ смертности детей и представлено распределение числа умерших и живых детей в зависимости от возраста и национальности матери. При очень высоких показателях среднего числа рождений лишь 35,8% детей, родившихся к 50 годам у якутских женщин, и 35,6% детей русских женщин остались живыми к этому возрасту матери. При этом у

⁵ Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилуйского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931. – с.146.

якутских женщин заметно больше детей умирало в раннем возрасте, о чем свидетельствуют показатели доли оставшихся в живых детей у молодых матерей. Так по группе 20-24 года у якуток из 2,09 родившихся детей в живых осталось менее половины детей (42%), у русских из 2,24 родившихся в живых осталось 2,07 детей (79%) (Табл. 4).

Медики, входившие в состав экспедиции, оказывали врачебную помощь обследуемому населению. Среди основных причин заболеваемости населения были отмечены туберкулез, острозаразные, нервные, душевные болезни. Свыше 35% обследованного населения страдали туберкулезом в клинической форме. Очень высок был уровень заболеваемости трахомой, это заболевание диагностировано у 45% всего населения, включая 1,32% абсолютно слепых и до 2 % полуслепых (т.е. сохранивших 1 глаз) ⁶.

Таблица 4
Среднее число умерших и живых детей у обследованных матерей

Возраст женщин	Среднее число детей на одну мать			
	Якуты		Русские	
	умерших	живых	умерших	живых
15-19	0,50	0,83	—	—
20-24	1,21	0,88	0,48	1,76
25-29	2,21	1,49	1,40	2,07
30-34	2,86	2,20	2,00	3,25
35-39	4,02	2,69	3,47	3,97
40-44	4,18	2,98	4,00	3,91
45-49	5,00	2,30	4,55	4,36
50 лет и старше	5,05	2,82	5,74	3,17
Итого:	3,38	2,18	2,75	3,03
Вилейский округ	3,58	2,15	2,50	2,50
Олекминский округ	2,98	2,28	2,76	3,05

Основным итогом проведенного исследования стало выявление острой потребности в оздоровлении населения, которое немислимо проводить без общего подъема культуры, просвещения, привития здоровых гигиенических навыков, жилищного строительства и, прежде всего отделение жилья от помещений для скота, прокладки дорог, оказания медицинской помощи. Большое внимание должно уделяться борьбе с предрассудками и суеверием, созданию врачебных консультаций для

⁶ Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилейского и Олекминского округов. (Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 9.)– Изд. АН СССР, Л., 1931. – с.365.

воспитания якутских матерей как правильно кормить и выращивать своих детей, развитию системы родовспоможения для снижения чрезвычайно высокой материнской смертности. Население нуждалось в срочной врачебной помощи, и для этого необходимо было начать готовить собственные медицинские кадры.

В программу исследований статистико-экономического отряда, вместе с проведением бюджетных обследований якутских домохозяйств, описанием условий и приемов хозяйствования на мелких территориях, сбором материалов о г. Якутске, как центре товарного тяготения, входило также изучение вопроса о движении населения. По мнению организатора экспедиции П.В. Виттенбурга: «это один из самых темных и невыясненных вопросов быта якутского народа, притом, за отсутствием соответствующего доброкачественного материала, особенно трудно поддающийся освещению»⁷.

Для получения сведений по движению населения у якутов было проведено выборочное обследование семей по изменениям, происшедшим в личном составе каждой, начиная с момента ее возникновения, т.е. вступления в брак родителей, и по 1926 г. Кроме того, руководителю отряда Н.В. Воленс было дано отдельное поручение по ознакомлению в Якутском Государственном Архиве с состоянием метрических книг и составлению представления о том, что можно извлечь из них для изучения движения населения Якутии⁸.

В рамках экспедиции АН СССР И.И. Майновым были проведены исследования расселения населения, проведена оценка численности и дана характеристика физического типа народов, населяющих Якутию, в том числе якутов, русских, тунгусов и прочих народностей. В своей работе «Население Якутии» он охарактеризовал Якутию «как огромный этнографический музей»⁹.

В 30-е годы продолжение исследований Якутии осуществляется Советом по изучению производительных сил. В 1932 г. вышла Якутская серия Трудов по изучению производительных сил, в которой была представлена полная библиография о природных ресурсах и населении Якутского края. Как пишет Н.Н. Грибановский: «Издание первого выпуска библиографии Якутии в виде указателя материалов для изучения природных ресурсов и населения Якутии может иметь несомненное значение как для теоретических работ по исследованию ЯАССР, так и для практической стройки социалистического хозяйства Якутии, поскольку данный указатель

⁷ Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. I. Природные ресурсы и население Якутского края. Серия Якутская. Вып. 9. - Ленинград: изд-во АН СССР и Якутского Госиздата 1932. – С.153.

⁸ Краткие отчеты о работах отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925-1926 г. Вып. 10 - Л.: изд-во АН СССР, 1929.

⁹ Майнов И.И. Население Якутии. // Якутия: сборник статей по ред. П.В. Виттенбурга. – Л.: изд-во АН СССР, 1927. – С.323-420.

является сводкой литературных источников, посвященных актуальной проблеме Якутии, проблеме освоения ее пока еще «мертвых» или «дремлющих» производительных сил, ее природных ресурсов»¹⁰.

Таким образом, экспедиция Академии наук СССР 1925-1930 гг. по изучению Якутии, последующая организация сети стационарных научных учреждений, учебных заведений, интенсивное изучение производительных сил стали важнейшими этапами развития науки и научных исследований в Якутии в целом и, в частности, демографических. Изучение демографических процессов территорий, расположенных на большом удалении от центра и экономически развитых районов страны, представляли особый интерес, так как они охватывают разные природно-климатические зоны – от тайги на юге до арктической тундры на севере; населяющие их народы имели значительную степень неоднородности в связи с природно-географической средой, экономической освоенностью их территорий и уровнем социального развития. Освоение данных территорий и процесс формирования населения, носил в основном экстенсивный характер, что вызвало потребность в широкомасштабном их изучении, каковыми и стали работы комплексной экспедиции АН СССР, ее якутского отряда.

Шахотько Л.П.

(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)

История проведения демографических исследований на территории Беларуси

На территории современной Беларуси первые исследования по этнографии, статистике и расселению населения начались в XVIII в. Этнографические особенности Беларуси исследовала в конце XVIII в. экспедиция Российской академии наук под руководством натуралиста и этнографа И.И. Лепехина. С середины XIX в. появились сведения о численности и динамике населения. Наиболее точными считаются данные ревизий населения («ревизских сказок») 1834, 1850, 1859 гг. и ежегодные отчеты губернаторов (хранятся в архивах, частично опубликованы). С 1857 г. губернские статистические комитеты начали составлять ежегодные ведомости о числе и составе населения по губерниям, уездам, городам. В изучении населения особое место занимают исследования офицеров Генерального штаба. В середине XIX в. были составлены примечания к картам, опубликованным в многотомном издании «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (1843-1852), где наряду с другими вопросами изучалось население в его связи с хозяйством. В 60-годы XIX в. опубликованы «Материалы для географии и статистики России,

¹⁰Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. I. Природные ресурсы и население Якутского края. Серия Якутская. Вып. 9. - Ленинград: изд-во АН СССР и Якутского Госиздата 1932. – С.4.

составленные офицерами Генерального штаба», в которых довольно обстоятельно рассмотрено население Виленской, Гродненской, Минской и Смоленской губерний. Во второй половине XIX в. определенный вклад в исследования населения на территории Беларуси внес, открытый в 1867 г. в г. Вильно Северо-Западный отдел Русского географического общества, исследования велись с привлечением для сбора информации учителей народных училищ. Исследования демографических процессов на территории Беларуси в это время проводят социальные гигиенисты. Известны работы по Минску А.А. Бекаревича (1890), по Могилеву Л.И. Галинца (1887) и В.В. Кошелева (1901) и др. В 20 годы XIX в., после прекращения военных действий, на территории Беларуси, демографические исследования расширились. Этому способствовали проведенные на территории Беларуси переписи 1897, 1923, 1926 гг. В эти годы (1923-1928) в Беларуси работал известный специалист в области социальной гигиены, санитарной статистики и демографии Болеслав Яковлевич Смулевич, доцент кафедры социальной гигиены медицинского факультета Белорусского государственного университета, член коллегии Наркомздрава и ЦСУ БССР, автор многих научных работ, в т.ч. нескольких монографий, посвященных проблемам общей и медицинской демографии. Наиболее известна монография, написанная в Беларуси «Заболееваемость и смертность населения городов и местечек БССР». Минск, 1928. Это, одна из первых монографий по региональной демографии.

Статистик Д.Н. Пославский изучал особенности естественного движения населения республики (1928). Значительный демографический материал содержится в трудах М.В. Довнар-Запольского (1928). Исследования по проблемам брачно-семейных отношений проводил С.Я. Вольфсон (1929). В 30-е гг. многие демографы были репрессированы, среди них был Б.Я. Смулевич, в последующем реабилитирован. В период репрессий 1930-1940-х гг. и Великой Отечественной войны демографические исследования были прерваны. Возобновились исследования только после переписи 1959 года. Появились студенческие работы по географии населения на географическом факультете БГУ им В.И. Ленина.

В 1963 году в ВЦ Госплана (в последующем НИИЭМП, теперь НИЭИ Минэкономики) был образован отдел, где проводились демографические исследования под руководством А.А. Ракова. Там в 1963-1980 годы по проблемам демографии работали А.В. Богданович, Л.И. Маськов, А.М. Матвеева, А.Н. Пешкова, С.А. Польский, Н.Н. Привалова, Я.И. Рубин, Л.Е. Тихонова, Л.И. Спижанков, Г.И. Хмельницкая, Л.П. Шахотко, и др. Разрабатывалась система демографических моделей и математических программ для прогнозирования населения в отдельных регионах, обосновывались основные предпосылки и составлялись прогнозы населения республики, областей, городов и районов, изучались проблемы соотношения экономического развития и демографических процессов, политики

народонаселения, социально-экономические аспекты рождаемости, смертности и продолжительности жизни, миграции населения, старения населения. Исследовались проблемы зарубежной демографии, анализировались взгляды различных школ современной демографии в других странах. Изучались проблемы больших и малых городов, сельского расселения и процессов урбанизации в республике. В 1969 опубликована монография А.А. Ракова «Население БССР», в 1975 монография Л.П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии». Регулярно издавался сборники трудов «Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов», вып. I-VII. Мн., 1970-1976. В это время в Институте экономики АН БССР было проведено исследование влияния социально-экономических факторов на миграцию населения (А.Н. Пешкова (1970), системы городских поселений БССР методами математической статистики (Г.Т. Максимов (1972)). На кафедре политэкономии БПИ занимаются проблемами развития семьи, занятости женщин и рождаемости (И.В.Насонова, З.М. Юк). В БГУ изучаются проблемы брака и семьи (Н.Г. Юркевич), ведутся территориальные исследования проблем народонаселения и трудовых ресурсов БССР (Б.А. Манак). Белорусские гигиенисты исследуют отдельные проблемы демографии: общие вопросы воспроизводства населения (А.П. Скалыженко), детскую и перинатальную смертность (М.К. Зубрицкий). Этнографы исследуют проблемы миграции (Г.И. Касперович), семьи. В 80 годы основная группа демографов во главе с А.А. Раковым перешла в АН БССР, вначале в Институт экономики, затем в Институт социологии, где велись разработки демографической ситуации и прогнозов, целевых программ, гендерных исследований. Выходят монографии Л.П. Шахотько «Воспроизводство населения в Белорусской ССР»(1985), коллектива авторов «Демографическое развитие и трудовые ресурсы БССР» (1988) и «Трудовой потенциал Белорусской ССР в условиях интенсификации» (1988)

В середине 90 годов XX века создается отдел демографии в НИИ статистики при Минстате РБ (зав.отделом Л.П. Шахотько). Здесь исследуется широкий круг демографических проблем: демографическое прогнозирование, тенденции смертности и продолжительности жизни, рождаемости и развития семьи, проблемы демографической безопасности, влияния чернойбыльской катастрофы на демографические процессы, разработка демографической политики, подготовка программы и анализ результатов переписи населения 1999, исследование проблем миграции, брачности, национальной и языковой структуры населения, образовательного уровня населения, методологических вопросов построения таблиц брачности, смертности населения, инвалидности и др. (Е.В. Бурачевская, Д.Н. Куделка, О.В. Филиппова, Е.А. Рубанова, Д.В. Шахотько). Издаются сборники трудов института «Актуальная статистика», Мн., 1999, 2000, 2002, монография Л.П. Шахотько «Население Республики Беларусь в конце XX века»(1996), кол. монография «Тенденции заболеваемости, смертности и продолжительности жизни населения

Республики Беларусь» (2003). Издается «Национальный Атлас Беларуси» (2002) и Белорусская энциклопедия (2004), в которых большие разделы посвящены проблемам демографического развития Беларуси.

Демографические исследования в 90-е годы XX в. велись так же в НИИ труда Минтруда (Л.М. Анисов, В.Д. Казушич, С.С. Ткаченко), в БГУ на географическом факультете (Е.А. Антипова, И.В. Загорец, Б.А. Манак, Л.Д. Мельникова). В институте материнства и детства изучаются медицинские проблемы детской смертности, влияние последствий чернобыльской катастрофы на здоровье детей (И.А. Ванилович), в БГЭУ на кафедре статистики изучаются статистические проблемы детской смертности, гендерные проблемы (Н.И. Агобекова, Л.И. Карпенко), в МГПУ этнодемографические исследования по г. Минску ведет Н.Г. Белковская. Отдельные исследования ведутся в областях республики. Этнодемографические проблемы Витебской области исследует М.И. Бобрин. Проблемы городских поселений Брестской области – К.К. Красовский. Проблемы демографического развития Гомельской области в связи с последствиями катастрофы на чернобыльской АЭС - А.Г. Злотников. В Могилеве Бубнов изучает проблемы брачно-семейных отношений. В НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, в котором в начале XXI века работали Н.И. Богино, Е.В. Масленкова, В. Крайнов, Н.Н. Привалова, Г.И. Хмельницкая и др. разрабатываются прогнозы населения по республике в целом и по ее административно-территориальным единицам, разрабатываются вопросы государственного регулирования. В Институте социологии НАН Беларуси под руководством М.И. Артюхина работает центр мониторинга миграционных процессов.

В конце 2004 г. при институте экономики НАН Беларуси создается Научно-исследовательский Центр по изучению демографического развития страны, который возглавил А.А. Раков. В 2005 году он реформируется в отдел Демографии и человеческого развития, возглавляемый С.Ю. Солодовниковым. В первом десятилетии XXI столетия в этом отделе по проблемам демографии работали А. Боброва, Ю. Петракова, А.А. Раков, Ю.А. Раков, С.Л. Черныш, Л.П. Шахотько. С 2009 г. в Институте Экономики исследования по демографии тем же составом ведутся в отделе комплексных проблем социально-экономического развития.

В 2005 году выходит монография Л.П. Шахотько «Социальная демография Переписи населения: методология, методика, результаты» Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Выходит целый ряд коллективных монографий, в которых демографические разделы занимают существенное место: «Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития. Национальный отчет о человеческом развитии 2004-2005». ПРООН в Республике Беларусь (2005), «Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации.» Минск ИООО «Право и экономика» 2006, «Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал

Республики: Беларусь: системный анализ и оценка» Минск, «Белорусская наука» 2008, «Человеческий потенциал» Минск, «Белорусская наука» 2009 и др. Подготовлена и сдана в издательство «Белорусская наука» монография Л.П. Шахотько «Модель демографического развития Республики Беларусь».

В целом в настоящее время в Беларуси существует около десятка научных центров, в название которых входит проблематика по развитию народонаселения, кроме того, проводятся исследования по отдельным вопросам демографии на кафедрах социологии, статистики, географии и др. в Вузах страны. Однако, несмотря на то, что проблемам демографии все больше внимания уделяется на государственном уровне, нельзя сказать, что расширяются и углубляются исследования по данной тематике. Особенно осложнилась обстановка с финансированием данной тематики во время развития глобального финансового кризиса в конце первого десятилетия XXI века. В результате все меньше молодежи берется за исследования по данной проблеме. Состав специалистов-демографов постоянно стареет и практически не обновляется. В результате возникает реальная угроза потерять накопленный достаточно высокий научный потенциал и опыт работы в области демографии в Беларуси, который восстановить будет достаточно сложно.

Демографическая динамика и развитие: прошлое и настоящее

Антипова Е.А.

(Белорусский государственный университет, г. Минск)

Географический образ демографической истории сельской местности Беларуси (1959-2009 гг.)

Закономерный процесс формирования и динамики населения Беларуси на протяжении XX века неоднократно нарушался; периоды демографической эволюции сменялись периодами демографических катаклизмов. Самые выраженные аномалии в динамике сельского населения пришлись на три десятилетия: 1914–1924 гг. (Первая мировая война, революция, гражданская война); 1940–1950 гг. (Вторая мировая война, послевоенные миграции); 1990–2001 гг. (последствия чернойбыльской аварии, политической и социально-экономической трансформации)^{1, 2, 3},

¹ Антипова, Е.А. Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси / Е.А. Антипова. – Минск: БГУ, 2008. – 327 с.

² Антипова, Е.А. Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности / Е.А. Антипова, Б.А. Манак. – Минск: БГПУ, 2007. – 232 с.

³ Козлов, Г.С. Этапы демографического развития регионов (на примере Белорусской ССР) / Г.С. Козлов, Ю.Г. Мисников // Демографические исследования. – 1990. – Вып. 14. – С. 80–90.

Исторически Беларусь была типично аграрной страной, в которой доля сельского населения в общей численности по данным первой переписи Российской империи 1897 г. составляла 86,5 %, или в абсолютном выражении 5 774 тыс. чел.⁴. Динамика численности сельского населения в первые годы XX века складывалась под влиянием двух основных факторов: 1) естественного прироста населения, вызванного активизацией экономического развития в сельской местности в ходе Столыпинской реформы; 2) военных людских потерь в результате Первой мировой и гражданской войн, которые привели к сокращению населения. Этот период можно назвать первым, в течение которого произошло значительное сокращение сельского населения Беларуси⁵.

В начале 1920-х гг. в результате массового голода и гражданской войны сельское население Беларуси, наряду с другими союзными республиками, сокращалось – среднегодовая убыль составляла 1,2%. В 1922-1926 гг., по сравнению с другими республиками бывшего СССР, демографический потенциал сельской местности Беларуси резко увеличился. В БССР были отмечены самые высокие ежегодные темпы роста –3,2 %. Кроме того, до 1926 г. сельское население увеличивалось за счет рождаемости и миграции в два раза быстрее, чем городское. Период 1927-1938 гг. также характеризуется достаточно высокими темпами роста сельского населения – 1,6 %, наибольшие из которых были свойственны Минской области (более 2 % в год). Ежегодный рост сельского населения Могилевской и Гомельской областей (в границах до 1939 г.) составлял 1-2 %, Витебской – 0-1 %⁶.

Тенденции динамики сельского населения существенно не повлияли на структуру населения страны, и пропорции между городским и сельским населением изменились незначительно. Сельское население по-прежнему преобладало и составляло 83 % (1926 г.).

Десятилетие 1940-х годов выглядит как период чрезвычайно больших потерь населения, которые носили повсеместный характер и коснулись абсолютно всех областей и районов. Региональные различия в величине людских потерь за годы Великой Отечественной войны определили первый сдвиг в территориальном распределении населения Беларуси.

Самые большие потери населения за 1940-е годы имела Витебская область, население которой уменьшилось почти на 1/3. Этот регион так и не смог достигнуть довоенной численности населения и вступил в XXI век, имея на 890 тыс. человек меньше, чем в 1940 г. Велики были потери

⁴ Население Республики Беларусь. Статистический сборник / М-во статистики и анализа Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2005. – 282 с.

⁵ Раков, А.А. Из демографической истории Белоруссии: демографические изменения в 1914-1941 гг. / А.А. Раков, Л.И. Маськов // Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов / А.А. Раков, Л.И. Маськов. – Минск, 1973. – Вып. IV. – С. 171–224

⁶ Зайончковская, Ж.А. Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская. – М.: Наука, 1991. – 132 с.

населения в юго-восточном регионе (45 % общих потерь). Гомельская и Могилевская области в 1950 г. имели на 20 % населения меньше, чем в 1940 г. Однако, если Гомельская область смогла компенсировать людские потери и к середине 1980-х гг. численность ее населения даже превысила довоенную, то Могилевская - и до конца столетия не смогла восстановить довоенный демографический потенциал. В Минской области прямые военные потери сельского населения были компенсированы сравнительно быстро за счет больших усилий всего Советского Союза по восстановлению г. Минска, в результате чего убыль населения составила менее 10 %. Гродненская область выделяется на фоне других регионов Беларуси сравнительно небольшими демографическими потерями. Так, даже с учетом волны массовой эмиграции поляков в результате обмена населением между Польшей и СССР, сельское население уменьшилось только на 8 %. Брестская область имела самые незначительные потери – 3 % или 32 тыс. чел., т. е. в 12 раз меньше, чем Витебская область.

Динамика численности населения Беларуси, начиная с 1950-х гг., определяется действием экономических факторов. Динамика городского и сельского населения приобретает противоположные векторы. Для сельского населения прочно устанавливается убыль с нарастающими потерями, которая уже в начале 1950-х гг. приблизилась к 1 %.

Период 1959-1970 гг. характеризуется устойчивой тенденцией роста общей численности населения Беларуси. В нормальное русло вошел процесс естественного движения населения, приобретая черты “европейского типа”, т.е. переход к низкой рождаемости и низкой смертности, увеличение продолжительности жизни, постепенное старение населения и приближение к простому типу воспроизводства.

Доминирующими в динамике сельского населения вплоть до 1986 г. стали экономические факторы, среди которых особую роль сыграла урбанизация. Происходило очень быстрое увеличение численности городского населения во всех регионах страны и такое же быстрое снижение численности сельского населения. В динамике сельского населения, наоборот, продолжались начавшиеся в годы войны потери, только изменился их характер, т.к. на первое место вышли миграционные. В числе составляющих этой массовой убыли сельского населения можно выделить: миграционный отток в белорусские города и в другие регионы бывшего СССР; перевод сельских поселений в ранг городских. Сельская местность Беларуси в этот период относилась к числу самых «отдающих» среди всех республик бывшего СССР⁷.

Для сельского населения данный временной отрезок входит в историю как *первый устойчивый период отрицательной динамики*

⁷ Антипова, Е.А. Малые города в системе расселения Беларуси и современные стратегии их развития // Малые города Смоленской области: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию: сб. науч. статей / СГУ, под ред. А.П.Катровского. – Смоленск, 2006. – С.17–22.

населения на макрогеографическом уровне. Ежегодный темп убыли сельского населения Витебской и Могилевской областей составил 1,3 %, Гродненской – 0,8 %. В относительно более благоприятном положении оказалось сельское население Минской, Брестской и Гомельской областей. Их демографические потери составили в среднем 5 % за период (рис. 1).

В 1960-х - 1970-х гг. доминирующими потоками в Беларуси стали внутриреспубликанские перемещения населения из села в город в связи со строительством крупных промышленных предприятий союзного значения (Новополоцк); малые и средние города Беларуси, в которых размещались новые производства (Мозырь, Береза, Жодино, Кобрин, Калинковичи, Рогачев и др.)⁸.

Согласно типологии республик СССР по характеру динамики за исследуемый период, Беларусь относилась к районам, в которых сельское население сокращалось значительно медленнее, чем росло городское, и входила в одну группу с прибалтийскими республиками и Украиной.

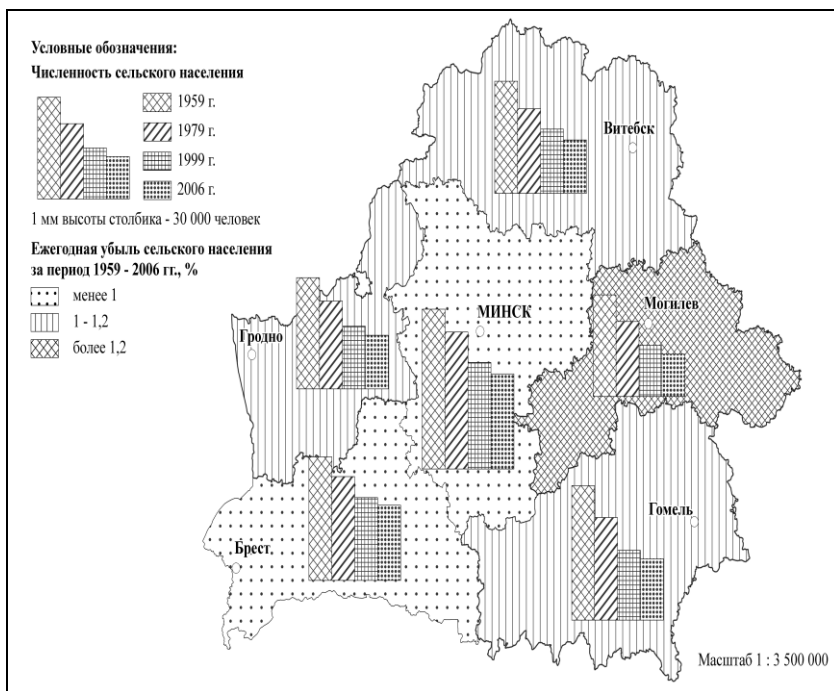

Рисунок 1. Динамика численности сельского населения Беларуси, %, 1959–2006 гг.

⁸ Сакович, В.С. Белорусское село в 70-90-е годы: миграция населения, трудовые ресурсы – Минск: Институт истории НАН Беларуси, 1997. – 170 с.

Быстрое восстановление в послевоенные годы экономического потенциала городов и увеличение масштабов миграционного оттока из сельской местности существенно не повлияли на изменение структуры населения Беларуси. В 1959 г. доля сельского населения составила 69,2 %. Таким образом, сельское население по-прежнему играло основополагающую роль в формировании демографического потенциала страны.

Микрогеографический уровень исследования позволил выявить тенденцию *территориальной неоднородности демографической динамики*. Так, на фоне макроубыли сельского населения Беларуси (-0,1 % в год) в результате миграционного оттока в период 1959–1970 гг. во всех областях выявлены районы с положительной динамикой. В каждом третьем сельском районе был отмечен прирост населения. Данную группу, как правило, составляют районы, находящиеся в пригородной зоне (напр., Брестский, Витебский, Гомельский, Волковысский, Минский, Могилевский), типично сельскохозяйственные районы (напр., Ивановский, Глубокский, Кореличский, Ошмянский) и районы с крупными природными комплексами (напр., Лунинецкий, Докшицкий, Лельчицкий).

Отрицательная динамика сельского населения территориально дифференцирована на микроуровне. Анализ показал, что уже в те годы четко выделяется группа районов с ежегодной убылью населения более 3 % (напр., Лиозненский, Дятловский, Новогрудский, Чаусский). В этой группе преимущественно находятся районы с низким агроресурсным потенциалом и с крупными природными комплексами, недостаточно освоенные в тот период.

Отмеченные выше тенденции динамики за период 1959–1970 гг. свидетельствуют о *первой волне демографического разукрупнения* сельских районов.

Пространственные различия в демографическом потенциале обусловили первый *структурный сдвиг* в населении Беларуси. Сельские районы, исходя из стадияльной концепции урбанизации и «урбанизационного перехода», были разделены нами на три типа:

Тип 1. Рурбанизированный, для которого характерно быстрое уменьшение доли сельского населения (доля сельского населения - менее 30 %);

Тип 2. Переходный от доминирующего сельского к рурбанизированному:

подтип 2а – переходный *эволюционный* (доля сельского населения – 30–50%);

подтип 2б – переходный *стагнирующий* (доля сельского населения – 50–70 %);

Тип 3. Доминирующий сельский (доля сельского населения – свыше 70 %).

Микрогеографический уровень исследования позволил выявить абсолютное преобладание в структуре доминирующих сельских районов –

76 %. В то же время, в типично пригородных районах (Брестский, Витебский, Гомельский, Гродненский, Минский, Бобруйский, Могилевский) был завершен «урбанизационный переход», и доля сельского населения сократилась в среднем до 20 %. Каждый пятый район, находящийся преимущественно в зоне влияния крупных городов, был отнесен к переходному типу от типично сельского к урбанизированному.

Таким образом, главным *итогом периода 1959-1970 гг.* является абсолютная и относительная убыль сельского населения на макро- и мезогеографическом уровнях, изменившая рисунок распределения демографического потенциала, и следствием которой стали: 1) пространственно-структурная трансформация, характеризующаяся резким сокращением доли сельского населения в общей численности (с 70 до 56 %); 2) качественная трансформация среды жизнедеятельности сельского населения в связи с ростом урбанизации; 3) снижение роли сельского населения в формировании демографического каркаса страны при сохранении преобладающей функции.

Период 1970-1979 гг. в динамике численности сельского населения характеризовался как относительно стабильный и устойчивый в связи с началом смены традиционного репродуктивного поведения сельских жителей. Естественная убыль сельского населения в отдельных районах наряду с преобладанием миграционных потерь, обусловила: а) снижение общих темпов роста населения (с 12,9 % за предыдущий период до 6,7 %); б) увеличение темпов убыли сельского населения (в среднем по областям – 1,5 % в год по сравнению с 0,8 % за предыдущий период).

Произошло усиление пространственной диспропорции в динамике численности сельского населения на микро- и мезогеографических уровнях, характеризующееся: 1) устойчивой отрицательной динамикой населения Могилевской (-2,3 % в год) и Витебской областей (-1,8 % в год); 2) резким сокращением количества районов с положительной динамикой (в 3-3,5 раза); 3) сохранением относительно стабильной положительной динамики сельского населения на микроуровне только в Брестской области (Ганцевичский, Дрогичинский, Ивацевичский, Кобринский, Ляховичский районы).

За период 1970-1979 гг. сельское население Беларуси сократилось на 6 % - больше, чем во всех других союзных республиках за эти годы⁹.

Тенденция сокращения демографического потенциала сельской местности стала свидетельством *второй волны демографического разукрупнения и нарушения демографического каркаса сельского расселения*. По сравнению с 1970 г. в 1,5 раза сократилось количество крупных районов, в 2 раза увеличилось количество мелких и малых районов. Образовались четкие поляризованные фрагментарные ареалы малых и мелких сельских

⁹ Хорев, Б.С. Расселение населения (основные понятия и методология) / Б.С.Хорев, С.Г.Смидович. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 192 с.

районов в Витебской и Могилевской областях, а также периферийных по экономико-географическому положению районов Брестской, Гомельской, Гродненской и Минской областей.

Исследуемый период характеризуется двумя уникальными *эволюционными тенденциями* в динамике численности населения Беларуси. В результате интенсивного социально-экономического развития страны, представленных выше тенденций динамики сельского населения, в 1976 г. впервые за демографическую историю Беларуси был отмечен *«урбанизационный переход»*, т. е. городское население перешло 50%-ную отметку в структуре населения. На мезорегиональном уровне «переход» завершили Витебская, Гомельская и Могилевская области. В этом же году среди сельского населения *появилась естественная убыль*.

На микрогеографическом уровне в 1979 г., несмотря на проявление урбанизационных тенденций, 55 % районов Беларуси относились по-прежнему к доминирующим сельским. Практически неизменной осталась группа рурбанизированных районов, количество районов переходного типа увеличилось в два раза.

Таким образом, главным итогом периода 1970-1979 гг. является структурная трансформация роли сельского населения в формировании демографического потенциала страны при сохранении преобладания доминирующих сельских районов.

Десятилетие 1979-1989 гг. можно охарактеризовать как период «демографической стабильности» и относительно устойчивого демографического развития страны наряду с появлением экологического фактора, повлиявшим на динамику численности населения. Потери сельского населения в этот период можно назвать условными, т.к. они лишь приобрели новую социальную форму.

В итоге к середине 1980-х гг. в сельской местности осталось менее 4 млн. жителей. Потери населения происходили в данный период повсеместно и охватывали все регионы Беларуси. Однако по масштабам, как и в предыдущие годы, выделились Витебская и Могилевская области. Доля сельского населения Минской и Брестской областей увеличилась. Это значит, что демографический потенциал сельской местности не только снизился, но и его территориальное распределение между регионами стало более неравномерным.

Нарушение среды обитания после Чернобыльской катастрофы 1986 г. обусловило появление нехарактерных ранее для сельской местности Беларуси черт под влиянием экологического фактора. Одна из них – проявление трансформации в главных демографических процессах, определяющих характер динамики населения и его пространственное распределение. Непредвиденные, вынужденные, массовые перемещения людей в форме эвакуации, отселения, организованных и стихийных переселений стали главной отличительной чертой демографической ситуации в данный период. На начальном этапе Чернобыльская катастрофа

повлияла лишь на перераспределение населения в пределах страны, перенося свои основные демографические последствия в следующий период.

В целом изменение среды жизнедеятельности населения и социально-экономическое развитие страны принципиально не отразилось на тенденциях динамики сельского населения. Основные из них выразились в следующем: произошла стабилизация роста численности населения Беларуси с поступательным незначительным темпом (0,6 % в год, начиная с 1970 г.); был завершен «урбанизационный переход» в Брестской и Гродненской областях; не происходил рост отрицательной динамики на уровне областей; начался «демографический переход» к снижению темпов роста населения в Минской области (2,6 % в год по сравнению с 7,9 % за период 1959-1970 гг.).

По результатам комплексного зонирования европейской части СССР (Зайончковская, 1991), Беларусь за исследуемый период вошла в две зоны: 1) европейскую - с крайне ограниченным демографическим потенциалом в результате длительного миграционного оттока, характеризующуюся естественной убылью сельского населения; и 2) юго-западную зону умеренно ограниченного демографического потенциала, характеризующуюся значительными возможностями роста городов за счет сельского населения.

Период 1989-1999 гг. во многом изменил привычный ход демографических событий в стране в связи с действием факторов трансформационного характера (с 1991 г.).

В эти годы в стране произошли политические и социально-экономические изменения: распад СССР, переход республик на путь самостоятельного развития, нарушение всех видов связей, перестройка и реформирование экономики и социальной сферы и др. Кризисные социально-экономические явления изменили условия жизнедеятельности людей, обусловили появление новых проблем, в том числе занятости и жизнеобеспечения населения. Все это в свою очередь вызвало нарушения в динамике и распределении населения, в его составе и демографическом поведении.

Главные тенденции динамики численности населения выразились в следующем:

1) впервые в демографической истории Беларуси XX века на макрогеографическом уровне появилась отрицательная динамика; на мезогеографическом уровне она была характерна для Гомельской (-0,7 % в год), Витебской (-0,2 % в год), и Могилевской (-0,1 % в год) областей; Минская, Брестская и Гродненская области незначительно увеличили свой демографический потенциал;

2) демографическое развитие сельской местности Беларуси было представлено устойчивой отрицательной динамикой (-1,2 % в год), однако

пик наибольшего ежегодного темпа убыли был уже пройден в конце 1980-х гг. (-2 % в год);

3) доминирующим в сельской местности становится тип районов с отрицательной динамикой (113 районов) с пороговыми темпами ежегодной убыли населения от 0,01 % в Столбцовском районе Минской области до 4 % в Наровлянском районе Гомельской области.

Данный период, как и 1970-1979 гг., характеризуется *второй эволюционной тенденцией*: произошла *структурная рокировка* на макроуровне между соотношением городского и сельского населения. Если в 1959 г. доля сельского населения составляла 70 %, а доля городского – 30 %, то в 1999 г. соотношение приобрело прямо противоположный вид. На мезогеографическом уровне позже всех остальных регионов «урбанизационный переход» был завершен в Минской области.

Вышеперечисленные тенденции динамики сельского населения усилили структурные диспропорции и пространственную поляризацию в распределении демографического потенциала. Произошла *третья волна демографического разукрупнения* сельских районов, изменившая привычный рисунок, который приобрел очаговый характер. По сравнению с 1979 г. более чем в 6 раз увеличилось количество мелких районов. Если в 1979 г. преобладающим был крупный тип районов (44 %), то в 1999 г. им стал малый (34 %).

Развитие процесса урбанизации обусловило дальнейшее проявление рурбанизации. Пространственно-структурные сдвиги проявились: 1) в двукратном увеличении по сравнению с 1979 г. числа районов рурбанизированного типа за счет сельских районов, находящихся в зоне влияния городов (Барановичский, Мозырский, Светлогорский, Волковысский, Лидский, Борисовский, Молодечненский, Солигорский, Кричевский); 2) в шестикратном уменьшении доминирующих сельских районов и двукратном уменьшении количества районов переходного типа. В структуре осталось только 10 доминирующих сельских районов: Столинский, Ушачский, Буда-Кошелевский, Лельчицкий, Вороновский, Ивьевский, Островецкий, Копыльский, Клецкий и Дрибинский; 3) преобладающим становится переходный (стагнирующий) тип районов, в которых доля сельского населения колеблется от 50 до 70 %.

Таким образом, в XXI век Беларусь вступила с отрицательной динамикой численности населения. Общая убыль населения Беларуси за период 1999-2009 гг. составляет 0,03 %, сельского – 1,1 %. При этом если общий тренд динамики населения Беларуси по межпереписным периодам выглядит как: + + + – – (рост численности населения в период 1959–1970, 1970–1979, 1979–1989, сокращение в периоды 1989-1999, 1999-2009 гг.), то тренд динамики численности сельского населения представлен иначе: – – – – – (постоянное сокращение численности населения, начиная с 1959 г.).

С учетом особенности распространения трендов динамики сельского населения Беларуси были выявлены следующие пространственные

закономерности: 1) для типично периферийных по экономико-географическому положению районов с низким агроресурсным потенциалом, либо с крупными природными комплексами характерна постоянная, длительная отрицательная динамика численности сельского населения; 2) в районах переходного типа, обладающих высоким агроресурсным потенциалом, либо рекреационным потенциалом, а также находящиеся в зоне «особого региона» происходит более позднее наступление периода сокращения сельского населения; 3) крупные (опорные) города на протяжении всего периода являются территориями, притягивающими миграционный поток сельских жителей; 4) пристоличный регион представляет действующую и потенциальную зону демографического роста как за счет миграционного фактора, так и, что более важно в условиях улучшения демографической ситуации в стране, за счет естественного фактора – рождаемости.

Таким образом, проведенный пространственно-временной анализ динамики сельского населения за период 1959–2009 гг. позволил сделать следующие основные выводы.

1. Динамика численности сельского населения Беларуси носит эволюционный характер, главной тенденцией которого на протяжении второй половины XX века является поступательное сокращение численности, что приводит к снижению роли сельского населения в формировании геодемографического пространства и нарушению демографического каркаса расселения.

2. Макрогеографические тенденции динамики сельского населения свидетельствуют о завершении «урбанизационного» перехода, характеризующегося структурным сдвигом сельских районов из преобладающего доминирующего сельского типа к рурбанизированному и «рокировкой» городского и сельского населения в формировании геодемографического пространства.

3. Микрогеографический анализ по межпереписным периодам свидетельствует о выделении региональных трендов динамики, которые носят «пульсирующий» характер, обусловленный структурно-временными сдвигами действующих факторов и демографическими волнами.

4. Экономико-географическая характеристика динамики сельского населения Беларуси свидетельствует о территориально-дифференцированной роли районов в формировании демографического пространства страны, определяющаяся более сильными позициями пригородных и пригородно-кольцевых районов, и слабыми – периферийных районов.

Журавлева В.А., Вишнякова О.М.

(Филиал Южно-Уральского государственного университета, г. Златоуст)

Численность городского населения Урала в 1920–1930-е гг.

1920–1930-е годы вобрали в себя важнейшие социально-экономические и политические события, изменившие облик страны и оказавшие влияние на ее демографические характеристики. Промышленная модернизация страны, развернувшаяся с конца 1920-х гг., способствовала небывалой урбанизации населения. Данный период привлекает внимание как демографов¹, так и историков и социологов на общероссийском² и региональном³ уровне. Однако до сих пор нет специальных исследований по городскому населению Урала в 1920–1930-е годы. Целью настоящей работы является анализ динамики численности городского населения Урала в 1920–1930-е годы.

Для изучения процесса урбанизации на Урале в означенный период имеется обширная источниковая база. За 20 лет было проведено 5 переписей населения страны: Всероссийская перепись населения 1920 г., Всесоюзная

¹ См: Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977; Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М., 1983; Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Волков. М., 1990; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; Вишневский, А.Г. Демографическая революция // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. М., 2005. Т. 1; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006; и др.

² См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988; Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. науч. ст. Екатеринбург, 1993; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Население России в XX веке. Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2000; Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; и др.

³ См.: Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х–конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Вопросы этнографии городского населения Башкортостана: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Бикбулатов. Уфа, 1992; Кузьмин А.И. Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993; Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1996; Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход). / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в конце XIX–первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1; и др.

городская перепись 1923 г., Всесоюзные переписи населения 1926, 1937 и 1939 гг. В статистических сборниках и архивных фондах сохранились данные текущего учета городского населения. Вместе с тем исследователь при изучении демографических характеристик Урала сталкивается с тем, что данные переписей населения в статистических публикациях, изданных в разные периоды, различаются. Так, по данным переписи 1920 г., изданным в 1923 г., в четырех губерниях Урала (Екатеринбургской, Пермской, Тюменской, Челябинской) проживало 6 409 917 чел., в том числе 702 132 горожан⁴. Эти показатели в 1925 г. составляли 6 427 217 и 1 21 8046 чел.⁵, а в 1927 г. – 6 573 232 и 1 249 238 чел.⁶ Аналогичная ситуация складывалась и с данными переписей 1923 и 1926 гг.

Подобные разночтения объясняются двумя причинами. Во-первых, в рассматриваемый период в крае происходили частые административно-территориальные преобразования. В 1922 г. к Челябинской губернии были присоединены части Златоустовского и Уфимского уездов Башкирской республики. В 1923 г. на основе Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний создается Уральская область. В январе 1934 г. она распалась на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области. На территории Обь-Иртышской, которая в 1935 г. вошла в состав Омской области, была образована Тюменская область. Западная часть Уральской области (Сарапульский округ) была передана вновь созданной Удмуртской АССР. В связи с этими административно-территориальными изменениями в начале 1930-х гг. из состава Урала вышли города Ишим, Тюмень, Воткинск, Сарапул, Тобольск и Ялуторовск. В октябре 1938 г. из состава Свердловской области выделилась Пермская.

Во-вторых, в первой половине 1920-х годов отсутствовали четкие критерии городского поселения. В итоге по переписи 1920 г. на Урале к городским населенным пунктам было отнесено 239 поселений, в том числе 39 городов. По цензу городской переписи населения 1923 г. в регионе насчитывалось 205 городских поселений, из них 47 городов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» определялись четкие критерии городских поселений: взрослое население должно было насчитывать не менее 1000 чел., сельское хозяйство являлось основным занятием не более чем 25 % жителей⁷. В дальнейшем этот нормативно-правовой акт был дополнен постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» (1926 г.), «О курортных поселках» (1927 г.), «О дачных поселках» (1928 г.)⁸. Таким образом, в соответствии с новыми правилами учета городские поселения делились на две категории: города и городские

⁴ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. Екатеринбург, 1923. С.8–9.

⁵ Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. Свердловск, 1925. С.21.

⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1927: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1927. С.5.

⁷ СУ РСФСР. 1924. № 73. Ст. 726.

⁸ СУ РСФСР. 1926. № 65. Ст. 609; 1927. № 56. Ст. 384; 1928. № 8. Ст. 70.

поселки (рабочие, курортные и дачные). Был упорядочен процесс регистрации новых поселений, определения границ территории населенного пункта. В соответствии с принятыми нормативными документами были пересмотрены и объявлены новые региональные списки городов. Список для Уральской области был утвержден Президиумом ВЦИК 5 апреля 1926 г. В него были внесены существенные коррективы. На Урале в законодательном порядке признавалось 32 города, вместо 27 в 1923 г.⁹ На основании новых требований к городским поселениям ЦСУ утвердило список городских поселений Урала для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Он включал 159 городских поселений, в том числе 31 город (Пермь и Мотовилиха были объединены в одно целое) и 128 поселений городского типа¹⁰.

Таким образом, с учетом административно-территориального деления и ценза городских поселений на момент публикации численности городского населения региона происходил постоянный пересчет итогов предыдущих переписей и данных текущего учета населения. Тем не менее, сохранившиеся статистические материалы позволяют выявить тенденции в развитии городского населения Урала.

Итоговые данные Всероссийской переписи населения 1920 г. (с учетом территориальных изменений 1922 г.) показывают, что наиболее урбанизированной была Челябинская губерния. В ее 28 губернских и уездных и 11 безуездных и заштатных городах проживало 208 614 чел. или 13,4 % населения губернии. На долю Екатеринбургской губернии приходилось 7 губернских и уездных и 6 безуездных и заштатных городов с 248 380 жителями, что составляло 12,6 % от общей численности населения губернии. В Пермской губернии насчитывалось 7 губернских и уездных и 5 безуездных и заштатных городов, в которых проживало 162 602 чел. (9,2 %). Наименее урбанизированной была Тюменская губерния. Ее 7 губернских и уездных городов насчитывали 82 536 чел. или 7,4 % населения губернии. В целом на долю проживавших в названных категориях городских поселений приходилось 11% всех жителей Урала¹¹.

Переход Урала от войны к мирному хозяйственному строительству осуществлялся в тяжелейших условиях, что отразила Всесоюзная городская перепись 1923 г. С учетом ее ценза численность городского населения Урала уменьшилась с 1 313 277 до 1 151 026 чел., т.е. на 12,4 %. Наибольшая убыль населения отмечалась в Челябинской (16,5 %) и Екатеринбургской (13,2 %) губерниях, тогда как число жителей городских поселений Пермской губернии сократилось на 10,7 %, а Тюменской – на 3,0 %¹².

⁹ СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170.

¹⁰ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 19 декабря 1926 года. Предварительные итоги. Вып. 2. М., 1927. С.28–32.

¹¹ Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С.4, 8–9.

¹² Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 28–29; Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. I. М., 1924. С.12, 27, 40.

При разработке городской переписи 1923 г. среди причин, вызвавших сокращение жителей городских поселений, уральские статистики отмечали следующие:

- во-первых, бездействие одних и сокращение производства на других промышленных предприятиях вследствие гражданской войны, а также неурожай 1921 г. с последовавшим за ним голодом привели к перемещению населения в более благоприятные для жизни места. В связи с этим на фоне уменьшения населения подавляющего большинства городов и городских поселений были города, которые увеличили число своих жителей. Это: Свердловск, Алапаевск, Верхотурье, Ирбит в Екатеринбургской губернии; Усолье и Дедюхин – в Пермской; в Тюменской – Тюмень, Березов и Ялуторовск¹³.
- во-вторых, начало 1920-х годов было отмечено небывалыми эпидемиями инфекционных заболеваний, которые вместе с голодом привели к повышенной смертности населения. Статистика свидетельствует, что как в губернских, так и в провинциальных городах в 1920–1922 гг. смертность была огромной и превышала рождаемость. В Перми в 1920 г. на 1000 чел. родилось 31,8 и умерло 67,2, т.е. естественная убыль населения составила 35,4; в 1921 г. соответственно – 41,2, 71,6 и 30,4; в 1922 г. – 28,2, 98,8 и 70,6¹⁴. В декабре 1921 г. уездно-городской ЗАГС Екатеринбурга зарегистрировал 208 рождений и 615 смертей, в апреле 1922 г. в городе родилось 144 и умерло 1 037 чел., т.е. убыль населения составила соответственно 407 и 893 чел.¹⁵ В Златоусте в 1920 г. на каждую 1000 чел. убыло 18,6, а в 1922 г. – 45,6 чел.¹⁶

Падение численности городского населения Урала, как показывают сопоставимые данные табл. 1¹⁷, продолжалось до начала 1924 г. С этого времени началось постепенное оживление экономики региона, что положительно сказалось на демографических характеристиках края. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в городах и городских поселениях Уральской области проживало 1 407 074 чел., их удельный вес в

¹³ См.: Уральское хозяйство в цифрах. 1927. С.22–27.

¹⁴ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С.93.

¹⁵ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С.12.7

¹⁶ Подсчитано по: Златоустовский архивный отдел (ЗАО). Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

¹⁷ Таблица составлена по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 43; Уральское хозяйство в цифрах. 1926: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1926. С.6; Уральское хозяйство в цифрах. 1928: кратк. стат. справочник. – Свердловск, 1928. С.4; Уральское хозяйство в цифрах. 1929: кратк. стат. справочник. – Свердловск, 1929. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. – Вып. 1: Социальная статистика. – Свердловск, 1930. С. 4; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 292–293; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

населении региона составлял 20,8 %, что оказалось выше, чем за все предшествовавшие 1920-е годы. Этот показатель превышал аналогичные данные по СССР и РСФСР (соответственно 17,9 и 18,0 %¹⁸), но уступал Московско-Промышленной области (26,6 %) и Северо-Кавказскому краю (19,6 %)¹⁹.

Таблица 1
Численность городского населения Урала в 1920–1933 г.

Годы	Все население Урала, чел.	В т. ч. городское население	
		абс., чел.	%
Перепись 20.08.1920	6573879	1243197	18,6
На 1 янв. 1923 г.	6033,1 тыс.	1116,2 тыс.	18,5
Городская перепись 15.03.1923	–	1151026	–
На 1 янв. 1924 г.	6129037	1134517	18,5
На 1 янв. 1925 г.	6312609	1206877	17,7
На 1 янв. 1926 г.	6452817	1233837	19,1
Перепись 17.12.1926	6786339	1407074	20,8
На 1 янв. 1928 г.	7031248	1522995	21,7
На 1 янв. 1929 г.	7344,0 тыс.	1659,9 тыс.	22,6
На 1 янв. 1930 г.	7490,6 тыс.	1834,6 тыс.	24,5
На 1 янв. 1931 г.	7694,5 тыс.	2170,9 тыс.	28,2
Учет 16.04.1931	–	2209650	–
На 1 янв. 1932 г.	8021,4 тыс.	2807,4 тыс.	35,0
На 1 янв. 1933 г.	8129,7 тыс.	3167,2 тыс.	38,9

Анализ данных переписи 1926 г. показывает, что прирост городского населения был выше, чем в целом жителей Уральской области. За период между переписями 1920 и 1926 гг. численность населения региона выросла на 3,2 %, тогда как горожан – на 13,2 %. При этом восстановление городского населения шло быстрее, чем населения всего Урала: за 1924–1926 гг. число горожан выросло на 24, а жителей края – всего на 10,7 %.

В середине 1920-х годов экономика Урала представляла собой сложное и многоотраслевое хозяйство. Край уже тогда являлся крупным промышленным районом страны. В ценностном выражении на его долю приходилась шестая часть валовой продукции крупной промышленности

¹⁸ См.: Народное хозяйство СССР: стат. справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. XXII–XXIII; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.; Л., 1939. – С.8–9, 11.

¹⁹ Лебедев Ф. Население Уральской области по переписи 1926 г. // Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. Свердловск, 1927. С.5.

РСФСР или 5% общесоюзного промышленного производства²⁰. Но подавляющая часть промышленных предприятий (до 60 %) и рабочих (77,5 %) была сосредоточена в четырех промышленных округах края (Екатеринбургском, Златоустовском, Пермском и Тагильском)²¹, три из которых (за исключением Пермского) входили в состав Горнозаводского Урала. По переписи 1926 г., городское население здесь составляло 50,7 %. Эта уральская полоса еще до советской промышленной модернизации стала превращаться в преимущественно урбанизированный регион. Предуралье и особенно Зауралье по-прежнему оставались в основном сельскохозяйственными полосами. По уровню урбанизации они значительно уступали Горнозаводскому Уралу. Удельный вес горожан здесь в 1926 г. составлял соответственно 17,0 и 9,5 %²².

Экономические особенности развития Урала проявились в распределении городского населения по различным типам городских поселений. По данным переписи 1926 г., основная масса горожан края проживала в фабрично-заводских городах и заводах (45,9 %) и окружных городах (44,6 %), в прочих поселениях (железнодорожные станции, торговые пункты и т.п.) – 9,5 %²³. При этом в административных центрах было сосредоточено меньше половины всех горожан региона. Однако в рамках территориальных полос Уральской области распределение городского населения по типам населенных пунктов было иным. Если в Зауралье резко преобладало число жителей окружных городов, то в Горнозаводском Урале, наоборот, было больше обитателей прочих городов и поселений городского типа. Предуралье стояло между Горнозаводским Уралом и Зауральем, тяготая к Горнозаводскому Уралу. Таким образом, занятия городского населения Зауралья носили преимущественно торгово-административный характер, а Горнозаводского Урала – фабрично-заводской²⁴.

Отмеченная особенность Горнозаводского Урала проявлялась и в том, что из четырех окружных городов этой полосы три (Свердловск с Верх-Исетским пригородом, Златоуст и Нижний Тагил) были промышленными центрами. Для сравнения: из восьми городов Зауралья только Челябинск имел промышленные объекты, а из четырех окружных городов Предуралья заводским центром была Пермь с ее пригородом Мотовилихой²⁵. В целом уже в 1920-е годы городское население Урала носило промышленный характер.

²⁰ Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала: его состояние и развитие. Екатеринбург, 1923. С.3; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. С.154.

²¹ Положение труда на Урале в 1923 г. Екатеринбург, 1924. С.10.

²² Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928. С.4.

²³ Подсчитано по: Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С.139.

²⁴ Лебедев Ф. Население Уральской области по переписи 1926 г. С.6.

²⁵ Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С.140.

Особое значение для формирования городского населения Урала имело создание в регионе индустриального центра союзного значения в годы промышленной модернизации страны. Только за 1928–1932 гг. в крае было построено и пущено в эксплуатацию полностью или частично 149 предприятий, реконструировано 95 промышленных объектов²⁶. К концу первой пятилетки Урал превратился в один из самых крупных и перспективных индустриальных центров СССР с развитой структурой народного хозяйства.

Форсированное развитие производительных сил Урала обусловило резкий рост городского населения. Данные Табл. 1 показывают, что за первую пятилетку (1928–1932 гг.) число жителей городов и городских поселений Уральской области увеличилось в 2,1 раза, тогда как все население региона возросло всего в 1,2 раза. Для сравнения: для удвоения городского населения США потребовалось 30 лет, Англии – 60, Франции – свыше 60 лет²⁷. Наибольший рост численности горожан пришелся на начало 1930-х годов. Если прирост жителей городских поселений составил в 1928 г. 9,0 %, в 1929 г. – 10,5 %, то в 1930 г. – уже 18,3 %, а в 1931 г. – 29,3 %. В 1932 г. прирост численности горожан снизился до 12,8 %.

В итоге за 1928–1932 гг. удельный вес горожан в общей массе населения Урала вырос с 21,7 до 38,9 %. Этот показатель значительно превышал общесоюзный (24,0 %) и российский (25,1 %) ²⁸. В рассматриваемый период происходит перераспределение населения Уральской области между городом и селом в пользу первого и между полосами края. Наблюдается уменьшение абсолютной численности населения Зауралья (с 3 519,1 тыс. до 2 912,1 тыс.чел.) при незначительном росте числа горожан (с 347,3 тыс. до 521,1 тыс.чел.). При этом изменяется доля городских жителей в полосах края: в Горнозаводском Урале она увеличивается с 54,2 до 56,0 %, Предуралье – с 23,0 до 27,5 %, а в Зауралье она, наоборот, уменьшается с 22,8 до 16,5 % ²⁹. Это не случайно. Именно в Горнозаводском Урале и Предуралье в основном развернулось крупномасштабное промышленное строительство.

В 1933–1937 гг. сохраняются намеченные тенденции в динамике численности городского населения Урала, по-прежнему растет его удельный вес. Если в начале 1934 г. горожане составляли 47,7 % в общей численности населения Свердловской области, то к концу этого же года – уже 50,0 % ³⁰.

²⁶ История народного хозяйства Урала. Ч. 1. Свердловск, 1988. С.556–557.

²⁷ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (Социально-экономический очерк). М., 1962. С.95.

²⁸ Подсчитано по: Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1934. С.251.

²⁹ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1929. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С.281.

³⁰ Подсчитано по: Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. Свердловск, 1934. С.121.

Удельный вес горожан Челябинской области в середине 1935 г. был равен 47,0, а через год – 47,3 %³¹. Однако в рассматриваемый период сокращаются темпы прироста данной категории населения. Если число жителей городов и рабочих поселков Свердловской области увеличилось в 1933 г. на 10 %, то в 1934 г. – только на 5,5. Подобное явление объясняется, во-первых, тем, что освоение уже созданных промышленных объектов требовало значительно меньше рабочей силы. Во-вторых, в 1933 г. в городах Урала была зафиксирована естественная убыль населения, в том числе в Свердловской области она составила 11,8 на 1000 горожан, Челябинской – 16,4. Эти показатели оказались значительно хуже, чем в целом по областям Урала (соответственно: –7,5 и –2,6) и по городским поселениям РСФСР (–9,2)³². Естественная убыль населения связана с последствиями голода 1932–1933 гг. и ростом числа инфекционных заболеваний, особенно на новостройках, в связи с резким ухудшением жилищных и коммунально-бытовых условий. В 1934 г. в уральских городах вновь был отмечен положительный прирост населения, за исключением Перми, Нижнего Тагила и Челябинска³³.

6 января 1937 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. Данные Табл. 2³⁴ свидетельствуют, что за период между двумя переписями население Свердловской области увеличилось на 974 567 чел. или на 30,9 %, тогда как городское возросло на 1 264 934 чел. или на 40,1 %. В итоге удельный вес горожан в населении области поднялся с 26,7 до 51,1 %. Однако обращает на себя внимание исчисление жителей региона на начало 1933 г., произведенное в связи с образованием Свердловской области. При устойчивом росте числа горожан происходит сокращение населения в целом примерно на 2,0 % за счет значительной убыли жителей села. В Челябинской области за период между переписями населения 1926 и 1937 гг. отмечался быстрый рост городского населения. Если население региона в целом увеличилось всего на 8,0 % (на 204 553 чел.), то городское выросло почти в три раза (на 801 737 чел.) и составило в общем числе жителей края 43,6 % против 15,8 % в предыдущую перепись. По темпам роста горожан Челябинская область опережала даже Свердловскую область. При этом в отличие от соседнего региона увеличение числа жителей городских населенных пунктов шло в основном за счет внутреннего перераспределения населения края. Исчисление на 1 января 1933 г. и перепись 1937 г.

³¹ Подсчитано по: Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году (Краткие итоги). Челябинск, 1936. С.19.

³² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л.4–5, 12.

³³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л.3.

³⁴ Таблица составлена по: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1936. С. XLVI–XLVII; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. С.50–51, 56–57.

фиксируют незначительное увеличение населения области в целом при значительном росте горожан.

При разработке предварительных итогов переписи 1937 г. уральские статистики констатировали их расхождение с исчислением предыдущего года. В городских поселениях Челябинской области оказалось населения примерно на 221 тыс.чел. меньше, чем по июльскому исчислению 1936 г. По городам Свердловской области недоучет составил примерно 2,4 % (51,7 тыс.чел.) в сравнении с исчислением на 1 января 1936 г.³⁵

Таблица 2

Численность городского населения Свердловской и Челябинской областей в 1926–1937 гг.

	перепись 1926 г.	исчисление на 1 янв. 1933 г.	перепись 1937 г.
Свердловская область:			
все население	3151883	4201,3 тыс.	4126450
в т.ч. городское, абс., чел.	841380	1793,1 тыс.	2106314
в %%	26,7	42,7	51,1
Челябинская область:			
все население	2564012	2630,4 тыс.	2768565
в т.ч. городское: абс., тыс.	405522	940,5 тыс.	1207259
в %%	15,8	36,1	43,6

Основной причиной расхождения в численности городского населения по данным переписи и исчисления 1936 г. региональные статистики считали неверную базу для расчета численности населения, установленную еще Уральским облУНХУ. При исчислении населения 1931–1933 гг. данная учетная организация прибавила к горожанам 135 тыс. трудпоселенцев. И именно от этой базы производились все дальнейшие исчисления населения. Но на момент переписи 1937 г. невозможно уже было установить, сколько трудпоселенцев было приписано к конкретным городам Урала. При этом вплоть до 1936 г. трудпоселенцы оставались включенными в общую численность городского населения в размерах 1933 г., т.е. по этой категории населения механический учет не производился³⁶. В достоверности этой причины убеждает тот факт, что в 1931 г. был зафиксирован скачок в численности городского населения Урала. Данные Табл. 1 свидетельствуют: в этот год прирост горожан был максимальным за все предшествующие 1920-е–начало 1930-х гг. 16 апреля означенного года был проведен учет населения. Он позволяет вычислить, что за период с января до середины апреля темпы прироста городского населения составили 17,8 %, с середины апреля до конца 1931 г. – 27,0 %.

³⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л.125, 185.

³⁶ Там же. Л.125 об., 132–132 об.

Итоги Всесоюзной переписи 1937 г. были признаны дефектными, на 17 января 1939 г. была назначена новая перепись. Она показала, что удельный вес горожан в общей численности населения Свердловской области составил 59,9 % (1 503 588 чел.), Челябинской – 42,2 % (1 182 231 чел.), Молотовской (Пермской) области – 39,6 % (827 588 чел.). За период между переписями 1926 и 1939 гг., благодаря промышленной модернизации Урала, контингенты горожан увеличились в Челябинской области в 3,0 раза, Свердловской – 2,7, Молотовской (Пермской) области – в 2,6 раза. В итоге за 1926–1939 гг. доля горожан Урала в общей численности городского населения РСФСР возросла с 7,5 до 9,5 %, однако по СССР этот показатель снизился с 7,8 до 6,2 %³⁷.

В момент переписи населения 1939 г. на Урале существовало 47 городов и 109 поселков городского типа. Градостроительство региона шло по пути развития крупных городов вокруг промышленных гигантов. В 1939 г. удельный вес жителей крупных городов Урала составил 46,7 %³⁸.

Игнатьева Л.Н.

(Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск)

Динамика численности населения Казахской ССР в конце 40-х – 50-е годы XX века

Конец 40-х – 50-е годы XX века в истории формирования населения Казахстана занимают особое место. Для анализа численности населения в этот период обычно используют данные переписей населения 1939 и 1959 гг. Но это не дает объективной картины демографических процессов, происходивших в это двадцатилетие. Если исходить из данных переписей, то за этот период численность населения Казахской ССР возрастает на 33,8 %. На первый взгляд, именно все эти двадцать лет шел такой интенсивный прирост населения, самый значительный в СССР.

Но реальная картина демографических событий того времени отличается от общепринятой трактовки. Используя архивные данные, мы реконструировали возможную перепись 1949 г. По этим данным, за десятилетие с 1939 по 1949 гг. население Казахской ССР сокращается на 0,3 %. То есть, все миграционные вливания в республику в этот период не дают эффекта увеличения численности населения, но оказывают влияние на его этнический состав.

В период с 1949 по 1959 гг. численность населения Казахстана увеличивается на 2 933,9 тыс. человек (на 31,5 % или в 1,5 раза). Как видно

³⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1922. С.22, 24.

³⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С.126, 169–173, 252, 274–280, 288, 324–334.

из приведенных данных, реальный прирост населения наблюдался только в десятилетие с 1949 по 1959 гг. В данный период основным фактором, повлиявшим на рост численности населения, была внешняя миграция. Это возобновившийся с 1952 г. оргнабор, репатриация советских граждан из КНР, а с 1954 г. – освоение целинных и залежных земель. Все эти события компенсировали потери военного времени и дали самый значительный прирост населения.

Но необходимо отметить, что рост численности населения в это десятилетие был неравномерным. Этот период условно можно разделить на два этапа: 1949-1954 гг. и 1954-1959 гг. То есть время до освоения целинных и залежных земель и период освоения целины.

Таблица 1

Численность населения Казахстана в 1949–1954 гг.

	1949 г.		1954 г.		1954 г.к 1949 г. %
	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	
Все население	6 375,9	100	7 555,0	100	118,5
Городское	2 369,8	37,2	3 109,9	41,2	131,2
Сельское	4 006,1	62,8	4 445,1	58,8	111,0

Рассчитано по: ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 358^а, лист 84; ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 423, лист 5 (Примечание: Численность населения по Казахской ССР на 1.1.1954 г. в количестве 7555 тыс. человек установлена ЦСУ СССР с включением в неё военнослужащих и заключенных).

Период с 1949 по 1954 гг. не отмечен активными миграционными процессами на территории Казахстана. Но все же в это время население республики продолжает уверенно расти. Увеличение численности населения в этот период шло в основном за счет естественного прироста, и лишь с 1953 г. отмечается более значительное возрастание численности населения, что было связано с возобновлением оргнабора.

Из приведенных данных видно, что в это время в целом городское население росло более быстрыми темпами, чем сельское. Лишь с 1953 по 1954 гг. сельское население по приросту обгоняет городское. А в периоды 1951-1952 и 1952-1953 гг. сельское население уменьшалось. Связано это с тем, что часть сельского населения была документирована и могла самостоятельно осуществлять выбор места жительства.

Таблица 2

Динамика численности населения 1949-1954 гг. (тыс. чел.)

	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
Город	2 369,8	2 495,1	2 712,2	2 854,2	2 978,5	3 109,9
Село	4 006,1	4 087,7	4 019,1	4 109,3	4 069,9	4 445,1
Всего	6 375,9	6 582,8	6 731,3	6 963,5	7 048,4	7 555,0
Ежегодный прирост						
Город		5,0 %	8,0 %	4,9 %	4,1 %	4,2 %
Село		2,0 %	-1,7 %	2,2 %	-1,0 %	8,4 %
Всего		3,1 %	2,2 %	3,3 %	1,2 %	6,7 %

Рассчитано по: ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 358^a, лист 84; ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 369, лист 27; ЦГА РК. Ф.698 оп.14 дело 387 лист 23; ЦГА РК. Фонд 698, оп.14, дело 405, лист 4; ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 423, лист 5.

Ещё одной причиной может служить увеличение налогов на сельское население в конце 40-х – начале 50-х годов. Это приводит к тому, что люди без разрешения покидают места проживания. Третьей причиной могло стать строительство промышленных предприятий и дорог. Рабочие руки для этого рекрутировались из сельской местности. Начиная с 1954 г., население республики будет расти более быстрыми темпами. При этом численность сельского населения в этот период ещё не достигла довоенного уровня.

По всем пяти экономическим районам Казахстана с 1949 по 1954 г наблюдается рост и городского, и сельского населения. При этом доля горожан в составе населения во всех районах увеличивается, а сельского уменьшается.

В Южном экономическом районе численность населения возросла на 19%, городское население увеличилось на 23,5 %, а сельское – на 16,4 %. В этом регионе отмечены самые высокие темпы роста сельского населения. Связано это в определенной мере с организованными переселениями в колхозы и совхозы южного Казахстана (переселения были как внутреспубликанские, так и из других республик СССР). Самые высокие темпы роста населения отмечены в Центральном регионе – на 25,1 %. Городское население возросло на 29 %, а сельское – на 12,5 %.

В других экономических регионах республики отмечены невысокие показатели роста численности населения. Население Восточного региона увеличилось на 14,5 %, городское на 24,9%, сельское – на 4,5 %. В Западном регионе население возросло на 12,8%, городское на 24,2 %, сельское – на 4,7 %. Население Северного региона увеличилось на 9,3 %, городское на 18,4 %, сельское – на 5,6 %. В Северном регионе отмечены самые низкие темпы роста населения в этот период.

В целом с 1949 г. по 1954 г. население Казахстана возрастает на 15,6%; городское – на 23,8 %, сельское – на 9,8 %. То есть в этот период население республики увеличилось более чем на 1 миллион человек. При

этом доля городского населения увеличилась, а доля сельского уменьшилась.

Таблица 3
Динамика численности населения 1954 – 1959 гг.

Показатель	1954г.		1959 г.		1959 г. к 1954г., %
	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	
Все население	7 555,0	100	9 309,8	100	123,0
Городское	3 109,9	41,2	4 067,2	43,7	130,8
Сельское	4 445,1	58,8	5 242,6	56,3	117,9

Рассчитано по: ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 423, лист 5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. с.14.

С 1954 г. по 1959 г. население Казахстана возрастает на 22,5%; городское – на 22,8 %, сельское – на 12,8 %. В этот период население увеличивается почти на 2 млн. человек. В это время рост численности населения связан в основном с миграционными процессами периода освоения целинных и залежных земель.

Таблица 4
Динамика численности населения Казахстана в 1949 – 1954 – 1959 гг.

	Все население	Городское	Сельское
1949 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	6 375,9	2 369,8	4 006,1
Доля в составе населения (%)	100	37,0	62,8
1954 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	7 555,0	3 109,9	4 445,1
Доля в составе населения (%)	100	41,2	58,8
1959 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	9 309,8	4 067,2	5 242,6
Доля в составе населения (%)	100	43,7	56,3

Рассчитано по: ЦГА РК. фонд 689. оп. 14. д. 358^а. л. 84, ЦГА РК. Фонд 698, оп. 14, дело 423, лист 5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. с.14.

Из приведенных выше сравнительных данных численности населения за 1949, 1954 и 1959 гг., видно, что даже в это рост населения Казахской ССР шел неравномерно. Львиная доля прироста приходится на 1954-1959 гг., т.е. на период мощнейших миграционных вливаний из других республик СССР.

Обобщенные данные по динамике численности в целом за десятилетие (1949-1959 гг.) представлены в следующей таблице:

Таблица 5

Динамика численности населения 1949 – 1959 гг.

Показатель	1949 г.		1959 г.		1959 к 1949 %
	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	
Все население	6 375,9	100	9 309,8	100	146,0
Городское	2 369,8	37,2	4 067,2	43,7	171,6
Сельское	4 006,1	62,8	5 242,6	56,3	130,9

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. с. 14, ЦГА РК. фонд 689. оп. 14. д. 358^а. л. 84.

С 1949 по 1959 г. население республики возросло на 31,5 %. Численность городского населения увеличивается на 41,7 %, а сельского – на 23,6 %. При этом доля горожан в составе населения увеличивается, а селян уменьшается на 6,5 %.

В региональном разрезе динамика численности населения республики в это десятилетие выглядит следующим образом (Табл.6):

В Южном экономическом районе в целом численность населения возросла на 22,1 %. Численность городского населения увеличилась на 16,6 %, сельского – на 25,1 %.

В Восточном экономическом районе численность населения возросла на 34,8 %. Численность городского населения увеличилась на 60,9 %, сельского – на 16,2 %.

В Центральном экономическом районе численность населения возросла на 76,2 %. Горожан стало больше на 89,5 %, а сельских жителей – на 41,3 %.

В Западном экономическом районе численность населения возросла на 33,3 %. Численность городского населения увеличилась на 56,4 %, сельского – на 20,4 %.

В Северном экономическом районе численность населения возросла на 53,1 %. Численность городского населения увеличилась на 81,1 %, сельского – на 43,2 %.

Таблица 6

Динамика численности населения по экономическим районам (1949-1959 гг.)

	1949 г.		1959 г.	
	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)	Численность населения (тыс. чел.)	Доля в составе населения (%)
<i><u>Южный</u></i>				
Все население	2257,4	100	2756,6	100
Городское	801,9	35,5	935,0	33,9
Сельское	1456,0	64,5	1821,6	66,1
<i><u>Восточный</u></i>				
Все население	931,0	100	1255,2	100
Городское	386,9	41,6	622,6	49,6
Сельское	544,1	58,4	632,6	50,4
<i><u>Центральный</u></i>				
Все население	579,9	100	1022,2	100
Городское	420,9	72,6	797,4	78,0
Сельское	159,0	27,4	224,8	22,0
<i><u>Западный</u></i>				
Все население	802,5	100	1070,0	100
Городское	287,4	35,8	449,6	42,0
Сельское	515,1	64,2	620,4	58,0
<i><u>Северный</u></i>				
Все население	1805,1	100	2763,5	100
Городское	472,7	26,2	856,1	31,0
Сельское	1332,4	75,8	1907,4	69,0
<i><u>Итого</u></i>				
Все население	6375,9	100	9309,8	100
Городское	2369,8	37,2	4067,2	43,7
Сельское	4006,1	62,8	5242,6	56,3

Расчитано по: ЦГА РК. фонд 689. оп. 14. д. 358^а. л. 84, Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. с.14.

Самый значительный прирост населения отмечен в Северном и Центральном экономических районах, менее значительный в Восточном и Западном, а наименьший – в Южном экономическом районе. Причем во всех экономических районах идет рост городского населения, увеличивается не только численность, но и его доля в составе населения. Также наблюдался численный рост сельского населения во всех экономических районах, но при этом шло снижение его доли в составе населения. В данном случае очень четко видно, что значительное увеличение численности населения

произошло именно в тех регионах, где шел процесс освоения целинных и залежных земель.

В заключение, в качестве наглядного доказательства не вполне корректной официальной версии динамики численности населения Казахской ССР в период с 1939 по 1959 гг., можно привести сравнительные данные по численности населения республики за 1939, 1949, и 1959 гг.

Таблица 7

Динамика численности населения Казахстана в 1939 – 1949 – 1959 гг.

	Все население	Городское	Сельское
1939 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	6 394,6	1 940,5	4 454,1
Доля в составе населения (%)	100	30,3	69,7
1949 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	6 375,9	2 369,8	4 006,1
Доля в составе населения (%)	100	37,0	62,8
1959 г.			
Численность населения (тыс. чел.)	9 309,8	4 067,2	5 242,6
Доля в составе населения (%)	100	43,7	56,3

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 336, дд. 388-402, ЦГА РК. фонд 689. оп. 14. д. 358^а. л. 84, Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. с.14.

Как видно из таблицы, в этот период реальный рост населения Казахстана происходил только в 50-е годы. До этого времени, несмотря на то, что с 30-х годов в республику направлялись миграционные потоки из других регионов СССР в виде оргнабора, раскулаченных, депортаций, эвакуации, они лишь компенсировали потери местного населения этого времени. Заметное влияние данные миграции оказали на национальный состав населения республики, изменив этническую картину населения Казахской ССР. События 50-х годов повлияли не только на этнический состав населения, но и привели к его значительному росту

Демографические трансформации в Беларуси в XIX-XXI веках

Многочисленные социальные потрясения XX века фундаментально влияли на процесс демографической трансформации и модернизации Беларуси (сначала в составе России с конца XVIII века до 1917 г., затем в составе СССР 1917-1991 гг., с 1991 г. в новом качестве суверенного государства). Демографическая трансформация и модернизация и в городе, и в сельской местности (трансформации семьи, брака, рождаемости, смертности, миграции) происходила на протяжении всего XX столетия под влиянием часто не зависящих от народа Беларуси внешних и внутренних причин, отбрасывалась катастрофами и, нередко, ошибочными действиями политической власти, происходила противоречиво, часто непоследовательно, методом социальных проб и ошибок. Тем не менее, она двигалась в демографической сфере в русле мирового демографического прогресса. К концу XX века Беларусь продвинулась на демографическом поле чрезвычайно далеко, в корне преобразовав традиционный процесс возобновления поколений, существовавший многие столетия.

Анализ демографических модернизационных преобразований в демовоспроизводстве Беларуси свидетельствует о глубочайших сдвигах и обновлении основополагающих механизмов функционирования демографической системы, и о том, что к концу XX века утвердился новый тип воспроизводства населения, намного более экономичный и устойчивый, чем предыдущий. Поскольку демографическая система – одна из важнейших систем всего социального целого, то ее модернизация, будучи продолжением социальных, экономических, технологических и культурных сдвигов и переворотов, имела, в свою очередь, огромные последствия для развития всего социума. Она сказалась на всех сторонах его жизнедеятельности, изменила возрастной состав населения и многочисленные демографические структуры, трансформировала сферу производства, распределения и потребления, обусловила неизбежность появления новой организации отношений между различными социально-демографическими группами, трансформировала психологические установки и систему ценностей.

Беларусь, как и вся Российская империя, в которую она входила как Северо-Западный край, вошла в XX столетие с очень высокой по уровню, но очень низкой по эффективности рождаемостью. Женщины рожали много, но потери семей, из-за ужасающей детской смертности, были огромны, что вызвало историческую необходимость трансформации демографической сферы в направлении повышения эффективности демографического и социального воспроизводства. Именно эффективное демовоспроизводство, которое характеризуется не столько числом рожденных детей, но прежде

всего тем, сколько детей из рожденных выживают, социализируются, становятся взрослыми, приходят на смену своим родителям, участвуют в экономической, социальной и культурной жизни, явилось мотором демографической трансформации на протяжении второй половины XIX и всего XX века. Началась эта трансформация в XIX веке после отмены крепостного права с переворота в младенческой и подростковой смертности, поскольку дети, умершие в младенчестве или на подступах к взрослой жизни, с демографической и социально-экономической точек зрения – представляли неоправданную растрату воспроизводственного потенциала человеческой популяции. Напротив, сохраненные дети после рождения, по мере их дожития до определенных социально-определенных возрастных когорт, становились все более ценным капиталом для семьи и общества.

В конце XIX – первом десятилетии XX века лишь половина рожденных девочек достигала среднего возраста материнства, однако при уровне рождаемости 7 детей на одну женщину обеспечивалось устойчиво расширенное воспроизводство населения – в 1,5 раза больше материнского, нетто-коэффициент воспроизводства колебался в интервале 1,5-1,6, что по существу означало демографический взрыв. Численность населения ежегодно увеличивалась на 1,4-1,6% вплоть до социальных катастроф 1914-1921 гг.

Однако быстрые темпы роста населения достигались ценой высокого расточительства человеческого капитала (Вишневский А.Г.). Воспроизводство поколений было расширенным, но высокзатратным, неэкономичным, поскольку более 50% девочек из числа рожденных не имели шанса дожить до возраста, в котором они могли заменить своих матерей.

Компенсационный рост рождаемости после социальных катастроф, НЭП и успехи в снижении смертности вновь восстановили прежние характеристики демографического воспроизводства продолжили и увеличили предвоенный (до 1914 г.) демографический взрыв. Тем не менее, из каждой тысячи „человеческих машин“, изготавливаемых в домашних «производствах», в середине 20-х годов XX столетия к периоду годности их для хозяйственной эксплуатации выживала лишь половина, а срок хозяйственного их «использования» длился только 16-18 лет. Тем не менее, положение менялось, вначале медленно на рубеже XIX-XX веков, но затем, после революции 1917 года и окончания гражданской войны, с ускорением. К середине XX века младенческая смертность в Беларуси, как и в России в целом была примерно в 2,5 раза ниже, чем в его начале. Снизилась смертность детей и в других возрастах, и это снижение стало важнейшим пусковым механизмом ускоренной модернизации всего процесса демографического воспроизводства, заключавшегося в снижении общей рождаемости под влиянием повышения выживаемости детских поколений до возраста их матери в момент рождения ею среднего ребенка.

Вторая мировая война вызвала новую демографическую катастрофу, во время которой нетто коэффициент стал значительно ниже единицы, а рождаемость упала вдвое.

Во время двух послевоенных (1945-1965 гг.) десятилетий резкое снижение детской смертности и смертности женщин в репродуктивном возрасте существенно увеличило шансы для девочки достигнуть возраста матери при рождении второго и третьего ребенка. В 1960-1964 гг. и 1965-1969 гг. они достигли 90-95%. Это был новый крупнейший шаг в повышении эффективности демовоспроизводства. Благодаря такому снижению смертности режим воспроизводства обеспечивал расширенное замещение поколений, несмотря на существенное снижение рождаемости. Каждое новое поколение воспроизводило родительское с превышением. Однако уже в то время перспектива перехода к суженному воспроизводству становилась все более очевидной. Момент стабильного долговременного удержания простого воспроизводства был упущен, отодвинут до 80-х годов, где был решен отчасти, поднявшись до отметки 2,1 ребенка (граница простого воспроизводства при современном уровне смертности), но совсем не так как следовало – противоречиво и без понимания демографических процессов властными структурами.

Из-за практического снятия различий в смертности между «материнскими» и «дочерними» поколениями, смертность во второй половине XX века перестает влиять на воспроизводственную ситуацию. При режиме смертности, характерном для женщин, родившихся во второй половине 1960-х годов, каждой из них для простого воспроизводства поколения требовалось родить в среднем 2,14 ребенка, а с учетом фактически сложившейся, более низкой смертности их детей – 2,12, или всего на 0,02 ребенка меньше. Если предположить, что в будущем Беларуси удастся максимально использовать резервы снижения детской смертности, и шансы стать взрослой женщиной для новорожденной девочки поднимутся вместо сегодняшних 97% до уровня, характерного сегодня для развитых стран, – более 98%, то граница простого замещения поколений составит 2,07-2,09 ребенка. Понятно, что принципиальных изменений в оценку «необходимого» уровня рождаемости это не вносит.

Таким образом к концу XX века смертность, как фактор репродуктивной деятельности поколений, практически исчерпала свою роль. Напротив, 96,5% женских смертей приходится на возраст 50 лет и старше, когда детей уже не рожают (за исключением единичных случаев). В этом вся разгадка ничтожного влияния смертности на современное воспроизводство населения (Борисов В.А.). Этим не принижается значение борьбы со смертностью. Гуманитарное, социальное, экономическое, политическое и прочее значение этой борьбы бесспорно. Но воспроизводственное значение оказывается ничтожным. За счет снижения уровня смертности до сколь угодно низкого уровня абсолютно невозможно исправить демографическую ситуацию, и даже сколько-нибудь ее улучшить. Это обстоятельство

необходимо совершенно четко осознавать при решении проблемы депопуляции. Рождаемость и смертность в разных ипостасях и «весовых» категориях. Подъем рождаемости – центральное, главное направление преодоления депопуляции. Преодоление других демографических угроз, в том числе угроз со стороны смертности, имеют другую направленность и природу.

На рубеже 1980-х-1990-х годов вызванная реформациями социальная катастрофа «в мирное время», завершилась также демографической катастрофой – «недодемовоспроизводством» и сильнейшей депопуляцией. В демографическом плане депопуляция означает постепенное исчезновение народа и его культуры, самоубийство государства.

Для любой страны, в т.ч. Беларуси, депопуляция неизбежно означает ухудшение ее геополитического положения в мире.

Население Беларуси не воспроизводится уже около двух десятилетий. В связи с этим руководством страны демографическая ситуация в Беларуси была оценена как серьезная угроза устойчивому развитию и национальной безопасности страны и выдвинута в центр ее социальной политики, хотя по сравнению со многими другими государствами на постсоветском пространстве демографическая ситуация была не самая худшая.

Беларусью одной из первых на постсоветском пространстве была поставлена задача преодоления проблем, связанных с растущей депопуляцией и демографическим кризисом, что было отражено в принятом 4 января 2002 г. Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь». Этот документ открыл широкие правовые и организационные перспективы для решения демографических проблем в деле обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. В марте 2007 году в Республике Беларусь была принята очередная Национальная программа демографической безопасности страны на 2007-2010 годы. В ней были предусмотрены более действенные меры демографической политики.

Национальные программы демографической безопасности страны оказали позитивное влияние на целый ряд демографических процессов и характеристик: снижение младенческой и материнской смертности, снижение аборт, распространение современных методов контрацепции, и ряд других.

Уже в 2007 г. родилось 103,1 тыс. чел, что за последние 10 лет явилось наивысшим показателем. Существенно снизилась смертность и повысилась продолжительность жизни. Существенные позитивные изменения произошли в республике в методах внутрисемейного планирования рождаемости.

Динамика количества родившихся в Беларуси детей, начиная с 2005 г., усилила тенденцию к росту рождаемости. Вырос суммарный коэффициент рождаемости. Наименьшим на территории Республики Беларусь он был в 2004 г., – 1,201 рожденных детей на одну женщину (в городах – 1,10 в сельской местности –1,611), в 2007 г. составил 1,373 (в

городах – 1,275, в сельской местности – 1,785). Однако, этого по-прежнему мало. Население страны воспроизводится всего на 60-65%.

Расчеты веса структурных и других факторов в изменении рождаемости для 2006 и 2007 гг. показали, что прирост количества родившихся в республике зависит от структурных факторов всего на 10-12%, остальные – следствие воздействия других факторов, в первую очередь социально-экономических – общего улучшения социально-экономической ситуации, улучшения семейного климата, повышения внимания к семье с детьми со стороны государства, реализации мер, предусмотренных Национальными программами демографической безопасности Республики Беларусь на 2002-2005 гг. и особенно на 2007-2010 гг.

Однако, негативные демографические процессы в Белоруссии не преодолены. Остается незначительной доля рождений третьего ребенка в семье. Более половины родившихся составляют первенцы. Третьими родившимися являются лишь от 6,5 до 7,5 % детей. Не наблюдается и увеличения коэффициента рождаемости в возрастной когорте 20-29 лет. В результате демографическая ситуация в стране по-прежнему характеризуется отрицательным естественным приростом населения. При этом общее количество родившихся в настоящее время меньше, чем в 1993 году, когда впервые в стране сложилось отрицательное сальдо естественного прироста и началось резкое снижение рождаемости. Общее сокращение численности населения Белоруссии по-прежнему продолжается. Существенную роль в нем играет смертность.

В структуре причин смерти в стране первое место занимают болезни системы кровообращения. Смертность по этой причине за последние 15 лет имела тенденцию к росту, особенно у мужчин в средних и старших возрастных группах трудоспособного возраста на эту причину приходится более половины всех смертей. В 2003 г. по этой причине в стране умерло 55% от общего числа умерших как в городе, так и в селе. Второе место среди причин смерти занимает смертность от новообразований. Их доля среди всех причин смерти в последние годы несколько снизилась и составляет примерно 13%. Однако для значительного снижения смертности от новообразований нужны качественно новые открытия в медицине. Установлено также, что причины чрезмерной смертности и низкой продолжительности жизни населения республики кроются не только в проблемах здравоохранения и экологии, но и в образе жизни, где существенное место занимает алкоголизм и наркомания, табакокурение, особенно среди молодежи, недостаточное качество питания, пренебрежение ценностью самой жизни.

В целях преодоления кризисности в демографической сфере необходимо существенно поднять уровень практической демографической статистики, в том числе демографической социологической статистики, которые обеспечивали бы: знание экономического выражения стоимости затрат чрезмерной заболеваемости населения по различным возрастам, полу

и видам болезней; экономических выгод их преодоления; экономических затрат на инновации, технологии и повышение квалификации работников здравоохранения; знание экономической стоимости ущерба от чрезмерной смертности населения старших трудоспособных возрастных групп, особенно мужского населения, и выгод от преодоления этого ущерба.

Для увеличения средней продолжительности жизни существенный эффект может дать сокращение смертности населения от несчастных случаев, убийств, самоубийств и т. п. У мужчин смертность от этих причин в среднем в 3-4 раза выше, чем у женщин, а в некоторых возрастных группах трудоспособного контингента разница еще больше, причем в селах значительно выше, чем в городах. В последние годы начала несколько снижаться доля умерших от этих причин. Однако этот показатель остается все еще чрезмерным.

По данным сценарного прогноза населения, проведенного на 01.01.2007 г., (до принятия программы Национальной безопасности на 2007-2010 годы), исходя из демографических переменных, которые формировали в то время демографические процессы, численность и структуру населения страны (суммарный коэффициент рождаемости – 1,287, продолжительность жизни – 69,4 лет, в том числе для села 65,3), до 2031 года общая численность должна будет уменьшаться в ускоренном режиме. При этом численность населения в дотрудоспособном возрасте будет сравнительно неизменной, в посттрудоспособном возрасте существенно увеличится, а в трудоспособном возрасте существенно уменьшится – на 1,2 млн., это ключевой негатив прогнозного периода для экономики.

Численность населения Республики Беларусь к 1.01.2016 г. должна составить 9,52 млн. человек, примерно на 156 тыс. человек меньше, чем на 01.01.2008 г., в том числе в трудоспособном возрасте 5,556 млн. человек, что меньше примерно на 490 тыс. человек по сравнению с 01.01.2008, тогда как численность в пенсионном возрасте увеличится с 2,096 млн. до 2,3164 млн.

Крайне низкое число рождений и чрезмерная смертность – две переменные, которые были определены в качестве главных формирующих угроз безопасности страны и ее устойчивости в ближайшие два-три десятилетия. С ними связана и коренная реконструкция и трансформация экономики. В связи с этим мы уже в то время считали необходимым создать из числа руководителей государства, министерств и ведомств, ученых Академии наук и других научных организаций специальную комиссию по разработке трансформации экономики, социальной сферы, обороны и правоохранительных органов Республики Беларусь, включая её пространственно-территориальную организацию, в условиях ожидающегося острого дефицита человеческих ресурсов в 2011-2030 гг.

Разработанная и принятая на 2007-2010 гг. Национальная программа демографической безопасности должна была существенно изменить демографическую ситуацию. Годы её реализации подтвердили реальность её

целей и задач. Возникла необходимость в разработке демографического прогноза на более длительный период.

Прогноз на 2009-2031 годы опирается на достигнутые демографически переменные в 2009 г. – продолжительность жизни всего населения – 70,5 года (в т.ч. мужчин – 64,7 года, женщин – 76,5), в городском населении – 71,9 лет (в том числе мужчины 66,3, женщины 77,3); в сельском населении – 66,6 (в т.ч. мужчины 60,4, женщины 74,4).

В основу прогноза был положен суммарный коэффициент для города 1,337, для сельской местности – 1,796. После консультаций со специалистами были определены возможные темпы изменений рождаемости и смертности на весь прогнозный период.

Были определены также возможные объемы миграции между селом и городом (достаточно реальные) и объемы внешней миграции (возможно излишне оптимистичные, но при успешном социо-культурном, экономическом и политическом развитии страны вполне достижимые).

Разработанный на основе достигнутых показателей и принятых на будущее реальных показателей и условий прогноз свидетельствует, что депопуляция в стране сохранится даже при определенном повышении рождаемости и снижении смертности, поскольку ни в городе, ни даже в селе суммарный коэффициент рождаемости не достигнет показателя 2,14, обеспечивающего простое демовоспроизводство.

Вместе с тем мы видим ряд существенных позитивных сдвигов.

Численность населения в возрасте до 16 лет может вырасти с 1,529 млн. в 2009 г. до 1,837 млн. к 2031 г. Несмотря на сокращение общей численности населения страны, в городской местности оно увеличится с 1,113 млн. человек до 1,513 млн. человек, что будет связано с ростом количества детей в расчете на одну городскую женщину, несмотря на структурное сокращение женского репродуктивного контингента с 2,036 млн. в 2009 г. до 1,740 млн. в 2031 г.

Численность всего населения в посттрудопособном возрасте возрастет с 2,1 млн. человек в 2009 г. до 2,629 млн. к 2031 г., при этом в городском населении оно возрастет с 1,350 млн. в 2009 г. до 2,133 млн. к 2031 г., тогда как в сельском оно, наоборот, снизится с 1, 358 млн. в 2009 г. до 0,495 млн. к 2031 г. Это структурный результат. И это огромный, пока еще до конца не осознанный позитив для села и всех его институциональных служб. Равно как и городской результат с отрицательным знаком, пока неосознанный и институциональными службами в городах.

Но, очевидно, наиболее значимый негативный для социума результат связан с количественной трансформацией в области трудовых ресурсов и человеческого капитала социума, в том числе, в городской и сельской местности. Согласно прогнозу, численность населения социума в трудоспособном возрасте, которое составляет примерно 95% его трудовых ресурсов и человеческого капитала, сократится с 6,038 млн. человек в 2009 г. до 5,182 млн. человек к 2031 г., в том числе в городской местности с 4,680

млн. человек в 2009 г. до 4,259 млн. к 2031 г., и в сельской с 1,358 млн. в 2009 г. до 0,923 млн. к 2031 г.

Указанные демографические трансформации, которые произойдут в нашем социуме и его сельской и городской сферах в 2010-2033 годах, являются наиболее значимыми в развитии, в определенном смысле судьбоносными, поскольку социум (исключая войны) развивался в прямо противоположных демографических условиях. Необходимо, как мы уже не раз заявляли, соединение сил власти ученых и общества в целом для выработки наиболее оптимальных решений в новых будущих демографических условиях.

Сафарова Г.Л., Косолапенко Н.Г.

(Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН)

Динамика возрастной структуры населения России*

Множество демографов придерживается мнения, что решающее влияние на демографическое развитие в XXI веке будет оказывать процесс старения населения. Старение населения является проявлением трансформации возрастной структуры в процессе демографического перехода – снижается удельный вес детей (0–14 лет) и возрастает доля пожилых (60 лет и старше или 65 лет и старше) в общей численности населения. В связи с этим как научный интерес, так и практическую значимость имеет анализ динамики возрастно-половой структуры населения. Работа посвящена исследованию изменений возрастной структуры населения России с середины 20-го века и ее будущим тенденциям.

Предполагается проанализировать изменение удельного веса основных возрастных групп (0–14 лет, 15–54 года, 60+) в общей численности населения, динамику медианного возраста, представляющего собой интегральную характеристику возрастной структуры. В связи с прогрессирующим старением населения значительное внимание будет уделено возрастному составу пожилого населения, который не остается неизменным.

Расчеты основаны на данных переписей населения и текущей статистики [2]. Используются перспективные расчеты Отдела экономики и социальных вопросов секретариата ООН [13].

Динамика возрастной структуры населения России, 1959-2008

Возрастная структура является одной из важнейших характеристик населения. Анализ возрастного состава населения позволяет глубже проникнуть в суть отдельных процессов естественного движения и, следовательно, в особенности воспроизводства населения. Это обусловлено

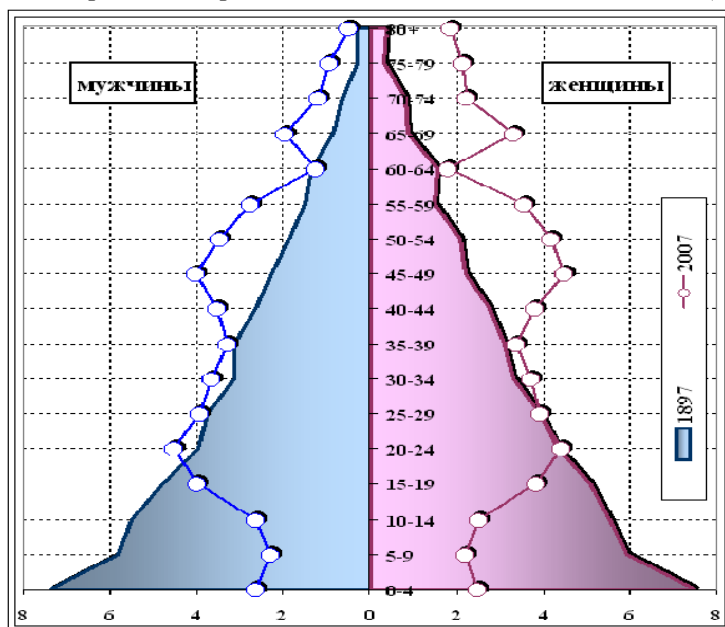
* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного фондом ERSTE.

тем, что возрастная-половая структура является результатом эволюции режима воспроизводства населения, действовавшего в ближайшем и отдаленном прошлом. Кроме того, структура оказывает определенное влияние на будущий рост населения [1, 4-7, 12].

Динамика возрастно-половой структуры зависит от двух основных групп факторов – эволюционных, характеризующих общие закономерности изменения возрастной структуры, без каких-либо пертурбационных потрясений, и кризисных, которые резко нарушают ход демографической истории (например, войны, голод, массовые репрессии). Преобладающее влияние на динамику возрастной структуры населения России в XX столетии оказала вторая группа факторов.

На Рис. 1 представлены возрастные пирамиды населения России в 1897 г. и в 2007 г., т.е. до начала демографического перехода в России и в наше время. Приведенные возрастные структуры разительно отличаются друг от друга: за прошедшие после первой в России переписи населения 110 лет доля детей (0–14 лет) в общей численности населения страны сократилась с 37.7% до 14.7%, а доля пожилых (60+) возросла с 7.3% до 17.2%. До настоящего времени удельный вес населения в трудоспособном возрасте не уменьшался. Таким образом, соотношение суммарной доли детей и пожилых и доли населения в трудоспособном возрасте не возрастало, что было благоприятным с экономической точки зрения.

Рис.1. Возрастные пирамиды населения России, 1897 и 2007 гг. (%)

Подробно описанная в [8] возрастная пирамида по первой послевоенной переписи населения 1959 г. дает представление о времени и условиях образования основных современных демографических волн. Последние определяли не только сдвиги собственно возрастной структуры, но и изменение количественных показателей естественного движения населения на протяжении последних 50 лет. Эти „волны” будут также влиять на динамику общей численности населения и показателей естественного движения и возрастной структуры в течение ближайших десятилетий.

Отметим, что сужение основания возрастной пирамиды населения России обусловлено не только сокращением интенсивности рождений, но и демографическим эхом войны; тем не менее, основным фактором сужения основания пирамиды является снижение рождаемости. Некоторое его расширение, которое намечилось в начале нынешнего века, связано как со структурным фактором (относительно высокой долей населения в репродуктивном возрасте), так и с интенсивным (собственно возрастанием рождаемости).

Одним из видов обобщающей характеристики возрастной структуры населения является ее деление на укрупненные возрастные группы, представляющие детей, население в трудоспособном возрасте и пожилых (соответственно, 0-14 лет, 15-59 лет и 60+). Картину изменения агрегированной возрастной структуры населения России после Всесоюзной переписи населения 1959 г. дают Рис. 2 а, б. По сравнению с 1959 г., в России удельный вес детей сократился почти в два раза – с 29.2% (в 1959 г.) до 14.7% (на начало 2008 г.), доля лиц в возрасте 60 лет и старше за тот же период увеличилась почти на 90% (с 8.9 до 17.2%) [2].

Рис. 2а. Удельный вес укрупненных возрастных групп в общей численности населения России, 1959 – 2025 гг. (%)

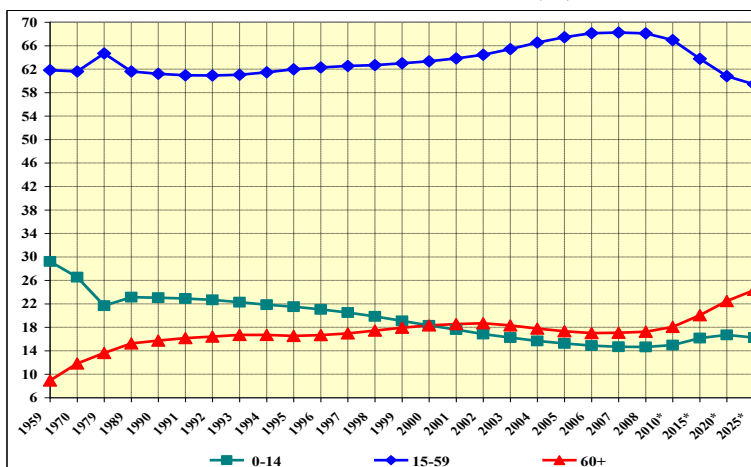
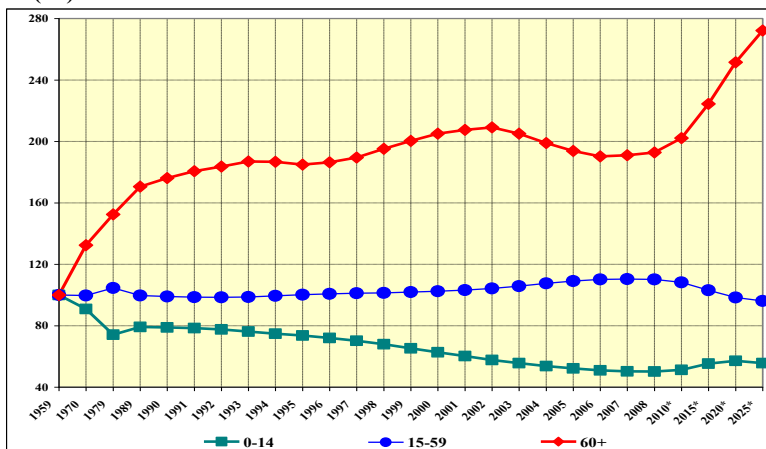

Рис. 2в. Изменение удельного веса укрупненных возрастных групп в общей численности населения России (относительно 1959 г.), 1959 – 2025 гг. (%)

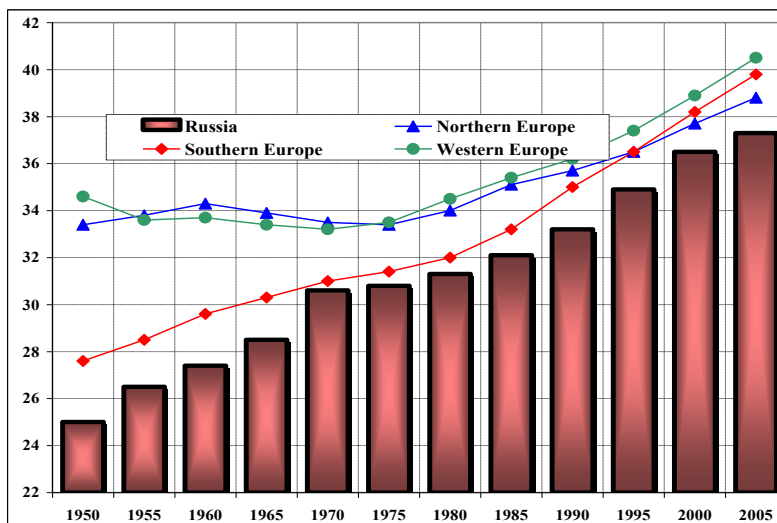
Следует отметить, что возрастная структура населения России, помимо деформаций, вызванных кризисными событиями в истории страны, характеризуется значительным гендерным дисбалансом, усиливающимся с возрастом. Заметим также, что число мужчин на 1000 женщин в России меньше, чем в экономически развитых европейских странах. Более того, число мужчин на 1000 женщин для возрастной группы 60+ для России меньше, чем для возрастной группы 65+ для этих стран. Тем не менее, особенностью долговременных изменений возрастной структуры России является постепенное ослабление диспропорции полов по мере естественного ухода из жизни поколений, в которых эта диспропорция была особенно сильна.

К числу интегральных характеристик возрастной структуры можно отнести медианный возраст населения. Он делит все население на две равные части: одну – моложе медианного возраста, другую – старше. Увеличение медианного возраста означает сокращение удельного веса молодых возрастных групп и/или рост доли старших возрастов. На Рис. 3 приведена динамика медианного возраста для России и регионов Европы. Представленные данные свидетельствуют о росте медианного возраста для всех рассматриваемых населений. Для России медианный возраст имеет меньшие значения, чем для стран Северной, Южной и Западной Европы, при этом очевидно сближение этих значений [13].

Ряд характеристик процесса старения для населения России и их сравнение с соответствующими показателями для ряда европейских стран, представляющих Восточную, Западную, Северную и Южную Европу, были

рассмотрены нами ранее (см., напр., [11]). В настоящей работе остановимся на возрастном составе пожилых.

Рис.3. Медианный возраст; Россия, Северная, Южная, Западная Европа, 1950–2005

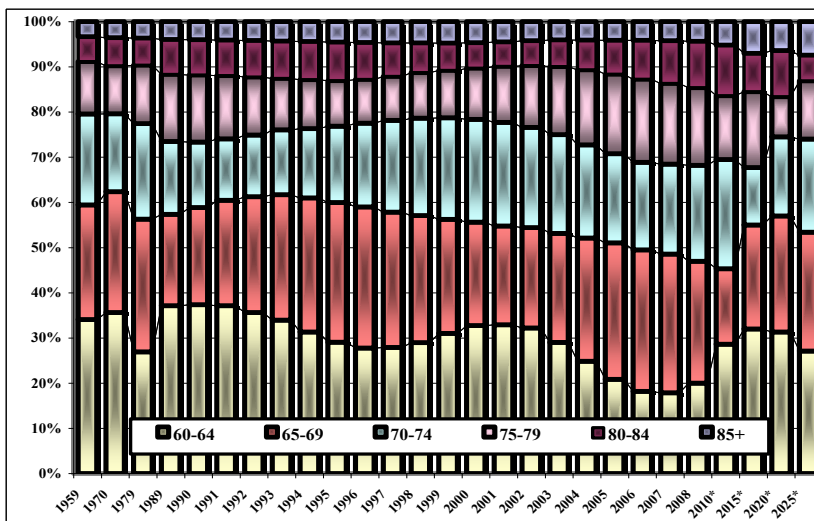

Развитие процесса старения проявляется и в изменении самого пожилого населения. Заметим, что структура пожилого населения до некоторой степени определяет потребность в уходе и других видах помощи пожилым. На Рис. 4 представлена динамика возрастного состава населения России в возрасте 60 лет и старше в 1959-2025 гг. (2010, ..., 2025 гг. – расчет на основе среднего варианта прогноза ООН (The 2008 Revision [13]).

Как показывают результаты расчетов, пожилое население само стареет: за 1989-2008 гг. удельный вес «молодых пожилых» (60–69 лет) в населении 60+ сократился почти на 10% (с 57.3% в 1989 г. до 47.0% в 2008 г.), тогда как доля возрастной группы 70–79 лет возросла с 30.9% до 38.4%, а возрастной группы 80+ (oldest old) – с 11.7% до 14.6%.

Отметим, что в населении 60+ группа oldest old является наиболее быстро растущей – по среднему варианту прогноза ООН (The 2008 Revision), удельный вес этой группы в общей численности пожилого населения к 2050 г. может достичь 18.9%.

Рис. 4. Возрастной состав пожилого населения (60+), Россия, 1959 – 2008 гг.

Будущие тенденции возрастной структуры населения России: вероятностный прогноз и прогноз ООН (The 2008 Revision)

Имеется множество демографических прогнозов для России (см., напр., обзор, содержащийся в [9]; [3]). Остановимся кратко на последнем прогнозе ООН (The 2008 Revision) и вероятностном прогнозе [10]. Мы не имеем возможности остановиться здесь на гипотезах изменения основных демографических процессов, положенных в основу прогнозных сценариев. Приведем результаты прогнозных расчетов.

По обоим прогнозам ожидается монотонное сокращение общей численности населения: к 2050 г. для России: 95%-й доверительный интервал составит 94.4 – 122.8 млн. человек (см. Рис. 5), по прогнозу же ООН, численность населения может изменяться в пределах 100.5 – 133.5 млн. человек [13]. Таким образом, по сравнению с численностью населения в 2005 г., население России к 2050 г. (медианное значение) может стать на 23.5% меньше, а по среднему варианту прогноза ООН – на 18.9% меньше. При этом в 2050 г. медианное значение для России (109.7 млн. человек) несколько меньше соответствующего значения для среднего варианта прогноза ООН (116.1 млн. человек).

Рассмотрим теперь будущую динамику возрастно-половой структуры, а именно, доли укрупненных возрастных групп.

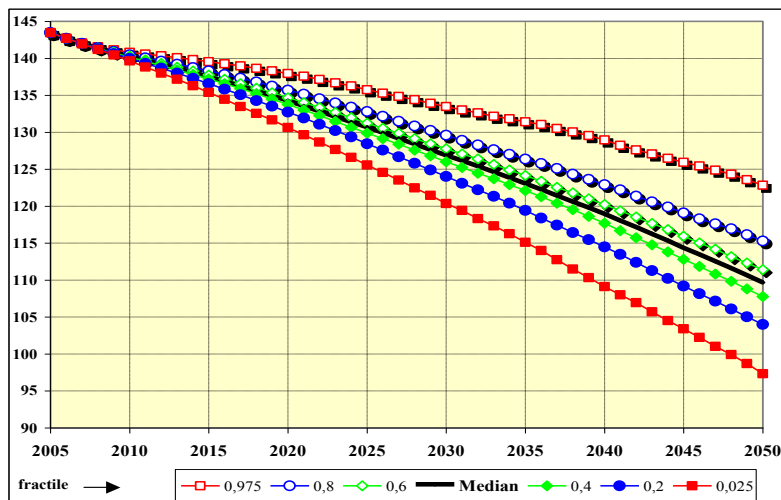
По вероятностному прогнозу для России, ожидается сокращение доли детей в общей численности населения: на 15.8% относительно значения в

2005 г. (оба пола, медианное значение). По среднему варианту прогноза ООН для России, ожидается рост этого показателя на 7.3% (для всего населения). При этом значения доли детей к 2050 г. по среднему варианту прогноза ООН (16.2%) выше, чем по вероятностному прогнозу (медианное значение 12.8%).

К 2050 г. медианное значение доли лиц в трудоспособном возрасте (15-64 года) по вероятностному прогнозу (61.1%) незначительно отличается от среднего варианта ООН (60.4%). По обоим прогнозам, доля лиц в трудоспособном возрасте будет сокращаться: относительно начального года это сокращение составит 14% по вероятностному прогнозу (медианное значение) и 15.0% по среднему варианту прогноза ООН.

По обоим прогнозам, процесс старения населения будет прогрессировать. Об этом свидетельствует рост показателей старения населения: доли лиц старше трудоспособного возраста, демографической нагрузки за счет пожилых и медианного возраста.

Рис. 5. Динамика общей численности населения России до 2050 г. при разных доверительных интервалах, млн. чел.

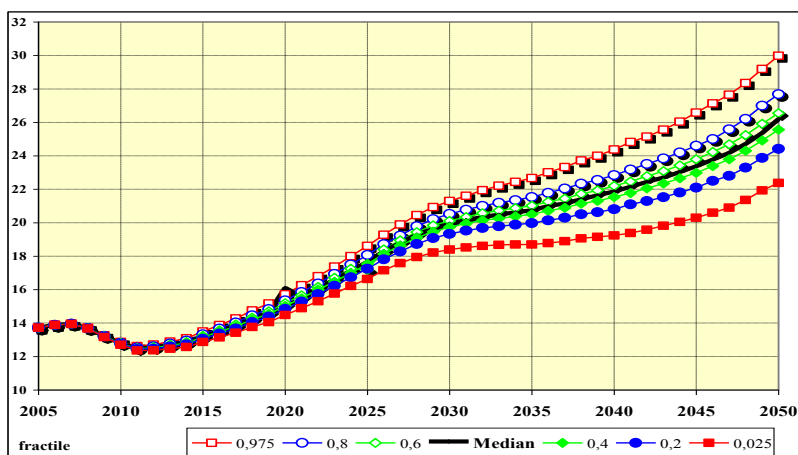
Прежде всего, ожидается дальнейший рост пожилых и старых людей в общей численности населения (см. Рис. 6): по вероятностному прогнозу доля лиц в возрасте 65+ для всего населения России увеличится с 13.7% в 2005 г. до 26.0% в 2050 г. (медианное значение) т.е. возрастет почти на 90% по сравнению с базовым годом. По прогнозу ООН (средний вариант) рост доли лиц в возрасте 65+ для всего населения составит 69.6% по сравнению со значением в 2005 г. (с 13.8 до 23.4%).

За рассматриваемый период рост доли лиц в возрасте 80+ будет еще более значительным, чем группы 65+: по сравнению с 2005 г., рост составит 186% по среднему варианту прогноза ООН и 210 % по вероятностному прогнозу.

Следует подчеркнуть, что в отличие от общей численности населения динамика удельного веса рассмотренных возрастных групп не будет монотонной.

Аналогично уже рассмотренным показателям, по обоим прогнозам медианный возраст для России будет возрастать (для мужского, женского и всего населения). Так, по вероятностному прогнозу медианный возраст для всего населения увеличится почти на 30% по сравнению с базовым годом (с 37.3 года до 48.3 года для России), по среднему варианту прогноза ООН к 2050 г. медианный возраст может достичь 44 лет.

Рис. 6. Динамика доли лиц старше трудоспособного возраста (65+) в общей численности населения России до 2050 г. при разных доверительных интервалах (%)

Таким образом, на фоне сокращения общей численности населения России процесс старения будет прогрессировать. Особенности динамики возрастного состава, в том числе возрастной структуры пожилого населения, следует учитывать при разработке мер демографической и социальной политики.

Литература

Андреев Е.М., Пирожков С.И. О потенциале демографического роста / Население и окружающая среда. – М.: Статистика, 1975. – С.52-67.
 Демографический ежегодник России 1995, ..., 2008: Стат. сб. – М.: Росстат.

- Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. – М.: Статистика, 1976.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л. Закономерное и «случайное» в динамике возрастной структуры населения // Демографические исследования. – Вып. 16. – Киев: Наукова думка, 1993. – С.72-92.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л. Возрастная структура как фактор роста населения // Клиническая геронтология. - 1997. – № 3. – С.18-24.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л. Возрастная структура как фактор воспроизводства населения // Экономико-математические исследования. Математические модели и информационные технологии III/ Под ред. А.А. Корбуа и Л.А. Руховца. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С.179-230.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л. при участии Шевчука П.Е. и Ильина Е.М. Основные демографические процессы и возрастная структура населений России и Украины // Пирожков С. И. Вибрані наукові праці: У 2т. – Т. 1. Демографічні і трудовий потенціал. – К.: Київ. нац. торг. екон. ун-т, 2008. – С.811-847.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л., Щербов С.Я. Демографические перспективы России и Украины // Пирожков С. И. Вибрані наукові праці: У 2т. – Т. 1. Демографічні і трудовий потенціал. – К.: Київ. нац. торг. екон. ун-т, 2008. – С.865-929.
- Пирожков С.И., Сафарова Г.Л., Щербов С.Я. Старение населений России и Украины: взгляд в будущее // Успехи геронтологии.-2007. – Вып.2 . – С.24-32.
- Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России / Отечественные записки. – № 3, 2005. – С. 110-123.
- Pirozhkov S., Safarova G. Demographic regularities and irregularities: the USSR population age structure // Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union before 1991 / Wolfgang Lutz, Sergei Scherbov and Andrei Volkov Eds., – London and New York: Routledge, – 1994. – P.441-469.
- World Population Prospects. The 2008 Revision – UN – New York // <http://www.unpopulation.org/>.

Хакимов П.Ш.

(Российско-Таджикский Славянский Университет, Душанбе)

Исторические аспекты развития населения РТ в период 1913-2008 гг.

Данные о численности и составе населения Таджикистана стали доступными после переписи населения царской России в 1897 г. С тех пор произошли существенные изменения в демографическом поведении населения страны под влиянием социально-экономических и политических факторов.

В 2008 г. около 36% населения находилось в возрасте до 15 лет, что даёт демографическую нагрузку снизу молодым составом населения.

Население страны остается молодым, медианный возраст достигает 24,7 лет¹.

Вследствие высокого уровня рождаемости и относительно низкого уровня смертности, рост абсолютной численности населения происходил быстрыми темпами. Абсолютная численность населения страны увеличилась в 6 раз в 2000 г. по сравнению с 1913 г. (межпереписной период) и по приблизительным оценкам в 2010 году составит 8,0 млн., что будет больше почти в 8 раз по сравнению с тем же 1913 г. (Рис 1.)

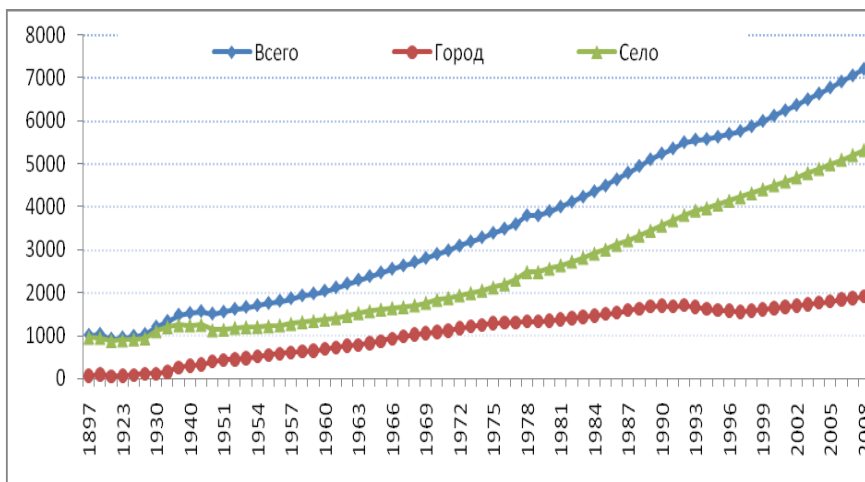

Рис. 1. Рост численности населения Республики Таджикистан в 1939 по 2008 гг. (в тыс.)²

Темпы роста численности населения в период с 1920 г. по 2007 г. находились в пределах 1-5%. Существенный рост численности городского населения в период с 1939 по 1975 гг. происходил за счет миграционного притока из других республик бывшего СССР. Самый высокий темп роста городского населения был в 1939 г., а самый низкий в 1993 г., что было связано с безвозвратной внешней миграцией. Темпы роста сельского населения до 70-х гг. были ниже темпов роста городского и всего населения, но в последние 30 лет тенденция поменялась на противоположную: сельское население растет быстрее, чем городское (Рис. 2).

¹ Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2008 г.

² Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2008 г.

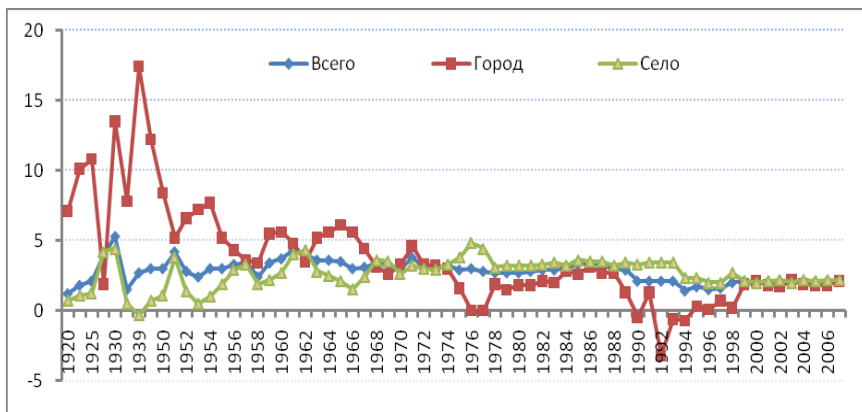

Рис. 2. Темпы роста численности городского и сельского населения РТ в период с 1920 по 2008 гг., (в %)³

В 1913 г. всего 9% населения страны жили в городских поселениях, тогда как этот показатель в 1979 и 2000 гг. составил 37% и 27% соответственно. Сельское население увеличивалась более быстрыми темпами, нежели городское, вследствие огромной концентрации населения в сельской местности (Рис. 3). Сельская перенаселенность в дальнейшем также будет служить источником роста абсолютной численности населения страны.

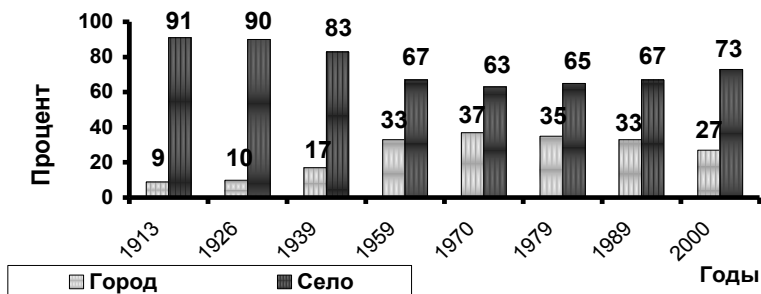

Рис. 3. Изменение удельного веса городского и сельского населения РТ между 1913 и 2000 гг. (межпереписной период)⁴

³ Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2008 г., С.11.

⁴ ГКС Республики Таджикистан. «Население Республики Таджикистан в 2000 году», (данные переписи 20-27 января 2000 г.).

Высокий уровень рождаемости, следовательно, быстрый рост численности населения в Таджикистане до распада СССР были и остаются источником огромного потенциала рабочих сил. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 1975 г. был равен 6,4 и сократился в 1,9 раза за последние 30 лет. СКР по городским поселениям с максимального значения, зафиксированного в 1970 г. (4,2), снизился до 2,8 в 2005 г. Самый высокий СКР в сельской местности был зафиксирован в 1975 г. (8,4 детей на одну женщину), и сократился более чем в 2,4 раза к 2005 году. В 2005 г. по сельским местностям, городским поселениям и по стране в целом СКР было выше замещающего уровня в 1,6; 1,4; и 1,5 раза соответственно (Рис. 4).

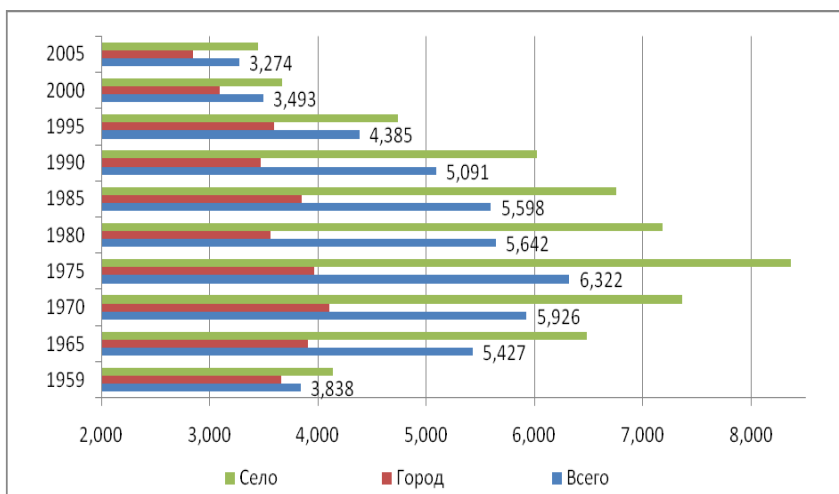

Рис.4 Суммарный коэффициент рождаемости в разрезе город-село⁵

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) претерпел также существенные изменения. В 2006 г. ОКР был примерно на уровне 1939 г., тогда как общий коэффициент смертности (ОКС) снизился за этот период в два раза. Максимальное значение ОКР имел в середине 1980 г., когда на 1000 населения приходилось 42 родившихся, что было выше, чем в любой другой республике бывшего СССР. Одновременно был достигнут самый низкий уровень смертности в стране, что и стало причиной быстрого роста населения. ОКР и ОКС за последние почти 20 лет являются заниженными вследствие неполноты учета (Рис. 5).

⁵ ГКС Республики Таджикистан. Данные текущего учета населения в период с 1951 по 2007 г., Демографический ежегодник РТ, 2008, С.66-68.

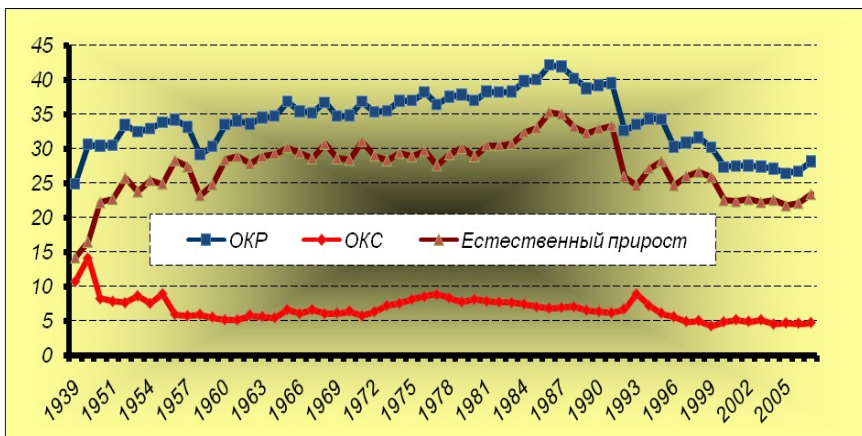

Рис. 5. Общие коэффициенты рождаемости и смертности населения Республики Таджикистан (%)⁶

В период до 1976 г. Таджикистан был страной иммиграции, что также было причиной роста численности населения наряду с высоким уровнем рождаемости. Начиная с 1977 г., наблюдается миграционный отток, и по сегодняшний день число эмигрантов превышает число иммигрантов в разы, т.е. Таджикистан в миграционном обмене имеет отрицательное saldo миграции (рис. 6).

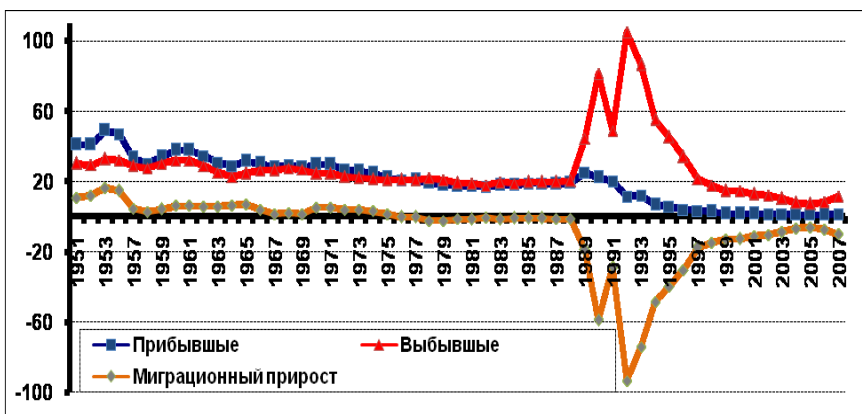

Рис. 6. Влияние внешней миграции на процесс урбанизации и на численность населения РТ (%)⁷

⁶ ГКС Республики Таджикистан. Данные текущего учета населения в период с 1951 по 2007 гг., Демографический ежегодник РТ, 2008, С.60.

⁷ Там же, С.118.

Рост численности городского населения республики за весь наблюдаемый период произошел за счет миграционного притока из других республик бывшего СССР, а также вследствие естественного прироста населения.

За последние 20 лет миграционный прирост в РТ был отрицательным, и число выбывших превысило число прибывших на 0,5 млн. человек, тогда как в период 1951 по 2007 гг. общая численность прибывших и выбывших составила 1,1 и 1,5 млн. человек соответственно.

Влияние естественного и миграционного прироста на общий прирост населения, а также темп роста численности населения страны проиллюстрированы на Рис. 7.

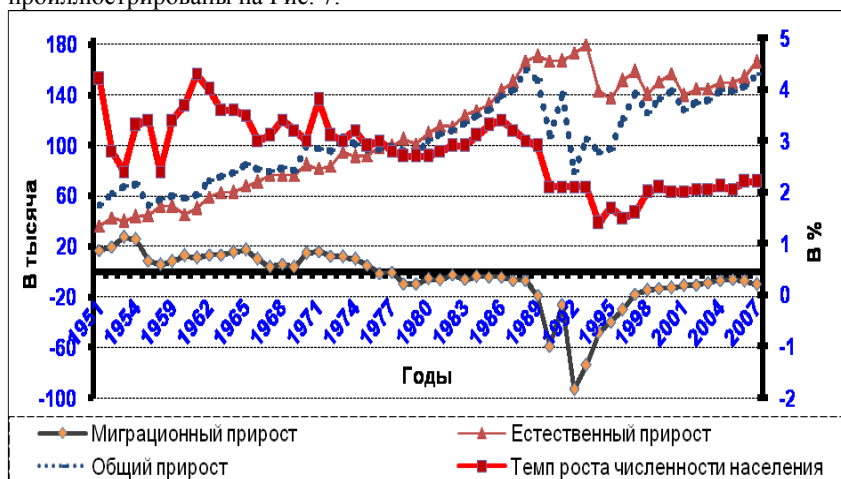

Рис. 7 Общий, естественный и механический прирост населения Республики Таджикистан, 1951-2007 гг.⁸

Как видно из приведенного рисунка, общий прирост населения больше или меньше естественного прироста в зависимости от миграционного притока или оттока соответственно.

Следовательно, можно утвердить, что деурбанизационные процессы в республике начались в конце 70-х годов двадцатого столетия и ускорились в конце 80-х и в начале 90-х в связи с ухудшением социально-экономической и политической ситуации в стране, которое ускорило процесс миграционного оттока не только некоренного населения, но и коренного городского высокообразованного населения. Национальный состав покинувших страну на постоянной основе между переписями 1989-2000 гг. выглядел следующим образом (Табл. 1).

⁸ ГКС Республики Таджикистан. Данные текущего учета населения в период с 1951 по 2007 гг., Демографический ежегодник РТ, 2008, С.60, 118.

Как видно из приведенной таблицы, в основном миграционный отток происходил за счет некоренного населения (91,5%).

Демографический потенциал населения республики остается довольно высоким, вследствие молодого состава населения, что становится причиной все большего включения граждан страны в состав трудовых мигрантов. Трудовая миграция населения остается неизбежным процессом в силу того, что в настоящий момент внутренний рынок труда не в силах обеспечить всего трудоспособного населения рабочими местами.

Таблица 1

Миграционный отток населения по национальной принадлежности в период 1989 по 1999 гг.⁹

Национальность	Иммигранты		Эмигранты		Миграционный прирост	
	Число	%	Число	%	Число	%
таджики	26204	24,4	64973	12,1	-38769	8,5
русские	35483	33,1	268755	50,1	-233272	51,2
немцы	1372	1,3	41152	7,7	-39780	8,7
украинцы	4057	3,8	27373	5,1	-23316	5,1
узбеки	19888	18,5	74248	13,9	-54360	11,9
татары	7374	6,9	56521	10,5	-49147	10,8
евреи	576	0,5	21556	4,0	-20980	4,6
белорусы	664	0,6	5150	1,0	-4486	1,0
азербайджанцы	387	0,4	1582	0,3	-1195	0,3
киргизы	3410	3,2	10242	1,9	6832	-1,5
казахи	854	0,8	6401	1,2	-5547	1,2
Всего	107331	100,0	536084	100,0	-455753	100,0

При условии сохранения нынешних темпов роста численности населения, ОКР и ОКС, и без учета безвозвратной миграции при прочих равных условиях, ожидается удвоение населения страны в 2031 г. и ее утроение в 2060 г. (Рис. 8).

Быстрый рост численности населения за счет высокого уровня рождаемости становится причиной роста численности рабочей силы, которые, не находя реализацию своего потенциала в пределах района, города, области или республики, включаются в состав внутренних или внешних мигрантов.

⁹ Рассчитано по: Монография и атлас Республики Таджикистан по данным всеобщей переписи населения 2000 года. Государственный Комитет Статистики Республики Таджикистан.

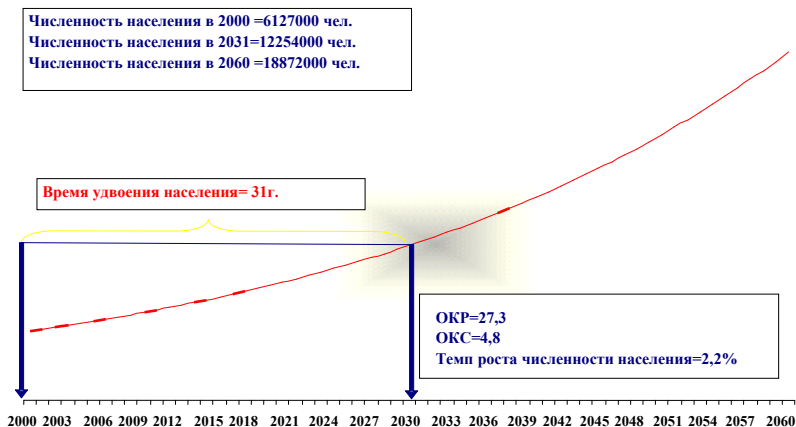

Рис.8 Прогноз численности населения Республики Таджикистан (2000-2006 гг.)¹⁰

Несмотря на снижение рождаемости, темпы роста численности населения остаются достаточно высокими, что в целом влияет на процесс экономического развития. Даже в случае равновесия предложения и спроса на рабочую силу в республике остаются регионы, где предложение рабочей силы во многом превышает спрос. Соответственно огромный потенциал трудовых ресурсов на национальном рынке труда приводит к увеличению уровня безработицы, что компенсируется отчасти за счет миграции более активного населения, как в пределах республики, так и за ее пределы. Безработица, в свою очередь, в какой форме бы она ни проявлялась, является угрозой для общества, что влияет на политическую и социально-экономическую ситуацию в стране.

На долгосрочную перспективу снижение рождаемости и более медленный рост численности населения временно увеличивает относительный размер рабочей силы, при котором один раз в истории любого общества с переходом от высокой рождаемости (быстрый рост численности населения) к более низкой рождаемости (медленный рост численности населения), откроется «демографическое окно возможностей».

Таким образом, анализируя тенденции развития демографических процессов за наблюдаемый период, можно сделать следующие основные выводы:

¹⁰ Рассчитано автором на основе данных переписи населения 2000 г.

- несмотря на существенное снижение уровня рождаемости, темп роста численности населения остается выше замещающего уровня, следовательно, продолжится стабильный рост численности населения страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- данные относительно учета рождаемости и смертности за последние почти 20 лет являются неполными, по ряду причин, связанных с системой текущего учета, следовательно, ОКР и ОКС, а также СКР намного выше, чем официально представленные данные;
- ОКР за последние 20 лет снизился почти на 35%, тогда как ОКС остался почти неизменным;
- смена политического и экономического строя, приобретение независимости РТ и начало гражданской войны повлияли существенным образом на уровень рождаемости и смертности, а также на миграционную активность населения. Появились новые потоки, как по направлению, так и по виду миграции;
- абсолютное увеличение численности населения страны в основном происходило за счет естественного прироста населения страны;
- рост численности населения также происходил вследствие миграционного притока до 1975 г., а обратный процесс безвозвратной миграции существенным образом снизил общие темпы роста численности населения страны;
- демографический потенциал населения страны остается высоким вследствие достаточно высокого уровня рождаемости, является огромным источником рабочей силы, и миграция населения остается неизбежным процессом в силу того, что внутренний рынок труда не в силах обеспечить все трудоспособное население рабочими местами. Даже если обеспечение работой станет возможным, то, вследствие низкой заработной платы, трудоспособное население остается невостребованным. Следовательно, актуальной задачей государства остается регулирование миграционных процессов с целью максимизации выгод и избегания негативных последствий.

Политика народонаселения в исторической ретроспективе

Есимова А.Б.

(Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави,
г.Шымкент)

Визуальные материалы в проведении демографической политики (советский и китайский опыт)

В XX веке СССР и Китай являлись своеобразными демографическими тяжеловесами. Общая численность населения этих стран со второй половины XX века неуклонно росла. Однако темпы роста численности

населения в Китае были выше, чем в Советском Союзе. Согласно статистическим данным, с 1949 г. по 1999 г. число жителей Китая выросло с 541 670 тыс.чел. до 1 259 090 тыс.чел., то есть почти в 2,5 раза [1]. Численность населения СССР с 1920 г. до 1989 г. увеличилась приблизительно в 2 раза (с 137 727 тыс.чел. до 285 742 тыс.чел.) [2]. Уровень рождаемости в этих странах в течение прошлого века претерпевал значительные изменения в сторону понижения. Причем, следует отметить, что если в СССР снижение рождаемости происходило неуклонно, то в Китае уровень рождаемости снижался с заметными колебаниями. Так, наибольшее снижение общего (ОКР) и суммарного (СКР) коэффициентов рождаемости наблюдалось в 1960-1961 гг. (ОКР – 20,86‰ в 1960г., 18,02‰ в 1961 г.; СКР – 4,02 и 3,29 соответственно), а затем произошло значительное повышение данных показателей в 1962-1963 гг. (ОКР - 37,01‰ в 1962 г., 43,37‰ в 1963 г. и СКР – 6,02 и 7,50 соответственно). Подобные «волны» наблюдались и в последующем, но они уже не были такими выраженными, как в указанные годы. В целом, ОКР в Китае снизился с 36,00 ‰ в 1949 г. до 15,23 ‰ в 1999 г., а СКР с 6,14 (1949 г.) до 2,01 (1991 г.). В Советском Союзе снижение показателей рождаемости было следующим: ОКР в 1949 г. составлял 31‰ и в 1989 г. – 17,6‰, а СКР – 3,3 в 1949 г. и 2,3 в 1989 г. [3].

В течение XX века СССР и Китай решали проблемы, связанные с демографическим развитием. Однако ситуация в Советском Союзе была прямо противоположной той, которая сложилась в Китае. Если в Советском Союзе для роста экономики требовалось увеличение числа трудовых ресурсов, то в Китае, наоборот, увеличение численности населения отрицательно сказывалось на экономическом развитии, что привело к политике ограничения рождаемости.

Плакат как средство визуального влияния

Общеизвестно, что огромное количество визуальных документов (фотографии, плакаты, рисунки, билборды и др.) содержат большой объем социальной информации. Визуальные материалы являются исследовательским полем для изучения различных аспектов демографического поведения (такие вопросы репродуктивного поведения как материнство, отцовство, родительство, ценность детей, проблемы материнства, связь поколений и т.д., а также различные аспекты миграционных процессов). Визуальные материалы являются отражением социальных проблем своего времени. И «чтение» визуальных архивов может восполнить социальную информацию о том или ином историческом периоде. В то же время визуальные документы представляют собой средства продвижения/распространения требуемых образов, представлений. Это связано с тем, что человек воспринимает и лучше запоминает информацию тогда, когда он ее видит. Таким образом, визуальный материал в XX веке активно выступал в роли искусственно-созданного конструкта, направленного на распространение желаемого социально-демографического идеала.

В XX веке наиболее распространенным был такой визуальный материал как плакат. Российский исследователь С.С.Фоминих определяет плакат как «ориентированное на оптическое воздействие средство коммуникации, состоящее, как правило, из двух различных семиотических кодов: вербального и изобразительного» [4]. Как точно отметили О. Савостюк и Б. Успенский, «плакат – это ..«изобразительная телеграмма»... Художника-плакатиста можно сравнить со стрелком, у которого одна минута, один патрон, один выстрел, а ему нужно попасть в цель...» [5].

Разнообразие плакатов позволило исследователям выделить различные их виды: плакаты-рисунки, плакаты-фотографии, шрифтовые плакаты, креолизованные тексты, социальные плакаты, агитационные плакаты и т.д. Плакат имеет ряд преимуществ перед другими визуальными материалами: заметен с любого расстояния; бесплатен; легок в восприятии (например, прежде чем увидеть рекламу на web-странице, следует включить компьютер, подключиться к сети Интернет).

Советская социальная политика в сфере «решения» социально-демографических проблем, помимо прочих рычагов воздействия/влияния, опиралась на визуальные методы. Государственная монополия на визуализацию с прохождением цензуры на полезность/вредность давала государству возможность визуального влияния.

Понимание значимости визуализации той или иной социальной проблемы породило такой феномен как советский плакат. Демографическая проблематика, в особенности темы, связанные с репродуктивной функцией женщины, получили широкое освещение на этих плакатах. Основным замыслом распространения и тиражирования советских плакатов являлось закрепление, подкрепление требуемых для государства социально-демографических параметров. Даже большинство обычных почтовых открыток носило смысловую идеологическую нагрузку. Визуальное поле было полностью заполненным, насыщенным. Все вербальные лозунги пропагандистского характера подвергались визуализированию. Огромное количество лозунгов, написанных на настенных плакатах большими красными буквами (например, «Слава КПСС», «Слава труду», «Дети – наше будущее», «Партия – честь, ум и совесть нашей эпохи», «Народ и партия едины» и др.), заполняя пространство, осуществляя визуальное насилие, откладывались в голове как некие заклинания.

В проведении политики в области народонаселения в XX веке СССР и Китай применяли визуальные документы. Как отмечают исследователи из Международного института социальной истории (Нидерланды) Marien van der Heijden и Stefan R. Landsberger, в 1980-х годах в Китае при проведении однодетной политики (One Child Policy) активно использовался такой визуальный материал как плакат. В рамках формирования желаемых репродуктивных норм китайские художники изображали родителей с одним ребенком.

Если советские плакаты в целом служили наглядным подтверждением и проводниками социального характера государства и пронаталистической направленности политики страны, то использование визуального материала в реализации демографической политики Китая преследовало противоположную цель – контроль над рождаемостью. На сегодняшний день китайские плакаты с демографическим (однодетным) текстом имеют богатую историю и большой накопленный материал.

Содержание плакатов: поиск общего и особенного

Как отмечает специалист в области политических технологий Г.Г. Почепцов, «визуальные символы очень четко отражают свое время» [6]. Социальные изменения, актуализация отдельных социальных проблем видны посредством количественного преобладания тех или иных визуальных тем, а также их композиционного содержания.

В плане композиционной структуры советские и китайские плакаты очень схожи. Они представляют собой креолизованный текст, то есть состоят из вербальной и невербальной информации. Соотношение иллюстрации и текста таково, что зритель вначале обращает внимание на рисунок, затем начинает читать текст. Это связано с тем, что в подавляющем большинстве основное пространство плакатов занимает рисунок. Текст, содржающийся в плакате, зачастую выглядит как лозунг.

Одна из главных целей создания и тиражирования плакатов – пропаганда господствующей идеологии. На многих плакатах можно видеть разнообразные символы, которые представляют собой идеологические знаки. Наиболее заметными являются портреты вождей, которые присутствуют на втором плане плаката, но при этом зритель не может их не заметить (рис.2, 3, 4).

Схожесть идеологической платформы обоих государств способствовала тому, что на советских и китайских плакатах преобладающим цветом является красный. Красный цвет не только обращает на себя внимание, но и символизирует коммунистическую направленность. К идеологическим символам, встречающихся на плакатах, созданных в СССР и Китае, можно отнести: красный флаг, звезду, а также изображение голубя как олицетворение мира, миролюбия. Весь этот идеологический фон является неотъемлемой частью плакатов XX века.

Рис.1. «Проведение планирования семьи есть реализация основ национальной политики», 1986. С сайта International Institute of Social History, Netherlands

Рис.2. «За социалистическую Родину, за счастливую жизнь голосует полноправная советская женщина!», П.Я.Караченцов, 1938, с сайта www.russianposter.ru

Рис.3. «Планирование семьи имеет много преимуществ», 1974. С сайта International Institute of Social History, Netherlands

Анализ изображения женщины на плакатах представляется важным, так как через представленный образ можно судить о транслируемом государственном видении положения и значения женщины в обществе. Известно, что как советские, так и китайские плакаты, прежде чем выйти в тираж, проходили жесткую цензуру. Своеобразный контроль давал

возможность распространять только «правильные» образы. Следовательно, плакаты четко и последовательно выражали государственную политику.

Женщина на советских и китайских плакатах представлена, прежде всего, как женщина-труженица. Различные символы, «прочитываемые» аудиторией, свидетельствуют о пропаганде совмещения женщиной производственной и семейной сферы. Это деловая, рабочая одежда; медаль на груди как свидетельство того, что женщина не просто работник, но и является передовиком производства; помещение, в котором изображена женщина (в лаборатории, за письменным столом, трибуной и т.д.).

Рис.4. «Да здравствует равноправная женщина страны социализма!», П.Я.Караченцов, 1938, с сайта www.russianposter.ru

Рис. 5. «Слава матери-героине!», Н.Н.Ваголина, 1944, с сайта www.plakaty.ru

Рис.6. «Better birth, better upbringing, glory, happiness». Lin Chenghan, 1985, с сайта <http://chinese posters.net>

Среди советских плакатов есть несколько таких, которые показывают почет и уважение многодетным матерям («Слава матери-героине!», Ватолина Н.Н., 1944 г.; «Героической советской женщине слава!» Ватолина Н.Н., 1946 г.). Они созданы в середине 40-х годов, после того как в 1944 году было введено звание «Мать-героиня», учрежден орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства». При чем следует отметить, что созданный художником-плакатистом образ многодетной матери представляется несколько нереальным (Рис.5). Этот плакат, скорее всего, не агитирует женщин становиться многодетными матерями, а показывает, что государство заботится о многодетных матерях, что в советском обществе такие женщины занимают особое положение, окружены уважением и почетом.

Отличительной особенностью советских плакатов является то, что женщина, изображенная на них, маскулинна (чаще мужеподобна), с большими натруженными руками (рис. 2, 4 и 5).

Наиболее содержательным в композиционном плане является изображение семьи, детей / ребенка. Как советские, так и китайские плакаты показывают, что дети, а значит и все вопросы, связанные с репродуктивными планами, – это прерогатива женщины.

Для каждой эпохи, исторического времени присущи свои эталонные образы детей и счастливого детства. Так, на плакатах 30-40-х гг. изображаются розовощекие, улыбающиеся крепьши. Исследователь Круткин В.Л. отмечает: «институт детства меняется в изображениях: вначале камеры будут фотографировать детей в громадных коллективностях, где каждый исчезающе мал. Думается, что это – не одна только бедность, но и антропологическая концептуальность. В изображениях детей доминирует верхний ракурс, камера медленно будет учиться опускаться на уровень роста ребенка. Со временем, все заметнее, фотографический «образ жизни» в альбомах становится все моложе и моложе» [7]. На подавляющем количестве плакатов можно видеть детей на руках (или плечах) у родителей (зачастую у матери). Такое положение символизирует то, что ребенок – это счастье, будущее, которое следует беречь, свидетельство ценности детей в обществе (рис. 1, 2, 6, 7).

С точки зрения анализа трансляции демографических идеалов важным представляется изображение на плакатах количества детей и их пол. Сложно точно подсчитать соотношение количества плакатов, на которых показаны супруги с ребенком/детьми и изображения матери с ребенком/детьми. Но следует отметить, что как на китайских, так и на советских плакатах все же распространенным является изображение матери с ребенком.

Единственным советским плакатом, имеющим ярко выраженную демографическую направленность, является плакат Степанова В. «*Один ребенок — хорошо, два — лучше!*», созданный в 1968 г. (Рис. 9) Можно отметить, что в нем ярко прослеживается агитационный характер.

Рис. 7. Практика контроля рождаемости для революции, 1972, с сайта International Institute of Social History, Netherlands

Рис. 8. *Less births, better births, to develop China vigorously* с сайта International Institute of Social History, Netherlands

Рис. 9. «Один ребенок — хорошо, два — лучше!», Степанов В., 1968, с сайта www.plakaty.ru

Данный плакат В. Степанова очень хорошо иллюстрирует теоретическое обоснование Дж. Колдуэлла (Caldwell J.C.). Известно, что, Колдуэлл, оперирующий понятием «чистые потоки богатств», различает общества с высоким и низким уровнем рождаемости. В первом случае «чистые потоки богатств» идут от молодого поколения к старшему, во втором – в противоположном направлении [8]. Агитационный плакат

советского художника В. Степанова является своеобразным наглядным отражением концепции Дж. Колдуэлла.

В Китае больше внимания уделяли полу ребенка, изображенного на плакате. С 80-х годов стали активно пропагандировать, что иметь в семье девочку так же хорошо, как и мальчика (Рис. 6).

Среди советских и китайских визуальных материалов имеются плакаты, символизирующие проблемы медиализации общества. Медиализация китайских плакатов заключается в изображении медицинских работников, пропагандирующих средства контрацепции (Рис. 7). На советских плакатах медицинская тема затронута в контексте охраны здоровья детей (*«Вырастим тебя сильным и здоровым!»*, Эйгес О.В., Шервинская И.Е., 1952; *«Наши дети не должны болеть поносами»*, Шубина Г.К., 1940; *«Здоровые родители — здоровое потомство»*, Ватолина Н.Н., 1948 и др.).

Советские и китайские плакаты имеют собственную периодизацию. Связано это с тем, что плакат – это зеркало, отражающее исторические периоды в жизни государства. Каждый этап развития плаката имеет особенную характеристику, являющуюся отпечатком данного исторического времени.

Самое значительное различие плакатов СССР и Китая состоит в том, что китайские плакаты созданы непосредственно для тиражирования демографического идеала в рамках политики контроля над рождаемостью. А в СССР не проводилась целенаправленная политика по использованию плакатов как дополнительных средств в решении демографической проблемы. Вполне возможно, что слабое использование визуальных средств в Советском Союзе явилось следствием самой политики государства в области народонаселения.

Политика по планированию семьи, проводимая руководством Китая, была более четкой и последовательной. Так, в Конституции Китая в главе I статья 25 гласит «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем, чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития», а в главе II статья 49: «Брак, семья, материнство и младенчество находятся под охраной государства. Супруги (муж и жена) обязаны осуществлять планирование рождаемости» [9]. Проводимая политика имела и институциональное оформление. Национальная Комиссия по планированию семьи (National Population and Family Planning Commission of P.R.China) в Китае имеет образовательный центр и представительства в провинциях страны.

Разнообразие образов, представленных на плакатах, свидетельствует о том, что аудиторией, для которой они созданы, являются как городские, так и сельские жители. То есть, в плане адресности по месту проживания, нет четкого разделения. Зато создается представление, что в подавляющем большинстве случаев адресатом является женщина.

Большую информацию несет и текстовая часть плаката. Через этот текст-лозунг можно не только понять смысл визуального документа, но и увидеть, кому он адресован. Советские плакаты содержали следующие тексты: «Неграмотный ребенок — позор для матери» (Громицкий И.И., 1930), «Женщины в колхозах — большая сила» (Сварог В.С., 1935), «Трудящиеся женщины — в ряды активных участников производственной и общественной жизни страны!..» (Пинус Н.С., 1933), «Работать, строить и не ныть!» (Дейнека А.А., 1933), «К труду и обороне будь готов!» (Кокорекин А.А., 1934), «Привет ударницам — знатным людям великой советской страны» (Шубина Г.К., 1935), «Женщина, на паровоз!» (Дейнеко О., 1939), «Слава женщине-труженице» (Лапшина З.И., 1975) и др. [10]. Эти тексты к плакатам подтверждают, что одним из важных адресатов была женщина. Советские плакаты призывали женщин активно трудиться и вносить свой вклад в развитие экономики страны. На китайских плакатах можно увидеть такие тексты: «Поздняя женитьба имеет много преимуществ» (начало 1960-х), «Практика контроля над рождаемостью является полезной для защиты здоровья матери и ребенка» (начало 1960-х), «Практика контроля рождаемости для революции» (1974), «Доставка лекарств (противозачаточных средств) к самому порогу хорошо работает в контроле над рождаемостью» (1974), «Планирование семьи имеет много преимуществ» (1974), «Хорошая работа в области планирования семьи в целях содействия экономическому развитию» (1986) и др. [11]. Эти тексты на китайских плакатах свидетельствуют о пропаганде планирования семьи, средств контроля над рождаемостью, а также поздних браков.

Анализ содержания советских и китайских плакатов позволяет резюмировать, что плакат XX века являлся средством визуального влияния, которое активно использовали государства. На китайских плакатах прослеживается проводимая государством политика контроля над рождаемостью, а на советских — активная социальная политика, направленная на охрану детства, а также социально-экономическая политика, выраженная в необходимости женщин на производстве и пропагандирующая образ работающей женщины. Плакаты XX века сильно идеологизированы, что сделало их своеобразным инструментом в политической борьбе.

В ходе исследования плакатов и их роли в формировании социально-демографических идеалов возникает несколько проблем. Сложно проанализировать степень воздействия, а значит, и вычислить эффективность использования визуальных материалов. Также в изучении плакатов трудно реконструировать масштабы распространения того или иного плаката. Но все же, несмотря на эти недостатки, плакаты дают огромный исследовательский материал.

В течение XX века не было такой визуальной конкуренции, которая началась в конце века. Развитие как средств тиражирования (полиграфия, типография, принтеры и др.), так и пространственной среды

распространения (ТВ, Интернет и др.) подтолкнуло к конкуренции. На современном этапе государство утратило монополию на «картинку». В условиях бурного развития технического прогресса государству сложно оставаться единоличным источником визуализации, поэтому в создавшихся условиях ему трудно навязывать требуемый образец или идеал. С другой стороны, средств, каналов проведения визуальной информации стало значительно больше. Это социальные плакаты, телевизионная реклама, гляцевые/негляцевые журналы, рекламные щиты на улицах, Интернет и др. Но, несмотря на расширение каналов, через которые государство могло бы визуально влиять, оно не в состоянии в полной мере их использовать. И главная причина такой ситуации – коммерциализация пространства.

В заключение следует отметить, что практические возможности использования визуальных методов в проведении мероприятий по достижению демографических целей недооценены. Визуальные материалы могут распространять требуемые представления, образы. Однако для осуществления визуального влияния следует проводить последовательную и продуманную политику.

Список использованной литературы:

1. Сайт National Bureau of Statistics of China
<http://www.stats.gov.cn/english/index.htm>.
2. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994, с.618;
сайт www.demoscope.ru.
3. Сайт National Bureau of Statistics of China
<http://www.stats.gov.cn/english/index.htm>;
Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994, с.618;
Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990, с.308.
4. Фоминых С.С. Политический плакат ГДР как тип текста// Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 31, 2009, с.132.
5. Советский плакат, Репродукции: в 3-х частях. Ч.1, М., 1984, с.2.
6. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М., Киев, 2004, с.237.
7. Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома// Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. №1, с.177.
8. Caldwell J.C. A theory of fertility: from high plateau to destabilization. Population and Development Review, Vol.4, 1978, pp.553-577.
9. Бизнес-портал <http://www.ni-hao.ru/info/?id=23&pid=89&element=60>.
10. Сайт www.plakaty.ru.
11. Переведено с сайта Международного института социальной истории (Нидерланды) // [International Institute of Social History](http://InternationalInstituteofSocialHistory.nl), Amsterdam.
www.iisg.nl.

История развития корпоративной социальной политики

Корпоративная социальная политика (КСП) представляет собой последовательность мер, направленных, в первую очередь, на улучшение условий труда и быта работников компании и членов их семей, развитие территорий присутствия основных производственных подразделений компании, организацию помощи работникам, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, и членам их семей. В более широком смысле корпоративная социальная политика направлена на улучшение взаимодействия со всеми заинтересованными в деятельности компании сторонами (не только сотрудниками, но и акционерами, поставщиками, покупателями, местным сообществом и пр.)¹.

Для нашего исследования важным представляется деление социальной политики корпорации по её адресатам на внутреннюю и внешнюю.

Внутренняя корпоративная социальная политика – это социальная политика, проводимая для работников своей компании, а потому ограниченная рамками данной компании. Внутренняя корпоративная социальная политика основывается на сложившемся мнении общества о необходимости компании заботиться о своих работниках, а не только обеспечивать прибыль и платить налоги.

В нашей стране внутренние социальные инвестиции преобладают над внешними. В 2007 году соотношение внутренних и внешних программ составляло 58,9% к 41,1%².

Стоит заметить, что финансирование социальных программ не является основной задачей бизнеса. В то же время в настоящий момент затраты на социальную сферу многих крупных компаний как в России, так и за рубежом достигают значительных сумм. Рассмотрим, историю и причину возникновения данного явления.

Развитие КСП за рубежом: теория и практика

История возникновения корпоративной социальной политики тесно связана с понятием корпоративной социальной ответственности (КСО). В соответствии с основными определениями, КСО приносит пользу бизнесу и обществу, способствует социальному, экономическому и экологически устойчивому развитию путем максимизации позитивного влияния бизнеса

¹ По определению ассоциации менеджеров России.

² Под ред. Благова Ю.Е., Литовченко С.Е., Ивановой Е.А. Доклад о социальных инвестициях в России - М. Ассоциация менеджеров, 2008, С.59.

на общество и минимизации негативного. В настоящее время специалисты выделяют три основных концепции по отношению к КСО³.

- Концепция «корпоративного эгоизма»⁴ — сформировалась на основе понятия «компании собственников» о том, что основной целью бизнеса является максимизация прибыли в рамках соблюдения существующих правил игры. В рамках данной концепции задача компании – обеспечение экономических и финансовых интересов собственников и получение высокой прибыли, при этом вопрос о принципиальной возможности инвестиций компании в социальную сферу не рассматривался.
- Концепция «корпоративного альтруизма»⁵ — сформировалась на основе понятия «компании участников». В данном случае КСО трактуется расширительно и наряду с социальными обязательствами включает в себя участие бизнеса в благотворительности и социальных проектах.
- Концепция «разумного эгоизма»⁶. В данной концепции подчеркивается, что социальная ответственность частных компаний – это просто «хороший бизнес», потому что помогает уменьшить долгосрочные потери. Реализуя социальные программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочном периоде формирует благоприятную социальную среду для своих работников и территорий своей деятельности, создавая при этом условия для стабильности собственной прибыли.

Основные вехи на пути развития теоретической концепции КСО определяют работы таких авторов, как Г. Боуэн, К. Девис, Р. Бломстром, Дж. МакГуир, С. Сети, А. Керолл⁷.

Пионерные работы Г. Боуэна и К. Девиса появились в 1950-х годах, когда в послевоенном мире начала оформляться концепция государства всеобщего благосостояния с широкими социальными гарантиями населению⁸.

³ С.В. Шишкин Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? - М. ГУ-ВШЭ, 2005, С.14-15.

⁴ Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits. // New York Times Magazine (September 13), 1970.

⁵ Minford P. Markets, Not Stakes: The Triumph of Capitalism and the Stakeholder Fallacy – L.: Orion, 1999.

⁶ Туркин С. Зачем бизнесу социальная ответственность // Управление компанией № 7, 2004.

⁷ Обзор работ на основании статьи Ю. Е. Благова Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента №3, 2004, С.17–34.

⁸ См. подробнее: Drucker P. Concept of the Corporations – The John Day Company, N. Y, 1946.

Работа Г. Боуена, опубликованная в 1953 г., положила начало современной литературе о КСО. По мнению автора, социальная ответственность бизнесмена состоит в «реализации той политики, принятии таких решений либо следовании такой линии поведения, которые были бы желательны с позиций целей и ценностей общества»⁹. К. Девис первым обосновал необходимость рассмотрения проблемы социальной ответственности в управленческом контексте¹⁰. Проблема содержания КСО была уточнена Дж. МакГуиром, указавшим, что «корпорация имеет не только экономические и правовые обязательства, но несет и некую ответственность перед обществом, выходящую за их пределы»¹¹.

К 1960-м гг. в большинстве крупных компаний в социальный пакет работников, кроме заработной платы, стали включаться дополнительные пенсионные программы, медицинское страхование. Отдельное внимание уделялось обучению работников: на базе бизнес-школ сформировались первые корпоративные университеты, главной целью обучения в которых была подготовка работников к решению практических задач. Первый корпоративный университет появился в компании McDonald's в 1961 году. Он назывался — Hamburger University. Постепенно корпоративные университеты проникли в такие организации, как Disney University, Coca-Cola, Motorola, Procter&Gamble, General Electric. Однако период бурного роста корпоративных университетов пришелся на 1990-е годы. По данным эксперта Ричарда Гринберга, с 1988 по 1998 год количество корпоративных университетов увеличилось в 4 раза — от 400 до 1600.

В середине 1970-х годов, после мирового экономического и энергетического кризиса, в условиях возросших цен на природные ресурсы снова стали популярны идеи повышения социальных и в первую очередь экологических требований со стороны общественности к крупным компаниям.

Изменение общественного мнения привело к совершенствованию теорий. В работе, изданной в 1975 г., К. Девис и Р. Бломстром определили направленность КСО как «обязанность лиц, принимающих решения, предпринимать такие действия, которые будут направлены не только на удовлетворение их собственных интересов, но также на защиту и приумножение общественного богатства»¹². С. Сети, в свою очередь, конкретизировал содержание КСО, указав, что оно «предполагает выведение корпоративного поведения на уровень, соответствующий преобладающим

⁹ Bowen H. R. Social Responsibilities of the Businessman. – Harper & Row: N.Y., 1953.

¹⁰ Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? // California Management Review 2 (3): 1960, С.70.

¹¹ McGuire J.W. Business and Society. - McGraw-Hill: N. Y. 1963, С.144.

¹² Davis K., Blomstrom R.. Business and Society: Environment and Responsibility. – McGraw-Hill: N.Y. 1975, С.23.

социальным нормам, ценностям и ожиданиям»¹³. Основываясь на подходах Дж. МакГуира и С. Сети и пытаясь согласовать экономическую и социальную ответственность бизнеса, А. Керолл предложил трактовку КСО, подразумевающую «соответствие экономическим, правовым, этическим и дискреционным ожиданиям, предъявляемым обществом организации в данный период»¹⁴.

Бизнес-структуры отреагировали на требования со стороны общества повышением прозрачности, раскрытием информации об экологических и социальных программах. Таким образом, в 1970-е гг. в развитых странах появилась и стала развиваться практика корпоративной социальной отчетности, лидерами в данном направлении являлись Великобритания, Канада и Япония.

Мировые стандарты предоставления отчетности появились только в 1990-е гг. На сегодняшний день в международной практике применяется более 25 видов нефинансовой отчетности. Наиболее широкое распространение получили четыре из них:¹⁵

- Стандарт GRI, разработанный в 1997 г., ориентирует компании на раскрытие результативности работы компании в области экономики, экологии производства и социальной политики.
- Стандарт AA 1000 создан в 1999 г. Он ориентирован на оценку результатов деятельности организаций с этических позиций, важной особенностью стандарта является максимальное вовлечение всех заинтересованных сторон в оценку деятельности организации.
- В 2000 г. ООН была разработана концепция добровольного глобального договора (UN Global Compact) с деловым сообществом, предполагающая принятие компаниями девяти принципов в области прав человека, условий труда, защиты окружающей среды и борьбы с коррупцией, а также обязательное ежегодное публичное подтверждение следования этим принципам.
- Стандарт SA 8000 разработан в 1997 г. Этот стандарт ориентирован на соблюдение прав работников, он устанавливает основные нормы и процедуры, касающиеся производственной гигиены и техники безопасности, использования детского труда, принудительного труда, прав профсоюзов, зарплаты и продолжительности рабочего времени, наряду с системами управления, которые все это обеспечивают.

Также в 1970-е появились различные репутационные индексы, согласно которым рейтинг компании определялся на основании её вклада в

¹³ Sethi S. P. Dimensions of corporate social performance: An analytical framework. // California Management Review 17 (3), 1975, с.62.

¹⁴ Carroll A. B.. A three dimensional conceptual model of corporate performance. // Academy of Management Review 4 (4): 1979, с.500.

¹⁵ Корчагина Е.В. Анализ современных подходов к оценке устойчивого развития на уровне компаний // Проблемы современной экономики, № 4(28), 2008.

социальные программы и практического применения принципов КСО. С учетом репутационных индексов определялась, в том числе, и стоимость акций, что влияло на рыночную капитализацию.¹⁶ Впоследствии специальные индексы вели бизнес-журналы (например, Fortune), а к 2000-м годам для социально ответственных компаний были введены специальные дополнения к биржевым индексам¹⁷.

В 1980-е гг. с переходом наиболее развитых стран (США, Великобритания, Германия) к неоконсервативной экономической политике, уделявшей большее внимание свободному рынку, делались попытки объяснения необходимости проведения корпоративной социальной политики, уже широко распространенной в западных странах, на основании эмпирических данных. В первую очередь исследователи делали вывод о том, что применение корпоративных социальных программ зависит от финансового положения компании, таким образом, с экономическим ростом происходит увеличение затрат и на социальные программы. Также корпоративная социальная политика повышает репутацию и, как следствие, капитализацию компании на финансовых рынках. Впоследствии современные исследователи подтвердили верность данных гипотез¹⁸.

К 1990-м годам корпоративные социальные программы получили широкое распространение в компаниях развивающихся стран (ЮАР, Бразилия, Индия, Китай). После конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году получает распространение концепция устойчивого развития, в которую непосредственно включается социально-экономическое развитие. В результате широкое распространение получили внешние программы развития территорий присутствия. Таким образом, транснациональные корпорации стали направлять всё большее количество денежных средств на реализацию проектов в области образования, здравоохранения, поддержки социально незащищенных слоев населения в странах третьего мира, в которых были размещены их офисы, производственные, добывающие или сбытовые подразделения.

В 2000 году на принятие ООН Целей развития тысячелетия крупнейшие международные компании откликнулись разработкой концепции добровольного глобального договора, в рамках которого стратегия внутренней и, особенно, внешней (в большинстве случаев уже неразрывно связанной со странами третьего мира) корпоративной социальной политики переориентировалась на Цели ООН.

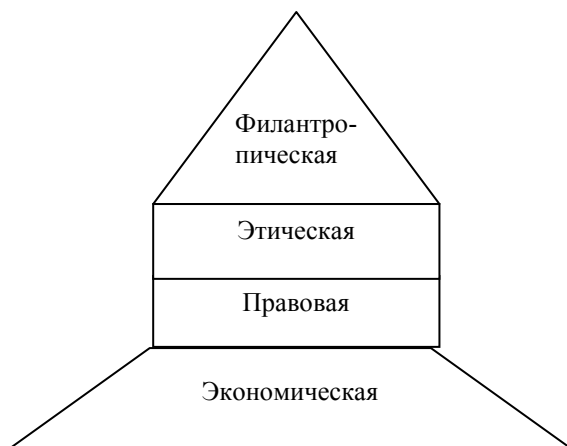
¹⁶ Moskowitz, Milton R. Choosing socially responsible stocks. // *Business and Society Review* 1, 1972, с.71–75; Moskowitz, Milton R. Profiles in corporate social responsibility. // *Business and Society Review* 13, 1975, с.29–42.

¹⁷ См. например, Dow Jones Sustainability Indexes, появившийся в 1999 году.

¹⁸ См. M. Orlitzky, F.L. Schmidt, S.L. Rynes Corporate Social and Financial Performance: A Meta-analysis // *Organization Studies* 24(3), с. 403–441.

Рамки современных теоретических исследований в области КСО во многом определяет универсальная модель А. Керолла, в концепцию которой укладываются современные корпоративные социальные программы, как внутренние, так и внешние, как базисные, так и комплексные. Согласно модели А. Керолла, КСО является многоуровневой ответственностью, которую можно представить в форме пирамиды (см. Рисунок 1)¹⁹.

Рисунок 1. Пирамида А.Керолла; Уровни ответственности

Лежащая в основании пирамиды экономическая ответственность заключается в удовлетворении запросов потребителей и извлечении прибыли. Правовая ответственность подразумевает необходимость законопослушности бизнеса в условиях рыночной экономики, соответствие его деятельности ожиданиям общества, фиксированным в правовых нормах. Этическая ответственность, в свою очередь, требует от деловой практики созвучности ожиданиям общества, не оговоренным в формальных правовых актах, но основанным на существующих в обществе неформальных правилах. Филантропическая ответственность побуждает фирму к действиям, направленным на поддержание и развитие благосостояния общества через добровольное участие в реализации социальных программ.

История КСП в России

В советское время понятия корпоративной социальной политики или корпоративной социальной ответственности в чистом виде существовать не могло, так как в условиях общественной формы собственности сложно разделить государственные социальные программы и программы конкретных предприятий. Следовательно, в России понятие корпоративной

¹⁹ Carroll A.B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // Business Horizons 34 (4): 39–48, 1991.

социальной ответственности начало появляться с переходом от плановой системы в экономике к свободному рынку. Предприятия приватизировались вместе с объектами социальной инфраструктуры, находящимися на их балансе.

Можно выделить несколько этапов в отношении к социальной инфраструктуре со стороны владельцев приватизированных предприятий,²⁰ которые качественно характеризуют развитие корпоративных социальных программ в России:

- 1-й этап (начало – середина 1990-х годов). Резкий, стихийный и почти неконтролируемый процесс сокращения социальной инфраструктуры предприятий. Корпоративная социальная политика не проводится.
- 2-й этап (1998-2000 гг.). Период стабилизации социальной инфраструктуры. Предприятия стали применять долгосрочный горизонт планирования, соотносить долгосрочные выгоды от реализации корпоративной социальной политики с краткосрочными издержками.
- 3-й этап (2000-2007 гг.). Оптимизация профильной деятельности социальной инфраструктуры, предприятия начинают реализовывать направленную социальную политику. Начиная с середины 2000-х годов, в России среди руководства компаний, по большей части крупных и действующих в производственной сфере, стали популярны принципы КСО, регулярно выпускались корпоративные отчеты о социальной ответственности (см. Рисунок 2), проводились внутренние и внешние социальные программы.
- 4-й этап (2008 – настоящее время). С развитием финансово-экономического кризиса многие предприятия сокращают расходы на социальные программы, а также закрывают старые и не планируют внедрение новых программ. Особенно острая ситуация сложилась на градообразующих предприятиях, вынужденных поддерживать значительную часть основательно изношенной инфраструктуры городов и не допускать социальной напряженности (поэтому нельзя снизить затраты на персонал).

Характеристика 2-го этапа

Именно на 2-м этапе в России начинают зарождаться первые корпоративные социальные программы, направленные как на работников, так и на внешнее сообщество. Из внутренних программ наибольшее развитие получили корпоративные пенсии, добровольное медицинское страхование работников и корпоративное обучение.

В 1998 г., во многом за счет девальвации рубля, существенно увеличились количественные показатели имущества негосударственных

²⁰ На основании классификации Под ред. С.В. Шишкина «Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?» - М. ГУ-ВШЭ, 2005.

пенсионных фондов (НПФ), а, начиная с 2000 года, начался интенсивный рост НПФ. Именно с 1998 г. в деятельности НПФ все большее значение приобретает корпоративный принцип. В это время формируются негосударственные фонды крупных корпораций и корпоративные пенсионные схемы. Крупнейшие корпорации прибыльных отраслей экономики страны используют механизмы НПФ как дополнительный мотиватор для привлечения квалифицированного персонала, а также для реализации собственной социальной политики. Предприятия, расположенные в суровых климатических условиях, например: «Норильский Никель», РАО ЕЭС, «Газпром» через пенсионные схемы начинают решать проблемы сокращения численности персонала и миграции в регионе. Быстро формируется ряд крупнейших НПФ, которые владеют 80-90% рынка.

После 1998 года коренным образом изменилось отношение к обучению сотрудников в российских компаниях. С 1999 года корпоративные университеты стали создаваться и в России, в первую очередь западными компаниями. Тем не менее, ещё в 2002 году понятие корпоративного университета было весьма неопределенным. Самих университетов было около 20, однако университетом зачастую называли другие формы корпоративного обучения. Они не имели лицензий, как традиционные вузы, и далеко не всегда выдавали дипломы «выпускникам». В 2003 году специалисты подсчитали, что число корпоративных образовательных программ растет на 10% в год. В дальнейшем тенденции только ускорились.

В 1998-2000 годах получает развитие корпоративная благотворительность, в первую очередь на территориях присутствия компаний. Создаются специальные фонды финансирования социальных программ, например, «Дети России» в 1999 году. В моногородах начинают функционировать механизмы традиционного партнерства предприятия и власти, по аналогии с советским периодом. Как правило, осуществляется софинансирование градообразующими предприятиями и местными властями различных проектов по совершенствованию социальной инфраструктуры. Для финансирования в 1999-2000 гг. создаются различные фонды, например Фонды местных сообществ.

Характеристика 3-го этапа

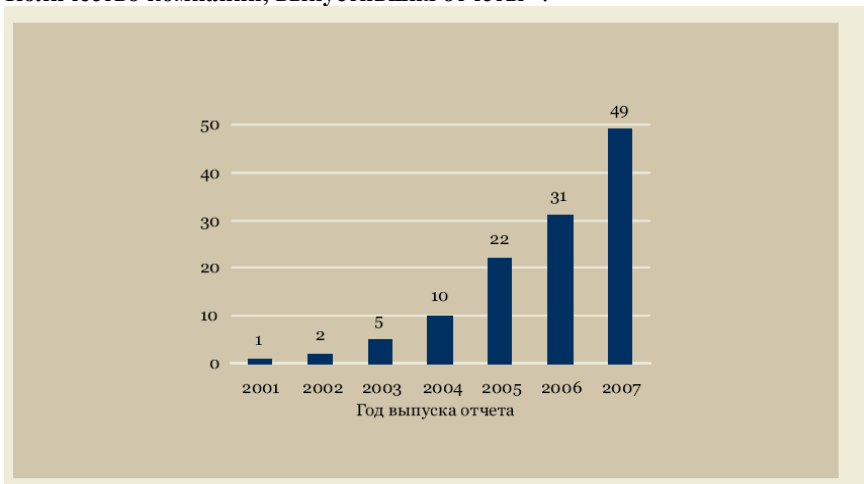
На 3-ем этапе развития стоит выделить 2003-2007 гг., как время бурного развития корпоративных социальных программ в нашей стране. Развитие связано во многом с укреплением государственной власти, при этом от крупного бизнеса требовалось всё более активное участие в социально-экономическом развитии страны. Основные тенденции данного периода:

Развитие социальной отчетности. Данный этап развития характеризуется выпуском крупнейшими компаниями, наряду с обязательной финансовой отчетностью, корпоративных социальных отчетов (отчетов об устойчивом развитии). Тенденция связана, с одной стороны, с

распространением в российских компаниях практики заемного финансирования (в основном в западных финансовых институтах), освоением новых рынков сбыта продукции: социальные отчеты были нужны для иностранных акционеров, инвесторов и кредиторов, привычных к подобной деловой практике, с другой стороны, с усилением давления государства на бизнес, в том числе и в вопросах социальной ответственности. Самым популярным стандартом становится GRI.

Увеличение активности некоммерческих организаций. XIV съезд Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), проходивший в Москве в ноябре 2004 г., одобрил Социальную хартию российского бизнеса как новый формат оценки совместного вклада бизнеса и его партнеров в устойчивое развитие страны, экономическое процветание и социальное благополучие. Новая редакция Социальной хартии, подготовленная в 2007 году, была принята Съездом РСПП в новой редакции в феврале 2008 года. За 4 года к хартии присоединилось более 200 организаций, объединяющих более 5,5 млн. работников.

Рисунок 2. Динамика выпуска корпоративных нефинансовых отчетов. Количество компаний, выпустивших отчеты²¹.

Также РСПП ведет специальные реестры-библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов, социальных программ, программ частно-

²¹ Развитие социально ответственной практики: аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов, 2006–2007 годы выпуска. Аналитический обзор / А.Аленичева, Е.Феоктистова, Ф.Прокопов, Т.Гринберг, О.Менькина. Под общей редакцией А.Шохина — РСПП, Москва, 2008 г.

государственного партнерства. РСПП проводит регулярный мониторинг исполнения социальных программ крупными компаниями.

Усиливают активность в области корпоративной социальной политики Ассоциация менеджеров России и Трансатлантические партнеры против СПИД.

Появление новых форм взаимодействия с органами власти при реализации внешних программ

Наряду с традиционными формами взаимодействия, можно выделить ещё два подхода, получившие развитие во время 3-го этапа развития: инновационный и смешанный. В качестве примера смешанной формы взаимодействия власти и бизнеса можно привести совместную программу администрации Череповца и ОАО «Северсталь» «Дорога к дому», принятую в 2006 году и направленную на решение одной из самых острых проблем современной России – социального сиротства, беспризорности и безнадзорности. Попыткой внедрения инновационной формы взаимодействия является построение сотрудничества бизнеса и муниципалитета в рамках долгосрочной стратегии развития, направленной на решение экономических, экологических и инфраструктурных проблем муниципального образования. В качестве примера инновационной формы взаимодействия можно привести «Долгосрочную стратегию социально-экономического развития муниципального образования город Норильск до 2020 г.», сформулированную в 2005-06 гг. при непосредственном участии компании ОАО «ГМК «Норильский никель».

Увеличение валовых расходов на социальные программы. Валовое увеличение расходов на корпоративные социальные программы, происходившее в 2000-е гг., затронуло как внутренние, так и внешние программы.

С целью выявления общих тенденций на основании данных нефинансовых отчетов российских компаний были рассчитаны три вида индексов корпоративных социальных инвестиций²² по 2003 и 2007 годам (см. таблицу 1)²³.

²² Корпоративные социальные инвестиции (КСИ) – это материальные, технологические, управленческие, финансовые и иные ресурсы компании, направляемые на реализацию корпоративных социальных программ, осуществление которых в стратегическом отношении предполагает получение компанией определенного экономического эффекта, долгосрочных конкурентных преимуществ.

²³ Под. ред. Благова Ю.Е., Литовченко С.Е., Ивановой Е.А. Доклад о социальных инвестициях в России М. Ассоциация менеджеров, 2008, с.49-50.

Таблица 1

Количественные индексы социальных инвестиций

Индексы социальных инвестиций	2003	2007
Величина социальных инвестиций на одного работника, руб.	42 807	54 335
Доля социальных инвестиций в валовых продажах, %	1,96	3,76
Доля социальных инвестиций в балансовой прибыли, %	11,25	6,25

Как следует из Таблицы 1, абсолютная величина социальных инвестиций на одного работника за четыре года увеличилась на 28%, доля социальных инвестиций в валовых продажах возросла более чем на 90%. В то же время наблюдается существенное (почти в два раза) снижение доли социальных инвестиций в балансовой прибыли. Падение этого коэффициента связано с резким ростом прибыли крупнейших компаний, несоразмерным с ростом вложений в социальную сферу и более чем осторожным подходом к объектам социального инвестирования.

В Таблице 2 рассмотрим распределение социальных инвестиций по секторам экономики.

Таблица 2

Величина социальных инвестиций по секторам

Сектор	На работника, руб.		Отношение к продажам, %		Отношение к балансовой прибыли, %	
	2003	2007	2003	2007	2003	2007
Сырьевой	38 908	83 211	1,7	6,1	8,2	5,2
Перерабатывающий	46 055	27 928	3,8	1,3	24,4	19,3
Сфера услуг	85 190	47 403	1,2	2,1	30,6	24,2

Из таблицы 2 можно сделать вывод, что однозначное увеличение социальных инвестиций наблюдается в сырьевом секторе экономики, в то время как в перерабатывающем секторе и в сфере услуг имеет место снижение показателей. Последствиями данного явления может являться, среди прочего, ускорение отставания нашей страны в несырьевых отраслях от ведущих стран мира, в том числе из-за невысокого качества человеческого и социального капитала.

Наиболее сбалансированную социальную политику в последние годы проводили градообразующие предприятия. Так, с 2003 по 2007 гг. в топливном комплексе инвестиции в местные сообщества возросли почти в 3

раза с 10,9% до 31,1%²⁴. Подобный рост расходов связан, в первую очередь, с введением в действие программ повышения качества жизни сотрудников и членов их семей в моногородах топливно-энергетической промышленности (ввод в эксплуатацию новых домов) и развитие финансовой инфраструктуры. Инвестиции в территории присутствия в данном случае почти не отличаются от затрат на персонал. По той же причине был ориентирован на человеческое развитие (собственный персонал и местное сообщество) и металлургический комплекс.

Характеристика современного 4-го этапа

Кризисный этап развития корпоративной социальной политики характеризуется в первую очередь общим снижением затрат на все корпоративные социальные программы. В период с сентября 2008 года по май 2009 года в РСПП было проведено несколько опросов с целью оценки влияния глобального экономического кризиса на российские компании²⁵. Часть этих опросов также затрагивала социальную политику компаний, что позволяет оценить динамику сокращения их расходов на социальную сферу.

К декабрю 2008 г. экономический кризис повлиял практически на все компании, и к маю 2009 г. 46% компаний произвели пересмотр планов развития социальной сферы.

Большинство предприятий сохранило важнейшие внутренние социальные программы: сохранены прежние объемы инвестиций в поддержку ветеранов (50% компаний), защиту окружающей среды (38%), поддержку материнства (27%) и малообеспеченных семей (26%), поддержку социальной инфраструктуры (25%). В то же время, о приостановлении / прекращении в 2009 году жилищных программ и организации досуга заявили 33 и 34% компаний соответственно. Было отмечено сокращение инвестиций в развитие ЖКХ (21% компаний), в программы поддержки безработных граждан (27%), в поддержку развития семейного бизнеса и патриотического воспитания (по 21%).

Тем не менее, влияние кризиса на некоторые популярные социальные программы было особенно ощутимым. Например, тесно связанные с финансовыми рынками негосударственные пенсионные фонды понесли существенный ущерб, чему способствовали поправки в пенсионном законодательстве, согласно которым минимальный размер имущества НПФ увеличился с 30 до 100 млн. руб. В результате за период с 1 января по 1 октября 2009 года количество НПФ в стране снизилось с 209 до 163 организаций.

²⁴ Под. ред. Благова Ю.Е., Литовченко С.Е., Ивановой Е.А. Доклад о социальных инвестициях в России М. Ассоциация менеджеров, 2008, С.53-55.

²⁵ Данные мониторинга с сайта www.rspp.ru.

Таблица 3.

**Мониторинг РСПП ситуации по действию социальных программ
(апрель 2009г.)**

Показатели	Внутренние	Внешние
сохраняются без изменений (в полном объеме)	40%	31%
уменьшение количества программ	19%	24%
уменьшение финансирования программ в том числе с уменьшением количества программ	60% 31%	69% 35%

На благосостоянии НПФ также сказался отток клиентов: так, в течение III квартала 2009 года количество застрахованных лиц по обязательному пенсионному страхованию уменьшилось на 29,3 тыс., или на 0,5%, — до 5,572 млн. человек. Стоит заметить, что концентрация на рынке негосударственных пенсионных услуг по-прежнему высока: на 20 крупнейших фондов приходится 92,9% пенсионных резервов и 65,4% пенсионных накоплений²⁶. Крупнейшим НПФ остается «Газфонд», который занимает почти половину рынка НПО с объемом пенсионных резервов 244,1 млрд. руб.

Также в 2008 году стали сокращаться корпоративные образовательные программы, равно как и число корпоративных университетов. В 2009 году были предложены стратегии реформирования корпоративных университетов, взаимодействия корпоративных университетов с государственными образовательными учреждениями.

В то же время, к 4 этапу развития относится принятие на корпоративном уровне комплексных социальных программ развития, направленных на работников компании и внешнее сообщество (почти все они, за редким исключением,²⁷ приняты в 2008 и 2009 годах). Данные программы направлены на смену единичных, разрозненных корпоративных мероприятий, повышают эффективность расходования средств и позволяют добиться лучшего результата. Таким образом, программы являются показателем перехода корпоративной социальной политики на новый уровень развития

²⁶ Данные ФСФР РФ.

²⁷ Программа ТНК-ВР по поддержанию здорового образа жизни на территориях присутствия принята в 2007 году.

Библиография

1. С.В.Шишкин «Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?» - М. ГУ-ВШЭ, 2005.
2. Доклад о социальных инвестициях в России – 2008. / Под. ред. Благова Ю.Е., Литовченко С.Е., Ивановой Е.А.– М.: Ассоциация менеджеров, 2008.
3. Влияние ВИЧ/СПИД, злоупотребления алкоголем и наркотиками на конкурентоспособность компаний в России. Национальный доклад / Гречаная Т.Б., Кашницкий Д.С.
4. Национальный доклад «Риски бизнеса в частно-государственном партнерстве» / Дынин А.Е., Нефедьев А.Д., Семенов Я.В. - М.: Ассоциация менеджеров, 2007.
5. Пенсионная система России: роль частного сектора – 2007. / Под. ред. Литовченко С.Е.– М.: Ассоциация менеджеров, 2007.
6. Развитие социально ответственной практики: аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов, 2006–2007 годы выпуска. Аналитический обзор / А.Аленичева, Е.Феоктистова, Ф.Прокопов, Т.Гринберг, О.Менькина. Под общей редакцией А.Шохина — РСПП, Москва, 2008 г.
7. Нефинансовые отчеты компаний, работающих в России: практика развития социальной отчетности. Аналитический обзор / Под общей ред. А.Н.Шохина — РСПП, М., 2006 г.
8. Ю.Е.Благов Генезис концепции корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 8, выпуск 2. 2006.
9. Ю.Е.Благов Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента №3, 2004.
10. Туркин С. Зачем бизнесу социальная ответственность // Управление компанией № 7, 2004.
11. Bowen H. R. Social Responsibilities of the Businessman. Harper & Row: N. Y. 1953.
12. Carroll A. B. A three dimensional conceptual model of corporate performance // Academy of Management Review 4 (4):497–505. 1979.
13. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // Business Horizons 34 (4): 39–48. 1991.
14. Carroll A. B. Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct //Business and Society 38 (3): 268–295. 1999.
15. Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? // California Management Review 2 (3): 70–76. 1960.
16. Davis K., Blomstrom R. Business and Society: Environment and Responsibility // McGraw-Hill: N.Y. 1975.
17. Drucker P. Concept of the Corporations – The John Day Company, N. Y, 1946.

18. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // New York Times Magazine (September 13). 1970.
19. McGuire J.W. Business and Society // McGraw-Hill: N. Y. 1963.
20. Minford P. Markets, Not Stakes: The Triumph of Capitalism and the Stakeholder Fallacy – L.: Orion, 1999.
21. Moskowitz, Milton R. Choosing socially responsible stocks. // Business and Society Review 1, 1972, с.71–75.
22. Moskowitz, Milton R. Profiles in corporate social responsibility. // Business and Society Review 13, 1975, с.29–42.
23. Orlitzky M., Schmidt F.L., Rynes S.L. Corporate Social and Financial Performance: A Meta-analysis // Organization Studies 24(3), с.403–441.
24. Schwartz M. S., Carroll A. B. 2003. Corporate social responsibility: A three domain approach. Business Ethics Quarterly 13 (4).
25. Sethi S. P. Dimensions of corporate social performance: An analytical framework // California Management Review 17 (3): 58–64. 1975.
26. Zadek S. The Pass to Corporate Responsibility // Harvard Business Review. December 2004.
27. Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей www.rspp.ru.

Мостахова Т.С.

(Комитет по делам семьи и детства при Президенте
Республики Саха (Якутия), г.Якутск)

Опыт реализации демографической политики в Республике Саха (Якутия)

Современное состояние демографических процессов вызывает необходимость в разработке и проведении государственной политики в отношении развития народонаселения Российской Федерации и ее субъектов. Принята Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден План мероприятий по ее осуществлению на первом этапе в течение 2008-2010 годов. В Республике Саха (Якутия) также приняты Концепция демографической политики и План по ее реализации на 2008-2010 годы.

В Республике Саха (Якутия) реализация демографической политики началась с 1999 года, когда была принята Концепция демографической политики. В 2004 году в связи с изменением социально-экономических условий данная концепция была дополнена мерами семейной политики. В результате сформировалась и была принята Концепция семейной и демографической политики на период до 2015 года. Далее в связи с принятием Концепции демографической политики Российской Федерации в 2007 году демографическая политика в республике получила новый нормативный документ, приведенный в соответствие с российскими документами, – Концепцию семейной и демографической политики в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года. Несмотря на различные

организационные трудности, тем не менее, политика по улучшению демографических процессов продекларирована на государственном уровне и достаточно успешно реализуется.

Меры демографического характера включены и в другие нормативные документы, определяющие основные направления социальной политики. Это ведомственные, государственные целевые программы, такие как ГЦП «Охрана здоровья населения РС(Я)», «Семья и дети РС(Я)» и др.

Совсем недавно в республике постановлением Правительства РС(Я) от 27 августа 2009 года № 354 принята Концепция снижения смертности населения Республики Саха (Якутия) от предотвратимых причин и онкологических заболеваний на период до 2025 года.

Основными задачами реализации Концепции на период до 2025 года являются снижение коэффициента общей смертности населения Республики Саха (Якутия) до 9,0 на 1000 населения, прежде всего от болезней системы кровообращения, несчастных случаев, травм и отравлений, а также от новообразований; укрепление здоровья населения, существенное снижение заболеваемости социально значимыми болезнями; определение и создание эффективной инфраструктуры для укрепления здоровья, профилактики и лечения неинфекционных заболеваний и травматизма.

В качестве основных направлений Концепцией предусмотрены:

1. Снижение смертности населения от болезней системы кровообращения
2. Снижение смертности населения от онкологических заболеваний
3. Снижение смертности населения от самоубийств
4. Снижение смертности населения от дорожно-транспортного травматизма
5. Информационное обеспечение

Во исполнение данной Концепции разработан и принят План мероприятий реализации Концепции снижения смертности населения Республики Саха (Якутия) от предотвратимых причин и онкологических заболеваний на период до 2025 года.

В совокупности все эти документы формируют государственную демографическую политику в регионе.

Существенным элементом проведения государственной политики в отношении демографического развития является анализ эффективности предпринимаемых мер, для чего требуется и дальнейшее осмысление теоретических подходов к разработке мер демографической политики, методологических вопросов эффективности демографической политики, оценки эффективности ее реализации.

Имеющийся отечественный и зарубежный опыт показывает, что активная демографическая политика способна изменить негативные тенденции, повысить, хотя бы на некоторое время, рождаемость, снизить сверхсмертность. Однако, чтобы предлагаемые меры могли преобразовать демографическое поведение населения и улучшить условия для его

реализации, необходимо четкое формулирование целей и задач политики, обоснование ресурсных источников и сроков введения тех или иных мер. Вопрос о критериях и методах оценки эффективности реализуемых и планируемых мер по улучшению демографической ситуации является одним из самых сложных в теоретическом и методическом отношении.

Имеются расчеты, показывающие, например, что увеличение общей суммы детских пособий на 25% дает впоследствии в развитых европейских странах прирост суммарного коэффициента рождаемости, равный 4%, или примерно 0,07 ребенка [1].

Опыт европейских стран свидетельствует о том, что высокий уровень затрат на семейные пособия, в сочетании с другими мерами поддержки семей с детьми, может способствовать подъему рождаемости. В странах, где уровень расходов на семейные пособия в 1980–1990-е годы и в начале нового века оставался высоким (более 2% от ВВП), наблюдался рост рождаемости и сохранение достигнутого уровня или, после периода роста, снижение рождаемости было незначительным. Так, во Франции при расходах на семейные пособия на уровне 2,85% от ВВП наблюдалось увеличение суммарного коэффициента рождаемости с 1,71 в 1995 г. до 1,92 в 2005 г. В Дании при расходах в 3,77% от ВВП – с 1,45 в 1985 г. до 1,76 в 2005 г. В то же время в Испании и Италии, где расходы на поддержку семей с детьми были наименьшими и оставляли менее 1% ВВП, рождаемость оставалась на самом низком уровне среди европейских стран (значение СКР 1,2–1,3).

В отечественной литературе 1970–80-х гг. понятие эффективности политики народонаселения (демографической политики) в наиболее полном и последовательном виде представлено в работах А.Я. Кваши. Оценка экономической эффективности демографической политики, по его мнению, заключается в выявлении соотношения между эффектом (результатом) и затратами на его достижение. Идея экономической рентабельности среднего человека, проектируемая на демографическую политику, приводит А.Я. Квашу к утверждению, что «материальные вложения в демографическую политику, естественно в разумных пределах, всегда будут рентабельны [2]. Можно согласиться с А.Я. Квашей, что судить об эффективности демографической политики нужно не по динамике отдельных показателей (например, нетто-коэффициента воспроизводства), а по системе показателей.

По мнению Н.В. Зверевой, «решение вопроса об эффективности демографической политики, соотношении ее непосредственных результатов и затрат» [3, с. 85–88] – одна из ключевых проблем в оценке возможностей управления развитием народонаселения.

Интересный критерий эффективности был предложен Р.С. Ротовой, обратившей внимание на наличие противоречий в интересах общества и семьи: «чем полнее совпадают в ходе своей реализации цель

демографической политики и демографические цели семьи, тем выше эффективность демографической политики» [4].

Оценка эффективности мер демографической политики должна строиться на следующих подходах:

- выявлении собственно *демографической эффективности*, при которой оцениваем степень достижения поставленных демографических целей (сокращение убыли населения, создание предпосылок для стабилизации численности населения, оптимизация возрастно-половой структуры, снижение смертности и рост продолжительности жизни, увеличение рождаемости и укрепление семьи, рационализация внутренней и внешней миграции и т. п.);

- выявлении *экономической эффективности* (изменение в численности, структуре и территориальном распределении трудовых ресурсов, изменение иждивенческой нагрузки, сокращение безработицы, сокращение экономических потерь от заболеваемости и преждевременной смертности и т.п.);

- выявлении *социальной эффективности* (повышение престижа семьи и детей в обществе, выравнивание условий для содержания и воспитания детей в семьях разных социальных групп и т.п.);

- выявлении *гендерной эффективности* (гендерная симметричность реализуемых мер, соблюдение принципа равных прав и возможностей для мужчин и женщин и т.п.).

Использование при оценке эффективности демографической политики системы критериев предполагает решение вопроса о *приоритетности* отобранных критериев, т.е. какие критерии будут выбраны как основные при оценке конкретных программ и комплексов мер по улучшению демографической ситуации (демографические или экономические, краткосрочные или долгосрочные).

Следует особо подчеркнуть, что оценка эффективности в такой сложной сфере, как политика народонаселения, должна быть комплексной, учитывающей не только достижение поставленной цели, но и все многообразие последствий, ближайших и долгосрочных, демографических и социальных, для семьи, отдельного региона, и всего государства.

В целях анализа эффективности региональной политики по улучшению демографической ситуации было проведено изучение мнений экспертов – специалистов в данной области регионального и муниципального уровней. С помощью специальной анкеты были опрошены 147 экспертов.

На первом этапе были определены факторы, существенно влияющие на состояние демографических процессов и положение семьи с детьми. Далее первоначальный список был сведен в анкету и предоставлен экспертам. Вторая задача состояла в формировании сводного списка факторов. Далее была применена процедура согласования мнений экспертов,

которая необходима для выравнивания степени информированности экспертов по данной проблеме [5].

Третьим этапом стало получение переменных на основе выбранного списка факторов. И в заключение были получены оценки развития факторов – индикаторов исследуемого процесса на основе соответствующих переменных.

Обработка экспертных анкет показала, что самым значимым фактором, по определению экспертов, является фактор «Стабилизация и рост численности населения»; далее идут факторы «Сокращение распространенности алкоголизма, наркомании» и «Расширение строительства и развитие рынка доступного жилья для семей с детьми».

Далее в результате кластеризации факторов были образованы 2 группы. Наиболее значимыми были определены факторы, значимость которых выше 100 баллов. В результате были выявлены факторы, на которые необходимо обращать внимание в первую очередь, а также приоритетные задачи, которые следует решать органам местного самоуправления в сфере обеспечения демографической политики (Табл.1).

Таблица 1
Значимость приоритетов в решении задач для органов МСУ в сфере обеспечения демографической политики

	Частота выбора	Ранг	Значимость
Определение финансовых основ по направлениям деятельности органов МСУ в сфере обеспечения демографической политики	83	2,79	231,57
Создание муниципальной нормативной основы для деятельности ОМСУ в сфере обеспечения демографической политики, создания условий для улучшения демографической ситуации	78,2	2,5	195,5
Инициирование совершенствования регионального и федерального законодательства по вопросам обеспечения демографической политики	75,5	2,02	152,51
Привлечение населения к разработке и реализации муниципальных нормативных актов	76,2	1,76	134,11
Контроль за деятельностью исполнительных органов МСУ по реализации полномочий в сфере обеспечения демографической политики	78,2	1,63	127,47

Значимость индикаторов, по которым следует оценивать эффективность решения задач демографической политики, определялась по той же методике (Табл. 2).

Таблица 2

	отметили	средний ранг	значимость
Рост рождаемости	69,4	3,95	274,13
Увеличение численности населения	70,1	3,6	252,36
Сохранение репродуктивного здоровья женщин	70,7	3,03	214,221
Сокращение младенческой смертности	66	3,08	203,28
Снижение общей смертности	68,7	2,66	182,742
Увеличение продолжительности жизни	71,4	2,5	178,5
Рост суммарной рождаемости	60,5	2,47	149,435

Наиболее важными критериями эффективности решения задач, стоящих перед органами власти в сфере демографической политики, были определены: «Достаточное финансирование работ по обеспечению условий для демографического роста» (оценка ценности - 243,664), «Рост рождаемости» (240,697), «Рост численности населения» (218,595), «Снижение смертности» (199,644), «Формирование действенной системы мероприятий по созданию условий для увеличения численности населения, росту рождаемости, поддержки семей с детьми, снижению смертности, сохранению здоровья населения, учета достаточности принимаемых мер, в том числе их финансового обеспечения по субъектам демографической политики (федерального, регионального и местного уровня, уровня семьи) на территории ОМСУ» (194,557), «Согласованность деятельности структурных подразделений и уполномоченных организаций ОМСУ по улучшению демографической ситуации» (149,94).

Таким образом, результаты исследования по оценке эффективности мер демографической политики и сопряженной с ней политики по улучшению положения семей с детьми показали, что проведение демографической политики в Республике Саха (Якутия) не имеет еще высокой степени эффективности и не полностью достигает намеченных целей.

Экспертирование мер демографической политики на уровне региона, предпринятое как составной элемент имитационной модели, показало также, что в дальнейшей реализации демографической политики следует в первоочередном порядке уделять внимание деятельности по стабилизации и росту численности населения, а также сокращению распространенности

алкоголизма, наркомании и расширению строительства и развитие рынка доступного жилья для семей с детьми.

Список литературы

1. Gauthier A., Hatzuis J. Family Benefits and Fertility an Econometric Analysis. Population Studies, 1997. № 1.
2. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. – М., 1981.
3. . Управление развитием народонаселения в СССР. – М., 1977.
4. Основы управления развитием народонаселения». М., 1982.
5. Сидельников Ю.В. Экспертное прогнозирование: теория и организация. М. 1990.

Сулакшин С.С.

(Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, Москва)

Идентичность и демография

Доклад представляет научные разработки, сделанные коллективом Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (научный руководитель – доктор политических наук В.И.Якунин). Под идентичностью понимается цивилизационная категория, которая, кроме национальной принадлежности, включает общую историю, общую территорию, общий язык, культуру, традиции, устои, уклады, вероисповедание – все, что составляет так называемый цивилизационный, «генетический» код. Доклад включает 1) факторную диагностику российского демографического кризиса, 2) предлагаемую методологию государственно-управленческого проектирования и 3) выработанные управленческие решения и программу действий по выводу России из демографического кризиса.

1. Факторная диагностика.

В рамках предлагаемой четырехфакторной модели российского демографического развития был проведен корреляционный анализ факторной связи. Анализировались четыре интегративных фактора: а) идейно-духовное состояние российского общества, б) национальная идентичность российской государственности, в) роль государства в управлении демографическими процессами, г) социально-материальный уровень обеспеченности российского населения. Анализировалось несколько демографических откликов (следствий): рождаемость (далее – Р), смертность (С), ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), миграционное сальдо (М), коэффициент витальности (далее – В), численность населения страны в целом (Н). Коэффициент витальности страны вводится как новое понятие для выявления достоверных причин в анализе проблемы:

$$B(t) = H \left(\frac{P}{1000\Delta t} - \frac{C}{1000\Delta t} + \frac{1}{OПЖ} \frac{d(OПЖ)}{dt} \right) + M, \quad (1)$$

где H – численность населения (чел), P – рождаемость (параметр в формуле – человек на 1000 населения за год), C – смертность (параметр в формуле – человек на 1000 населения за год), $\Delta t = 1$ год, $OПЖ$ – ожидаемая продолжительность жизни (лет), M – миграционное сальдо (человек в год), B (эффективных человеческих жизней в год) – прирост населения с учетом эффективных человеческих жизней в связи с изменчивостью продолжительности жизни.

Для нахождения корреляционных связей использовались временные ряды рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, миграционного сальдо, численности за последние 100 лет. Количественная оценка значения 4 интегративных факторов, среди которых национальная идентичность, показала, что самым значимым является идейно-духовное состояние российского общества. Цивилизационная идентичность – фактор, близкий по значению и второй по значимости. Третий – это качество государственной политики. И, наконец, материальный фактор занимает только четвертое место, существенно уступая по своему значению.

Были исследованы влияния факторов с задержкой по времени. Найдены закономерности, позволяющие дать рекомендации для государственного управления.

2. Методология государственно-управленческого проектирования

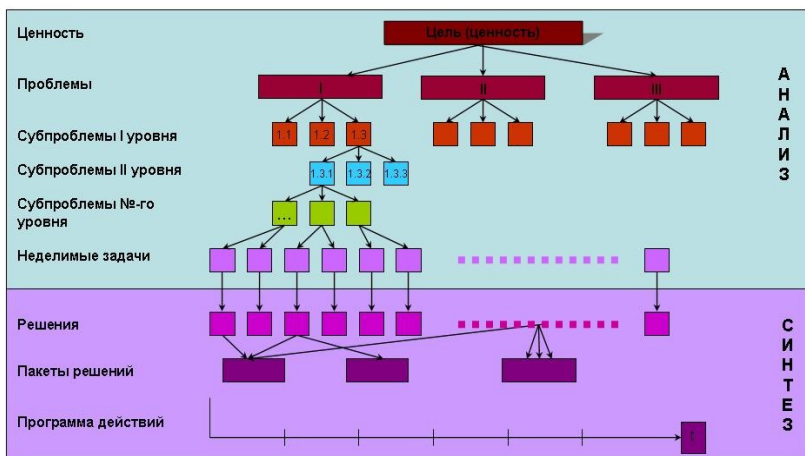
Разработанную методологию государственно-управленческого проектирования показывают Рис. 1 и 2. Создано проблемно-управленческое дерево по проблеме демографического кризиса.

Рис. 1. Структура и методология проектирования государственной политики

Рис. 2 Проектирование государственной политики

Проблемно-управленческое дерево

3. Управленческие решения и программа действий

На основе проблемно-управленческого дерева по демографии разработаны концепции нормативных правовых актов к Программе государственной политики вывода страны из демографического кризиса. Всего около 30 базовых нормативно-правовых актов.

Заключение:

- В отличие от традиционных и фатальных для России теоретических демографических воззрений, обоснована более оптимистическая теория демографической вариативности, доказывающая управляемость демографических процессов.
- Последние демографические инициативы политического руководства страны при последовательном и более комплексном и системном развитии могут способствовать преодолению демографического кризиса в стране.
- Для преодоления депопуляции России в первую очередь нужна активная государственно-управленческая деятельность по воздействию на выявленные и реально значимые факторы и причины демографического кризиса. Для российского случая они весьма специфичны.

Трансформация семейных ценностей и репродуктивных установок поколения родителей и детей *

Снижение рождаемости является одной из характеристик современных обществ, обусловленное, с одной стороны, фундаментальными трансформациями социально-экономических условий жизни и типа воспроизводства населения (Caldwell, Van de Kaa), культурных механизмов и ценностно-мотивационных основ репродуктивного поведения, связанными с изменением системы ценностей (Inglehart, Lesthaeghe), кризисом семейного образа жизни и ослаблением потребности в детях (Борисов, Антонов, Архангельский), а с другой – результатом «политики социального либерализма и нового капитализма» (McDonald). Формирование репродуктивных ориентаций поколения современных подростков оказывается под влиянием «рефлексивной модернизации» современного общества (Beck, Giddens, Lash), социокультурной дифференциации родительских семей, либерализации брачно-семейных норм, меняющихся представлений о семье и родительстве. В исследовании автор сконцентрировала внимание на изучении обусловленности формирования репродуктивных ориентаций подростков комплексом взаимосвязанных показателей – системой семейных ценностей, особенностями семейной социализации, предпочтительным образом повседневной жизни семьи, отношением к детям и формирующейся родительской идентичностью. Эмпирической основой статьи являются данные исследования, проведенного в 2008 г. методом незаконченных предложений (287 подростков), глубинного интервью (30 экспертов), 2 дельфийских групп, 16 фокус-групп с родителями и подростками из разных типов семей, анкетирования 587 подростков в возрасте от 14 до 17 лет и 680 взрослых, имеющих детей. Всего на разных этапах проведения исследования в нем участвовало 1903 респондента. Погрешность выборки подростков составляет 4,2%, погрешность выборки родителей – 3,8%.

Важнейшей методологической задачей исследования являлась задача определения и операционализации структуры семейных ценностей. На первом этапе была сконструирована теоретическая модель семейных ценностей, которая затем была наполнена содержательными характеристиками в ходе фокус-групповых дискуссий. На основании материалов качественного исследования была выдвинута гипотеза о том, что

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, грант №07-03-00470а «Семейные ценности и репродуктивные установки родителей и детей как факторы будущего демографического развития России».

количество детей в родительской семье и репродуктивные ориентации подростков в значительной степени обусловлены ориентацией на ту или иную систему семейных ценностей, проявляющейся в способе организации повседневной жизни и укладе семьи, позволяющими в разной степени реализовать свою потребность в детях и себя как родителя. Были предложены как наиболее типичные три обобщенные модели организации повседневной жизни семьи, которые в определенной степени совпадают с разными этапами трансформации семьи (Good, Голод). Под *патриархальной моделью семьи* было решено понимать большую многодетную семью с такой формой организации, когда муж играет в семье доминирующую роль и несет ответственность за материальное благосостояние, а круг обязанностей жены включает организацию семейного быта, заботу о детях и уход за родственниками. Отличительной особенностью *детоцентристской модели семьи* является то, что приоритет в ней отдается детям. Главная цель родителей – воспитать и дать хорошее образование детям. При этом и муж, и жена принимают равное участие в воспитании детей, уделяют значительное время общению с ними, стараются проводить свободное время вместе. Характерным отличием *супружеской модели семьи* является то, что и муж, и жена, обладая равными правами в семье, стремятся к быстрому и успешному продвижению в своей профессиональной деятельности, желая добиться материальной независимости, социального статуса и общественного признания. При этом повседневная забота о детях лежит главным образом на старшем поколении или домашнем персонале.

Анкета содержала вопрос, в котором в сжатом виде была дана суть каждой модели семьи и типа родительства, и респонденту предлагалось выбрать один из предложенных вариантов, наиболее предпочтительный с его точки зрения, который мог бы рассматриваться им в качестве некоего эталона при создании своей семьи. Родителям предлагалось также выбрать вариант предпочтительной модели семьи в юности, определить, к какому из перечисленных типов семьи можно отнести настоящую семью и посоветовать своему ребенку наиболее привлекательную модель семьи. В результате традиционную модель семьи выбрали в поколении детей 15,7 % (92 подростка), более половины 54,3% – детоцентристскую (319 человек), супружескую модель – 13,1% (77 человек). Родители в юности предпочитали создать детоцентристскую семью в 46,2% случаях (248 человек), традиционную – в 21,4% (143 респондента) и супружескую в 18,7% случаев (125 родителей). Анализируя поколенческие различия ответов родителей и детей, можно сказать, что как дети, так и родители чаще выбирали семью детоцентристского типа, в основе выбора которой лежит потребность в детях, обусловленная социальными нормами детности. На втором месте по числу выборов у родителей и детей – патриархальная модель семьи, в основе мотивации создания которой лежит высокая потребность в детях, обусловленная сильным родительским инстинктом. На третьем месте – супружеская модель семьи, ценностно-мотивационная доминанта которой

состоит в потребности достижения социального успеха и личного комфорта, а потребность в детях недостаточно выражена. Таким образом, уже в ранней юности респонденты ориентируются на определенную структуру семейных ценностей и уклад семьи, выбор которых у взрослых респондентов коррелирует с детностью семьи.

Семейные ценности родителей и подростков

В результате качественного этапа исследования предложена структура семейных ценностей, состоящая из трех осей (супружества, родительства, родства) и трех оснований: цели организации семьи, системы семейных отношений и качеств личности. Среди целей организации семьи наиболее важными по результатам анализа фокус-групп с представителями разных типов семей являются: *стабильный брак, рождение и воспитание детей, материальный достаток, родственные связи, семейные традиции и праздники, общий дом (хорошая квартира), общие взгляды на жизнь, здоровье членов семьи, удобная для всех организация семейной жизни, теплая семейная атмосфера, любовь*. Как показали результаты исследования, для организации семейной жизни, по мнению детей, важнее иметь стабильный брак (50,7%), любовь (41%), материальный достаток (36,7%), теплую семейную атмосферу (27,7%), рождение и воспитание детей (25,3%). Поколение родителей в большей степени ориентируется на рождение и воспитание детей как основную цель организации семьи (53%), теплую семейную атмосферу (40,2%), общие взгляды на жизнь (33,3%), стабильный брак (30,3%) и любовь (35,7%). В целом, для поколения детей стабильный брак оказался значительно важнее по сравнению с поколением родителей (50,7% ответов детей против 30,3% ответов родителей), чем рождение и воспитание детей (25,3% ответов детей против 53,0 % ответов родителей). В структуре значимых семейных отношений были выделены: *взаимное уважение и доверие, возможность реализации вне семьи, семейное единство и сплоченность, сексуальные отношения, семейное общение, равенство и партнерство всех членов семьи, автономность и свобода самовыражения, любовь и забота друг о друге, возможность получить поддержку в трудную минуту, дружеские отношения детей и родителей*. В семейных отношениях, по мнению детей, более ценно чувствовать любовь и заботу друг о друге (44,0%), взаимное уважение и доверие (42,0%), возможность реализовать себя вне семьи (25,3%), семейное единство и сплоченность (25%), возможность получить поддержку в трудную минуту (19,7%). Родители более высоко по сравнению с детьми ценят любовь и заботу друг о друге (57,5%), взаимное уважение и доверие (53,4%), дружеские отношения между родителями и детьми (32,4%), возможность получить поддержку в трудную минуту (31,8%), семейное единство и сплоченность (27,5%). В структуре наиболее важных качеств и умений супруга (супруги) выделены: *умение любить и заботиться о семье и детях, качества хорошего родителя, способность обеспечить семью, готовность*

к разрешению конфликтов (терпимость), сексуальная активность, совпадающие жизненные ценности и установки, доброжелательное отношение к родителям жены (мужа), привлекательная внешность, престижность профессии и рода занятий супруга (супруги), верность, доброта. Для поколения родителей оказались более значимы такие качества, как умение любить и заботиться о детях (30,1%), совпадающие ценности и установки (36,0%), верность (34,9%), способность обеспечить семью (31,4%). Для поколения детей наиболее предпочтительными качествами и умениями оказались: умение любить и заботиться о детях (30,1%), способность обеспечить семью (27,4%), совпадающие жизненные ценности и установки (28,8%), привлекательная внешность (24,4%), готовность к разрешению конфликтов (25,4%). В целом, структура семейных ценностей поколения родителей более традиционна по сравнению с семейными ценностями поколения детей, которая, с одной стороны, включает ценности современного этапа развития семьи, а с другой – обусловлена возрастными особенностями подростков. В то же время в группах, выделенных по критерию выбора модели семьи, религиозности, детности семьи, семейного положения родителей наблюдаются значительные уровневые различия. Так, в основе системы семейных ценностей респондентов, выбирающих патриархальную модель семьи, лежат цели рождения и воспитания детей, создания и сохранения стабильного брака, общие взгляды на жизнь и теплая семейная атмосфера. В семейных отношениях респонденты этой группы больше ценят любовь и заботу друг о друге, взаимное уважение и доверие, семейное единство и сплоченность. Наиболее предпочтительными характеристиками супруга(и) являются умение любить и заботиться о семье и детях, качества хорошего родителя и совпадающие жизненные ценности и установки. При этом вектор изменений в данной группе состоит в повышении для поколения детей ценностей любви и стабильности супружеских отношений при одновременном снижении ценностей детей и родительства. Система ценностей данной группы семьецентрична, направлена на улучшение жизни семьи и детей. В основе семейного образа жизни лежат традиционные ценности рождения и воспитания детей, а *доминирующим фактором* структуры семейных ценностей являются *ценности заботы*. Целями организации семейной жизни респондентов, выбирающих детоцентристский вариант модели семьи, являются любовь друг к другу, здоровье семьи и общие взгляды на жизнь. В семейных отношениях ценится любовь и забота друг о друге, возможность получить поддержку в трудную минуту, взаимное уважение и доверие. Наиболее важными качествами, которые ценят респонденты этой группы, являются умение любить и заботиться о детях, готовность к разрешению конфликтов, привлекательная внешность. При этом особенностью данной группы является повышение значимости у поколения детей по сравнению с поколением родителей ценностей любви, материального достатка и снижения ценностей рождения и воспитания детей. Таким образом, в основе

системы семейных ценностей данной группы лежат ценности любви, межличностного взаимодействия и высокого качества жизни с *доминирующей направленностью на ценности любви*. В структуре ценностей респондентов поколения родителей и детей, выбирающих супружескую модель, значимыми целями семейной жизни являются материальный достаток, удобная для всех организация семейной жизни, наличие хороших жилищных условий. При этом доля респондентов, признающих материальный достаток в качестве доминирующей семейной ценности, в поколении детей удваивается. В то же время наблюдается обратная «материализму» тенденция: растет и число тех, кто считает важной семейной ценностью родственные связи и семейные традиции. Рождение детей и их воспитание не являются приоритетными целями создания семьи как для поколения родителей, так для поколения детей. В семейных отношениях ценятся равенство и партнерство членов семьи, самореализация вне семьи, автономность и свобода самовыражения, сексуальные отношения, взаимное уважение и доверие. Для поколения родителей и детей, выбирающих супружескую модель семьи, важнее, чем для представителей других групп, такие качества партнера, как профессиональный статус, внешняя привлекательность, сексуальность, терпимость, совпадающие жизненные ценности и установки, способность обеспечить семью. Таким образом, система семейных ценностей респондентов, выбирающих супружескую модель семьи, рациональна и эгоцентрична, обусловлена социальными требованиями современного общества к организации семейной жизни. *Доминирующей тенденцией* является стремление к *ценностям комфорта и индивидуализации*.

Репродуктивные установки детей и родителей

Базовые репродуктивные установки подростков и родителей оценивались с помощью серии вопросов об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье. В целом, по выборке подростков среднее идеальное число детей в семье составило 1,8; желаемое – 1,9; ожидаемое – 1,6. Для родителей среднее идеальное составило 1,9; желаемое – 2,1, ожидаемое – 1,6. Репродуктивные установки девочек несколько выше по желаемому числу детей по сравнению с мальчиками (1,8/1,9/1,6 и 1,8/1,8/1,6). Репродуктивные установки мужчин несколько выше, чем у женщин (2,0/2,0/1,7 и 2,0/1,8/1,6 соответственно). Как показал дальнейший анализ, наиболее высокие репродуктивные установки имеют подростки из семей с тремя и более детьми (2,1/2,1/1,8) и из семей с двумя детьми (1,9/2,0/1,8) по сравнению с выходцами из однодетных семей (1,5/1,6/1,4). Выше репродуктивные установки и у православных верующих подростков (2,0/2,1/1,8) по сравнению с неверующими (1,7/1,8/1,5), а также у подростков из семей с уровнем достатка ниже среднего (2,0/2,2/1,8) по сравнению с подростками из семей со средним достатком (1,7/1,9/1,1,7) и высоким уровнем достатка (1,7/1,7/1,4). Сравнение уровней значений

репродуктивных установок родителей в зависимости от детности семьи, религиозности, семейного положения и уровня материального достатка показал аналогичные тенденции. Так, для однодетных родителей среднее идеальное число детей в семье составило 1,7; желаемое –1,8; ожидаемое – 1,1. Для двухдетных –1,9/2,0/1,7, для имеющих трех и более детей – 2,8/2,7/2,7. У верующих родителей значительно выше репродуктивные установки по всем трем показателям по сравнению с неверующими (2,8/2,8/1,7 и 1,6/1,7/1,5 соответственно). Родители, находящиеся в зарегистрированном браке, и вдовы(вдовцы) имеют более высокие репродуктивные установки (2,0/2,2/1,8 и 2,3/2,3/1,5 соответственно) по сравнению с теми, кто разведен или не зарегистрировал брак (1,7/1,8/1,3 и 1,6/1,7/1,8 соответственно).

Обобщая полученные данные, приведем анализ структуры ожидаемого числа детей у подростков в зависимости от типа семьи, религиозности и семейного положения родителей респондентов (Табл. 1).

Таблица 1

Структура ожидаемого числа детей в зависимости от типа семьи, религиозности и семейного положения родителей респондентов, в %

	Один ребенок	Двое детей	Трое и более	Ни одного	Затруднились ответить
Число детей в семье					
Единственные	34,1	45,1	6,3	5,6	11,4
Имеющие сиблинга	14,2	61,2	13,7	2,7	8,2
Трое и более	8,3	50,0	25,0	2,7	13,0
Религиозность					
Неверующие	26,3	50,0	8,6	6,3	11,8
Верующие	7,7	53,8	29,5	1,6	6,4
Семейное положение родителей					
Зарегистрированный брак	17,3	53,5	14,4	3,7	11,2
Незарегистрированный брак	32,7	49,0	8,2	5,0	8,2
Разведены	33,9	44,6	9,1	5,7	10,7
Вдовец (вдова)	13,8	62,1	13,8	3,4	6,9

Приведенные результаты исследования интересны тем, что показывают обусловленность формирования репродуктивных установок подростков религиозностью, семейным положением родителей, детностью семьи. Так, на рождение одного ребенка в большей степени ориентированы единственные дети в семье (34,1%), имеющие либо разведенных родителей

(33,9%), либо находящихся в незарегистрированном браке (32,7%). Чаще хотят иметь одного ребенка подростки, назвавшие себя неверующими (26,3%) по сравнению с верующими подростками (7,7%) и с выходцами из многодетной семьи (8,3%), а также с одним родителем в ситуации смерти второго (13,8%), имеющие брата или сестру (14,2%), а также из семей, где родители находятся в зарегистрированном браке (17,3%). На рождение двоих детей в большей степени настроены дети из семей вдов (62,1%) и имеющие сиблинга (61,2%) по сравнению с детьми, чьи родители развелись (44,6%), или являющимися единственными детьми в семье (45,1%). На рождение троих детей чаще ориентируются верующие подростки (29,5%) и дети из многодетных семей (25,0%) по сравнению с теми, кто не имеет братьев и сестер (6,3%), назвавшими себя неверующими (8,6%), чьи родители развелись (9,1%) или находятся в незарегистрированном браке (8,2%). В большей степени установка на бездетность формируется у неверующих подростков (6,3%), являющихся единственными в семье (5,6%), чьи родители развелись (5,7%) или находятся в незарегистрированном браке (5,0%).

Заметное различие в репродуктивных установках обнаружено и между респондентами, имеющими разные системы семейных ценностей: 39% респондентов из поколения детей, выделенных по критерию доминирующих *семейных ценностей комфорта*, собираются ограничиться одним ребенком (соответствующий показатель у респондентов, имеющих *семейные ценности любви* составил 19,4%, а у респондентов – сторонников *семейных ценностей заботы* – 13,0%) (Табл.2). Те же тенденции характерны и для родителей данной группы: 42,7% собираются иметь одного ребенка (соответствующий показатель у респондентов с доминирующей типом *семейных ценностей любви* составил 18%, у родителей – приверженцев *семейных ценностей заботы* – только 5,1%).

Больше половины респондентов из поколения детей, ориентированных на систему семейных ценностей любви, собираются родить двоих детей (57,1% ответов). Чаще всего о намерении иметь троих детей указывали респонденты – сторонники *семейных ценностей заботы* (26,1%), а реже всего – *системы ценностей комфорта* (2,6%). Аналогичный выбор делают и родители с доминирующей *системой семейных ценностей заботы*: трех и более детей они собираются иметь в четыре раза чаще, чем родители второй группы и в десять раз чаще, чем сторонники третьей группы семейных ценностей (68,4/18,4/6,7% соответственно).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов, имеющих разные системы семейных ценностей, на вопрос: «Сколько всего детей ты собираешься иметь?»/«Сколько всего детей (включая, имеющихся) вы собираетесь иметь?» (в %)

	Ценности заботы		Ценности любви		Ценности комфорта	
	Дети	Родители	Дети	Родители	Дети	Родители
Одного ребенка	13,0	5,1	19,4	18,0	39,0	42,7
Двух детей	47,8	16,3	57,1	44,5	46,8	38,2
Трех и более	26,1	68,4	13,5	18,4	2,6	6,7
Ни одного	2,2	1,0	1,3	2,9	2,6	3,4
Затрудняюсь ответить	9,8	9,2	8,2	16,3	9,1	9,0

Таким образом, родители и дети с доминирующим типом семейных ценностей, условно названных нами – *ценностями заботы*, имеют высокую потребность в нескольких детях, а ориентированные на семейные *ценности комфорта*, напротив, имеют более низкий уровень потребности в детях, ограниченный одним-двумя детьми.

Полученные данные дают основание говорить о том, что от поколения к поколению усиливается установка на уменьшение количества детей в семье. При этом указанная тенденция проявляется сильнее в подвыборке единственных детей в семье, неверующих, имеющих родителей, которые разведены или находятся в незарегистрированном браке, живущих в семьях с высоким достатком, имеющих доминирующую систему семейных ценностей комфорта и индивидуализации жизни.

Таблица 3

Средние значения желаемого и ожидаемого числа детей в группах респондентов поколения детей и родителей, выделенных по типу семейных ценностей

	Ценности заботы		Ценности любви		Ценности комфорта	
	Дети	Родители	Дети	Родители	Дети	Родители
Желаемое число детей	2,31	2,51	2,04	1,98	1,77	1,70
Ожидаемое число детей	2,15	2,42	1,87	1,62	1,59	1,39
Разница между желаемым и ожидаемым числом детей	0,16	0,09	0,17	0,36	0,18	0,31

В табл. 3 приведены средние значения желаемого и ожидаемого числа детей в группах респондентов поколения родителей и детей, выделенных по типу семейных ценностей. Оба показателя выше в группе респондентов с доминирующими ценностями заботы: желаемое число детей в группе поколения детей – 2,31 (в поколении родителей – 2,51), ожидаемое в группе поколения детей – 2,15 (в поколении родителей – 2,42). В группе респондентов, имеющих направленность на ценности комфорта, соответствующие показатели самые низкие: желаемое число детей в группе поколения детей – 1,77 (в поколении родителей – 1,70), ожидаемое в группе поколения детей – 1,59 (в поколении родителей – 1,39). Респонденты, ориентированные на семейные ценности любви, занимают среднее положение: желаемое число детей в группе поколения детей – 2,04 (в поколении родителей – 1,98), ожидаемое в группе поколения детей – 1,87 (в поколении родителей – 1,62). Следовательно, респонденты (как в поколении детей, так и родителей) из групп с доминирующими ценностями комфорта и любви собираются иметь детей меньше, чем респонденты из группы с ценностями заботы, не потому что им не позволяют условия жизни, а потому что у них такова потребность в детях. Небольшая разница между средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей (0,16/0,17/0,18) позволяет говорить о том, что большинство респондентов из сравниваемых групп в поколении детей собираются иметь детей столько, сколько хотят. В то же время разница между средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей у респондентов поколения родителей, ориентированных на ценности заботы минимальна (0,09), а выбирающих ценности любви и комфорта, максимальна – 0,36 и 0,31 соответственно. Следовательно, роль жизненных условий для реализации потребности в детях минимальна для первой группы и максимальна для второй и третьей. Важно также отметить, что средние значения желаемого и ожидаемого числа детей выше для поколения детей по сравнению с поколением родителей в группах с доминирующими ценностями любви (2,04/1,98 и 1,87/1,62) и ценностями комфорта (1,77/1,70 и 1,59/1,39), а соответствующие показатели ниже в группе с семейными ценностями заботы (2,31/2,51 и 2,15/2,42).

Таким образом, в результате исследования подтвердилась гипотеза о том, что количество детей у поколения родителей и репродуктивные ориентации подростков детерминированы типом семейных ценностей. Более выраженная установка на многодетность является атрибутом респондентов, имеющих доминирующий тип семейных ценностей заботы. В то время как респондентам, выбирающим тип семейных ценностей комфорта, присуща установка на малодетность.

Тенденции рождаемости в Украине за последние сто лет

Современный уровень рождаемости в Украине низкий как по историческим меркам, так и в международном контексте: и после семи последних прошедших лет (2002-2008 гг.), в течение которых рождаемость в Украине повышалась, ее показатели остаются низкими как в сравнении с рядом европейских стран, так и тем более по сравнению с уровнями, имевшими место в стране в обозримой исторической ретроспективе. Хотя соответствие процесса снижения рождаемости в Украине в течение длительного исторического периода общецивилизационным тенденциям демографической динамики не вызывает сомнений, углубленное исследование этого процесса как в пространственном, так и во временном аспекте, анализ общих и специфических факторов динамики рождаемости не теряют своей актуальности.

Украина по состоянию на конец XIX века была страной с наиболее высокой рождаемостью в Европе. Немецкий демограф Р. Кучинский в своей известной работе указывал, что в 1896–1897 гг. суммарный показатель рождаемости в Украине составлял 7,5 ребенка¹. Однако уже в 1890-е годы начался процесс снижения рождаемости. Если в 1891–1900 гг. общий уровень рождаемости в Украине был равен 49,1 %, то в 1901–1910 гг. — 44,6 %, в 1911–1913 гг. — 42,9 %, а в послереволюционный период, после кратковременного повышения рождаемости, в середине 1920-х годов началось ее быстрое снижение².

Наиболее общее представление о динамике рождаемости в Украине со середины 20-х гг. прошлого века (в сравнении с рядом других европейских стран) дают показатели, отраженные на Рис. 1. Изменения уровня рождаемости в Украине со второй четверти XX века в целом отражают преобладающую тенденцию снижения детородной активности и в то же время аккумулируют влияние исторических событий на течение демографических процессов в нашей стране. Тенденции уровня рождаемости в Украине отвечают общей направленности этого процесса на всем европейском пространстве, однако динамика коэффициента рождаемости временами заметно отклоняется от эволюционной кривой течения данного процесса, имеет более «аритмичный» характер, отличается экстремальностью падений и наличием таких колебаний, которые связаны не только (и не столько) с трансформацией модели рождаемости,

¹ Kuczynsky R. Robert. The Balance of Births and Deaths. Volume II. Eastern and Southern Europe. – Washington, D. C.: The Brookings Institution, 1931. – P.61–64.

² Наслідки репродукції людності УСРР за роки 1926–1931. – Управління народногосподарського обліку УСРР за роки 1926–1931 (на ротаторі, без вихідних даних). – С.23.

сколькo с «эхом» социальных катаклизмов и демополитических влияний (и обусловленными этими факторами «демографическими волнами»).

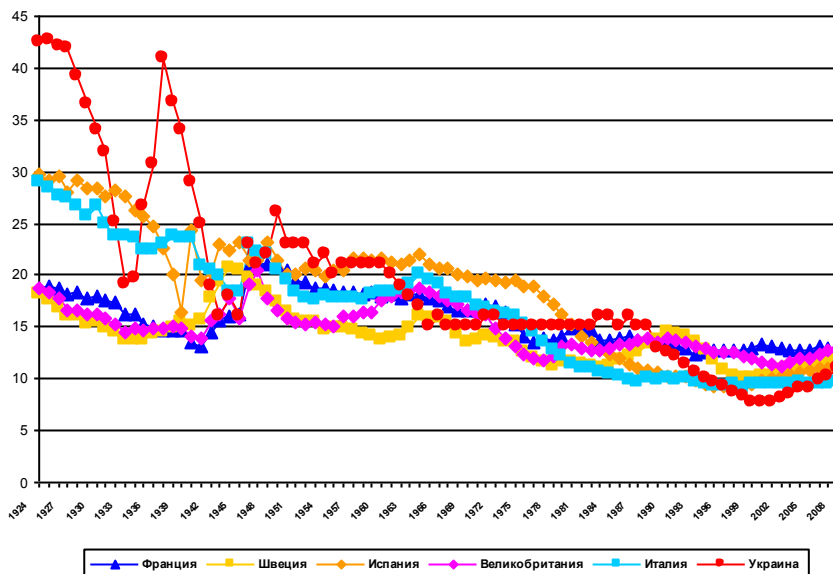

Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости в Украине и некоторых развитых европейских странах в 1924-2008 гг., %

Показательны в этом отношении обвалы падения уровня рождаемости в периоды войн и социально-экономических потрясений и следующие за ними компенсационные повышения детородной активности населения. В течение советского периода демографической истории такие волнообразные колебания показателей рождаемости (с разной, но неизменно значительной амплитудой) фиксировались неоднократно: во время форсированной индустриализации и «Великого перелома» на селе и связанного с ними беспрецедентного падения рождаемости в период голода (в 1932-1934 гг.), за которым пошла волна подъема детородной активности в предвоенный период, частично обусловленная вышеуказанной компенсационной реакцией, частично – «стимулированная» законодательным запретом абортoв (с 1936 г.); спад рождаемости во время Великой Отечественной войны и последующее повышение показателей рождаемости в конце 1940-х – начале 1950-х гг., обусловленное упоминавшимся эффектом компенсации.

Итак, наиболее высокий уровень детородной активности в советский период в Украине наблюдался в 1925–1926 гг. Высокие темпы индустриализации, принудительная коллективизация сельского хозяйства, голод

и репрессии 30-х годов — все это обусловило более высокие темпы снижения рождаемости, чем в дореволюционный период.

Форсированная индустриализация и стремительная урбанизация сопровождалась массовым оттоком населения из сел, разрушением традиционной крестьянской семьи, вовлечением женщин во внесемейное производство и, как следствие, распространением ограничения деторождения, быстрым уменьшением числа рожденных детей³. Быстрое снижение интенсивности деторождения не компенсировалось в этот период значительно меньшими темпами снижения смертности. В Украине только за вторую половину 1920-х годов общий уровень рождаемости сократился более чем на четверть, а показатель естественного прироста населения — на треть⁴.

В 1930-е годы уровень рождаемости в Украине претерпел неординарные сдвиги, эпицентром которых стал пресловутый «Великий перелом» на селе и голод 1932-1933 гг. Тенденции рождаемости в Украине в этот период в полной мере отражают экстраординарность условий выживания населения в период массовой коллективизации и голодного лихолетья. Стремительное падение рождаемости в первой трети 1930-х и "голодная впадина" 1933-1934 гг. четко прослеживаются как в динамике специального, так и наиболее корректного суммарного показателя рождаемости в Украине в этот период (рис 2). Число рождений в Украине в 1934 г. было почти вдвое меньшим, чем в 1930-м и более чем в 2,2 раза меньшим, чем в 1925 г., при этом в сельской местности в 1934 г. родилось на 55% меньше детей, чем в 1930 г. и более чем на 3/5 меньше – по сравнению с 1925 г. Специальный коэффициент рождаемости в селах Украины в 1934 г. снизился по сравнению с 1930-м почти наполовину, при этом он был на 31% и на 45% ниже, чем соответствующие показатели для последующих 1935-1936 гг.

Динамику уровня рождаемости в Украине во второй половине 1930-х годов характеризует обратная тенденция – к росту, который особенно ускорился именно в 1936-1937 гг. В целом за пятилетие после голода (в 1938 г. по сравнению с 1934 г.) общий коэффициент рождаемости в Украине вырос более чем на 4/5, специальный коэффициент – едва ли не вдвое, суммарный показатель – более чем в 2 раза. Влиятельным фактором динамики рождаемости в Украине во второй половине 1930-х годов стал, наряду с компенсационным ее приростом (который обычно имеет место после резких падений, вызванных социальными катаклизмами), также и законодательный запрет аборт (в 1936 г.) – еще одно мероприятие из арсенала сомнительных "социальных экспериментов", целью которого было "добровольно-

³ Демографическая модернизация России: 1900-2000/ Под редакцией Анатолия Вишневого. -Москва, Новое издательство, 2006.- С.149-150.

⁴ Корчак-Чепурківський Ю.О. Подружність і народжуваність у жінок УРСР // Демографічні дослідження. – Вип.4. – К.: Наукова думка, 1968 р. – С.66.

принудительным" способом улучшить детородную ситуацию для возмещения катастрофически высоких потерь человеческого потенциала вследствие репрессий и голода. «Зубцы» 1937 г. на соответствующих кривых суммарного и специального показателей рождаемости (Рис. 2) демонстрируют довольно резкое ее конъюнктурное повышение, "стимулированное" именно запретом абортов.

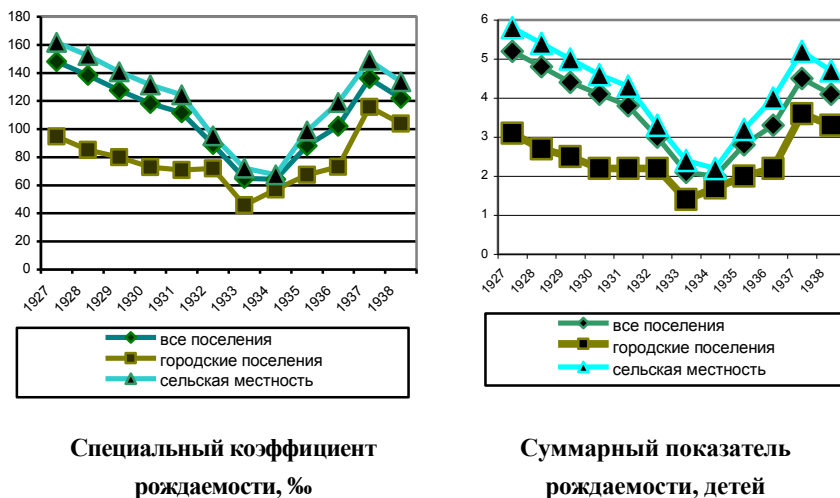

Рис. 2. Показатели рождаемости в Украине по типу поселения в 1927-1938 гг.

Источник: авторские расчеты по архивным данным

Вместе с тем, исследователи обращают внимание и на увеличение в СССР во второй половине 1930-х годов численности контингентов женщин в возрасте наиболее высокой рождаемости⁵, что положительно повлияло на динамику рождаемости в предвоенные годы. По данным, касающимся Украины, можно уверенно констатировать увеличение на протяжении последней трети 1930-х годов численности женщин в возрасте 25-29, 30-35, 35-39 лет, а также старших групп детородного возраста. Повышение рождаемости условных поколений в 1937-1938 гг. коснулось всех без исключения возрастных групп женщин, однако наиболее существенным оно оказалось не в возрасте самой высокой детородной активности (среди 20-24, 25-29-летних), а у женщин среднего (в частности, 32-35 лет) и старшего (39-46 лет) детородного возраста. Повышенными были темпы

⁵ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сборник статей. – М., Статистика, 1977.

роста показателей рождаемости и у юных женщин - 18-19-летних. Эта особенность динамики повозрастной рождаемости свидетельствует «в пользу» утверждения о влиянии запрета аборт на динамику рождаемости в этот период: ведь именно женщины средних и особенно старших возрастных групп (которые, как правило, уже имеют детей) в случае очередной беременности чаще принимали решение о ее прерывания (при условии, что аборты разрешены). Кроме того, на аборт, как известно, довольно часто решаются и самые молодые незамужние женщины в случае нежелательной беременности. Показательным в вышеупомянутом контексте представляется также существенное (более чем в полтора раза уже в 1937 г. по сравнению с 1935 г.) повышение доли внебрачных рождений с принятием решения относительно законодательного запрета аборт. Очевидно, что в предыдущие годы весомая доля легальных аборт приходилась именно на нежелательные внебрачные беременности.

Принятие закона о запрете аборт оказало значительное негативное влияние на состояние репродуктивного здоровья советских женщин, поскольку привело к увеличению частоты криминальных аборт и, как следствие, значительному количеству осложнений и высокой материнской смертности. После законодательного запрета аборт в 1936 г. (запрета любых искусственных аборт за исключением тех, которые необходимы для сохранения здоровья матери и ее потомства) учет искусственных аборт был значительно затруднен, ведь официально регистрировались лишь аборты по медицинским показаниям и те "начавшиеся вне медицинских учреждений" аборты, по поводу которых пришлось оказывать медицинскую помощь. По мнению специалистов, реальное число небольничных аборт в Украине было как минимум в четыре раза большим.

Повышение уровня рождаемости в конце 30-х годов прошлого века оказалось весьма недлительным и было прервано началом Великой отечественной войны. Общий уровень рождаемости в среднем за 1942-1945 гг. был более чем на 2/5 ниже, чем в предвоенном 1940 г. и более чем наполовину – по сравнению с 1937-1938 гг. В послевоенной второй половине 1940-х годов кривая рождаемости «выбралась» из впадины военных лет, однако уровень рождаемости уже не восстановился до предвоенного (30-34 ‰), достигнув в 1949 г. максимальной за этот период отметки 26 ‰ (или в терминах суммарного показателя рождаемости – 2,64 ребенка).

В 50-е – начале 60-х годов XX в. в Украине происходило снижение суммарного показателя рождаемости, после чего наступил период его определенной стабилизации: в городах – на уровне около 1,8 ребенка, в селах – 2,2–2,5 ребенка. В целом в 1960–1970 гг. снижение суммарного показателя рождаемости в Украине было меньшим, чем во многих европейских странах (в России в течение 1970-х годов показатель снизился ровно настолько же, насколько и в Украине).

Последние повышения рождаемости, между которыми возник ее глубокий длительный обвал на протяжении 90-х годов прошлого века,

наблюдались в Украине в середине 1980-х (что было связано с введением соответствующих демополитических мероприятий в ноябре 1982 г. ⁶). В целом же следует отметить, что падение рождаемости в Украине было характерно для всего XX века. За вторую его половину рекордные темпы этого падения с достижением минимального уровня на рубеже столетий наблюдались именно в первое десятилетие независимости Украины (1991-2001 гг.), что демонстрирует наиболее корректный индикатор детородной активности условных поколений – суммарный показатель рождаемости (о его долговременных изменениях в Украине на фоне некоторых стран, представляющих различные регионы Европы, позволяет судить рис. 3).

Падение рождаемости в нашей стране в 1990-е гг. действительно было экстраординарным для мирного времени как по продолжительности, так и по темпам, и при этом оно олицетворяло собой один из образцов весьма быстрого реагирования детородной активности населения на стремительное ухудшение условий жизни в период трансформационного социально-экономического кризиса. За период с 1990 по 2001 г. численность новорожденных в Украине сократилась почти на 43%, общий коэффициент рождаемости упал почти на 2/5, специальный коэффициент - на 44%. Среднегодовой темп снижения общего коэффициента рождаемости в указанный период составил 4,4%, специального – 5,1% и превышал темпы снижения этих показателей в 1980-е годы соответственно в 2,9 раза и более чем в 5 раз. В период социально-экономического кризиса в Украине особенно интенсивным и протекающим со стабильным ускорением темпов было падение упоминавшихся показателей рождаемости в 1992-1994 гг. Кроме того, высоким темпом их снижения отличался и 1999 г.; в последующие же два года снижение рождаемости в целом продолжалось, но было гораздо менее ощутимым. Показательно, что среднегодовые темпы снижения рождаемости в Украине в 1990-е годы были не только самыми высокими за послевоенный период, но и ощутимо превышали таковые в исследуемых европейских странах, в том числе и в России, которую в последнем десятилетии XX в. также охватил трансформационный кризис, сопровождавшийся падением рождаемости и обострением демографической ситуации в целом. И только в начале XXI века наметилось формирование некоторых позитивных тенденций в рождаемости.

⁶ Важнейшими мероприятиями, направленными на улучшение условий жизни семей с детьми, было введение частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 1 года, а также неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет. Размер помощи при пребывании в оплачиваемом отпуске в Украине составлял 35 руб. в месяц (20% среднемесячной денежной оплаты труда рабочего и служащего и 26% оплаты труда колхозника того времени). Указанная выплата была наибольшей в общей сумме выплат семьям, имеющим детей. Демографический эффект этих мер оказался наиболее существенным в 1983 и в 1986 гг.

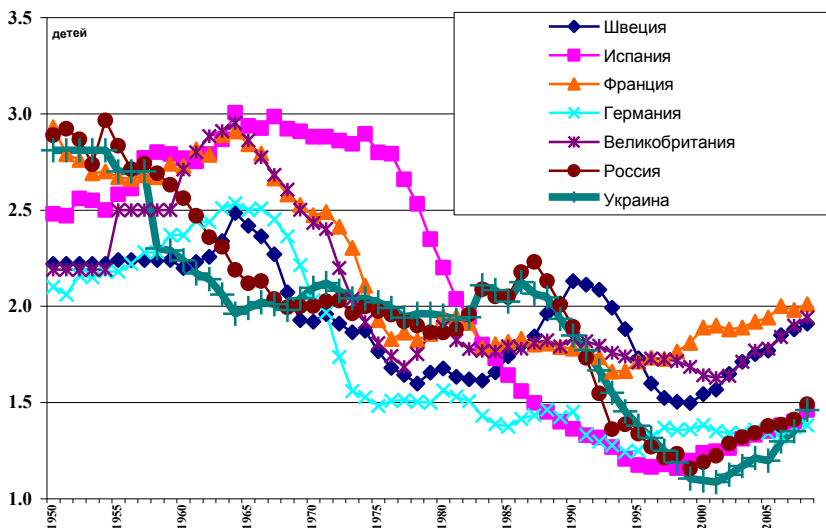

Рис. 3. Суммарный показатель рождаемости в Украине, России и некоторых развитых европейских странах в 1950-2008 гг.

В нашей стране как спад рождаемости 1990-начале 2000-х годов, так и современное ее повышение более четко выраженным оказалось в городских поселениях по сравнению с сельской местностью. Так, среднегодовые темпы снижения численности новорожденных в течение 1990-2001 гг. в городских поселениях составили 5,5%, тогда как в сельской местности - 3,8%, а общий коэффициент рождаемости на протяжении 1990-х годов снижался ежегодно в среднем на 5,0% в городах против 3% в сельской местности. С начала же текущего десятилетия опережающими темпами рос показатель рождаемости в городских поселениях Украины, а уже в последние годы темпы его роста в сельской местности максимально сблизились с таковыми в городах и даже незначительно превысили их. Этому способствовало не только некоторое ускорение темпов роста по возрастной рождаемости на селе в последние два года (в том числе и под влиянием увеличения единовременного пособия при рождении ребенка, значимость которого как источника денежных средств для сельских жителей является более весомой, чем для горожан), но и структурный фактор – увеличение в составе сельских жительниц детородного возраста доли женщин в возрасте наивысшей детородной активности - от 20 до 29 лет.

В целом же относительно улучшения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста, а именно – увеличения доли ее наиболее активной относительно деторождения части (что ныне положительно влияет на динамику рождаемости в стране), следует отметить, что, согласно прогнозу основных параметров демографического развития Украины, такая

благоприятная тенденция сохранится лишь до начала второй декады XXI века, после чего перспективы повышения уровня рождаемости будут зависеть исключительно от повышения детородной активности населения.

В территориальном разрезе наиболее высокие темпы роста суммарного показателя рождаемости в целом за последние семь лет демонстрируют преимущественно более экономически развитые и урбанизированные регионы Украины – АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Харьковская области, г. Киев, которые отличались слишком низкими стартовыми уровнями рождаемости (2001 г.) и при этом население именно этих регионов в наибольшей мере ощутило определенные плоды экономического роста в Украине в межкризисный период (2001-2008 гг.).

Стешенко В.С.

(Институт демографии и социальных исследований
имени М.В.Птухи НАН Украины, г.Киев)

Когортный анализ рождаемости и плодовитости у женщин Украины: основные результаты

Метод реального поколения, или метод когорт, дает возможность изучать меры демографических явлений, которые относятся к определенному поколению в конкретных условиях его жизни. С помощью этого метода исследуются те или иные особенности «демографической биографии» [6, с.72–76] отдельных поколений (когорт) на протяжении всей их жизни или какого-либо ее особого периода. Применение когортного метода в исследованиях демографических процессов не просто дополняет и детализирует результаты использования метода условного поколения. В дисциплинарных границах демографической статистики фактически создается детальная первичная информационная база для разработок по демографической истории.

Как известно, наиболее совершенный инструмент исследования демографических процессов — соответствующие таблицы (модели). Таблицы рождаемости и плодовитости для условного поколения применяются обычно при исследовании влияния на рождаемость факторов недемографического характера, присущих определенному короткому периоду наблюдения, когортные таблицы — для изучения рождаемости и плодовитости в отдельных поколениях женщин в конкретных условиях их жизни, то есть на протяжении всего периода деторождения или времени пребывания в браке. Особое значение они приобретают в тех странах, где значительное распространение получило внутрисемейное регулирование деторождения¹, которое обусловило усиление влияния на ее уровень числа

¹ Одним из первых исследователей когортной рождаемости и плодовитости был американский демограф Паскаль Велптон, которому принадлежит фундаментальная монография по этой проблематике, изданная в 1954 г., в которой он обобщил

уже родившихся детей и ослабление зависимости этого уровня от возраста женщины. Они дают возможность изучать влияние на текущую рождаемость предыдущей плодовитости. Построение таблиц рождаемости и плодовитости для нескольких сопредельных реальных поколений позволяет также установить, приводит ли повышение или снижение рождаемости в тот или иной период к изменению исчерпанной плодовитости (среднего числа детей, которых рождает женщина за весь детородный период), или оно представляет собой временное, преходящее явление, не характерное для данного режима рождаемости. Такие таблицы улавливают колебания рождаемости, обусловленные действием определенных причин, и в то же время дают возможность изучения общей тенденции рождаемости, компенсируя эти колебания в показателях исчерпанной плодовитости. Одна из особенностей таблиц рождаемости для реальных поколений заключается также в том, что на их основе можно изучать рождаемость по очередностям рождения даже в том случае, если отсутствуют данные о распределении женщин по числу рожденных ими детей. Однако эти таблицы менее пригодны для обобщенного изучения влияния на рождаемость значительных социально-экономических событий (война, кризис, неурожай и др), чем соответствующие таблицы, построенные по методу условного поколения.

Даже краткий экскурс в статистическую историю детородной деятельности женщин Украины свидетельствует о неординарных особенностях ее динамики. Они не могут быть достаточно полно рассмотрены без обращения к изучению рождаемости у реальных поколений. Нами изучена рождаемость у 90 поколений женщин (1899/1900–1988/1989 гг. рождения) за 1937–2004 гг. Эти поколения в течение исследуемого периода находились на разных ступенях воспроизводственного цикла: от тех, которые выбывали из детородного возраста, до тех, которые входили в него. Наиболее ценный материал для анализа дают показатели рождаемости у тех женщин, детородная деятельность которых в анализируемый период закончилась, что дает возможность рассмотреть исследуемый процесс за весь период деторождения. В 1937–1974 гг. прошли через полный детородный период, дожив до 50 лет, 38 поколений женщин (1921/1922–1958/1959 гг. рождения).

Анализ полученных данных показал, что в повозрастной рождаемости поколений произошли значительные изменения — повышение рождаемости

результаты своих предыдущих исследований в области когортного исследования рождаемости [10]. В середине 1970-х годов когорты с низкой плодовитостью 1901–1910 лет рождения в США изучали Дебора Даусон и Кристина Бекреч [7]. Исследовательская работа по анализу когортной плодовитости проводилась также в Венгерском центральном статистическом управлении [9]. Значительное внимание изучению рождаемости реальных поколений в СССР в 70-е годы прошлого столетия уделила известный демограф Р.И. Сифман [4,5]. В Российской Федерации эти исследования проводились также в Центре демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [2, 3].

у молодых женщин и ее снижение в среднем и старшем детородных возрастах у младших когорт по сравнению со старшими (Рис. 1). Если количество детей, рожденных в наиболее молодом детородном возрасте (15–19 лет) у женщин, родившихся в довоенный период, держалось на относительно низком уровне, то даже у родившихся в военные и послевоенные годы она была более высокой. А у женщин, родившихся после Второй мировой войны, произошел настоящий бум ранних рождений. В связи с этим максимум кривой повозрастной рождаемости смещался в сторону молодых детородных возрастов. Повышение рождаемости у молодых женщин более поздних когорт по сравнению с ранними частично обусловлено, во-первых, нормализацией половой пропорции, нарушенной потерями во Второй мировой войне², а во-вторых, тем, что молодые семьи формировались и сейчас формируются в значительной мере за счет материальной поддержки родителей. Определенную роль в этом играет также стремление в условиях укорененности установки на малолетнюю семью в раннем возрасте рожать детей, чтобы потом сконцентрировать усилия на повышении образовательного и профессионального уровней. Сравнительно высокая рождаемость в наиболее молодых детородных возрастах в Украине в значительной мере была связана также с традиционно более ранней, чем в других странах, брачностью. В возрасте 20–24 года у поздних когорт по сравнению с более ранними рождаемость также возрастала. Наивысшей она была в когорте 1948–1949 гг. рождения. В возрасте 25–29 лет сложилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости, как и во всех следующих возрастных группах. При прохождении когорт через возрастные группы 30–49 лет снижение детородной активности было тем более значительным, чем ближе к концу детородного периода находились женщины.

Из 38 исследуемых когорт с полным детородным периодом четко выделяются 12 когорт (1921/1922–1932/1933 гг. рождения), кривая рождаемости у которых имела пологую вершину, максимум рождаемости в 25–29 лет и относительно высокую рождаемость у женщин второй половины детородного периода. Кривые повозрастной рождаемости более поздних 26 когорт с законченным детородным периодом (1933/1934–1958/1959 гг. рождения) имели острую вершину, которая сместилась с возрастной группы 25–29 лет в группу 20–24 года, и низкую сравнительно с предыдущими когортами рождаемость после 30-летнего возраста. Если рассчитать средние показатели для упомянутых двух групп когорт, то в 12 упомянутых когортах

² По данным переписи населения 1959 г., хотя после Второй мировой войны прошло более 13 лет, мужское преимущество в половых соотношениях населения Украины наблюдалось лишь в первых трех пятилетних возрастных группах. После 15-летнего возраста преобладали женщины, причем половая диспропорция возрастала с возрастом. В возрасте 30–34 года на 1000 мужчин приходилось 1279 женщин, в возрасте 35–39 лет — 1585, 40–44 года — 1667, то есть была разрушена естественная основа формирования и существования брачных пар и рождения детей в браке [1, с. 36].

более ранних лет рождения (первая группа), среднее число детей, родившихся у женщин этих когорт в возрасте 20–24 года, было на 15% меньше, чем в возрасте 25–29 лет, тогда как в когортах более поздних лет рождения (вторая группа), то есть после того, как максимум детородной активности переместился к возрасту 20–24 года, оно было на 42,6% больше.

Поскольку этот процесс сопровождался повышением детородной активности в наиболее молодом детородном возрасте — 15–19 лет, эти показатели начали составлять все большую часть по отношению к соответствующим показателям для 20–24-летних. Если, например, в когорте женщин 1933–1934 гг. детородная активность в возрасте 15–19 лет составляла 12,5% от активности у тех же женщин в возрасте 20–24 года, то в когорте 1958–1959 гг. рождения — 25,4%.

Относительно высокая детородная активность в послевоенный период наблюдалась у женщин когорты 1929/1930 и 1933/1934 гг. рождения, т.е. в годы ее компенсационного повышения (которое не имело непрерывного характера из-за голода 1946 г.). Возвращение в семьи мужчин, связанное с демобилизацией из армии, содействовало повышению рождаемости у женщин среднего и старшего детородных возрастов, а вступление в брак женщин, которые не имели возможности создать семью в период войны, содействовало повышению рождаемости в молодых возрастных группах детородного периода. Следует отметить, что когорты 1948–1949 гг. рождения имела наивысшую за весь исследуемый период рождаемость в возрасте 20–24 года, что можно в определенной мере объяснить, так сказать, "генетически-психологическим" влиянием послевоенной эйфории относительно налаживания более или менее нормальной семейной жизни. Характерно, что и в других группах детородного возраста этого поколения рождаемость была более высокой, чем в "соседних" поколениях, то есть упомянутое влияние действовало у этих женщин на протяжении почти всего детородного периода.

Из сравнения проанализированных нами показателей видно, что особенно благоприятные или неблагоприятные условия преходящего характера сильнее влияли на рождаемость у молодых женщин (поскольку ее уровень у них в значительной мере зависит от брачности), чем у женщин средних и старших возрастных групп; наоборот, тенденции общего характера, которые проявляются на протяжении длительных промежутков времени, в большей мере сказывались на рождаемости у женщин старших возрастных групп.

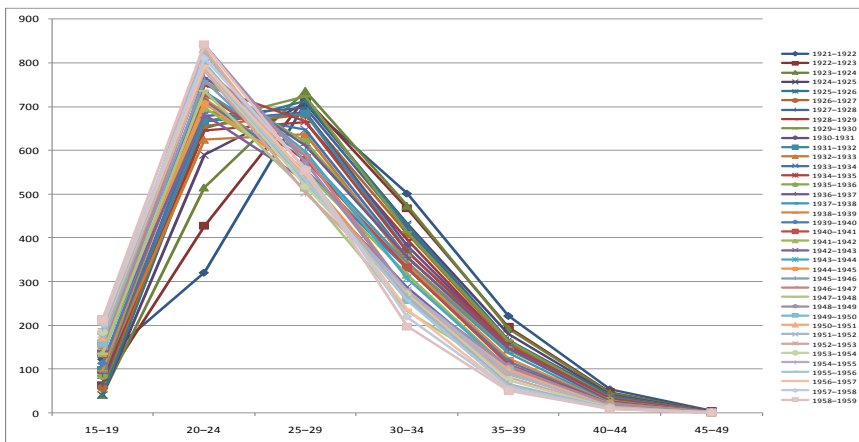

Рис. 1. Числа детей, родившихся в Украине у женщин каждой из когорт 1921/1922 –1958/1959 гг. рождения, в пятилетних интервалах возраста (в расчете на 1000 женщин)

Исчерпанная плодовитость у женщин, завершивших детородный период, в исследуемые годы колебалась в пределах от 1,7 ребенка до 2,1 на одну женщину. Наивысшей она была у женщин 1929/1930 г. рождения, а особенно низкой — у женщин 1932–1933, 1942–1943 и 1947–1948 г. рождения, причем наиболее низкую из них имела когорта 1947–1948 года рождения, то есть та, которая ощутила на себе последствия не только войны, но и голода 1946–1947 г. (Рис. 2).

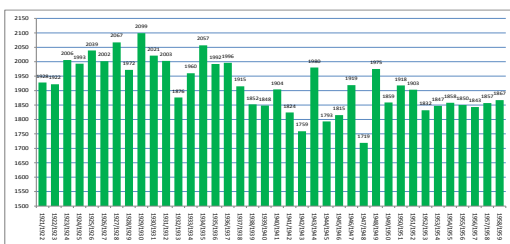

Рис. 2. Показатели исчерпанной плодовитости у когорт женщин Украины 1921/1922–1958/1959 гг. рождения (в расчете на 1000 женщин)

Эти данные очень ярко свидетельствуют о влиянии на уровень рождаемости голода 1932–1933 г., Второй мировой войны и послевоенного

голода. Нужно также отметить, что у поколения, родившегося в годы наиболее высокой рождаемости послевоенного компенсационного периода (1948/1949 г. рождения), была более высокая истощенная плодовитость, чем у сопредельных поколений. Женщины, родившиеся в годы тяжелых времен, имели более низкую рождаемость, чем сопредельные когорты. Это связано не только с влиянием на вынашивание, рождение и здоровье ребенка в раннем возрасте неблагоприятных условий тяжелых лет, а и с тем, что в Украине не было получено „выгоды“ от того, что упомянутые когорты были меньшими по численности. По результатам исследования когорты 1930 года рождения, проведенного в США Карлом Хартером [8], эта когорта, родившаяся в „плохое время“, имела преимущества, то есть «хорошие времена» в каждом последующем периоде своей жизни, поскольку для ее меньшей численности было больше в расчете на одного человека мест на всех уровнях обучения, рабочих мест, жилья и т. д.

Общая закономерность формирования по возрастной плодовитости связана с концентрацией рождаемости в группах до 30 лет, то есть с усилением ее влияния на формирование показателей истощенной плодовитости. Если женщины поколения 1921–1922 г. рождения в возрасте до 30 лет родили 59,6% общего числа детей, то женщины поколения 1958–1959 г. — 86,2%. Хотя плодовитость у молодых женщин возростала, этот рост оказывался недостаточным, чтобы компенсировать снижение рождаемости в среднем и старшем возрастах. Если в ранних когортах сравнительно невысокая плодовитость в молодых возрастных группах наверстывалась благодаря более высокой, по сравнению с поздними когортами, рождаемости в среднем и старшем детородных возрастах, то влияние на истощенную плодовитость более высокой рождаемости у женщин поздних когорт в молодых возрастных группах сводилось на нет более низкой, чем в ранних когортах, рождаемостью в среднем и старшем детородном возрастах. В более поздних когортах в этих возрастных группах детородная деятельность почти завершалась, и уровень истощенной плодовитости в них определял ее общий уровень. Вследствие этих изменений по возрастной рождаемости в целом происходило снижение истощенной плодовитости когорт более поздних лет рождения по сравнению с более ранними. Таким образом, четко проступали две тенденции: снижение истощенной плодовитости у поздних когорт по сравнению с более ранними и взаимокompенсация относительно высокой рождаемости в молодых возрастных группах ее сравнительно низким уровнем в средних и старших возрастных группах, причем снижение рождаемости в этих группах было тем более ощутимым, чем на более позднем участке детородного периода находились женщины.

Рост рождаемости у женщин молодых возрастных групп обусловил повышение роли детей первых очередей рождения в формировании показателя истощенной плодовитости. Так, если в когорте 1921–1922 г. рождения первенцы составляли 38,2 %, а вторые дети — 29,2 % от общей

величины показателя исчерпанной плодовитости, то в когорте 1958–1959 гг. рождения — соответственно 51,6% и 36,4 %, то есть доля детей первых двух очередностей рождения повысилась с 67,4% до 88,0%. Доля третьих детей и более высоких очередностей рождения значительно снизилась³.

Построенные нами таблицы рождаемости и плодовитости демонстрируют не только возрастающую роль в формировании показателей плодовитости детей первых двух очередностей рождения, но и значительное снижение бездетности⁴ у женщин поздних (более молодых) когорт по сравнению с более ранними.

Снижение бездетности у женщин молодых когорт по сравнению со старшими характерно для всех возрастных групп. Но особое значение оно имеет для тех женщин, у которых плодовитость была близкой к исчерпанной. Показательно, что после окончания детородного периода в когорте 1921–1922 гг. рождения бездетными остались 264 женщины, а в когорте 1958–1959 гг. — 36. Если в молодых возрастных группах снижение бездетности обычно свидетельствует об увеличении рождаемости в этих возрастных группах в поздних когортах по сравнению с ранними, то в средних и особенно в старших детородных возрастах увеличение частоты рождений первых детей является проявлением действительного снижения бездетности. Распространенность бездетности снижалась при снижении исчерпанной плодовитости. С нашей точки зрения, этот факт свидетельствует о более глубоком осмыслении женщинами ценности ребенка для человека, семьи и общества.

Следует отметить, что когортными исследованиями рождаемости и плодовитости не завершается, а лишь начинается очень кропотливая, продолжительная, трудоемкая, но необходимая и актуальная работа по изучению демографической истории Украины. Накопление наряду с показателями демографической динамики, вычисленными по методу условного поколения, показателей для когорт населения Украины знаменует формирование эмпирически конкретного, системно полного банка демографических данных о ее народонаселении и его самовоспроизведении.

Более широкое развертывание работ по созданию статистической базы исследования демографической истории на надлежащем научном уровне желательно проводить в нескольких тесно связанных (в

³ Показатели плодовитости женщин для каждой из очередностей рождения детей определялись на основе коэффициентов рождаемости, полученных путем отнесения численности рождений каждой из очередностей за каждый год к той же средней численности женщин, которая использовалась при вычислении соответствующих коэффициентов для рождений всех очередностей вместе.

⁴ Показатель бездетности здесь — относительное число женщин определенной когорты, которые не родили первенца. Определялся как разность между начальной численностью женщин определенной когорты (1000) и числом родивших первенца, в расчете на 1000 женщин с исчерпанной плодовитостью.

определенных отношениях последовательных), но относительно автономных направлениях, основными из которых следует назвать прежде всего такие:

- дополнение данных о повозрастной динамике когорт женщин данными о повозрастной динамике численностей когорт мужчин для исследования влияния диспропорций в численности „парных когорт” (мужчины–женщины) на колебания показателей брачности и разводимости и, в конце концов, — на динамику рождаемости, плодovitости, бездетности и других процессов.
- построение когортных таблиц смертности и средней продолжительности жизни; то есть когортные таблицы рождаемости и плодovitости должны использоваться наряду с когортными таблицами других демографических процессов для заполнения так называемой „общей схемы демографического представления” [6, с. 72–76] и для изучения взаимосвязей между этими процессами;
- конкретизация состава поколений в соответствии с принятыми в общественных науках показателями распределения населения по таким качественным характеристикам, как уровень образования, экономическая активность, общественные группы и др., что даст возможность ускорить синтез демографической и так называемой „социальной статистики”.

Литература

1. Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 гг. – К.: Наукова думка, 1977. – С.18–19).
2. Население и общество. Информационный бюлетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования. – № 68. – 2000. – 4 с.
3. Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – 216 с.
4. Сифман Р.И. Размещение рождений в течение периода плодovitости // Факторы рождаемости. – М.: Статистика, 1971. – С.13–21.
5. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. – М.: Статистика, 1974. – 184 с.
6. Птуха М.В. Очерки по статистике населения. – М.: Госстатиздат, 1960. – 460 с.
7. Dauson Deborah A., Bechrach Christine A. A New National Fertility Survey: the Low Fertility Cohorts of 1901–1910. – Washington, D. C.: Georgetown University, Center for Population Research, 1976. – 12 p.
8. Harter Carl L. The “Good Times” Cohort of the 1930s. Sometimes Less Means More (and More Means Less) // RPB Report. – Vol. 3. – # 3. – Washington: Population Reference Bureau, 1977. – 4 p.
9. The Cohort Fertility of Females Born in 1937–1968. – Budapest: Population Statistics Section of the Population Statistics Department of the Hungarian Central Statistical Office, 1986. – 77 p.

10. Whelpton K. Pascal. Cohort Fertility. Native White Women in the United States. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1954. – 492 p.

Смертность

Penina O.*, Meslé F.*, Vallin J.****

(*Academy of Sciences of Moldova, Chisinau, Moldova)

(**Institut National d'Etudes Démographiques, Paris, France)

Mortality by cause in Moldova since 1965: assessing long-term trends and recent changes

INTRODUCTION

Dynamics of life expectancy in Moldova are quite similar to those observed in other European republics of the former USSR. Since the mid-60s to the mid-80s, life expectancy declined continuously to be equal to 62.2 years for males and 69.0 years for females in 1984 compared to 66.6 and 71.9 in 1965. In the 1970s, the situation was particularly unfavourable for women for whom life expectancy decreased substantially. Subsequent very wide fluctuations related to Gorbachev's anti-alcoholism campaign and socio-economic crisis occurred between 1985 and 1997 in all the former European USSR republics, including Moldova. Since 1998, Moldovan life expectancy has been fluctuating without progressing much in the total; however, the most recent years (2006-2008) are marked by an important decline in mortality. Overall, since 1965, men lost 1.2 year of life expectancy and women gained 1.5 year. At the same time, life expectancy was constantly progressing in the Western countries. In France, for example, it gained 10.1 for males and 9.7 for females over 1965-2008. These opposite trends created a growing gap between French and Moldovan life expectancies: it was 0.9 for males and 3.2 for females in 1965, 8.0 and 9.2 in 1990 and 12.2 and 11.3 in 2008.

The analysis of causes of death is a useful tool for a better understanding of these long-term trends and recent changes.

DATA AND MEHODS

The comparison of cause-specific mortality over a long period encounters the problem of changes in classification of causes of death. In Moldova, from 1959 to 1991, the Soviet classification was revised in 1965, 1970, 1981 and 1988, then after Independence ICD9 and ICD10 were successively applied. To ensure consistency between the classifications, we adapted a method for reconstructing continuous time series of deaths by causes developed for France (*Vallin and Meslé, 1988, Meslé and Vallin, 1996*) to the Moldovan data. As a result, we reconstructed 1965-2008 coherent series of deaths by sex, 5-year age groups and cause, classified according to ICD-10. Before being able to analyse mortality trends, we examined the data quality, especially infant mortality, and proposed

some correction of the under-registration of deaths. We had also to deal with a problem of growing number of deaths from ill-defined causes including senility for which we proposed a specific redistribution. To give an overview of the patterns and trends in causes of death, we grouped the detailed items in seven large groups. Age and sex-specific mortality rates were computed for each broad group of causes of death. Applying Andreev's method (Andreev, 1982), we measured the contribution of each broad group of causes at each age group to the changes in Moldovan life expectancy for different periods.

RESULTS

Correction of infant mortality before 1973

According to official statistics, in Moldova, after the Second World War, an impressive decline in infant mortality was achieved, especially over the first two decades. Compared to the post-war period, observed infant mortality rate had decreased by five times by the end of the 50s and eleven times by the end of the 60s. The expansion of low-cost but very effective maternal and child health services resulted in an effective reduction of post-neonatal mortality with less impact on neonatal mortality. Disregarding the famine year of 1947, infant mortality rate declined progressively until the beginning of 1970s, but in 1973, a sudden 50% increase occurred. The rise in infant mortality in the beginning of the 1970s was also observed in other countries of the former USSR and was more or less pronounced according to the republic. Many authors (see Anderson and Silver, 1992) referred this unexpected rise to under-registration of infant deaths. In Moldova, the increase was more prominent in rural areas (62%) compared to the urban ones (27%). A more detailed analysis of infant mortality by age (early and late neonatal, post-neonatal) shows that though the changes are registered for all these components, an increase in neonatal deaths, especially during the first week, is much higher than that in post-neonatal deaths (respectively, 190%, 143% and 36%). The increase in neonatal mortality is especially important in rural areas where it was multiplied by 2.6. All these results confirm that the augmentation of infant mortality observed in 1973 was due to a better registration of both neonatal and post-neonatal deaths.

To correct the infant mortality due to the under-registration of deaths for the years prior to 1973, we tested several methods based on absolute and relative correction. The absolute correction implies adding the absolute difference between the observed rates in 1973 and 1972 to the rates prior to 1973 whereas the relative one means multiplying them by the relative difference. The correction was produced by sex, age (early neonatal, late neonatal and post-neonatal) and place of death (urban/rural). Numbers of births were also corrected assuming the hypothesis that only non-registered neonatal deaths corresponded to non-registered births.

Three methods of infant mortality correction were tested for 1945-1972 period: a). relative correction of both neonatal and post-neonatal deaths; b).

Absolute correction of both neonatal and post-neonatal deaths; c). absolute correction of neonatal and relative correction of post-neonatal deaths.

Figure 1 shows the trends in neonatal and post-neonatal mortality rates before and after corrections. We decided to apply the third (mixed) method of infant mortality correction, for the following reasons:

1. By contrast with absolute correction, relative one significantly overestimates neonatal mortality for earlier years of the period (especially, in rural areas).
2. Early neonatal mortality is mostly influenced by endogenous factors and is strongly related to the proportion of “fragile” births that lead to a high risk of dying over the first week of life. The unreported neonatal deaths can be estimated as a constant proportion of these births for the whole of the period (absolute correction).
3. The corrected trends in post-neonatal mortality rates produced by both methods (absolute and relative) do not differ significantly; however, post-neonatal deaths are mostly related to exogenous factors, and the unreported deaths in post-neonatal period are proportionate to post-neonatal deaths (relative correction).

Finally, the addition of corrected neonatal and postneonatal deaths in rural and urban areas gives a corrected infant mortality rate of 408.3 per thousand in 1945, to be compared to 321.5 before correction, which corresponds to an increase of 27%. In 1960, the coefficient of correction is 41% (from 48.9 to 68.7) and in 1970 - 52% (from 23.1 to 35.1). However, this correction does not completely erase the increase of infant mortality in the mid-1970s that can be really due to some worsening of the health as it has already been noted for other republics of the USSR, probably due to some reorganization of the care system in rural areas.

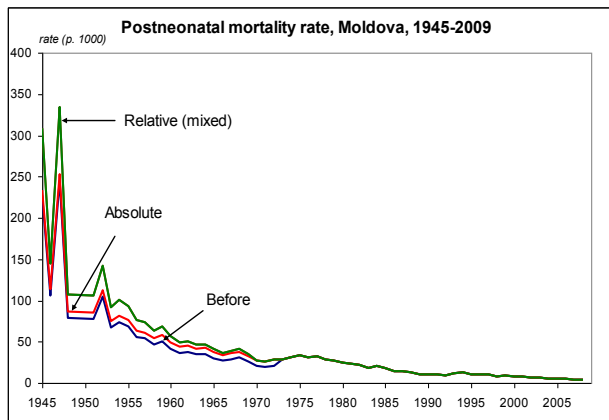
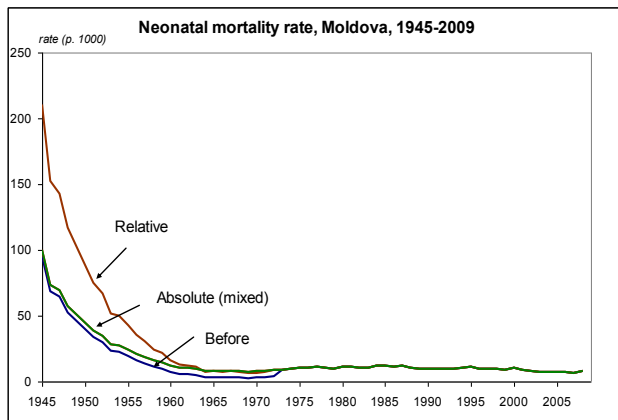

Figure 1: Trends in neonatal and post-neonatal mortality rates before and after corrections (relative, absolute and mixed) due to under-registration of deaths for 1945-1972 years in Moldova

Problem of “live-birth” definition

Another problem with infant mortality data is related to the definition of “live-birth”. In Moldova, as in other countries of the former USSR, the “Soviet” definition of live-birth, which is not compliant with the WHO international standard, was used in the calculation of official mortality statistics. In 1995, the Ministry of Health and the National Bureau of Statistics issued a decree titled “On Shifting to WHO Standards for Live Births and Still Birth”. This defines as live birth a birth with birth weight greater than 500 grams that breathes or shows any other evidence of life. However, infants were registered according to this criterion only in medical documentation of the health facility, whereas the calculation of the official mortality statistics was still based on the old definition of live-birth. Since 2008, the republic officially switched to the WHO international standard, registering babies born after 22 weeks of gestation or weighing 500 g and over in the civil register. However, notwithstanding new instructions there was only a 20% increase in early neonatal mortality rate in 2008 compared to the previous year (6.1 *versus* 5.1 per 1000), which can be explained by incomplete transition to WHO standard. To correct the infant mortality, we assumed that one can expect a 50% increase in early neonatal deaths in Moldova after the adoption of WHO definition of live birth as it occurred in the Baltic countries (50% increase in early neonatal deaths in 1991 in Latvia and Lithuania and 1992 years in Estonia, EMSB *et al.*, 1993). We applied a constant correction of 50% to the early neonatal mortality rates by sex for 1945-2007 years and a 30% correction to 2008 year. The impact of the double infant mortality correction on life expectancy at birth is shown in Table 1.

Senility and ill-defined causes of death

Another data quality problem we had to deal with was a growing number of deaths from the item “senility without mention of psychosis” since 1989. The “senility” item was subject to an important change in coding practice in 1989, when a new directive ordered that any death occurring above age 80, except where evidence of a violent death or a very specific medical cause of death was given in a medical file or autopsy report should be classified as “senility”. As already documented for Ukraine (Meslé and Vallin, 2003), that new directive resulted in a dramatic increase in deaths from senility at the expense of cardiovascular items. For Ukraine, deaths by “senility” were proportionally distributed among cardiovascular diseases. For Moldova such a distribution made trends for cerebrovascular diseases and other diseases of the cardiovascular system implausible and distribution keys were estimated for different cardiovascular items whereas “ill-defined” deaths were redistributed proportionally among all items.

Table 1

Life expectancy at birth (in years) before and after correction of infant mortality (m_0) due to the under-registration of infant deaths before 1973 (1st correction) and a 50% adjustment of early neonatal mortality rates (2nd correction), 1959-2008

Year	Observed	1st correction of m_0	2nd correction of m_0	Effect of the correction
Males				
1959	65.0	63.3	63.1	-2.0
1962	66.2	64.9	64.7	-1.5
1965	67.9	66.8	66.6	-1.4
1970	66.2	65.3	65.1	-1.0
1975	62.9		62.7	-0.2
1980	62.9		62.6	-0.3
1985	62.8		62.4	-0.3
1990	65.0		64.7	-0.3
1995	62.0		61.6	-0.4
2000	63.9		63.6	-0.3
2005	63.8		63.5	-0.2
2008	65.5		65.4	-0.1
Females				
1959	69.3	67.4	67.2	-2.1
1962	70.8	69.3	69.1	-1.6
1965	73.0	71.7	71.5	-1.4
1970	72.0	71.1	70.9	-1.0
1975	69.3		69.1	-0.2
1980	69.4		69.2	-0.2
1985	69.3		69.1	-0.2
1990	71.9		71.7	-0.2
1995	69.7		69.5	-0.1
2000	71.4		71.1	-0.3
2005	71.7		71.5	-0.2
2008	73.2		73.1	-0.1

Evolution of standardized mortality rates by broad groups of causes of death

Figure 2 displays annual trends of standardized mortality rates by seven broad groups of causes of death for each sex. Circulatory diseases are the primary cause for both sexes and account for about half of the total standardized mortality rate for males and even more for females. The mortality trend by cardio-vascular diseases reflects the total mortality trend. Neoplasms occupy the second place for

both sexes. For males, the proportion of this cause of death varies between 9 and 15% of the total mortality and the level is quite close to that of violent deaths. For females, the level of mortality by cancer and that by digestive diseases are very close, and in the beginning of the 80s, the latter was even predominant. The increase in mortality from digestive diseases, especially, for females, is striking: the standardized mortality rate was multiplied by 5 times for females and 3 times for males over 1965-1985 and 3.4 and 2.5 over 1965-2008. Mortality trend by diseases of the respiratory system, which had a very high level in early 60s, reversed in 1993-94 after a continuous and impressive decline. Improvements were also important for infectious diseases; however, since the early 90s the trend reversed for males (in 2008, the standardized mortality rate faced the same level as in 1979) and is stagnating for women.

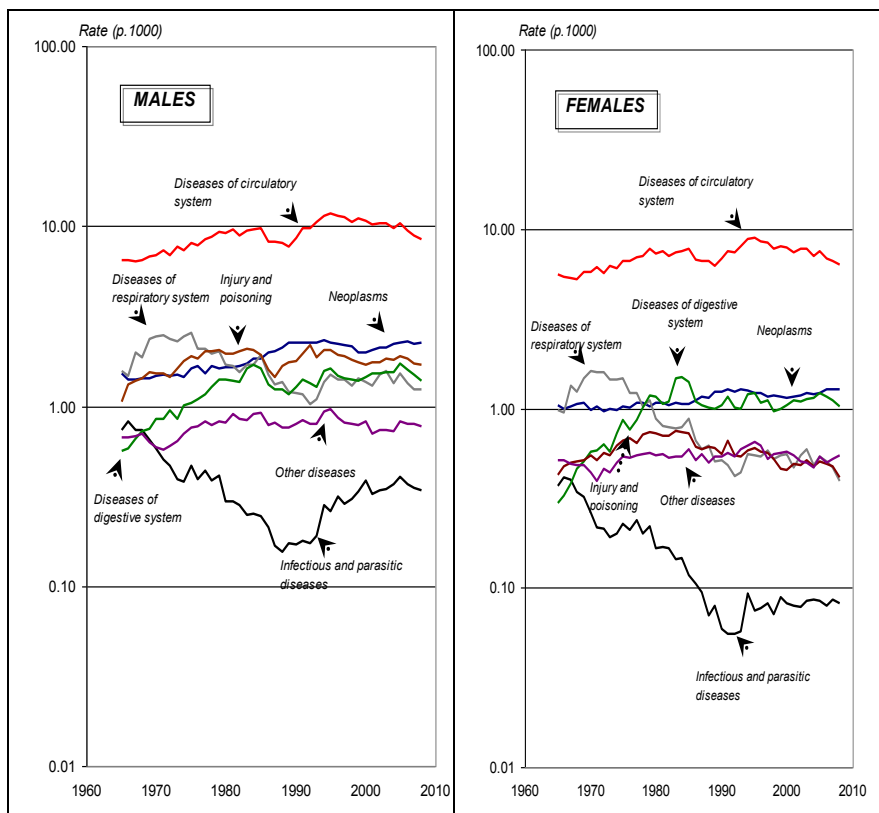

Figure 2: Standardized sex-specific mortality rates by seven broad groups of causes of death in Moldova, 1965-2008

Changes in mortality age structure

To try to assess general mortality trends, disregarding the wide fluctuations between 1985 and 1997, we consider two sub-periods: 1965-1984 and 1984-2008. Figure 4 shows the ratio between 1984 and 1965 deaths rates by age groups and the ratio between 2008 and 1984 death rates. The first period is characterized by a sharp increase in mortality at adult ages. Both for males and females death rates around age 40 doubled while infant mortality decreased and mortality at very old age group (age 85+) rose slightly. For males, an important surge of death rates occurred at young adults around age 20. The situation at older ages (age 60-80) was less severe but also troubled: deaths rates around age 70 increased by 50%. In the second period, infant, child and young adult mortality continued to decline, but deaths rates remained unchanged at adult ages for males and continued to decrease for females.

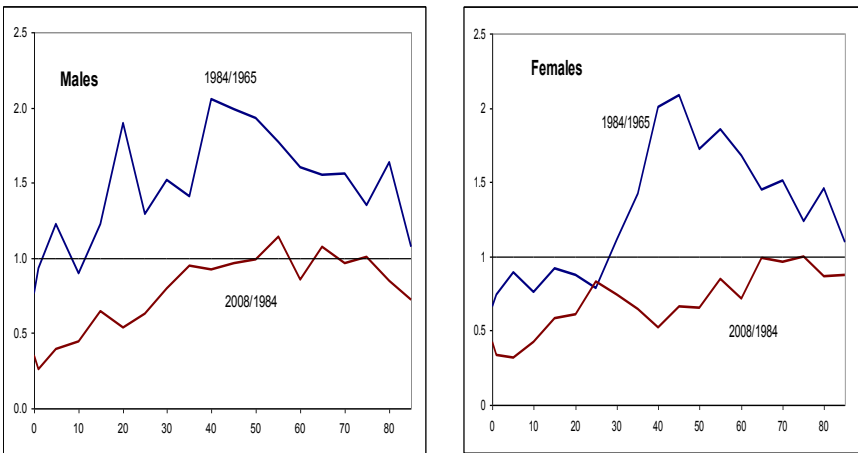

Figure 3: Changes in mortality age structure over two periods (1965-1984 and 1984-2008), by sex

Decomposition of changes in life expectancy between 1965 and 2008

From 1965 to 2008, life expectancy at birth dropped by 1.2 year for males and gained 1.5 year for females. On the one hand, the decline in infant mortality was the main contributor to the improvement of life expectancy (2.9 years for males and 2.7 years for females); moreover, the decrease in child mortality added 0.8 year for both sexes. On the other hand, the increase in adult mortality (ages 15+) opposed this progress and shortened life expectancy by 4.9 years for males and 2.0 years for females. The reduction in diseases of the respiratory system, infectious disease, other diseases and violent deaths (for females) accounts for a

gain of 3 years in male and 3.6 years in female life expectancy. The increase in cardiovascular diseases, digestive diseases, neoplasms and violent deaths (for males) is responsible for a loss of 4.2 years in males and 2.1 years in females.

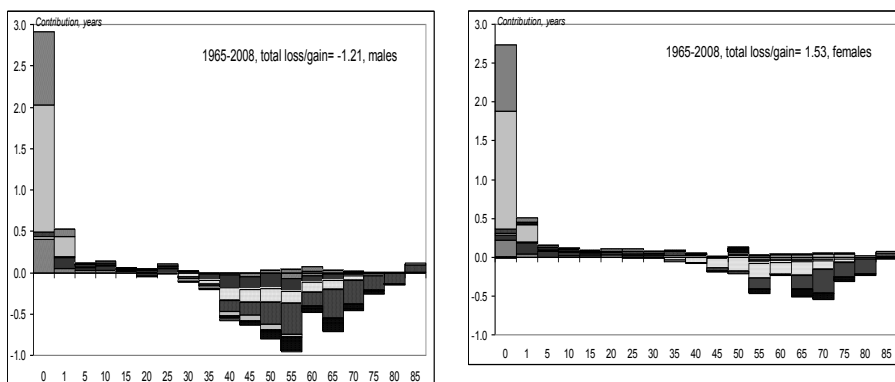

Figure 4: Age and cause of death contributions to the changes in Moldovan life expectancy between 1965 and 2008

... and for sub-periods

From 1965 to 1984, men lost 4.7 and women 2.7 years of life expectancy at birth. The highest losses were concentrated between ages 40 and 60. Increase in mortality at adult ages was mainly due to cardiovascular diseases, violent deaths and diseases of the digestive system for males and cardiovascular diseases and diseases of the digestive system for females. The negative influence of diseases of the digestive system was practically equal to that of cardiovascular diseases for females (respectively, -1.8 and -1.9), but for males, it was close to violent deaths (respectively, -1.3 and -1.8). A decline in infant mortality from infectious diseases and diseases of the respiratory system had a positive impact on life expectancy (1.0 year for males and 1.3 year for females).

In the second period, from 1984 to 2008, the increase in life expectancy was 3.4 for males and 4.3 for females; however, an important increase in life expectancy over the last three years (1.8 for males and 1.6 for females) accounts for 53% and 37%, respectively, of the overall changes. To have a better understanding of the recent changes, we divided the second period into two sub-periods: 1984-2005 and 2005-2008. From 1984 to 2005, life expectancy increased by 1.6 for males and 2.7 for females. For males, this progress was a result of two contrary trends. On one side, a continuous decline in infant mortality from infectious diseases, diseases of the respiratory system and other diseases and mortality at young adults (age 15-34) from violent death contributed to the increase in life expectancy by 2.8 years.

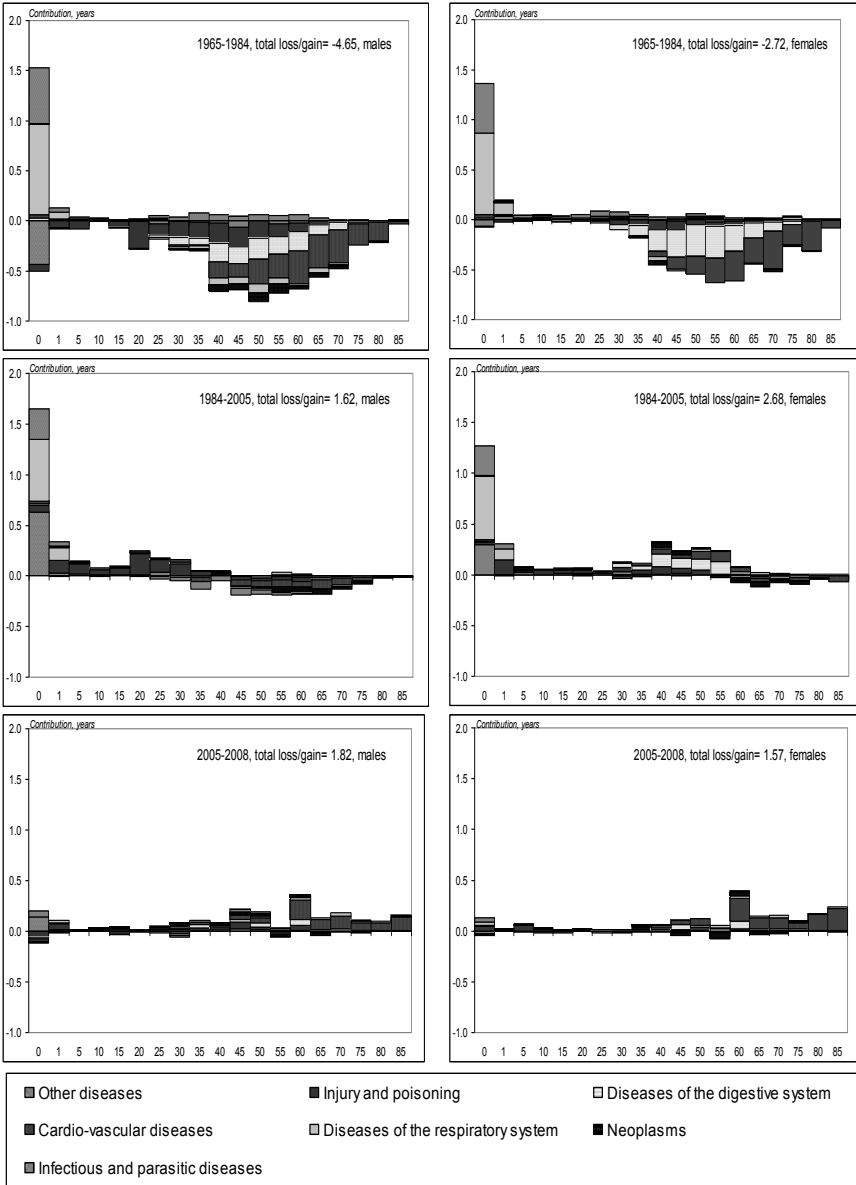

Figure 5: Contributions by age groups of seven groups of causes to overall changes in life expectancy at birth for three periods (1965-1984, 1984-2005 and 2005-2008), by sex

On the other side, the negative adult mortality dynamics (age 35+) attributed to the loss of male life expectancy by 1.2 year. Cardiovascular diseases, neoplasms and infectious diseases, especially at young adult ages, are the main causes of deaths that worsened male life expectancy.

For women, not only infant and child but also adult mortality trends by cardiovascular diseases and diseases of the digestive system produced positive effects (3 years); however, negative mortality dynamics at mature adults continued to contribute negatively to the overall changes in female life expectancy. The progress observed over the last three years concerns mostly old age groups with a significant impact from the decline in circulatory diseases; although, decline in mortality of male adults (from different causes) occurred, it is too early to say for certain whether this gain is sustainable.

Bibliography:

- Duthé Géraldine, Badurashvili Irina, Kuyumjyan Karine, Meslé France and Vallin Jacques, 2008. – *An attempt to re-estimate recent mortality trends in two Caucasian countries*. – Paris, INED, 26 p. (Paper presented at the European Population Conference, Barcelona, 9-12 July 2008).
- Meslé France and Vallin Jacques, 1996. – Reconstructing long-term series of causes of death, *Historical methods*, vol. 29, n° 2, p. 72-87.
- Meslé France and Vallin Jacques, 2003. – *Mortalité et causes de décès en Ukraine au XXe siècle*. – Paris, INED, 396 p. + CD-Rom (Cahier n° 152, with contribution by Vladimir Shkolnikov, Serhii Pyrozhekov and Serguei Adamets).
- Meslé France, Vallin Jacques and Hertrich Véronique, 2006. – *Mortality trends in the Baltic countries since the 1950s: permanence or changes in the cause-of-death pattern*. – Paris, INED, 15 p. (Paper presented at the European Population Conference, Liverpool, 21-24 June 2006).
- Meslé France, Vallin Jacques, Hertrich Véronique, Andreev Evgueni and Shkolnikov Vladimir, 2003. – Causes of death in Russia: assessing trends since the 1950s, in: I.E.Kotowska and J.Józwiak (éd.), *Population of Central and Eastern Europe. Challenges and opportunities*, p. 389-414. – Warsaw, Statistical Publishing Establishment, 724 p.
- Penina Olga, Meslé France and Vallin Jacques, 2008. – *How to Correct Overestimation of Moldovan Life Expectancy in the 1960s and 1970s?* – Paris, INED, 17 diapos p. (Paper presented at the European Population Conference, Barcelona, 9-12 July 2008).
- Penina Olga, Meslé France et Vallin Jacques, 2009. – Analyzing long term mortality trends by causes of death, the case of the Republic of Moldova, in: Institutul Integrare Europeana si Stiinte Politice, *Procesele socio-demografice in societatea contemporana: de la meditatie la actiuni*, p. 105-113. – Chisinau, Academia de Stiinta a Moldovei, Institutul Integrare Europeana si Stiinte Politice et Fondul ONU pentru Populatie, 292 p.
- Vallin Jacques and Meslé France, 1988. – *Les causes de décès en France de 1925 à 1978*. – Paris, INED, PUF, 608 p. (Travaux Documents, Cahier 115).

Пискунов С.В.

(Институт демографии и социальных исследований
имени М. В. Птухи НАН Украины, г. Киев)

***Этническая дифференциация смертности и средней
продолжительности жизни в Украине в 1959–1989 гг.***

Этнические особенности смертности населения — объективная характеристика естественно-исторического процесса жизни и воспроизводства населения, одним из важных моментов которого является этнопроцесс. Исследования этнической дифференциации демографических процессов освещают важный момент воспроизводства населения, но в Украине они развиты крайне недостаточно. В 20-ые годы большое внимание их анализу уделял выдающийся украинский демограф академик М. В. Птуха. На базе демастатистических материалов Европейской части Российской империи он провел пионерное исследование смертности 11 народов (народностей) [6, с. 240–278], которое отличалось такой основательностью, что именно с ним связывают начало формирования в СССР отдельной научной дисциплины — "этнической демографии" [3, с. 570]. В начале 60-х годов были построены таблицы смертности (за 1958–1959 гг.) для всех краев и областей Сибири и Дальнего Востока СССР, которые зафиксировали значительную дифференциацию уровней смертности по административно-территориальным единицам страны [4, с. 73, 101]. Построением этих таблиц была создана и соответствующая база для некоторых важных выводов этнодемографического характера. Только в конце существования СССР в некоторых демографических научных центрах, как свидетельствуют соответствующие публикации, возобновились исследования этнической дифференциации средней продолжительности жизни с использованием таблиц смертности.

В данном исследовании поставлена цель исследовать особенности смертности и средней продолжительности жизни для наиболее многочисленных национальностей Украины за годы, примыкающие к переписям населения, в той мере, в которой позволяет имеющаяся статистика. Отметим, что в переписях населения СССР этническая принадлежность учитывалась по принципу самоопределения, а в переписном листе записывалась национальность, которую называл сам опрашиваемый; национальность маленьких детей записывалась со слов родителей [6, с. 288]. Регистрация же национальности умерших происходила в соответствии с записями в документах. Таким образом, существовало определенное несоответствие в определении национальной принадлежности в переписях населения и в текущем учете, что в определенной мере влияло на качество показателей смертности по этносам.

Исследование проводилось нами по шести наиболее многочисленным национальностям (украинцы, русские, евреи, белорусы, молдаване и поляки) за годы, граничащие с переписями населения 1959, 1970, 1979, 1989

гг., по которым за 1988–1989 гг. имелись данные о возрастном распределении умерших. Возможности изучения смертности по этническим признакам значительно ограничивались тем обстоятельством, что лишь в 1978–1979 и 1988–1989 гг. в разработку естественного движения населения Украины было включено больше чем две наиболее многочисленные национальности. За 1978–1979 гг. эти данные были разработаны лишь по 4-м национальностям (украинцы, русские, евреи и белорусы), а за годы, примыкающие к переписям населения 1959 и 1970 гг.— лишь по двум национальностям (украинцы и русские). Нами были построены краткие таблицы смертности и средней продолжительности жизни для всего населения Украины, а также городского и сельского, мужчин и женщин.

Прежде всего рассмотрим простейший показатель, который отражает совместное действие повозрастной смертности и возрастного состава населения — общий коэффициент смертности. Динамика этого показателя в значительной мере обусловлена общеисторической тенденцией современного демографического бытия — постарением населения, а его дифференциация по разным признакам — мерой постарения его соответствующих частей.

Общий коэффициент смертности наиболее высоким был у евреев, и за период 1979–1989 гг. возрос в 2,5 раза. Но этот рост обусловлен не повышением повозрастной смертности, поскольку средняя продолжительность жизни евреев в последнее исследуемое нами десятилетие возрастала. Высокое значение общего коэффициента смертности в 1988–1989 гг. в еврейской национальности объясняется тем, что она имела наиболее "старый" и к тому же деформированный возрастной состав, который складывался под влиянием отрицательного сальдо миграционных процессов.

Наиболее совершенную характеристику смертности населения, в которой элиминируется влияние воздействия его возрастного состава, дают показатели таблиц смертности и средней продолжительности жизни. Не останавливаясь на методических моментах их построения, рассмотрим их основные показатели.

Начнем с младенческой смертности. Если сопоставить показатели смертности детей в возрасте до 1 года по двум наиболее многочисленным национальностям, то во все анализируемые периоды среди украинцев они были более высокими, чем среди русских. Такое соотношение этих показателей между коренной и русской национальностями в бывшем СССР, как правило, было характерным для всех республик [2, с. 160]. В городах во всех периодах и у всех национальностей происходило снижение младенческой смертности, особенно значительное в 1959–1970 гг. В селах эта тенденция нарушалась: у мужчин и женщин украинской национальности в сельской местности в 1978–1979 гг. по сравнению с 1969–1970 гг. младенческая смертность была более высокой. Такая же ситуация наблюдалась у сельских женщин русской национальности в 1988–1989 гг. по

сравнению с 1978–1979 гг. За анализируемое 30-летие младенческая смертность по всем поселениям Украины среди украинцев обоих полов снизилась в 2,8 раза, у русских — в 2,5 раза. Евреи в 1978–1979 и 1988–1989 гг. по сравнению с украинцами, характеризовались более низкой младенческой смертностью. Низкие показатели младенческой смертности были в тот период и у белорусов. Следует отметить, что в 1958–1959 гг. младенческая смертность, рассматриваемая по этносам, была более высокой в селах, чем в городах, а в последующие проанализированные годы наблюдалось обратное соотношение.

За период 1959–1989 гг. повозрастная смертность мужчин–украинцев снизилась в возрасте до 19 лет, у женщин — в возрасте до 54 лет. В группах старше указанного возраста она существенно повысилась. У русских наблюдалась почти такая же динамика повозрастных коэффициентов смертности, как и у украинцев за исключением того, что у русских мужчин в 1988–1989 гг. смертность более низкая, чем в 1958–1959 гг., наблюдалась до 39-летнего возраста. Для евреев и белорусов в период 1979–1989 гг. были характерны в основном те же тенденции динамики повозрастной смертности, но ее снижение распространилось до значительно более пожилого возраста (69 лет). Если сравнивать 3 исследуемые десятилетия, то у мужчин–украинцев и русских снижение смертности в трудоспособном возрасте наблюдалось лишь в последнем десятилетии (1979–1989 гг.).

Для обобщающей характеристики смертности рассмотрим вероятности смерти по трем крупным возрастным группам. Вероятности смерти у детей обоих полов украинской и русской национальностей, по которым имеются наиболее полные данные, снижались и в городах, и в селах во всех анализируемых периодах за исключением 1970–1979 гг., когда вероятность смерти мальчиков и девочек–украинцев несколько повысилась. Что касается динамики вероятностей смерти населения этих национальностей в возрасте 15–59 лет, то у мужчин она была наивысшей в 1978–1979 гг. В 1988–1989 гг. произошло некоторое ее снижение, но до уровня, высшего по сравнению с 1958–1959 гг., причем показатели у сельских мужчин были более высокими, чем у городских. У украинок и русских в возрасте 15–59 лет происходило снижение вероятности умереть, за исключением показателя для сельских женщин–русских, который в 1978–1979 гг. повысился по сравнению с 1958–1959 гг. Обращает на себя внимание существенное повышение вероятности смерти мужчин украинцев и русских в возрасте 15–59 лет в 1978–1979 гг. по сравнению с 1969–1970 гг. В 1988–1989 гг. среди мужчин в возрасте 60 лет и старше наиболее низкая смертность была у евреев, наиболее высокая — у русских, среди женщин — наивысшая у евреев, наиболее низкая — у белорусов. За 30-летие смертность украинцев и россиян обоих полов в возрасте старше 60 лет несколько увеличилась.

Существенные особенности наблюдались в соотношениях повозрастных коэффициентов смертности мужчин и женщин. Известно, что

смертность у мужчин всех возрастных групп более высокая, чем у женщин. Эта закономерность наблюдалась у всех анализируемых периодах у всех этносов, за исключением некоторых возрастных групп в малых этносах, что можно связывать с недостаточно большой величиной соответствующих совокупностей. Однако достаточно достоверно можно отметить три основные черты половых соотношений повозрастной смертности по этносам. Во-первых, во всех этносах, как и в населении в целом, самые большие различия между смертностью мужчин и женщин наблюдались в трудоспособном возрасте; во-вторых, эти различия были тем больше, чем выше смертность; в-третьих, со временем различия между повозрастной смертностью мужчин и женщин увеличивались (за исключением наиболее пожилых возрастных групп).

Динамика чисел лиц, доживающих до возраста x характеризовалась тем, что их величины при входе в трудоспособный возраст у всех национальностей увеличивались сравнительно с предыдущими годами и у мужчин, и у женщин, а при выходе из него эта закономерность во всех этносах была характерна лишь для женщин. Мужская "сверхсмертность" в трудоспособном возрасте привела к тому, что числа доживающих до 60 лет у мужчин-украинцев и русских в 1978–1979 гг. значительно уменьшились по сравнению с 1958–1959 и 1969–1970 гг., а в 1988–1989 гг. даже не достигли уровня начала рассматриваемого тридцатилетия. У белорусов числа мужчин, доживающих до 60 лет, в 1988–1989 гг. сравнительно с 1978–1979 гг. увеличились. Наивысшие числа доживающих до 15 лет и до 60 лет среди мужчин в 1988–1989 гг. были характерны для евреев, наименьшие — для поляков. Среди женщин наибольшие числа доживающих и до 15, и до 60 лет, были у белорусов, наименьшие — у поляков.

Наиболее общую картину этнической дифференциации смертности дают показатели средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, характеризуя ее одним числом (рис. 1). Если эти числа за 1988–1989 гг. ранжировать, они разместятся в таком порядке: евреи — 72,00 года, белорусы — 71,16 года, украинцы — 71,06 года, русские — 70,97 года, молдаване — 68,46 года, поляки — 68,08 года. Следует отметить, что при наиболее высоком показателе средней продолжительности жизни у евреев-мужчин, у еврейских женщин он был ниже, чем у белорусских, русских и украинских.

Наивысшую продолжительность жизни среди городских мужчин имели евреи, среди городских женщин — белорусы; у сельских и мужчин, и женщин — белорусы; наиболее низкую — у городских мужчин и женщин — поляки, у сельских мужчин — поляки, у сельских женщин — молдаване. У мужчин-украинцев, русских, белорусов и молдаван, а также у женщин-русских средняя продолжительность жизни в сельской местности была значительно ниже, чем у этих же этносов в городских поселениях. Различие в средней продолжительности между рассматриваемыми этносами с ее наиболее низким и наиболее высоким показателями по Украине в целом

составляло 4 года. Если проанализировать величину этого различия по типам поселений и полам, то выясняется, что по некоторым совокупностям она была значительно большей. Например, в городских поселениях между мужчинами–евреями и мужчинами–поляками она составляла 6,86 года.

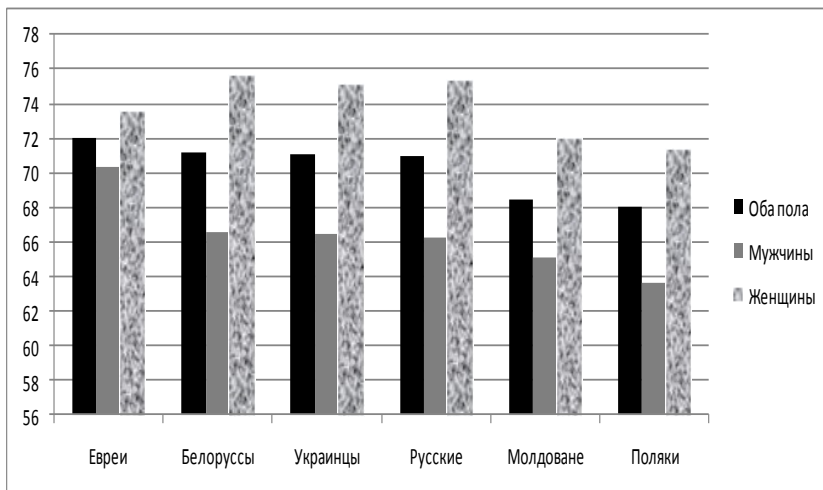

Рис. 1. Средняя продолжительность жизни при рождении у наиболее многочисленных национальностей в Украине в 1988–1989 гг.

Следует отметить, что в 20-летие 1959–1979 гг. средняя продолжительность жизни женщин в городах и селах у украинцев, и у русских повысилась, а у мужчин этих национальностей снизилась. В 1979–1989 гг. наблюдалось повышение средней продолжительности жизни у всех национальностей кроме белорусов сельской местности. Характерно, что при сравнении данных для украинцев и русских, по которым имеется полная информация за все три анализируемые десятилетия, обнаруживается, что в городских поселениях мужчины–украинцы имели более высокую продолжительность жизни, чем мужчины–русские, а женщины–украинки — более низкую, чем женщины–русские на протяжении всех рассматриваемых периодов. В сельской местности в 1958–1959 гг. и мужчины–украинцы, и женщины–украинки, а в 1978–1979 гг. женщины–украинки имели более низкую продолжительность жизни, чем русские. В 1988–1989 гг. картина изменилась на обратную: и мужчины–украинцы, и женщины–украинки сельской местности имели большую продолжительность жизни, чем русские. Если рассматривать все поселения вместе, то в этот период мужчины–украинцы имели большую продолжительность жизни, чем мужчины–русские, а украинки, наоборот, меньшую, чем женщины–русские.

В бывшем Союзе в целом в то время наблюдалось обратное соотношение между рассматриваемыми показателями: мужчины–украинцы

имели меньшую продолжительность жизни, чем мужчины–русские, а украинки – большую, чем женщины–русские [1, с. 412–415]. Следует также отметить, что средняя продолжительность жизни мужчин–украинцев и русских за 30-летие не увеличилась, а снизилась – на 2,24 и 3,74 года соответственно.

Значительный интерес представляет анализ этнических особенностей различий между средней ожидаемой продолжительностью жизни для новорожденных у мужчин и женщин, которые в первые 20 лет анализируемого периода интенсивно увеличивались. Известно, что эти различия в современной Украине чрезвычайно большие по сравнению с другими странами. Данные таблиц смертности свидетельствуют, что для украинцев, русских и белорусов они были наивысшими в 1978–1979 гг., а в 1988–1989 гг. несколько снизились, но продолжали оставаться высокими. Особенно большие эти различия в 1988–1989 гг. были характерны для сельских русских, белорусов и поляков (свыше 10 лет). Более чем в 3 раза меньшее рассматриваемое различие и в 1978–1979, и в 1988–1989 гг. было у евреев (3,1–3,2 года), почти в 2 раза меньшим в 1988–1989 гг. оно было у городских молдаван (5,5 года). Полученные данные свидетельствуют о том, что этнос, который имел самую высокую среднюю продолжительность жизни, характеризовался наименьшим половым различием этого показателя, что свидетельствует, прежде всего, об определенных особенностях стиля жизни этого этноса по сравнению с другими. В связи с этим актуализируются междисциплинарные исследования этнических особенностей труда, быта и досуга, которые результируются в различной средней продолжительности жизни лиц разных национальностей.¹ Результаты таких исследований могут стать важным моментом совершенствования демографической политики, направленной на улучшение состояния здоровья в послекризисный период.

Мы разделяем мнение о необходимости постепенно выходить за пределы традиционной статистики естественного движения населения в познании смертности и средней продолжительности жизни, чаще и шире использовать ту информацию об этом предмете исследований, которая уже собирается или может собираться как в самой демографии, так и в сопредельных с ней научных дисциплинах [9]. Однако переход к

¹ Как показали исследования социально–экономического состава населения Украины различных национальностей, в украинском этносе наблюдается отставание от других этносов в качественных характеристиках [5, с.42–45; 7, с.25–35]. В частности, украинцы по данным переписи населения 1989 г. имели более низкий уровень образования, меньший удельный вес занятых преимущественно умственным трудом, наивысшую долю занятых в отраслях материального производства в сравнении с некоторыми другими этносами. Около 40% в украинском этносе составляли лица пенсионного возраста. Большой научный и практический интерес имеет ответ на вопрос о мере влияния этой ситуации на здоровье лиц украинского этноса и в конечном счете— на среднюю продолжительность их жизни.

плодотворному демологическому осмыслению смертности и средней продолжительности жизни нуждается также в расширении и углублении их статистического изучения, поскольку именно его результаты создают первичную информационную базу для такого исследования.

Литература

1. Демографический ежегодник. 1991. – М.: Статкомитет СНГ, 1992. – 431 с.
2. Добровольская В.М. Этническая дифференциация смертности // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С.150–166.
3. Козлов В.И. Этническая демография // Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – С.570–571.
4. Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1962. – 142 с.
5. Піскунов С.В. Соціально-демографічна характеристика найчисленніших етносів в Україні (за даними перепису населення 1989 р.) // Демографічна ситуація в Україні. Матеріали наукової конференції. Частина I. – К.: Вид. Комісії Верховної Ради України з питань здоров'я людини, 1993. – С. 42–45.
6. Птуха М. В. Смертность в России и на Украине // Очерки по статистике населения. – М.: Госстатиздат ЦСу СССР, 1960. – 459 с.
7. Рудницька Тетяна. Соціальна динаміка етнічних спільнот України: загальнонаціональні тенденції і регіональні особливості. Автореферат дисертації на здобуття вченого ступеня доктора соціологічних наук. – К., 1996. – 43 с.
8. Статистический словарь. – М.: Финансы и статистика, 1989.– 623 с.
9. Стешенко В.С. Смертность населения в демологическом освещении // Демографические исследования. Вып. 13. – К.: Наукова думка, 1989. – 128 с.

Шпенев А.П.

(Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Переход в смертности в городском населении в первой половине XX в. (на примере Москвы)

К настоящему времени опубликовано немалое количество работ, посвященных анализу смертности от различных причин, разработке методик ее оценки в условиях неполных данных, а также возможностям увеличения продолжительности жизни при условии устранения отдельных причин, что имеет колоссальную важность в условиях депопуляции. Однако все эти работы посвящены, как правило, либо анализу на уровне страны в целом, либо – на уровне регионов. Лишь малая доля исследований затрагивает проблемы смертности в городах. Более того, исторические аспекты воспроизводства населения этих городов практически не затронуты.

В то же время демографическая история любого города является составной частью его развития. И понять условия, это развитие определяющие, невозможно, не изучив историю составляющего этот мегаполис населения. В исследовании, проведенном Е. Квашой и Т. Харьковой¹, отмечается, что смертность в Москве значительно ниже, чем в других регионах и в целом по стране. Более того, такое положение дел уникально и не находит аналогов даже в населении Санкт-Петербурга. Однако данное исследование рассматривает население Москвы с точки зрения синхронии, диахронические аспекты выявленных отличий практически не рассматриваются, что оставляет без ответа множество возникающих вопросов. Является ли столь обособленное положение дел свойственным столице на протяжении всей истории? Что могло вызвать подобную неравномерность? Можно ли выделить факторы, благоприятно влияющие на смертность и, если да, можно ли использовать их для улучшения демографической ситуации в других городах и регионах? Ответы на эти и другие вопросы может дать только историческое исследование. Послевоенный период в истории населения Москвы был уже достаточно подробно изучен в нескольких работах², поэтому в данном исследовании были проанализированы данные с момента зарождения системы учета смертности в Москве до Великой Отечественной войны.

Целью представленного исследования являлось выявление факторов, определивших отличия в протекании перехода смертности в населении крупного города (на примере Москвы), анализ краткосрочных и долгосрочных последствий действия этих факторов, а также причины, по которым эти же факторы не могли определять динамику смертности в других городах. Достижение поставленных целей потребовало решения нескольких исследовательских задач.

Во-первых, необходимо было подготовить данные для статистической обработки. В рассматриваемый период система учета смертей только формировалась. Так, данные оказываются усеченными слева 70-ми годами XIX века. До этого система учета уже существовала, но была основана на подсчете отпеваний в православных храмах, а поскольку приходские границы не совпадали с географическими, расчет коэффициентов был невозможен. Более того, учет представителей других религий не был регламентирован. Отчасти им занималась полиция, отчасти – служители соответствующих конфессий. Поскольку для упомянутых учреждений функция сбора статистики была второстепенной, учет чаще раза в год был

¹ См. Кваша Е., Харькова Т. Россияне и москвичи не равны перед лицом смерти. Демоскоп weekly, № 369 – 370, 16 - 29 марта 2009: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0369/tema01.php>.

² См., например, Щебрикова Е.К. Демография смертности населения в крупном городе: На примере г. Москвы: диссертация на соискание степени кандидата экономических наук: 08.00.05. Москва, 2005.

затруднителен, а статистика смертей по причинам смерти без привлечения квалифицированных врачей была крайне низкого качества.

Более того, номенклатура причин смертей постоянно обновлялась. Первая из них была введена в 1878 году, причем пересмотры предполагались каждые 5 лет. Зачастую названия болезней меняются в разных номенклатурах, более того, иногда данные оказывались просто несопоставимыми, поскольку степень укрупнения данных в них не совпадала. В 1900 году была проведена попытка стандартизации причин смерти на основе МКБ (международной классификации болезней), однако не все предложенные рекомендации были учтены, и введение на территории России международной классификации было отложено до 1924 года. В данном исследовании было проведено сопоставление различных номенклатур и разработка методов их сопоставления, что позволяет снять эту проблему.

Определенные проблемы возникли и с возрастным распределением смертей. За некоторые годы отсутствуют сведения о распределении умерших на первом году жизни, что потребовало применения косвенных методов оценки возрастных коэффициентов.

Большинство подсчетов проводились в то время вручную, поэтому часто в статистических таблицах наблюдаются несоответствия. Как правило, их легко можно было выявить и устранить, однако, в некоторых случаях этого сделать не удалось.

За некоторые годы данные о естественном движении населения оказались неполными. Так, например, в 1918 году 19% умерших не были отнесены ни к одной группе причин смерти. Более того, данные за некоторые годы в начале XX века не сохранились. Везде, где это было возможно, была осуществлена интерполяция данных, что позволило получить некоторые косвенные оценки.

Во-вторых, были выявлены особенности протекания перехода в смертности в населении Москвы и факторы, на него влияющие.

На протяжении всей второй половины XIX века Москва была городом с одним из самых высоких уровней смертности в мире. Хотя она и не была на тот момент столицей, подобные показатели выглядят завышенными. Подробный анализ показал, что на общий коэффициент смертности оказывала значительное влияние структура населения. Так, например, в 1902 году лишь 27,5% населения Москвы родились в ее административных границах. К сожалению, имеющаяся на данный момент в распоряжении статистика смертности не дает сведений о распределении умерших по месту рождения, но многочисленные исторические свидетельства дают основания полагать, что миграционная структура была одним из основных факторов, определяющих высокие общие коэффициенты смертности. Косвенными методами, сравнив население Москвы с населением городов, интенсивность иммиграции в которые была значительно ниже, а также сравнением с общероссийскими показателями, можно получить приблизительные оценки

различий в смертности между коренным населением и трудовыми мигрантами. Попытка подобной оценки была проведена и в рамках данного исследования.

После 1918 года произошло значительное сокращение младенческой смертности. Обусловлено это было, прежде всего, не улучшением качества медицинского обслуживания, хотя оно определено и произошло, а закрытием Воспитательного дома. Это учреждение было основано Екатериной II как детский приют, в который свозились младенцы со всей Европейской части России. Качество медицинского персонала и санитарные условия в нем не удовлетворяли нуждам всех принимаемых детей, чье состояние здоровья часто было плачевным (по имеющимся историческим данным, в приют часто попадали дети бедных семей, а также с отклонениями в развитии), что приводило к сверхвысокой младенческой и детской смертности. В 1919 году это учреждение прекратило свое существование, поэтому в административных границах Москвы стало умирать значительно меньше детей. Многие из не попавших сюда вообще не регистрировались рожденными, не получали крещения, а поэтому не регистрировались и умершими, другие же регистрировались в других населенных пунктах. Статистика по Воспитательному дому не позволяет проводить непосредственную декомпозицию младенческой смертности, однако в данном исследовании были произведены оценки влияния структуры на основе выработанных косвенных методов.

По сути, население Москвы после 1918 года было практически полностью обновлено. Низкая рождаемость в революционные годы, высокая смертность, а также постоянный миграционный приток серьезно повлияли на особенности рождаемости в городе. Однако, если рассматривать отдельно лишь смертность, исключив 1917-1922 гг., то можно заметить, что послереволюционные показатели смертности хорошо ложатся на сложившийся в дореволюционное время тренд. Это явление подчеркивает, что эволюция городской смертности зависит не только от эволюции городского населения, но и от условий, в которых это население живет. Однако при этом следует отметить, что значительно изменились возрастные коэффициенты смертности. Так, младенческая смертность сократилась, а смертность в других возрастах возросла, что положило конец так называемому «русскому» типу смертности.

Снижению смертности от экзогенных причин способствовало, помимо развития медицины, также и строительство канализации, близость расположения госпиталей и другие факторы, свойственные городскому быту. Поэтому в Москве этот процесс протекал быстрее, чем в целом по России. Однако быстрее росла и смертность от эндогенных причин, в особенности от новообразований. Возможно, это связано с улучшением качества диагностики, но, что более вероятно, это является следствием активно происходящего в городе процесса демографического перехода.

В то же время, в Москве во время эпидемий гриппа или тифа смертность увеличивалась значительно больше, чем в целом по стране, что также обусловлено городским образом жизни.

В работе был также проведен анализ среднего возраста смерти от некоторых причин. Так, например, на протяжении первой четверти XX века средний возраст смерти от детских болезней увеличился, что связано с сокращением смертности на 1-м году жизни при менее интенсивном сокращении смертности в других возрастах. Одновременно с этим наблюдается рост среднего возраста смерти и от инфекционных заболеваний, что также вызвано улучшением санитарных условий. Особо интересным оказывается начало 20-х годов XX века, когда ожидаемые продолжительности жизни по всем причинам выглядят аномально низкими (например, 13 лет для дизентерии, 43 – для новообразований). Возможно, это вызвано изменениями в системе статистического учета и недостаточным качеством регистрации событий, но может быть отчасти и следствием эпидемий.

Были также рассмотрены и выигрыши в продолжительности жизни при условии устранения отдельных причин. Так, например, в середине 20-х годов уменьшился прирост в продолжительности жизни при устранении детских болезней (с 6 до 4,6 лет), что говорит о сокращении их роли в структуре смертности. В то же время выигрыши при устранении многих инфекционных заболеваний не проявили направленной динамики, что говорит о том, что, несмотря на сокращение доли смертности от этих заболеваний, лимит этого сокращения еще не исчерпан. Одновременно с этим происходил и прирост этого показателя для новообразований. Сократился прирост от внутренних болезней, однако связано это, прежде всего, с улучшением системы диагностики; в особенности это касается легочных заболеваний, относимых теперь в группу «прочих инфекционных». Кроме этого, новая экономическая и политическая система привели к значительному росту смертности от алкоголизма и насильственных смертей.

В результате были выявлены факторы, определяющие эволюцию смертности в населении Москвы. Перечислим основные из них:

- Революция, гражданская и мировая война значительно изменили структуру самого населения Москвы, положив конец «русскому» типу смертности в населении Москвы.
- Новые политические условия стали определяющим фактором, влияющим на рост смертности от алкоголизма и насильственных смертей.
- Ожидаемая продолжительность жизни за рассмотренный период росла в основном за счет сокращения младенческой смертности, что было вызвано не только улучшением медицинских условий, но и закрытием в Москве Воспитательного дома.

- Высокая относительно других городов и регионов мира смертность в Москве была обусловлена, во-первых, высокой младенческой смертностью, а, во-вторых, сложной миграционной структурой и особенностями санитарных условий для трудовых мигрантов.
- В городском населении за счет большей доступности медицинских услуг, а также за счет строительства санитарных инфраструктурных сооружений, таких как канализация, сокращение смертности от инфекционных заболеваний происходит быстрее, чем в среднем по стране.
- Однако эпидемии в городском населении приводят к большему росту смертности из-за более плотного расселения.

Однако в условиях неполноты и низкого качества данных приходится признать, что многие из первоначально предложенных гипотез проверить не удалось. Так, например, невозможно определить влияние социального статуса на смертность, различия в мужской и женской смертности и т.д. Более того, не удалось найти достоверного исторического подтверждения причин аномального поведения большинства показателей в 1882 и 1920 гг. Возможно, в этот период происходили крупные эпидемии, в 1920 году это могло усугубиться еще и становлением новой системы учета. Однако документальных описаний и подтверждений этих явлений обнаружить не удалось.

Поскольку аналогов данного исследования практически нет, можно считать его вполне удавшимся. Однако данная тема требует более детальной проработки. Так, например, необходимо включить в изучение следующие факторы, не учтенные в данной работе:

- Хотя учтены изменения в возрастной структуре населения города, с помощью имеющихся данных невозможно учесть изменения в социальном составе населения, которые могли произойти за 50 рассмотренных лет. Необходимо провести хотя бы косвенные оценивание влияния этих факторов.
- За определенные периоды значительное число смертей не распределено или по причинам, или по составу населения, что вызывало необходимость использовать косвенные методы их распределения, не всегда имеющие за собой привязанное к жизни обоснование, что требует более детального изучения этого вопроса.
- Территория Москвы постоянно менялась, менялось и число полицейских округов, принимавших участие в переписях. Кроме этого, часть населения не указывала при переписи свой возраст, а значительная часть данных искажена возрастной аккумуляцией, что также приводило к необходимости с помощью косвенных, не всегда методологически верных методов вносить поправки в численность населения. Поскольку искаженными оказывались и числитель, и знаменатель большинства формул, ошибка значительно снижалась,

однако оценить ее размер в данном исследовании было невозможно, что также надо иметь в виду.

- Система регистрации событий в России того времени была достаточно высокого уровня по европейским меркам, однако, далека от современных стандартов. Поэтому значительная часть данных о распределении смертей по причинам смерти может быть искажена ошибками в диагностике.
- Там, где это было возможно, производилась оценка среднего возраста смерти в каждом интервале. Для старших возрастов эта задача достаточно проста, тогда как для детских представляет определенные трудности. Особенно это касается смертности от отдельных причин, когда даже стандартные оценки времени жизни в интервалах 0-1 и 1-5 лет могут приводить к ложным результатам. Поэтому в оценках смертности от отдельных причин, как правило, смерти предполагались равномерно распределенными внутри интервалов, что опять-таки вносит определенную ошибку в вычисления. Особенно эта ошибка заметна в 20-х годах 20 века, когда значительно сократилась младенческая смертность.
- Классификация причин смерти отличается для разных лет, что вызвано ее последовательными улучшениями. Однако это значительно осложняет анализ, и могло оказаться так, что одни и те же причины в разные годы были отнесены к разным группам. Этот вопрос требует более детального изучения, однако информации о существовавших в России классификациях сохранилось мало.

Невозможность учета этих и других факторов значительно осложнила анализ и, возможно, исказила некоторые выводы. Однако в последующих работах ряд ошибок возможно исправить. В этой связи целесообразно очертить круг проблем, которые можно было бы решить, развивая данное исследование:

- Хотелось бы найти в архивах более точные данные о распределении смертей по возрастным интервалам, что позволило бы уменьшить ошибки, связанные со слишком большими возрастными группами. Особенно это касается 1914-1923 годов, когда отсутствуют данные о распределении умерших в возрасте до года.
- Более подробный анализ отдельных причин смерти, возможно, значительно бы уточнил данное исследование. Однако эта работа требует нахождения принципов классификации смертей по причинам за разные годы, которые к настоящему времени обнаружены не были.
- Особенно детального изучения заслуживает 1882 и 1918-1922 года, когда наблюдались значительные отклонения от трендовых показателей. В рамках данного исследования осуществить это было проблематично.

- Как было отмечено, в современном московском населении смертность значительно ниже, чем в целом по России, что не свойственно Москве начала 20 века. В этой связи хотелось бы найти период, в котором продолжительность жизни в Москве выросла выше средних по России показателей и найти объяснения такому изменению.

Учитывая то, что рассмотренная тема практически не рассматривается в современной литературе, можно считать опыт этого исследования вполне удачным, а отмеченные недостатки и пути преодоления – возможными путями улучшения качества выводов и более детального анализа демографических изменений, проходящих на протяжении второй половины XIX – начале XX веков на фоне как мирного развития, так и бурных социальных потрясений, менявших весь общественный уклад не только Москвы, но и России в целом.

Список литературы

1. Bertillon J., Nomenclatures des malavsiés. Montévrain, 1903.
2. Pollard J.H., On the decomposition of changes in expectation of life and differentials in life expectancy. From "Readings in population research methodology", vol.2, UN, 1993, chapter 9, §6.
3. Schoen R. Modelling Multigroup Populations. New York, 1988.
4. Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. Москва, 1997.
5. Белицкая Е.Я., П.И. Куркин. (Жизнь и деятельность), Л., 1963.
6. Брушлинская Л.А., Куркин П.И. Санитарное состояние населения Москвы и Московской губернии в 1925-1928 гг. Москва, 1930.
7. Гаврилова Н.И. Демографическая история Москвы, М., 1997.
8. Кваша Е., Харькова Т. Россияне и москвичи не равны перед лицом смерти. Демоскоп weekly, № 369 – 370, 16 - 29 марта 2009: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0369/tema01.php> .
9. Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. Москва, 1970.
10. Куркин П.И. Земская санитарная статистика: (Опыт сист. библиогр.). Москва, 1904.
11. Куркин П.И. К вопросу о номенклатуре болезней. Москва, 1902.
12. Щебрикова Е.К. Демография смертности населения в крупном городе: На примере г. Москвы: диссертация на соискание степени кандидата экономических наук: 08.00.05. Москва, 2005.

История миграций

Воробьева О.Д

(Российский государственный социальный университет, Москва)

Чикляева Е.В.

(НИИ статистики Счетной палаты, Москва)

Экономика миграционной политики России в XVIII-XIX веках и начале XX века

Для территории, которую сегодня занимает Российская Федерация, миграционные процессы всегда играли огромную социально-экономическую и политическую роль.

Начиная с XVIII века, значение и роль миграционных процессов уже вполне осознавались правительством России. Расширение границ государства побуждало правительство заботиться о заселении новых земель, освоении природных ресурсов новых территорий. На решение этих проблем и была направлена государственная миграционная политика, которая занимала одно из центральных мест во внутренней и внешней политике России. По мере того, как круг решаемых задач менялся, менялись и меры, принимаемые правительством в рамках проведения миграционной политики. На протяжении длительного исторического периода миграционная политика выступала в большей степени как иммиграционная – с целью заселения новых земель, переселенческая – для расселения малоземельных крестьян и колонизационная – для заселения и освоения вновь присоединенных земель и приграничных рубежей.

Опыт России показывает, что решение проблем переселения возможно лишь при организующей роли государства на всех стадиях миграционного процесса, вплоть до обустройства. На последнем этапе особенно важна конкретная материальная поддержка переселенцев со стороны государства. Именно государство способно воздействовать на направления и объемы миграционных потоков и минимизировать элементы стихийности в этих процессах.

Отчетливая и эффективная миграционная (в большей степени иммиграционная) политика начала проводиться уже в конце XVII века, когда Россия, не имея миграционного потенциала на своей территории, начала активно привлекать иностранцев для заселения и освоения огромных территорий.

Наиболее яркое выражение эта политика получила при Екатерине II. В декабре 1762 г. был издан манифест "О свободном поселении иностранцев в России". Спустя полгода Екатерина II принимает второй манифест, в том же 1763 г. вышел императорский Указ «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, селиться, где пожелают». Этот Указ был впоследствии дополнен законами о льготах и привилегиях для переселенцев. Ко второму манифесту прилагались реестры свободных и удобных для поселения

земель. По приезде иностранцев составлялся "Поименный список отправляемых в Россию иностранных поселенцев"¹.

Для иностранных переселенцев были созданы льготы. К числу наиболее существенных из них можно отнести:

- освобождение от уплаты налога, а также другие льготы по платежам и податям в казну, причем сроки освобождения устанавливались дифференцированно, в зависимости от региона вселения (как мы сказали бы сегодня – это были регионально дифференцированные льготы), от численности населения в поселении (колонии) и от рода занятий переселенцев;
- отмена воинской повинности и освобождение от обязательной гражданской службы;
- свобода вероисповедания и создание условий для отправления религиозных культов верующими всех конфессий;
- выплаты из казны на обзаведение хозяйства и приобретение необходимого инвентаря. Возврат ссуды предусматривался лишь по истечении десяти лет в течение трех последующих лет равными частями.

Переселение иностранных граждан предполагало обязательное принятие ими российского гражданства (вступление в подданство). Однако тем, кто проживал в России десять и более лет, разрешалось беспрепятственно вывозить все нажитое. При меньшем сроке проживания часть нажитого нужно было сдать в казну.

Как сторонник последовательной переселенческой политики известен первый министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев. До реформы 1861 г. переселения осуществлялись в основном в пределах европейской части страны, массового движения населения за Урал не было (до 50-х годов переселенцев направляли в Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии).

Отмена крепостного права способствовала усилению миграционных процессов, потребовалась разработка внутренней миграционной политики. Но правительство не сразу осознало необходимость регулирования переселенческого движения.² В тот период надежды возлагались на автоматическое урегулирование процессов размещения населения согласно потребностям развития хозяйства в связи с получением крестьянами свободы передвижений. Законодательством переселение должным образом

¹ *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. – СПб., 1905. с.20.

² Представление о масштабах переселенческого движения после крестьянской реформы дает Всеподданейший отчет статс-секретаря Куломзина в 1896 г.: "Переселенческого движения, как явления народной жизни, у нас не существовало; были переселения по вызову самого правительства, случался, и даже не редко, переход отдельных лиц под влиянием исключительных обстоятельств в малонаселенные местности, но сравнивать такие уходы с современным движением не представляется возможным".

не регулировалось. По мнению одного из крупнейших теоретиков статистической науки в России, исследователя и теоретика переселенческого движения, принимавшего непосредственное участие в решении проблемы аграрного перенаселения, Кауфмана А.А. (1864-1919), крестьянская реформа в области переселений явилась не шагом вперед, а шагом назад³.

Однако даже в тот период интересы к заселению отдельных окраин заставляли правительство поощрять переселения. Примером тому служат продиктованные политической необходимостью меры по заселению присоединенного Приамурского края, Амурской и Приморской областей. В этих регионах было дозволено селиться всем желающим, как русским, так и иностранцам. Особыми правилами 1861г. переселенцам были предоставлены широкие льготы по податям и повинностям. В середине 70-х годов было издано особое положение о порядке колонизации киргизской степи⁴. При этом переселенческая политика пореформенной России фактически запрещала выселение крестьян из западных губерний, чтобы не ослабить в западном крае русского этноса.

В 1881 г. было утверждено Положение «Об установлении временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли». Однако эти правила не только не способствовали переселению, а скорее сдерживали его. Отведение земель под заселение и ссудная помощь значительно отставали от объективной потребности в них. Во многом этим было обусловлено принятие нового закона о переселении, утвержденного в 1889 г., по которому должны были быть введены ряд льгот (по арендным платежам, исполнению воинской повинности, получению ссуд). Однако закон не был опубликован, и, следовательно, не был введен в действие.

К концу XIX в. в России сформировалась система концептуальных взглядов на миграционные процессы, что позволило государству проводить действительно активную и эффективную политику переселения.

Широкое признание получила концепция поэтапных, или волновых, переселений. Считалось, что окраинные районы должны заселяться жителями из смежных с ними, промежуточных территорий, тогда для последних издержки переселения не будут столь велики.

Успешность переселения справедливо связывали с наличием сходства природно-климатических и хозяйственных условий районов выхода и вселения мигрантов. Признавалось, что подбор переселенцев следует вести в районах со сходными природно-климатическими условиями.

Большое внимание уделялось составу переселенцев. Как показывала практика, для переселений более подходили сравнительно зажиточные

³ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905, с.167.

⁴ Там же, с.20.

крестьяне и семьи с большим числом работников, способные в короткий срок устроиться на новом месте.⁵

Существовали и использовались как бы две различные схемы оказания помощи переселенцам. Согласно одной схеме (и видимо, господствующей) основные меры направлялись в адрес конкретных переселенцев с целью облегчения их устройства в районах вселения. Согласно другой - во главу угла ставилась не забота о каждом конкретном переселенце, а необходимость подъема хозяйства самого района вселения. Обе они удачно дополняли друг друга.

Изменение миграционной политики и подходов к ее реализации произошло в связи с решением о строительстве Сибирской железной дороги. В 1893 г. был утвержден состоящий под личным председательством Государя Императора Комитет Сибирской железной дороги. Он и должен был регулировать переселения. Расходы по организации переселений были отнесены на особый 14-миллионный фонд «вспомогательных по Сибирской дороге предприятий». Пособия и льготы были значительно расширены; ссуды выдавались на дорогу, на хозяйственное обустройство, на посев; лесоматериалы на приусадебные постройки отпускались безвозмездно. Были организованы склады сельскохозяйственного инвентаря. Из фонда Александра III, образованного на частные пожертвования, выделялись средства на церковно-школьное строительство. Интерес к переселенческому движению был вызван прежде всего экономическими соображениями: постройка железной дороги могла принести выгоду народному хозяйству лишь при условии заселения и промышленного развития Сибири.

Льготы предоставлялись как организованным, так и индивидуальным переселенцам. И что интересно, они не были для всех едины. Размер помощи зависел от территории вселения и конкретной потребности переселенцев. Правительство взяло на себя решение организационных и социальных проблем: перевозку переселенцев, организацию сети врачебно-продовольственных пунктов, подготовку участков для расселения. Угроза истощения запасов пригодных для колонизации земель побудила правительство, начиная с 1895 г., принять ряд серьезных мер, направленных на увеличение этих запасов. Было предпринято обследование огромных, дотоле совершенно не изучавшихся пустынных, так называемых таежных и урманных пространств Сибири⁶.

⁵ Выразителем такой точки зрения явились А.А.Кауфман и Н.М.Баранов. Министр внутренних дел Н.Н.Дурново, напротив, считал, что лица, располагающие значительными материальными средствами, редко стремятся покинуть родину, и что к сему прибегают бедняки. Закрывать для них возможность улучшения своего хозяйственного положения едва ли может входить в задачи правительства. Схожей точки зрения придерживался и министр земледелия А.С. Ермолов.

⁶ *Кауфман А.А.* К вопросу о переселении и колонизации., с.34-37.

На рубеже XIX и XX веков наиболее сложная ситуация с точки зрения расселения населения и управления миграционными процессами сложилась в Сибири и на Дальнем Востоке⁷.

Анализ ситуации, позиций работодателей, иммигрантов и Правительства Российской Империи (в том числе различных ведомств, входящих в его состав, а также региональных властей (зауральских и дальневосточных генерал-губернаторов) показывает, что (с незначительными отличиями) проблемы, присущие миграционной ситуации в тот период, практически аналогичны современным. А именно:

- существует ли в действительности угроза экономике и безопасности страны отходничеством граждан Китая и Кореи на территорию России или оно происходит в масштабах, отвечающих экономическим интересам России;
- бесконтрольный въезд и пребывание на территории России иностранных граждан;
- привлечение работодателями на предприятия иностранных работников в качестве дешевой рабочей силы и извлечение сверхприбыли за счет снижения себестоимости производимой продукции;
- предлагаемые способы привлечения, регулирования и надзора за пребыванием и проживанием иностранных граждан носили отпечаток узковедомственного подхода к решению задачи. Основные противоречия складывались между МВД, МИДом, Министерством торговли и промышленности (МТиП), Минфином (МФ), Главным управлением по землепользованию и землеустройству (ГУЗиЗ) и региональными властями.

Главные вопросы, по которым велась дискуссия и не удавалось достигнуть согласия, были:

- препятствовать ли проникновению на территорию России граждан «желтой» расы или жестко регламентировать их въезд, проживание и использование в хозяйстве;
- какие отрасли хозяйства и территории могут быть определены в качестве дозволенных для этих иностранцев;
- какие законодательные акты и документы должны быть утверждены в качестве регламентирующих.

Единственное отличие, которое характеризует проблемы народонаселения Российской Империи рубежа прошлых двух веков и современной России, заключается в том, что в центральных и южных губерниях России из-за быстрого естественного прироста населения

⁷ Детальный анализ миграционной политики России на Востоке страны в этот период, с привлечением огромного архивного материала проведен во ВСИ МВД России Большаковым А.И. и Синиченко В.В. Сборник статей к Иркутскому экономическому форуму (октябрь 2002 г.), с.142.

усугублялась проблема малоземелья. Решить эту проблему тогда правительство Российской Империи хотело путем переселения крестьянства из густонаселенных регионов на богатые сибирские и дальневосточные земли с предоставлением значительных льгот и преференций переселяющимся. Таким образом, на относительно пустующие земли на востоке страны претендовали не только иностранцы, проживавшие в приграничных государствах (Китае, Корее и Японии), но и собственное российское население.

На протяжении длительного периода (с конца 80-х годов XIX века вплоть до первой мировой войны) правительству Российской Империи не удавалось выработать и принять так называемый общеиммиграционный закон.

Министерство финансов, Финансовая комиссия Государственной Думы отстаивали экономические меры борьбы с нежелательной иммиграцией, в которые включались:

- ограничения в приеме на казенные виды работ иностранных подданных, или разрешение на прием их в случаях отказа производства таких работ силами российских подданных;
- определение отдельных отраслей, испытывающих «дефицит» рабочей силы – горных, металлургических и др. для использования труда иностранных работников;
- запрещение продажи иностранным подданным казенных земель;
- запрещение сдачи в наем жилья иностранным подданным и т.д.

Силовые ведомства стояли за решительные меры борьбы с иммиграцией вообще, а, значит, за введение жесткого паспортно-визового режима. Такой режим предусматривал въезд через строго ограниченные пограничные пункты пропуска, уплату многочисленных налогов, сборов и пошлин (в казну, на канцелярские расходы, гербовый сбор и др.), а также штрафы за нарушения и любые проступки административного порядка. В качестве причин отказа во въезде иностранцам были и такие, например, как наличие увечий и престарелый возраст (по этим условиям в Российскую Империю не мог даже въехать тогдашний японский премьер-министр – человек весьма преклонного возраста и лишившийся ноги).

Серьезную оппозицию в Государственной Думе такому варианту общеиммиграционного закона составили работодатели, богатые золото - и горнопромышленники (запретительные и ограничительные меры касались также и иностранцев-акционеров, что наносило ущерб инвестиционному процессу).

Длительные дискуссии по поводу содержания центрального или, как сказали бы теперь, федерального законодательства, отсутствие единого государственного законодательного акта обусловили появление губернских «региональных» законопроектов. Такие законопроекты вышли в Приамурском и Иркутском генерал-губернаторстве, Забайкальской области. В них предусматривались меры не только административной

ответственности, но и уголовного наказания за нарушение установленных норм и правил.

Так же, как и в настоящее время, достаточно противоречивыми были данные о случаях и масштабах незаконного проживания китайцев, корейцев и японцев в Сибири и на Дальнем Востоке.

Столь подробное изложение проблем миграционной политики на Востоке России в тот исторический период приведено нами для того, чтобы аргументировано показать не только идентичность проблем и противоречий при подходах к их решению, но и подчеркнуть, что и в тот период, как и сегодня, конъюнктурные и ведомственные интересы в значительной мере определяли и определяют политику в отношении иностранной миграции.

В начале XX века миграционная политика России получила свое развитие.

В 1904 г. был принят новый переселенческий закон: он разрешал полную свободу переселений. Роль правительства, как регулятора миграционных потоков, состояла в том, чтобы поддерживать тех переселенцев, которые выбывали из перенаселенных местностей или направлялись в районы, определенные для заселения.

Для реализации активной миграционной политики было создано специализированное ведомство, отвечающее за разработку переселенческой политики и координацию действий других ведомств в этом направлении – Переселенческое управление. По словам одного из виднейших специалистов в области изучения миграций населения в России проф. И.Л. Ямзина (1882-1934) и его коллеги В.П. Воцинина, оно приобрело характер учреждения чрезвычайной важности, так как в нем были сосредоточены все сведения о Зауралье и в качестве «всеазиатской земской управы» оно фактически влияло на жизненный уклад и развитие производительных сил целых территорий государства⁸.

В дальнейшем правительство расширило и уточнило систему государственных льгот переселенцам. Так, размеры ссуд на обустройство зависели уже не от потребности переселенцев, а от тех хозяйственных трудностей, с которыми они сталкивались в конкретных районах.

Гибкая переселенческая политика чутко реагировала на изменения экономической и миграционной ситуации. Если объемы переселения превышали желаемые, то понижались размеры ссудной помощи, ограничивалось ходячество.

Вместе с тем в адрес землеотводного дела было много критики. А.А. Кауфман, принимая в нем непосредственное участие, признавал это. В частности, по остаточному принципу осуществлялось финансирование дорожного строительства, что затрудняло переселенческое движение.

⁸ Ямзин И.Л., Воцинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926., с. 68.

Из двух главных задач переселенческой политики тех лет (расселения малоземельных крестьян и заселения новых земель) наиболее успешно решалась задача заселения окраин русскими людьми. Менее успешными были борьба с малоземельем и попытки внести существенные изменения в экономическую жизнь российской деревни. По словам А.А. Кауфмана, удавалось решать скорее локальные задачи переселения, оказывая иногда осязаемое воздействие на ту или иную общину и волость (реже на уезд), откуда уходит на новые места заметная часть населения⁹. По мнению И.А. Гурвича, чтобы произвести прочное улучшение, потребовалось бы переселение чуть ли не половины всех наличных жителей черноземной полосы. О подобном переселении миллионов людей в кратчайший срок и рассуждать было нельзя; если же растянуть эту операцию на много лет, тогда придется переселить в Сибирь уже не половину, а чуть не всю Россию¹⁰.

Однако на осваиваемые и заселяемые районы проводимая переселенческая политика тех лет оказала, несомненно, положительное влияние.

Сохранились богатые материалы, содержащие информацию о механизмах и инструментах переселенческой политики, проводимой Правительством Российской Империи, в период деятельности Переселенческого управления. Был разработан и принят набор определенных методов проведения политики в области миграции и эти меры подкреплялись финансированием из казны или федерального бюджета и другими материальными затратами. Это позволяет сопоставить принимаемые Правительством меры по проведению миграционной политики на различных исторических этапах развития России.

По сохранившимся архивам Переселенческого управления в Азиатскую часть России в организованном порядке с 1896 по 1913 год осуществлялось переселение практически из всех западных губерний Империи. Без малого за 20 лет с Запада на Восток, в Азиатскую часть России переселилось более 5 млн. человек.

Наибольшую долю, особенно в периоды максимального переселения (с 1898-1900 и с 1907-1909), занимали переселенцы из Центральных, Волжских, Малороссийских и Новороссийских губерний.

⁹ Кауфман А.А. К вопросу о переселении и колонизации, с.49.

¹⁰ Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1988, с.110.

Таблица 1

Состав губерний Российской Империи с 1896 по 1913 год

Центральные	Курская, Воронежская, Орловская, Тамбовская, Рязанская, Тульская.
Волжские	Саратовская. Пермская, Уфимская, Симбирская, Казанская, Нижегородская, Самарская, Оренбургская, Астраханская, Уральская.
Юго-Западные	Киевская, Подольская, Волынская
Литовские Прибалтийские	Виленская, Ковельская, Гродненская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская.
Промышленные	Калужская, Костромская, Московская, Тверская, Владимирская, Ярославская.
Приозерные	Псковская, Петербургская, Олонецкая, Новгородская.
Приуральская	Вятская, Пермская.
Северные	Вологодская, Архангельская.
Белорусские	Могилевская, Витебская, Минская, Смоленская.
Малороссийские	Полтавская, Черниговская, Харьковская.
Новороссийские	Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Область Войска Донского, Бессарабская, Ставропольская.
Прочие	Кавказ, Привислинский край и др.

Рис.1 Динамика численности переселенцев, ходоков и общих сумм кредитов, израсходованных на переселенческое дело в азиатской России с 1883 по 1913 годы (данные Переселенческого управления)

Система ходачества была более развита с 1906 по 1909 и в 1912-13 годы. Значительный рост объемов государственных кредитов на переселение в период с 1906 по 1912 годы стимулировал процесс переселений без предварительного знакомства с новыми местами проживания. В последующем, доверие у населения к предлагаемым вариантам переселения, видимо, несколько снизилось, и система ходачества вновь стала предшествовать переселениям. Примерно на треть общий объем переселений состоял из ходоков.

Таблица 2.

Численность переселенцев и ходоков в Азиатскую Россию (тыс.человек)

Годы	Переселенцы	Ходоки	Всего
1896-1909	2 926	703	3 629
1910	316	37	353
1911	190	36	226
1912	201	59	260
1913	241	96	337
1914	242	95	337
1910-1914	1 190	322	1 512
Всего	4 116	1 025	5 141

Интересно проследить за структурой расходов на переселенческое дело в Азиатской части России с 1893 по 1912 годы.

Все расходы производились по шести основным направлениям:

- ссудная помощь переселенцам
- врачебная помощь переселенцам
- содержание центрального управления и разные мелкие расходы
- гидротехнические работы
- дорожные работы
- образование переселенческих участков (статистические, почвенно-ботанические обследования и межевые работы).

Судя по графику (Рис. 1), общая сумма расходов начала стабильно и динамично увеличиваться, начиная с 1906 года. Однако, судя по сохранившимся росписям расходов и сметам расходов, названия статей и параграфов на протяжении двадцатилетнего периода менялись. Нам удалось объединить их в более укрупненные группы и проследить динамику расходов по каждой статье (или параграфу, как указано в росписях расходов), начиная с 1906 года, т.е. с того периода, когда расходы на переселенческие мероприятия становятся наиболее существенными (рисунком 2).

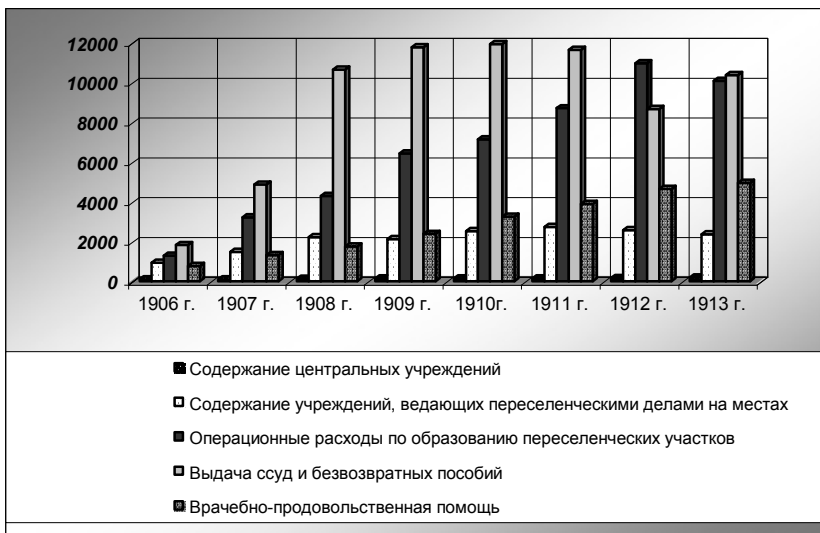

Рисунок 2. Динамика расходов Переселенческого управления на переселения в Азиатскую Россию с 1906 по 1913 г.

Но структура расходов из года в год была практически стабильной. В расходы включались и средства на содержание аппаратов как в центре, так и на местах. Однако деятельность чиновников на местах состояла из практической работы по отводу переселенческих участков, их обустройству, организации прокладки дорог, гидротехнических работ и т.д., т.е. не сводилась к проведению только бюрократических процедур. В росписях расходов за 1913 год в параграфах отнесенных к содержанию аппаратов на местах («Учреждения заведывающие движением и водворением переселенцев»), отнесены такие мероприятия, как «возмещение земских и крестьянских учреждений части расходов, связанных с упорядочением переселенческого движения и организации группового хождения, статистико-экономические обследования переселенческих хозяйств». В разделе расходов на выплату ссуд предусматривались следующие их виды:

- ✓ Домообзаводственные ссуды.
- ✓ Ссуда на общественные надобности (церкви, общественные здания, промышленные предприятия и пр.)
- ✓ Ссуды на внутринадельное межевание.

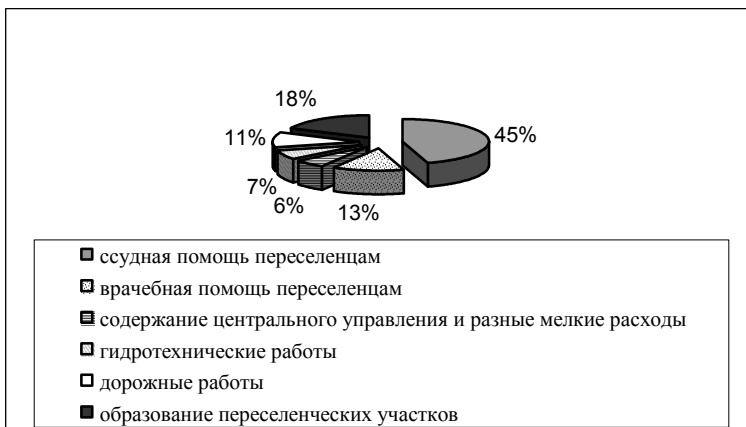

Рисунок 3. Структура расходов на переселенческое дело в Азиатской России с 1893 по 1912 г. (по данным Переселенческого Управления)

Общая сумма расходов составила за тот период 163 376 тыс. рублей. Около половины этих затрат составили ссуды, 36% инженерные работы и 13% медицинская помощь.

По существующему в тот период учету можно точно проследить и оценить приживаемость переселенцев на новом месте жительства.

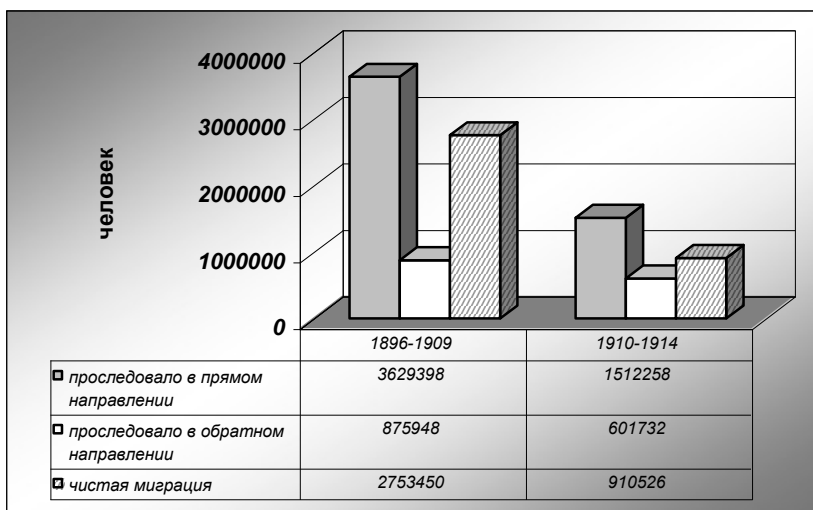

Рисунок 4. Переселенческие процессы в Азиатской России с 1896 по 1914 г.

Таблица 3

Расходы Переселенческого управления по росписи (предусмотрено бюджетом) с 1906 по 1913 годы

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Содержание центральных учреждений	104.153	106.048	141.874	151.904
Содержание учреждений, ведающих переселенческими делами на местах	936.300	1.481.212	2.218.548	2.132.112
Операционные расходы по образованию переселенческих участков	1.288.480	3.222.860	4.291.817	6.434.339
В т.ч.: <i>Исследования новых колонизационных районов</i>	*		1.652.517	
<i>Дорожные техники</i>			1.804.000	186.700
<i>Операционные расходы по проведению дорог</i>				2.325.875
<i>Гидротехники</i>			747.800	223.000
<i>Операционные расходы по гидротехническим работам</i>				1.113.025
<i>Поземельно-устроительные отряды в Сибири</i>				548.575
Выдача ссуд и безвозвратных пособий	1.829.700	4.865.880	10.641.370	11.770.000
В т.ч. <i>Домообзаводственные ссуды</i>				
<i>Ссуды на общепользные надобности</i>				
<i>Путевые пособия</i>				
Врачебно-продовольственная помощь	780.000	1.324.000	1.762.428	2.390.000
Другое				200.000

Таблица 3 (продолжение)

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Содержание центральных учреждений	144.050	144.050	174.050	194.050
Содержание учреждений, ведающих переселенческими делами на местах	2.534.131	2.733.301	2.577.451	2.370.651
Операционные расходы по образованию переселенческих участков	7.144.333	8.707.748	10.962.202	10.081.000
В т.ч.: <i>Исследования новых колонизационных районов</i>	378.260	397.380	341.350	340.000
<i>Дорожные техники</i>	189.400	256.750	385.000	332.850
Операционные расходы по проведению дорог	2.353.872	3.301.280	4.618.802	4.424.637
<i>Гидротехники</i>	240.700.	262.000	982.558	325.000
<i>Операционные расходы по гидротехническим работам</i>	1.248.844	1.309.640	1.960.800	1.640.800
<i>Поземельно-устроительные отряды в Сибири</i>	648.494	982.558	168.342	982.558
Выдача ссуд и безвозвратных пособий	11.930.000	11.639.000	8.663.000	10.377.500
В т.ч. <i>Домообзаводственные ссуды</i>	10.723.500	10.387.500	6.411.500	7.600.000
<i>Ссуды на общепользные надобности</i>	955.000	1.000.000	2.000.000	2.676.000
<i>Путевые пособия</i>	251.500	251.500	251.500	101.500
Врачебно-продовольственная помощь	3.256.330	3.894.095	4.647.290	4.958.471
Другое	200.000		86.000	86.000

Составлено по: Ежегодник Министерства финансов Вып. 1907/1908 гг. Спб, 1900 г. с. 142. Государственная роспись доходов и расходов на 1908 год Спб, 1907 г. с. 158-160., на 1909 год Спб, 1909 г. с. 158-160., на 1910 год Спб, 1909 г. с. 24., на 1911 год Спб, 1909 г. с. 25., на 1911 год Спб, 1909 г. с. 30-31, Приложение к Государственной росписи доходов и расходов на 1913 год Спб, 1913 г.

* Здесь и далее пустые клетки означают отсутствие точных данных.

Из 5 141 тыс. человек, переселившихся в Азиатскую часть, покинули новые места жительства 1 478 тыс. человек, т.о. чистая миграция составила более 3,6 миллионов человек. В среднем за период численность осевших переселенцев (это конечно очень грубое усреднение) составила 180 тыс. человек. Это означает, что за 20 лет в среднем на одного переселенца, по всем видам льгот, кредитов, социальной и инженерной поддержки, из казны было израсходовано 32 рубля. Если пересчитать эти затраты на осевшее, оставшееся население, то расходы на каждого осевшего переселенца составят 45 рублей. Около половины этой суммы составляют разного рода ссуды. На ссудные деньги можно было приобрести 2 лошади, 2 коровы, 2 телеги, сани, сброу, необходимые земледельческие орудия.¹¹

Таким образом, в ходе реализации дореволюционной переселенческой политики был накоплен большой практический опыт, основанный на серьезных теоретических подходах, который может быть использован при регулировании миграции в современной России.

Спустя почти столетие Россия вновь столкнулась с необходимостью проводить миграционную политику, опираясь главным образом на инструменты и механизмы, присущие рыночной экономике.

* * *

Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения практически разрушили упорядоченный процесс организованного переселения. Во время войны кредиты отпускались на поддержание «старого», но ввиду особых свойств переселенческих работ (их растянутости во времени на два, три и более лет) это оказалось равносильным уничтожению достигнутых ранее результатов¹².

В соответствии с законом о социализации земли, принятым в октябре 1917г., переселенческая политика изменилась коренным образом. Если раньше значительная часть расходов по переселению оплачивалась самими переселенцами, то теперь все бремя расходов брало на себя государство. Так, вслед за национализацией хозяйства произошла и «национализация» переселенческого процесса.

В первые годы советской власти миграционная политика была направлена на то, чтобы удерживать крестьян от переселения на Восток. В 1918 г. (6 марта) было издано циркулярное письмо, которое призывало к расселению внутри Европейской России. Отчасти это можно объяснить и тем, что в отдельные периоды гражданской войны восточные регионы были отрезаны от остальной территории. Систематического хозяйственного освоения в эти годы не велось¹³.

¹¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. - СПб., 1905. с.20.

¹² Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926., с.68-69.

¹³ Там же, с.70.

Новые возможности освоения слабозаселенных земель открылись с введением НЭПа. В октябре 1922 г. был принят Земельный Кодекс, в котором отдельные статьи касались планового переселения. В частности предусматривалось предоставление льгот как плановым, так и внеплановым переселенцам, если они поселялись на колонизируемых землях с разрешения переселенческих организаций¹⁴.

Следующий значительный документ был утвержден 17 сентября 1924 г. - тезисы «О ближайших задачах советской власти в области колонизации и переселения». Первый тезис формулировал задачу колонизации как «...вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационализации как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов»¹⁵. Переселением в пределах Российской Федерации ведал Наркомзем РСФСР. Ему было поручено создать Колонизационный фонд. Планирование в области сельского хозяйства осуществлял Земплан, который должен был предусматривать в сметах расходов средства на хозяйственное обустройство переселенцев.

Уже в тот период стало очевидно, что стихийно начавшемуся движению переселения необходимо придать организованный характер¹⁶. При этом, правительство стремилось удерживать от переселения беднейшее крестьянство, понимая объективные трудности его обустройства.

В 1926г. принимается постановление ЦИК и СНК Союза ССР «О льготах крестьянскому населению по землеустройству и переселению». Согласно этому постановлению, расходы по землеустройству беднейшего крестьянства возлагались на государство. Одновременно предусматривались и другие формы государственной поддержки: льготный переселенческий тариф, долгосрочный кредит на землеустроительные работы (до 8 лет), а также льготы по обложению единым сельскохозяйственным налогом. Однако льготами могли пользоваться только те, кто мигрировал в соответствии с планами переселения и землеустройства. Такие планы утверждались ежегодно декретом ВЦИК и СНК РСФСР. Но это уже механизмы и инструменты, используемые в советской, регулируемой, плановой экономике.

Список литературы

1. *Гурвич И.А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1988.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. №68. Ст. 901.

¹⁵ *Ямзин И.Л., Воицинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. с.85.

¹⁶ Исторический опыт регулирования миграции населения в России /Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 1994., с.33.

2. Исторический опыт регулирования миграции населения в России /Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 1994.
3. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905.
4. *Кауфман А.А.* К вопросу о переселении и колонизации.
5. *Покишиевский В.В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
6. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. №68. Ст. 901.
8. Сборник статей к Иркутскому экономическому форуму (октябрь 2002г.)
9. *Ямзин И.Л., Воицинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. с.85.
10. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1907/1908 гг. СПб.
11. Государственная роспись доходов и расходов на 1907 год, СПб, 1908.
12. Государственная роспись доходов и расходов на 1908 год, СПб, 1909.
13. Государственная роспись доходов и расходов на 1909 год, СПб, 1910.
14. Государственная роспись доходов и расходов на 1910 год, СПб, 1911.
15. Государственная роспись доходов и расходов на 1911 год, СПб, 1912 .
16. Приложение к Государственной росписи доходов и расходов на 1913 год СПб, 1913.

Ивахнюк И.В.

(Кафедра народонаселения экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Миграционная политика в СССР: человеческое измерение

Как известно, миграционную политику выстраивают правительства. Однако сказываются результаты этой политики, прежде всего, на людях, на их возможностях сменить место жительства, повысить благосостояние, получить образование, добиться профессионального роста, реализовать свой потенциал, развить свои способности.

В России в течение веков миграционная политика была важным направлением государственной деятельности – так было и во времена Российской империи, и Советского Союза и современной России. Понятно, что миграционная политика была подчинена, в первую очередь, государственным экономическим и политическим интересам. А как она сказывалась на людях?

Советский период – «эра пропуски»

В начале XX века население России оказалось вовлеченным в миграционные передвижения в результате революции 1917 года и Гражданской войны 1917-1923 гг. Социально-политический взрыв и связанный с ним экономический кризис привели к нехватке продуктов питания и массовому голоду, которые в сочетании с жесткой политикой насаждения новой власти и подавления сопротивления (через коллективизацию крестьян, раскулачивание и т.д.), вынуждали людей

покидать родные места в поисках лучших условий жизни и безопасности. Передвижения людей были стихийными, и в ранний период советской власти не существовало никакой системы регистрации мигрантов. Не было также единых документов удостоверения личности. Такая ситуация вступала в противоречие с идеей контроля государства над населением, который обеспечивал бы своевременное выявление возможной оппозиции. По этой причине в 1932 г. Постановлением ЦИК и СНК была введена единая паспортная система с обязательной пропиской по месту жительства по всей территории СССР (Моисеенко 2004, 88).

Паспорт стал основным, фактически единственным, документом, удостоверяющим личность, для всех граждан СССР старше 16 лет, проживающих постоянно в городах и поселках городского типа. Передвижение населения без паспорта было невозможно, а обязательства прописки стало началом ограничительных правил в свободе передвижения населения. Человек мог жить, работать, учиться, голосовать, определять детей в школу и получать какие-либо социальные гарантии только по месту прописки. Например, человек, прописанный в Новгороде, не мог устроиться на работу в Москве. Для того, чтобы получить прописку в городе, необходимо было получить справку, подтверждающую наличие в нем работы. Однако получение работы в городе возможно было только при наличии прописки. Таким образом, получался замкнутый круг (Денисенко и др. 1989, 60).

Ученые называют прописку «крепостничеством XX века (Попов 1996). Ограничения на поселение особенно жестко применялись в отношении крупных городов, таких как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Горький (Нижний Новгород), Свердловск (Екатеринбург). К 1960 г. из 300 крупных советских городов с населением более 100 тыс. чел. 200 городов были «закрыты» для мигрантов (Регент 1999, 40).

Следует заметить, что паспорта имели только городские жители. Колхозники не имели паспортов и соответственно не могли передвигаться даже в пределах областей, в которых они проживали (Моисеенко 2004, 89). Только в 1974 г., в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР положение крестьян было уравнено с остальными гражданами страны (Попов 1996). Это явилось главным образом результатом ратификации Советским Союзом в 1973 г. Всеобщей Декларации прав человека. Статья 13 Декларации ООН указывает, что каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах своего государства. Даже институт прописки фактически противоречил этой статье, однако порядок, когда миллионы сельских жителей СССР были полностью лишены права на свободу передвижения внутри своей собственной страны, не мог быть не изменен после ратификации Декларации ООН.

Оргнабор – шанс на новую жизнь... на Севере

Несмотря на жесткие ограничения свободы передвижения, масштаб внутренней миграции в Советском Союзе был значительным. Во-первых, существовали *добровольные* (но жестко регулируемые государством) миграции с целью трудоустройства: люди направлялись на крупные строительные и промышленные объекты в рамках жестко организованной государственной системы оргнабора. В течение 1930-х гг. более 28,7 миллионов человек были переселены на территории Советского Союза через систему оргнабора (Народонаселение 1994, 234). Это были преимущественно сельские жители, привлекавшиеся для работы в строительстве и промышленности в городах, так что процесс урбанизации ускорился в результате политики индустриализации. В 1926-1939 гг. численность городского населения Советского Союза увеличилась на 18,7 млн. чел., в 1939-1958 гг. – еще на 24,6 млн. чел., в 1959-1969 гг. – на 16,4 млн. чел., в 1970-1978 гг. – на 13,4 млн. чел., в 1979-1988 гг. – на 9,1 млн. (там же).

Переселения в отдаленные регионы северной и восточной России стимулировались определенным набором поощрительных экономических мер, включая выплату подъемных, региональные коэффициенты заработной платы и пенсии, более ранний выход на пенсию, предоставление жилья, оплачиваемый государством ежегодный проезд к месту отпуска и т.д.

Миграция в рамках оргнабора, добровольная по форме, была, тем не менее, жестко регламентирована по направлениям. Миграция в отдаленные неразвитые районы с суровыми климатическими условиями поощрялась, в то время как переселения в развитые регионы, даже по семейным причинам, ограничивались. Институт прописки обеспечивал разрешительный характер внутренней миграции.

Этнические депортации – инструмент наказания

С другой стороны, объективной реальностью Советского Союза, особенно в 1930-х – 1950-х гг., были насильственные переселения. Миграционная политика выступала инструментом политического подавления и наказания. Депортации применялись поначалу к зажиточному крестьянству, которое раскулачивалось и – для того, чтобы избежать его возрождения – выселялось в неразвитые северные регионы. Позже депортациям подверглись целые этнические группы (крымские татары, ингуши, немцы, чеченцы, калмыки, корейцы и другие). Их насильственные переселения в Сибирь, Казахстан и Дальний Восток были нацелены на разрушение их единства и этнической идентификации. Между 1932 и 1940 гг. общее число так называемых «спецпереселенцев», как называли этот вид мигрантов в официальных источниках, составило 2,2 миллиона; к 1953 г. их число возросло до 2,8 миллиона (Брук и Кабузан 1991). В течение Великой отечественной войны целые народы были обвинены (часто незаслуженно) в пособничестве фашистам и были в спешном порядке перевезены в

азиатскую часть страны. Более 1 миллиона немцев, 317 тыс. чеченцев, 165 тыс. крымских татар, 84 тыс. ингушей, 82 тыс. калмыков, 64 тыс. карачаевцев, 49 тыс. турок-месхетинцев подверглись депортации. 78% из них были женщины и дети. По оценкам, каждый пятый умер при транспортировке (Мукомель 1991). После прибытия в места назначения смертность среди переселенцев была также исключительно высокой из-за бедности, плохих жилищных условий, психологического стресса, отсутствия лекарств. Согласно оценкам, от 15 до 30% лиц, подвергшихся этническим депортациям, умерли преждевременно в пути или вскоре после приезда на новое место жительства (Эдиев 2003, 302). Общие демографические потери депортированных народов в 1930-х – 1950-х гг. (включая потери от сокращения рождаемости) оцениваются в 1 миллион человек (там же).

Этнические депортации оказали серьезное влияние на человеческое развитие в советский период. Целые народы были объявлены вне закона и лишены таким образом возможностей выбирать место жительства и получать высшее образование. Было подорвано физическое и интеллектуальное развитие этих народов, особенно детей.

Советская миграционная политика – как оценивать?

Некоторые современные ученые, исследующие прежний опыт государственной политики в области внутренней миграции (Алешковский 2006; Моисеенко 2004; Рощин 2008), склонны оценивать его больше положительно, чем отрицательно, обосновывая это следующим образом: (1) политика оргнабора достигала поставленных целей обеспечения промышленности, строительства и транспорта трудовыми ресурсами; (2) она обеспечила перераспределение населения по территории страны, заселение и развитие ее азиатской части; (3) она вовлекла сотни тысяч молодых людей в осуществление проектов индустриализации и помогла выделиться наиболее инициативным и активным людям, которые впоследствии возглавили экономическую и политическую жизнь страны.

Можно согласиться с этими доводами, однако трудно принять саму «философию» и негуманные методы советской миграционной политики, которая была полностью подчинена потребностям государства и пренебрегала интересами людей.

Миграционная политика в советский период была частью общей экономической и политической стратегии государства. Индустриализация и освоение целинных земель требовали рабочей силы, перемещение которой обеспечивалось посредством административных и экономических инструментов, при том что тенденция общего государственного контроля над населением, реализовывавшаяся через систему прописки, ограничивала миграцию населения, особенно в крупные города. Авторитарная система управления миграцией гарантировала, что люди будут передвигаться строго в тех направлениях, где их присутствие определяется государственными интересами. Система государственного планирования предопределяла не

только экономическое развитие страны, но также формировала миграционные потоки.

Воздействие миграционной политики на человеческое развитие в советский период было противоречивым. С одной стороны, участие в оргнаборе давало возможность молодым людям, особенно родом из сельской местности, изменить свою жизнь, активно проявить себя в социальной жизни, получить профессию и образование и, в результате, расширить свои жизненные горизонты. С другой стороны, прописка жестко ограничивала направления и масштаб миграции, оставляя людям мало шансов выстраивать свою собственную судьбу по своему усмотрению. Ограничения на свободу передвижений препятствовали человеческому развитию, в частности, их профессиональному росту и росту доходов. Во многих случаях это привело к недоиспользованию человеческих возможностей (Хорев 1974).

Эта ситуация оказала глубокое воздействие на менталитет российских граждан, в частности, на понимание роли отдельных людей в экономическом развитии своей страны. Надуманный экономический «закон» об обязательности опережающих темпов роста производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления ставил потребности людей, развитие их возможностей и талантов в категорию «побочного продукта» развития. Государственная политика была сориентирована исключительно на экономический рост, доказывающий якобы преимущества социалистической системы. Удовлетворение потребностей людей сводилось, прежде всего, к росту материального благополучия, который также статистически отражал преимущества существовавшего строя.

Массовые репрессии 1930-х и 1950-х гг. обесценили ценность человеческой жизни: 6-7 миллионов советских граждан были расстреляны или умерли в лагерях (Волкогонов 1990, 339). В общей сложности порядка 25 миллионов человек подверглись репрессиям в течение сталинского периода (Вишневецкий 2007). Несмотря на то, что Конституция СССР гарантировала права и свободы граждан, в действительности советские люди зачастую не только были лишены прав, но и не могли их отстаивать. При этом большинством людей эта практика двойных стандартов принималась за норму.

В результате насильственных переселений, часто диктовавшихся чисто политическими причинами, были уничтожены миллионы людей и разрушены миллионы человеческих судеб, что наложило негативный отпечаток на характер нации (Рошин 2008). Этим, в частности, объясняется, почему «права человека» - это ценность, трудно понимаемая в современной России даже сейчас, спустя два десятилетия после того, как в результате горбачевской перестройки начался пересмотр приоритетов развития в пользу «социализма с человеческим лицом» (Виноградов 2001).

Кроме того, система прописки, которая ограничивала мобильность населения в советский период, оказала долгосрочное влияние и на постсоветскую Россию. Нынешний низкий уровень внутренней мобильности населения, который во многом тормозит развитие национального рынка труда и переход к рыночной экономике, психологически коренится в искусственных ограничениях мобильности, выстраивавшихся системой прописки.

Литература

- Алешковский И.А. (2006) *Внутренняя миграция в современной России*. М.: ТЕИС.
- Брук А.С., Кабузан В.М. (1991) *Миграционные процессы в России и СССР*. М.
- Виноградов И. (2001) Парадокс Михаила Горбачева // *Континент*, № 107 <http://magazines.russ.ru/continent/2001/107/vin.html>.
- Вишневский А.Г. (2007) *Вспоминая 1937* <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/tema07.php>.
- Волкогонов Д.А. (1990) *Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина*. (Барнаул: Алтайское книжное издательство) т 2.
- Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. (1989) *Миграциология*. М: Издательский дом МГУ.
- Моисеенко В.М. (2004) *Внутренняя миграция населения*. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
- Мукомель В.И. (1991) *Депортированные народы в Средней Азии: проблемы и перспективы социально-демографического развития*. М. *Народонаселение* (1994) Энциклопедия, М.: БСЭ.
- Попов В. (1996) Паспортная система советского крепостничества. *Новый Мир*, № 6.
- Регент Т.М. (1999) *Миграция в России: проблемы государственного управления*. М.: ИСПЭН.
- Рошин Ю.В. (2008) *Миграция населения в судьбе России*. М.: Издательский дом Авангард.
- Хорев Б.С. (1974) *Актуальные проблемы миграционной политики*. Киев.
- Эдиев Д.М. (2003) *Демографические потери депортированных народов СССР* Ставрополь: АРГУС.

Каржаубаева А.И.
(Карлов университет, Чехия)

Этнодемографические процессы в Западном Казахстане в XIX-XXI вв.

Процесс формирования и развития населения имеет глубокие исторические корни. Все социально-экономические и политические преобразования, проходившие на протяжении двадцатого столетия в Казахстане, привели к значительным изменениям этнической структуры населения, во многом произошедшим благодаря меж- и внутрирегиональным миграциям.

Западный Казахстан является регионом со значительным миграционным потенциалом, который сложился на протяжении последнего столетия. Регион имеет обширную территорию, объединяющая четыре области Казахстана – Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Атыраускую и Мангистаускую, с населением в 2216,7 тыс. чел., из которых 80,0% составляют казахи, 13,8% - русские, 2,5% - украинцы и 3,7% - другие национальности¹. В значительной степени формирование населения во многом зависело от интенсивности притока населения из различных районов бывшего СССР. Важное значение имело транспортно-географическое положение Западного Казахстана, находящегося на пути миграционных потоков. Разведка месторождений нефти и газа привела к бурной индустриальной миграции. Масштабы и характер миграций в Западный Казахстан в годы российской и советской империй предопределили масштабы и направления современных миграционных процессов.

До конца XIX века прирост казахского населения был стабильным и достаточно высоким, обеспечивая ему абсолютное большинство в регионе. Завершение присоединения Казахстана к России и переход к активной колонизации новых земель положили начало коренным изменениям в политическом, социально-экономическом развитии Западного Казахстана. Значительные изменения произошли в этнодемографическом развитии населения. По переписи 1897 г. общая численность населения региона составила 1142,4 тыс. чел.² Основным населением региона являлись казахи, составив 937,9 тыс., или 82,1%. Значительная часть казахского населения проживала в четырех уездах: в Букеевском – 207,2 тыс. чел., Уральском – 150,9 тыс., Лбищенском – 144,3 тыс. и Актюбинском – 109,6 тыс.чел. В других уездах численность казахского населения не достигала 100 тыс.

¹ Данные на 1 января 2008 года. – Рассчитано по: Регионы Казахстана в 2007 году. Статистический сборник. – Астана, 2008. – с.77.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. Вып. LXXXVIII Уральская область. – СПб., 1904. – С.48-49; Вып. LXXXVII Тургайская область – СПб, 1904.- С.38-39; Вып. LXXXII Закаспийская область. – СПб., 1904. – С.54-55; Тетр.2. Астраханская губерния. – СПб. 1904 – С.58-59.

человек. Однако оно доминировало в тех уездах, где проникновение переселенцев было незначительным – в Темирском, Иргизском, Букеевском, Актюбинском, Мангышлакском уездах. Здесь доля казахов в составе населения составляла от 93,0% до 99,1%. Самый низкий удельный вес казахов во всем западно-казахстанском регионе был зафиксирован в Уральском уезде, где они составляли более половины населения уезда – 51,4%. На уменьшение удельного веса коренного населения, главным образом, повлияло начавшееся в 70-е гг. XIX в. переселение русских и украинских крестьян. Основной поток в начале шел из соседних российских губерний, что значительно повлияло на увеличение численности русских в регионе. Поэтому крупным этносом, вторым по численности после казахов, являлись русские. По итогам переписи 1897 года их численность составила 175,5 тыс. чел., или 15,4%. При этом основная часть русского населения региона – 124,1 тыс.чел., или 70,7% проживала в Уральском уезде, где их удельный вес русских составлял 42,3%. В южных уездах удельный вес русских в составе населения был сравнительно ниже. Наиболее крупной диаспорой региона после русских являлись татары. Увеличение численности татар происходило как за счет естественного прироста, так и миграционного притока. Общая численность татар в целом по региону по итогам переписи составила 19,1 тыс. чел., или 2,1%. Из них 75,4% проживало в Уральском уезде и 11,8% - в Калмыковском. Численность представителей других национальностей в регионе составила 29,0 тыс. чел., или 2,5%. Основную долю в этой категории составляли украинцы – 4 тыс.чел., белорусы – 2,9 тыс., мордва - 0,8 тыс., башкиры – 0,7 тыс. и др. Кроме этого, в регионе проживали 250 поляков, 161 немец и т.д. Всего переписью было зафиксировано 37 различных национальностей и народностей. Они жили в экономически развитых уездах области – в Уральском, Калмыковском, Актюбинском и Гурьевском. Основной поток переселенцев был направлен в эти четыре уезда. Так, 70% инонационального населения было зафиксировано в Уральском уезде. В отличие от других уездов, в Букеевском уезде среди инонационального населения преобладали калмыки, а в Мангистауском – туркмены. Это определялось географическим положением уездов, близким к местам компактного расселения названных народов, откуда шел их основной поток в регион.

Таким образом, по переписи 1897 года основным населением региона являлись казахи, а малочисленность и территориальное размещение других этнических групп свидетельствует об их недавнем появлении и наметившейся тенденции изменений в этнодемографической структуре населения за счет начавшегося процесса переселения.

Национальный состав населения Западного Казахстана начал заметно изменяться в конце XIX – начале XX века. Основным фактором, вызвавшим изменения, стал усилившийся переселенческий процесс. В Западном

Казахстане переселение носило аграрный характер и проходило в два этапа³. На начальном этапе, охвативший 70-90-е гг. XIX в., переселение проходило медленными темпами, и численность переселенцев была незначительной, поэтому существенного влияния на изменение характера демографических процессов не оказывало. Динамика и темпы роста населения фактически оставались на прежнем уровне.

Новый этап в переселении начинается в начале XX века и связан со Столыпинской аграрной реформой. Отмена крепостного права в России не решила аграрного вопроса, поэтому царское правительство в целях разрядки социальной напряженности в стране и дальнейшей колонизации Казахстана, активизировала переселенческую политику. На этом этапе переселение приобрело наибольшую интенсивность. Основными районами заселения стали Уральский и Актюбинский уезды. В результате высоких темпов переселенческого движения произошло резкое изменение национальной структуры населения. В период с 1897 по 1915 г. численность русских возросла в 2,5 раза, и составило 426,0 тыс., удельный вес в составе населения увеличился с 15,4% до 26,0%. Особенно высокими были темпы прироста украинцев, численность которых возросла в 24,6 раза и составила 83,5 тыс. чел. Удельный вес составил 5,0% против 0,4% в 1897 г. Наиболее заметным был рост украинской диаспоры в Актюбинском уезде, где их численность увеличился в 57 раз и составило 57,5 тыс. чел. Здесь уже проживало около 68,0% украинцев региона. Возросла численность других этнических групп, прибывших в Западный Казахстан – татар, мордвы, башкир и т.д. В целом общая численность населения возросла с 1142,2 тыс. до 1666,1 тыс. чел., или на 31,4%. Усиленная переселенческая политика привела к негативным процессам в демографическом развитии коренного населения. Единственным этносом удельный вес которого снизился, оказались казахи – с 82,1% до 67,7%⁴. Темпы прироста были намного ниже, чем у переселенцев, их численность за этот период возросла только на 16,8%. Основной причиной снижения темпов прироста и удельного веса казахов стало переселение населения извне. Переселение крестьян сопровождалось насильственным вытеснением казахов в результате изъятия у них земли для создания переселенческого фонда и размещения прибывших крестьян-переселенцев. Это привело к смещению казахского населения на юг региона⁵.

Таким образом, в результате усилившегося переселенческого процесса в начале XX века, этнический состав населения Западного Казахстана приобретает многонациональный характер. Основными

³ Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана: история формирования и развития. - Алматы, 1995 – С.70.

⁴ Обзор Уральской области за 1915 год. – Уральск, 1916.-с.2-3; Обзор Тургайской области за 1915 год. – Оренбург, 1915. – Табл.1-8.

⁵ Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана. – Алматы, 1996. – С.114.

этносами, проживающими в регионе, явились казахи, русские и украинцы. Изменилось размещение населения: казахское население теперь преобладало в южной части региона.

Наиболее крупные изменения произошли в советский период. Начало этим процессам положили события, произошедшие в регионе в 20-30-е гг. XX века. В ходе восстания 1916 года, революции 1917 года значительно сократилась численность казахов и русских. Одной из причин стали значительные перемещения населения в регионе. Массовые мобилизации, потери на фронте, призыв казахов на тыловые работы привели к снижению численности населения. Грабежи, насилия вынуждали население уходить с территории непосредственных военных действий. Исключительно тяжелая ситуация сложилась в результате голода 1921-1922 гг., который привел не только к гибели людей, но и к массовым миграциям населения как внутри, так и за пределы региона, к запустению целых сельских районов. За 1920-1922 гг. население Уральской и Актюбинской губерний сократилось на 213,5 тыс. чел., или на 21,8%⁶. Из них 95,8% приходится на население сел, где в основном проживали казахи. Изменения в этнодемографическом развитии населения были зафиксированы переписью 1926 года. По сравнению с 1915 годом население Западного Казахстана сократилось на 423,9 тыс. чел., или на 25,4%. Уменьшение населения региона произошло в основном за счет сокращения численности казахов и русских. Численность казахского населения снизилась на 205,8 тыс. чел, или 18,2% и составила 922,3 тыс.чел., или 74,3%. В результате массовых выездов русских в места первоначального выхода, их численность сократилась на 253,8 тыс. чел., 59,6%. Восстановление и развитие экономики, также сопровождалось массовыми миграциями из европейской части страны. Поэтому переселение значительного числа украинцев в этот период обусловило рост их численности с 83,5 тыс. до 113,8 тыс. чел., или на 26,6%⁷.

Проводившаяся в тридцатые годы политика коллективизации сельского хозяйства, заключавшаяся в принудительном оседании кочевого казахского населения, в раскулачивании, привела к голоду и массовым откочевкам коренного населения. Наиболее тяжелое положение сложилось в казахских аулах. Многие покидали родные места, значительная часть откочевывала за пределы Казахстана. Установить точные данные по откочевавшим за пределы региона невозможно, поскольку эти данные по миграции не фиксировались. С конца 1932-1933 гг. начинается возвращение

⁶ Сборник статистических сведений движения населения, скота, урожаев по КССР с 1880 по 1922 год. – Оренбург, 1925. – С.5-9. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том VIII. – М., 1928. С.2-13. Обзор Уральской области за 1915 год. – Уральск, 1916.- С.2-3; Обзор Тургайской области за 1915 год. – Оренбург, 1915. – Табл.1-8. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. – Алматы, 2004. – С.401.

⁷ Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана. – Алматы, 1996. – С.132.

казахского населения в регион. Однако значительная часть откочевавших осталась в местах переселения. Потери населения восполнялись переселениями из России, Украины и других частей страны. О масштабах произошедших изменений свидетельствуют данные переписей 1926 и 1939 годов. В этот межпереписной период с 172,1 тыс. до 286,5 тыс. увеличилась численность русского населения, удельный вес которого составил 28%. Численность других национальностей выросла с 33,9 тыс. до 58,5 тыс. чел. В то же время численность казахов сократилась на 39,7% и составила 555,8 тыс. чел., а их удельный вес упал с 74,3% до 55,4%. В основном за счет массового выезда сократилась численность украинцев - на 10,4%. В целом население региона уменьшилось на 239,4 тыс. чел., или 19,3% и составило 1002,8 тыс.чел.

На изменение этнодемографической структуры населения Западного Казахстана существенным образом повлияли миграционные процессы в годы Великой Отечественной войны. Именно в это время произошло усложнение национальной структуры, происходит дальнейшее изменение соотношения основных национальностей: увеличивается численность и удельный вес некоренного населения, соответственно сокращается доля казахов. Произошедшие изменения были связаны, прежде всего, с мобилизацией местных жителей на фронт и оборонную промышленность. Значительную роль в произошедших изменениях сыграла депортация репрессированных народов. Насильственные переселения на территорию Западного Казахстана начались еще в конце 30-х годов. В числе первых массовых депортаций было переселение корейцев. В Западном Казахстане было размещено 3706 корейских семей, из них в Актюбинской – 1874 и Западно-Казахстанской – 1832 семей⁸. По итогам переписи населения 1937 года в Западном Казахстане всего было зафиксировано более 10 тыс. чел. корейской национальности⁹.

С началом Великой Отечественной войны масштабы депортации все более возрастали. В первую очередь, это коснулось немцев Поволжья. Вначале прибывших в Казахстан немцев расселяли во всех областях республики, кроме двух западных: Западно-Казахстанской и Гурьевской, поскольку они находились близко от упраздненной автономной республики немцев Поволжья. Впоследствии было проведено заселение и этих двух областей. Как отмечают исследователи, в Западном Казахстане прошли две волны переселения немцев. Первая – размещение вновь прибывших на специально отведенной территории, а вторая – перемещение уже проживавших немцев из городов и близлежащих к ним районов в более

⁸ О выселении корейцев из Дальневосточного края. / сост. Бугай Н.Ф.// Отечественная история. – 1992 – №6. – С.151, 153.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. – М., 1991. – С.76-77.

отдаленные места¹⁰. По итогам Всесоюзной переписи 1959 года всего по Западному Казахстану было зарегистрировано 32355 человек немецкой национальности. Это – 4,9% от общей численности немцев, проживавших в Казахстане в этот период¹¹.

В 1943-1944 гг. в Западный Казахстан были депортированы чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, курды, греки и др. Всего на учете спецпереселенцев на 1 января 1953 года всего состояло 41611 человек, из них в Актюбинской области – 32023, Гурьевской – 8229, Западно-Казахстанской – 1359 чел.¹² Значительное влияние на изменение демографических характеристик населения региона оказала мобилизация мужского населения на фронт и работу в оборонной промышленности. С началом войны на фронт было призвано 202,8 тыс. чел., из них 49,9% – казахи, 34,0% – русские, 10,0% – украинцы¹³.

Таким образом, анализ этнодемографических процессов в Западном Казахстане показывает, что регион в годы войны стал центром крупных миграционных потоков в результате депортации, мобилизации населения. Значительно увеличилась численность русских. Наиболее заметным был рост численности немецкого населения. В эти годы мобилизация на фронт и призыв в трудовую армию стали одной из причин дальнейшего сокращения численности казахского населения. Снижение удельного веса казахов произошло также из-за увеличения численности и удельного веса представителей других национальностей, прибывших в регион в этот период. Миграционные процессы в эти годы изменили этнический состав населения, привели к дальнейшему формированию населения Западного Казахстана как многонационального региона.

Наиболее интенсивный миграционный поток в регион в послевоенный период произошел в годы освоения целины. Освоение целины осуществлялось главным образом, в двух областях региона – Актюбинской и Западно-Казахстанской. В Западно-Казахстанской области только за девять месяцев с марта 1954 по январь 1955 года было организовано 13 совхозов, названия которых отражают широкую географию миграционных потоков в Западный Казахстан: Белогорский, Полтавский, Пугачевский, Березовский, Ульяновский, Пермский и т.д.¹⁴ Население целинных совхозов формировались в основном за счет мигрантов, прибывших из РСФСР,

¹⁰ Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана: история формирования и развития. – Алматы, 1995 – С.173.

¹¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. – М., 1962. – С.114-135: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=91

¹² Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930-1959 гг.)// Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграции. Сборник научных трудов. – М., 1994. – С.145-195.

¹³ Книга памяти. – Алматы, 1995. – С.274-275.

¹⁴ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) ф.1666 оп.145 д.187 л.41, 45.

Украины, Белоруссии. Большинство переселенцев оседали в совхозах Чингирлауского, Зеленовского, Бурлинского районов. Наибольшая интенсивность приезда целинников была отмечена во второй половине 1954 и в 1955 год. Из общей массы прибывшего населения основную часть составили переселенцы из России. Особенно большой приток мигрантов в эти годы наблюдался из Оренбургской области. Основной причиной, подталкивавшей население к миграции, был неурожай в области. Кроме того, к этому времени возрастает прибытие казахов-откочевников волны 1928-1933 гг. в места первоначального проживания. Эта группа населения в последующем станет вторым по численности среди переселенцев, прибывших в эти годы. Основная часть откочевников-переселенцев оседала в Чингирлауском, Каратобинском, Бурлинском районах Западно-Казахстанской области и приграничных районах Актюбинской области.

В результате вышеперечисленных процессов изменяется этнический состав населения. Особенно заметным был сдвиг в соотношении численности и удельного веса основных национальностей: казахов и русских. Так, в Западно-Казахстанской области в период с 1955 по 1959 годы значительно возрос удельный вес русских: с 35,8% до 41,5%, соответственно до 45,9% сократилась доля коренного населения, снизившись на 4,5 процентных пункта. В целом общая численность населения увеличилась на 63098 чел. и составила 381181 чел.¹⁵ В этот период значительные этнодемографические сдвиги происходили не только в сельской местности, но и среди городского населения. Промышленное развитие в Гурьевской области обусловило большой приток нового населения.

К началу 1960-х гг. наметился значительный отток переселенцев–первоцелинников в районы первоначального выхода, в города европейской части СССР, а также происходила миграция в города и поселки городского типа самого Казахстана. Во второй половине 1950-х гг. происходит также отток представителей депортированных народов. Если в 1953 году на учете спецпереселенцев состояло 41611 человек: немцы, чеченцы, ингуши и др., то к 1959 году значительная часть народов Северного Кавказа возвратилась в места прежнего проживания.

Население региона пополнялось за счет иммиграции казахов и других этнических групп из Китайской Народной Республики. В августе 1955 года первые переселенцы из КНР в Западный Казахстан – 35 семей численностью в 185 человек – были расселены в совхозе Шоптыкуль Каратобинского района Западно-Казахстанской области¹⁶. В дальнейшем прибывавшие в регион расселялись в основном в двух областях – Западно-Казахстанской и Актюбинской. В связи с незначительным удельным весом в составе

¹⁵ АП РК ф.708 оп.28 д.873 л.78; Об основных показателях Всесоюзной переписи населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алматы, 1991. – с.11-79.

¹⁶ ЦГА РК ф.1987 оп.1 д.45 л.5.

населения, иммигранты из КНР большого влияния на изменение численности и структуры населения региона не оказали.

В результате в период с 1939 по 1959 гг. численность населения возросла с 1002,8 тыс. до 1070,2 тыс. чел. Значительным был рост численности русских – с 286,5 тыс. до 323,1 тыс. чел., или на 36,6%. Одновременно произошло сохранение прежних показателей численности коренного населения (555,8 тыс. в 1939 г. и 555,7 тыс. чел. в 1959 г.), а также дальнейшее снижение их удельного веса (доля казахов в населении упала с 55,4% до 51,9%)¹⁷.

Таким образом, миграционные процессы, происходившие в 50-е гг., изменили состав населения и привели к дальнейшему развитию Западного Казахстана как многонационального региона.

В 60-80-е гг. прирост населения происходит также при непосредственном влиянии миграционных процессов. Освоение и разработка нефтегазовых месторождений в Карачаганаке и Тенгизе и создание нового областного центра в г. Актау вызвали значительный приток населения из других регионов СССР. По сравнению с другими областями региона особенно высокими были темпы прироста населения в Мангистауской и Актюбинской областях, что произошло благодаря миграционному притоку, вызванной расширением промышленности. Так, в Мангистауской области первоочередное развитие в эти годы получила нефтегазовая промышленность, которая вызвала приток специалистов и рабочих для освоения нового комплекса. В Актюбинской области дальнейшее развитие получили традиционные производства, а также химическая промышленность, имевшие союзное значение. Значительный приток мигрантов из-за пределов Казахстана обусловил опережающий темп прироста населения. В то же время, в других областях региона этот фактор не имел определяющего значения. О темпах прироста населения за счет миграционного притока населения свидетельствуют данные переписей населения. Общая численность населения области в 1959-1989 годы увеличилась с 35,8 тыс. до 324,6 тыс. человек, или в 9,1 раза. При этом численность русских возросла на 92,4 тыс., или в 7,4 раза, украинцев – на 8,8 тыс., или в 7,6 раза, татар – на 4,5 тыс., или в 7,6 раза¹⁸.

В конце 1960-х – первой половине 1970-х годов на фоне массивного притока мигрантов извне, появилась слабая тенденция выезда русскоязычного населения за пределы республики, усиливавшаяся с каждым годом. Пик этой тенденции пришелся на период распада СССР. Сложившаяся ситуация обуславливалась следующими факторами. По мере повышения социальной активности коренного населения, увеличения процента местных квалифицированных кадров приток русских в Западный

¹⁷ Об основных показателях Всесоюзной переписи населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алматы, 1991. – с.11-74.

¹⁸ Там же.

Казахстан, как и в целом в республику, постепенно стал ослабевать. Это привело, с одной стороны, к снижению притока населения, с другой стороны, обусловило отток за пределы республики. Начавшийся отток русских, украинцев, белорусов и других национальностей привел к замедлению темпов их прироста и снижению удельного веса в составе населения. В результате в период с 1959 по 1989 годы численность русских возросла на 237,2 тыс. человек, или на 42,3%, прирост украинцев составил 18,0 тыс., или 15,4%. Их удельный вес сократился соответственно с 30,1% до 26,5% и с 9,2% до 5,5%. Уменьшилась доля и других этнических групп: с 8,7% до 8,1%. В этнической структуре казахи заняли преобладающее значение, составив 1262,4 тыс. человек, или 57,9%¹⁹. Начался рост, хотя и медленный, численности казахского населения.

Мощный миграционный приток населения извне привел к накоплению огромного миграционного потенциала, которое какое-то время сдерживалось единством государственного пространства. События, произошедшие в 90-е гг. – распад СССР и образование независимых государств – вызвали массовую эмиграцию. Для Западного Казахстана, как и в целом для республики определяющим стал массовый отток населения за пределы республики. За 1991-1999 гг. из Западного Казахстана выехало 287,9 тыс. чел., число выбывших в 2,4 раза превысило число прибывших. Отрицательное сальдо достигло 168,5 тыс., что составило около 8,0% населения региона в 1989 году²⁰. Дестабилизация в экономике, негативные явления в социальной сфере предопределили большой отток населения в 1992-1994 гг. В дальнейшем миграционные процессы стабилизируются, темпы миграционной убыли постепенно снижаются, хотя держатся на высоком уровне до конца 90-х годов. Значительная эмиграция населения наблюдавшаяся на протяжении 1990-х годов негативно сказалась на динамике численности населения региона. За 1993-1999 гг. данная численность сократилась на 110 тыс. чел., или 5,1% и составила 2057,1 тыс. чел.

Масштабы и характер миграций в Западный Казахстан в годы Российской империи и СССР во многом предопределили масштабы и направления современных миграционных процессов и их возвратный характер. Наибольший миграционный обмен населения Западного Казахстана происходит с Россией. В 1993-1999 гг. в миграционном обмене Западного Казахстана с Россией участвовало 327,9 тыс. чел., из них выехало 227,2 тыс. чел., регион потерял около 187,7 тыс. чел., что составляет более 8% его населения. Эмиграция в 3,6 раза превысила иммиграцию в регион. Однако в 2000-х годов позитивные сдвиги в экономике Казахстана, а также

¹⁹ Об основных показателях Всесоюзной переписи населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алматы, 1991. – с.11-74.

²⁰ Рассчитано по: Итоги миграции населения по Республике Казахстан. 1991-1999. – Алматы, Агентство РК по статистике, 1992-2000.

исчерпание основного миграционного потенциала привели к постепенному сокращению эмиграции в Россию. Численность эмигрировавших в 2001 году составила 10,9 тыс. чел., что в 4,5 меньше по сравнению с 1994 г. и в 1,8 раз – по сравнению с 2000 г.²¹ Наблюдающееся сокращение объема эмиграции русскоязычного населения из региона можно также объяснить адаптацией населения к новым социально-экономическим реалиям.

Вместе с миграционным оттоком начался процесс утечки квалифицированных специалистов и рабочих кадров. Анализ статистических данных по Западному Казахстану за 1993-1999 годы показывает, что уезжали в основном люди в активном трудоспособном возрасте, имеющие высокую общеобразовательную подготовку. Среди эмигрантов преобладали лица со средним специальным образованием – 32,2%, высшим и незаконченным высшим – 14,9%. Из них 20,4% – с техническим образованием, 16,3% – с педагогическим образованием, 15,8% – специалисты сельского хозяйства, 7,5% – медработники, 4,9% – экономисты, 4,2% – юристы, 4,1% – с архитектурно-строительным образованием и т.д.²²

С конца 1980-х г. начинается интенсивный процесс возвращения казахов из-за пределов республики. Всего за 1993-1999 гг. в Западный Казахстан прибыло 34,1 тыс. казахов. Из стран СНГ и Балтии иммигрировало 33,3 чел., что составляет 97,7% всех репатриантов. Наибольший поток наблюдался из приграничных областей соседних государств – Туркменистана (43,1%), России (34,8%), и Узбекистана (20,8%), на их долю приходится около 98,7%. Это связано с высокой долей казахского населения в этих государствах, так из 1814,9 тыс. казахов, проживающих в странах СНГ: 53,3% проживает в Узбекистане, 37,9% – в России, 4,8% – в Туркменистане и т.д.²³ Близость основных стран-доноров – Узбекистана, Туркменистана, Ирана, – обуславливает большой приток казахов в Мангистаускую область. Именно туда направились 68,3% репатриантов, или 22,7 тыс. чел. Эмиграция казахов на 37,7% меньше по величине по сравнению с их иммиграцией и относительно невелика по доле в потоках выбывших – 9,8%²⁴. Всего за 1993–1999 гг. в страны ближнего и дальнего зарубежья из Западного Казахстана эмигрировало 21230 человек, что составляет 1,4% численности казахского населения Западного Казахстана в 1999 г.²⁵ Эмиграция казахов в страны ближнего зарубежья, как

²¹ Рассчитано по: Итоги миграции населения по Республике Казахстан. 1993-1999. – Алматы, Агентство РК по статистике, 1994-2000.

²² Рассчитано по: Итоги миграции населения по Республике Казахстан. 1993-1999. – Алматы, Агентство РК по статистике, 1994-2000.

²³ Рассчитано по: Асылбеков М.Х., Козина В.В. Казахи (демографические тенденции 80 – 90-х гг.) – Алматы, 2000. – С.84.

²⁴ Данные за 1993-1999 годы. Рассчитано по: Итоги миграции населения по Республике Казахстан. 1993-1999. – Алматы, Агентство РК по статистике, 1994-2000.

²⁵ Рассчитано по: Итоги миграции населения по Республике Казахстан. 1993-1999. – Алматы, Агентство РК по статистике, 1994-2000.

и иммиграция, носила региональный характер. Самой привлекательной страной для эмигрантов являлась Россия, именно туда направились 77,5% выехавших казахов. За этот же период в страны дальнего зарубежья из Западного Казахстана выехало 182 казаха. Доминирующими направлениями были эмиграции казахов в Германию – 77 чел, Турцию – 31 чел., США – 16 чел. и Израиль – 6 чел. В целом, число казахов, иммигрирующих из стран ближнего и дальнего зарубежья, сократилось: с 6772 чел. в 1993 г. до 2303 чел. в 1999 г., или на 66 %. Одновременно снижаются масштабы эмиграции как в целом по региону, так и по областям: с 3374 чел. до 2593 чел., или на 23,1%.

Миграционные процессы, усилившиеся в начале 90-х годов, привели к значительным изменениям национальной структуры населения Западного Казахстана. Положительное миграционное сальдо и сравнительно высокий естественный прирост обеспечили рост численности и удельного веса казахского населения. В период с 1989 по 1999 годы численность казахов возросла с 1261,4 тыс. до 1520,6 тыс., или на 20,5%, а их доля в населении региона составила 74,0% против 59,8% в 1989 года²⁶. При этом численность русских снизилась с 560,3 тыс. чел. до 373,1 тыс. чел., или на 33,4%, а доля в населении упала с 26,5% до 18,2% соответственно. Количество украинцев сократилось на 38,2% и составила 72,0 тыс. чел., или 3,5%. Наиболее заметно уменьшение численности немцев с 38,7 тыс. чел. до 14,4 тыс. чел., в 2,7 раза. Значительное сокращение немецкой диаспоры наблюдалось в Актюбинской области – в 3 раза, где по данным переписи 1989 года проживало около 81,7% немцев Западного Казахстана. Также уменьшились численность и удельный вес других этнических групп: с 133,2 тыс. до 74,2 тыс. чел., или на 44,3%. Удельный вес по сравнению с 1989 годом снизился с 6,3% до 3,6%. В целом общая численность населения региона сократилась с 2111,1 тыс. до 2054,3 тыс. чел., в 1999 году, или на 2,7%. Основным фактором сокращения населения Западного Казахстана стали массовые эмиграции населения, пик которого пришелся на первую половину 90-х гг.

Таким образом, в этнодемографическом развитии Западного Казахстана на протяжении XIX –XXI веков произошли существенные изменения. Миграционные процессы сыграли важную роль в формировании современного населения региона. Они стали основным фактором изменения этнодемографической структуры и привели к формированию многонационального населения. До конца 1960-х гг. основным источником формирования населения Западного Казахстана была внешняя миграция, обусловленная политическими, социально-экономическими преобразованиями. Значительный миграционный приток на протяжении последнего столетия привел к накоплению огромного миграционного потенциала.

²⁶ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Национальный состав РК. Т.4 ч.2. – Алматы, Агентство РК по статистике, 2000. – С. 65-66, 92-93, 131-132, 182-183.

Распад СССР и образование независимых государств вызвали массовую эмиграцию населения. Масштабы и характер миграций в Западный Казахстан в годы Российской империи и СССР во многом предопределили масштабы и направления современных миграционных процессов, а также их возвратный характер.

Максакова Л.П.

(Институт экономики АН Республики Узбекистан, Ташкент)

Узбекистан: миграционные процессы в 20 веке

На территории Узбекистана миграционные процессы имеют давнюю историю, и они оказали достаточно большое воздействие на социально-экономическое и демографическое развитие республики.

В рамках данной статьи будут рассмотрены исторические аспекты миграции населения, начиная со второй половины 19 века, с началом колонизации Туркестанского края Российской империей, и до современного периода.

Как свидетельствуют многочисленные источники, до 1891 г. колонизация края шла вяло и медленно. Первый русский поселок был образован в Сырдарьинской области в 1874 г., и в течение последующих 15 лет размеры переселения сюда были незначительными. К 1 января 1890 г. в Туркестанском крае было образовано 20 русских поселках, в которых проживало всего 1300 семей.¹ В эти годы параллельно с организованным переселением, которое нередко носило принудительный характер, шла волна стихийного, самовольного переселения, в т.ч. за счет «обратников» из Сибири и других мест. Кроме того, в этот период на территории Туркестана оседали кочевые племена. По свидетельству генерал-губернатора Кауфмана, только за 1867-1877 гг. сюда прибыло 8058 кибиток, т.е. около 40000 душ обоего пола.²

В 90-х годах переселения в Туркестан резко усилились, вследствие неурожая и голода в центральных губерниях России. За 1891-1892 гг. здесь было образовано 17 русских селений в Сырдарьинской области.³ В 1891 г. 3 тысячи крестьян прибыли в город Ташкент. Часть переселенцев была направлена в Ташкентский уезд, где в 1892 г. они образовали три русских поселка – Константиновский, Кауфманский и Черняевский. Остальные были направлены в Ферганскую и Самаркандскую области.⁴

¹ К.К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Т.1, Переселенческое дело в Туркестане. СПб, 1910, с.177-178.

² К.К. Пален, указ. соч., с.177-178.

³ К.К. Пален, указ. соч., с.178.

⁴ А.Касаткин. Переселенческое дело в Ферганской области. 1904, с.1-2.

Первый русский поселок в Ферганской области был образован в урочище Куршаб в 1893 г. (Покровский).⁵

В скором времени вокруг Ташкента было создано переселенцами еще несколько поселков – Солдатское, Чиназское, Троицкое и т.д. Эти названия сохранились до нашего времени. Всего к началу 20 века в Туркестане было образовано 74 русских поселка.⁶ В 1905 г. русское население края составляло 230 тыс. человек.⁷

Основная масса переселенцев этих лет прибывала в Туркестан без всяких средств и оказывалась в самом бедственном положении. Орошаемой земли было крайне мало, из-за земли и воды шло постоянное соперничество между местным населением, переселенцами и кочевниками, которые в этот период интенсивно переходили к оседлому земледелию. Ссуды, выдаваемые царской администрацией, были крайне недостаточными. Администрация была не в состоянии устроить нахлынувшую массу переселенцев, и 13 октября 1897 г. генерал-губернатор барон Вревский издал циркуляр, который официально закрыл Туркестан для переселения «вплоть до выработки ... общего подробного плана колонизации и проведения в точную известность местными органами ... пригодных для того земель».⁸

Несмотря на официальный запрет, стихийное заселение края продолжалось. Люди приезжали из различных губерний России, не имели земельных наделов, ходатайствовали о своем устройстве перед администрацией. По свидетельству графа Палена, «безземельные переселенцы проживали во всех поселках Туркестанского края десятками, а иногда и сотнями семейств».⁹

Революция 1905 г. заставила царское правительство пересмотреть свою переселенческую политику. Переселение стало рассматриваться как средство разрешения аграрного кризиса в центральных районах России. Результатом этого явились законы «О переселении» 1906 и 1909 годов, которые стимулировали эти процессы, даже с предоставлением крестьянам определенных льгот. За счет переселения крестьян на окраины империи увеличивался земельный фонд центральных губерний России. По подсчетам В.В.Введенского, с 1861 по 1906 г. переселенцы оставили здесь 2 миллиона десятин земли, а с 1906 г. – по 600 тыс. десятин ежегодно.¹⁰

Под влиянием революции 1905 г. начался новый курс в деле переселения крестьян. Царизм теперь нуждался в опоре на окраинах России. Начиная с 1907 г., официальное разрешение на переселение в Туркестан,

⁵ А.Касаткин, указ. соч., с.1-13.

⁶ Н.Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб, 1911, с.14.

⁷ А.А.Кауфман. Переселение и колонизация. СПб, 1905, с. 261.

⁸ К.К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Т.1,Переселенческое дело в Туркестане. СПб, 1910, с. 179.

⁹ К.К. Пален, указ. соч., с. 344-345.

¹⁰ В.Введенский. Переселение и аграрный вопрос. СПб, «Вопросы колонизации», №5, 1909, с.19 22.

который был особенно привлекателен для России как район возможного хлопководства, стали получать преимущественно «крепкие хозяева». Хлопок, орошение, русское заселение – постепенно становились основными приоритетами в Туркестане.¹¹ За 1906-1910 гг. в Туркестанский край было переселено 1419 семей против 4800 семей за предыдущие 32 года.¹² В официальных отчетах приводятся данные об относительно высоком наделении переселенцев землей – до 13-15 десятин на одну мужскую душу,¹³ в то время как оседлое местное население Ферганской области, например, имело в среднем на двор по 5,1 десятины.¹⁴

В этот период в Туркестан прибывали из России и фабрично-заводские рабочие. В Ташкенте, Самарканде, Коканде, Фергане и других городах строились небольшие заводы и фабрики, работающие на местном сырье, прокладывались железные дороги, связывающие Туркестан с Россией, начало расти городское население. Численность его на территории современного Узбекистана за 1897-1913 гг. возросла более чем на 300 тыс. человек, а доля – поднялась с 20 до 24%.¹⁵ В городах увеличивалось русское население. В 1911 г. русские составляли в Андижане 15%, в Самарканде 20%, в Ташкенте 25%, в старом Маргилане 30%.

Внешние миграционные связи населения Узбекистана происходили в результате пространственного расширения производственно-хозяйственных связей. Это прослеживается на примере экономического развития Узбекистана в послереволюционный период. Республика была вовлечена в процессы индустриализации, в эти годы происходили достаточно интенсивные миграционные связи с Россией и Украиной. Строились новые промышленные предприятия. Было немало случаев перебазирования целых предприятий из России с квалифицированными работниками. История сохранила, например, перевод на территорию Узбекистана Венюковской, Зарайской и Борисоглебской текстильных фабрик, Вологодской писчебумажной фабрики, целлюлозного завода из Украины и т.д.

Повсюду нужны были кадры, эта проблема решалась как за счет направления их из России, так и организации подготовки их из местного населения в городах Российской Федерации. Архивные материалы содержат немало сведений о прибытии в республику квалифицированных рабочих и специалистов из Москвы, Ленинграда, других городов. Так, в 1924 г. в Узбекистан из России было направлено 600 специалистов и квалифицированных рабочих.¹⁶ В архивных материалах имеются также

¹¹ Кривошеин. Записка Главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестанский край. СПб, 1912, с.4.

¹² Н.Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб, 1911, с. 133.

¹³ К.К. Пален, указ. соч., с.257-261.

¹⁴ А.А.Кауфман. Переселение и колонизация. СПб, 1905, с.337.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1965 г. Ташкент, Узбекистан, 1966, с.9.

¹⁶ А.Исмаилов. Формирование квалифицированных кадров в Узбекистане. Ташкент, Узбекистан, 1978, с.8.

сведения о направлении местных кадров на учебу в Москву, Иваново, Тулу, Зарайск для обучения работников для Ташкентского текстильного комбината, а на Московском, Гурьевском, Кузнецком металлургических комбинатах подготавливались кадры для Беговатского металлургического завода в Узбекистане, 800 человек обучались мартеновскому делу на уральских и сибирских заводах.¹⁷ Ежегодно на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока выезжали десятки молодых людей из городов республики.

Регистрация прибывших и выбывших в эти годы происходила в различных ведомствах и не была обязательной, что затрудняет воссоздание общей картины миграционного движения населения и определение масштабов внешних миграций населения. В связи с этим неопценное значение имеют материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., в программе которой стояли вопросы о месте рождения и продолжительности проживания в данном населенном пункте.

В переписи 1926 г. все население, в зависимости от места рождения, разделялось на местных и неместных уроженцев, что позволяет выделить коренное и пришлое население. Можно допустить, что пришлое население было целиком сформировано за счет миграции, причем, оно распределено по годам вселения. Материалы переписи 1926 г. содержат развернутую информацию о пришлое население: составе его по полу, возрасту, национальности, брачному состоянию, продолжительности проживания, с распределением на городскую и сельскую местность.¹⁸

По данным этой переписи, на территории современного Узбекистана в 1926 г. проживало 5272,8 тыс. человек, из них 437,7 тыс. человек, т.е. 8,3% от общей численности, являлись неместными уроженцами. Из числа неместных уроженцев 276,4 тыс. человек (63,2%) проживали в городской местности, 161,2 тыс. человек (36,8%) – в селах. Из данных переписи, пришлое население оседало в основном в городах, оно составляло достаточно заметную долю в численности городских жителей (5,9%, в то время как в селах - всего 0,7%). В составе неместных уроженцев было 223,4 тыс. мужчин (51,1%) и 214,2 тыс. женщин (48,9%).

Из данных переписи видно, что контингент неместных уроженцев в основном формировался после революции. Доля лиц, проживших в данных населенных пунктах до 9 лет, т.е. с 1917 года, составила почти две третьих как среди мужчин, так и среди женщин. Почти половину пришлое население составляли русские. На территории республики в 1926 г. проживало 246,5 тыс. русских, из них 191,4 тыс. человек (77,6%) были

¹⁷ Журнал «Коммунист Узбекистана», 1984, №5, с.44.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 49, Узбекская ССР. М., издание Планхозгиза, 1930, с.49-53.

неместными уроженцами. В численности неместных уроженцев более 100 тыс. человек составляли украинцы, белорусы, татары, казахи.

Таким образом, материалы переписи населения 1926 года свидетельствуют о том, что в начале XX века миграционные процессы уже начинали играть достаточно заметную роль в формировании численности и структуры населения республики, особенно в городах.

Следует отметить, что формирование внешних миграционных потоков нередко происходило под влиянием политических факторов, в результате чего миграции населения не всегда носили добровольный характер. Так, в 30-х годах значительные масштабы приобрели миграции, обусловленные депортациями и насильственными переселениями людей. В этих процессах Узбекистан в силу своего географического положения стал территорией вселения целого ряда народов, высланных в 30-х годах из своих традиционных мест проживания – чеченцев, осетин, крымских татар, корейцев, немцев, проживающих на территории СССР, и др. Вынужденные переселенцы длительное время проживали в республике, и только спустя многие годы получили возможность свободы передвижения и выбора места жительства.

Эту ситуацию можно проследить на примере корейского населения. В процессе насильственной миграции основная масса депортированных корейцев осенью 1937 года была переселена на территорию Центральной Азии, главным образом в Казахстан и Узбекистан.

В Узбекистан было переселено около 11 тыс. корейских семей (55 тыс. человек). 5820 хозяйств было размещено в 50 вновь организованных для этих целей колхозах Ташкентской, Ферганской областей и Каракалпакии, а 5032 хозяйства было размещено в существующие колхозы на территории этих же областей, а также в Самаркандской, Хорезмской и Бухарской областях. В ноябре 1938 г. в Узбекистане проживало уже 16,3 тыс. корейских семей (74,5 тыс. человек).¹⁹

Перед Великой Отечественной войной на территории Узбекистана наиболее известными были 4 корейских колхоза – "Полярная звезда", "Политотдел", "Северный маяк" и им. Ленина В.И., с общей земельной площадью 950 га. К 1945 г. посевные площади в этих колхозах возросли до 4400 га за счет освоения корейцами близлежащих целинных участков земли. Одновременно с этим в Казахстане в 4 корейских колхозах ("Авангард", "Большевик", "Гигант", "III Интернационал") посевные площади, обрабатываемые корейцами, возросли с 1020 га в 1941 г. до 3841 га. И в Узбекистане, и в Казахстане корейские колхозы представляли собой многоотраслевые хозяйства.

В первые годы после переселения корейцы жили компактно, создавали свои хозяйства. Они не имели права выезда на другое место без специального разрешения, были лишены основных гражданских прав.

¹⁹ Ким П. Корейцы Республики Узбекистан, Ташкент, 1993, с.154-161.

Лишь после смерти Сталина корейцы были уравнены в гражданских правах со всеми гражданами страны и получили право свободного въезда и выезда. Часть корейского населения выехала за пределы Центральной Азии на Сахалин и Дальний Восток. Однако большинство их осталось жить в местах высылки. На момент последней советской переписи населения в 1989 г. 100,8 тыс. корейцев проживало в Казахстане и 183,1 тыс. - в Узбекистане.

Внешние миграционные связи населения Узбекистана значительно активизировались в период Великой Отечественной войны. Сюда из европейской части страны было эвакуировано 90 заводов с основным ядром квалифицированных рабочих и специалистов. Общая численность эвакуированных в Узбекистан составила около миллиона человек.²⁰ На этих заводах было налажено производство необходимой для фронта продукции, а в последующие годы на их базе были созданы такие крупные промышленные объекты, как Авиацционное производственное объединение им. В.П.Чкалова, «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», «Чирчиксельмаш», «Средазкабель», «Таштекстильмаш», «Подъемник», завод абразивных изделий. Часть прибывших с заводами рабочих остались после войны в республике навсегда.²¹

Миграционный приток населения в Узбекистан продолжался и в послевоенные годы.

Прибывшее во внешних миграциях население оседало в основном в городах (около 80%). Около одной трети всей иммиграции поглощал город Ташкент. Особый всплеск миграции в столицу произошел после Ташкентского землетрясения 1966 г. По данным официальной статистики, механический прирост населения Ташкента составил в 1966 г. 9 тыс. человек, в 1967 г. – 20 тыс. человек. Повышенный прирост населения имел место еще несколько лет. Это были в основном строители, работающие на восстановлении города после землетрясения. За 1966 – 1970 гг. строители Москвы возвели в Ташкенте жилых домов общей площадью 345 кв.м., Ленинграда – 145 тыс. кв.м., Украины – 240 тыс. кв.м. На восстановлении города после землетрясения работали специалисты из всех республик страны. Многие строители со своими семьями остались затем в Ташкенте на постоянное жительство.

Большой приток населения во внешних миграциях происходил также в города Ташкентской, Ферганской, Бухарской областей. На их долю приходилось около половины общего механического прироста городского населения республики во внешних миграциях.

Большинство прибывших в сельскую местность приходится на Ташкентскую область. Как правило, сначала они поселялись в пригородах столицы, в малых и средних городских поселениях, затем переезжали в города области и в город Ташкент..

²⁰ Журнал «Коммунист Узбекистана», 1984, №5, с.44.

²¹ Газета «Правда Востока», 5 мая 1985 г.

При проведении Всесоюзной переписи населения 1970 г. была предпринята попытка выявить роль миграции в формировании населения различных регионов. Программа ее содержала вопросы о продолжительности проживания в данном населенном пункте, а для живущих в них менее двух лет – о прежнем месте постоянного жительства и мотивах переезда. К сожалению, полученные данные, при всей их значимости, не могли в полной мере характеризовать масштабы переселений населения за столь длительный период истории, прошедший после переписи 1926 г. Тем не менее, эти материалы имеют неоценимое значение.

На момент переписи 1970 г. в Узбекистане насчитывалось 289,6 тыс. человек, сменивших в течение двух лет место жительства. В то же время 203,4 тыс. человек, ранее живших в Узбекистане, стали новоселами России (53,3%), Казахстана (21,8%), Украины (9,2%), республик Средней Азии (12,3%). Материалы переписи показали, что к началу 70-х годов население Узбекистана имело достаточно активные миграционные связи практически со всеми республиками страны, причем в этих процессах участвовало не только городские жители (63,2%), но и сельские (31,8%).²²

В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. имеются сведения о продолжительности проживания в местах постоянного жительства. Эти данные позволяют судить о степени подвижности населения по территории страны, республик и регионов. Однако отсутствие сведений о распределении приезжего населения по местам выхода не позволяет разделить его на внешние и внутренние миграционные потоки.

Следует отметить рост активности титульного населения во внешних миграционных процессах. Так, между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность узбеков, проживающих на территории Российской Федерации, возросло в 2 раза, в Казахстане – в 1,6 раза, в других республиках Средней Азии – в 1,5 раза. Примерно такой же рост имел место между переписями 1970 и 1979 гг.

В 60-х годах на территории республики преобладали внешние миграции. К 1970 г. внутренние и внешние перемещения населения уравнились, а далее, с ростом миграционной подвижности местного населения, последовательно укреплялась тенденция относительного увеличения внутренних миграций.

Приток населения имел для республики большое значение. В числе прибывших было немало квалифицированных кадров, что было особенно важно для формирования рабочей силы пусковых объектов, новостроек, целинных районов. Но в то же время приток населения и трудовых ресурсов извне сдерживал миграцию в города сельского населения.

Для внешних миграционных связей всегда были характерны и эмиграционные процессы. Население Узбекистана выезжало в другие

²² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. VII. М., «Статистика», 1974, с. 8–156.

регионы на учебу, на военную службу, а также на постоянное место жительства. Весь советский период Узбекистан отдавал немалую часть своих трудовых ресурсов для планового, организованного перераспределения в труднедостаточные регионы страны. Миграция населения из Узбекистана имела немалое значение для экономики в местах вселения. Сотни специалистов республики работали на строительстве Байкало-Амурской магистрали, газопровода Газли-Урал, Токтагульского водохранилища на Нарыне, Нурекской ГЭС в Таджикистане, на освоении нечерноземных территорий в России – во Владимирской, Ивановской, Новгородской областях и т.д.²³

Длительное время Узбекистан во внешних миграциях имел положительное сальдо. Новые тенденции начались с 1976 года, когда впервые число выбывших из республики превысило число прибывших, и с тех пор сальдо миграции имеет только отрицательные значения. Начавшийся отток населения был обусловлен не только демографическими особенностями Узбекистана, в результате которых происходил быстрый рост трудовых ресурсов, но и значительными сдвигами в социально-экономическом развитии на территории страны и республики.

Величина миграционного оттока населения из республики колебалась по годам, она варьировала между 25 и 50 тыс. человек в год. Резкий всплеск выбытия произошел в период заката перестройки, когда повсеместно происходили различные конфликты на национальной почве, в т.ч. Ферганские события в Узбекистане в 1989 г. В этот период величина миграционного оттока достигла наивысших показателей за всю новейшую историю Узбекистана. На развитие миграционного движения населения в этот период большое воздействие оказали процессы репатриации. На свою историческую родину возвращались русские, украинцы, белорусы, татары и представители другого нетитульного населения, в том числе ранее депортированные народы. В результате миграции в республике значительно уменьшилась численность русских и другого русскоязычного населения, а из численности депортированных народов осталось не более 25%.

Как и в других бывших советских республиках, в Узбекистане в трансформационный период значительное влияние на миграционные процессы оказали особенности межнациональных и межэтнических отношений, тем более что самое начало построения собственного независимого государства происходило вскоре после межэтнического конфликта в Ферганской области. Однако, несмотря на большие трудности стартового периода, а также соседство афганского и таджикского конфликтов, в Узбекистане удалось контролировать социальную ситуацию и избежать ухудшения межэтнических отношений. В первые годы становления национальной государственности и национального

²³ Л.Максакова. Миграция населения Узбекистана. Ташкент, Узбекистан, 1986, с.70-72.

возрождения для межэтнических отношений была характерна определенная напряженность, которая вызвала рост эмиграционных настроений у нетитульного населения. Эта ситуация была преодолена в достаточно короткие сроки, и к середине 90-х годов эмиграционные потоки заметно снизились. В значительной мере это является результатом проводимой взвешенной национальной политики, что в многонациональной стране является очень важным фактором социальной стабильности. В то же время заметное улучшение межэтнических отношений не всегда сопровождалось ослаблением эмиграции, что свидетельствует о более сильном влиянии на миграционные процессы социально-экономических факторов.

В современном Узбекистане внешние миграционные процессы в значительной мере происходят по тем же основным направлениям, которые сложились в советское время. Как и прежде, основная часть иммиграции и эмиграции приходится на территорию СНГ. Главными миграционными партнерами по прибытию являются Россия (одна треть от общего количества прибывших за весь период), а также Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан. На эти четыре государства приходится более двух третей общего объема иммиграции за этот период. В настоящее время в орбиту миграционных связей населения Узбекистана включились многие европейские и заокеанские страны. Однако прибывшие из государств старого зарубежья составляют лишь небольшую часть иммиграции, менее 2 % от ее общего объема. Главными из таких стран являются Германия, Израиль, Турция, Греция, США.

Другой большой эмиграционный поток распределяется между государствами Центральной Азии. В общем объеме эмиграции за 1991-2008 гг. на долю этих стран приходится около 20%. Среди них более предпочтительным выглядит Казахстан, и по абсолютным, и по относительным показателям. Следует подчеркнуть, что значение Казахстана в развитии внешних миграционных связей в последние годы непрерывно возрастает. Современная эмиграция из Узбекистана в Казахстан увеличилась по сравнению с началом 90-х годов почти в 2 раза, а его доля в общем объеме эмиграции – с 8,9% в 1991 г. до 25,2% в 2001 г., а в последние годы иногда превышает 35 – 40%.

Внешние миграции населения Узбекистана характеризуются значительным превышением эмиграции над иммиграцией. За весь период 90-х годов и в первые годы нового века соотношение между потоками прибывших и выбывших несколько варьировало, но общая тенденция сохранялась неизменной. По данным Госкомитета по статистике, всего за 1991-2008 гг. в Узбекистан прибыло из-за пределов республики около полумиллиона человек, а численность выбывших превысила 1,3 млн. человек.

В настоящее время внешние миграции характеризуются относительно небольшой и постоянно снижающейся численностью прибывших в республику. В последнее время она находится в пределах 5–6 тыс. человек в

год против 70–90 тыс. человек в советский период и 30–35 тыс. человек в середине 90-х годов. В количественном отношении 1991 год по размерам иммиграции превосходил первые годы нового века почти в 40 раз, но в самые последние годы – не более чем в 10 раз. Такие колебания в соотношении эмиграционных и иммиграционных потоков определяющее воздействие оказали процессы репатриации, которые наиболее активно происходили на территории бывшей супердержавы в первые годы после национально-государственного размежевания.

Основная часть эмиграции населения из Узбекистана происходит в пределах СНГ (около 90%). Наибольший поток ее традиционно направлен в Россию, которая за 1991–2008 гг. приняла около 900 тыс. узбекистанцев, что составляет 60% от общего объема эмиграции за этот период.

Современная миграция из Узбекистана заметно отличается от предыдущих десятилетий по возрастному составу. В прошлые периоды большую роль играла учебная миграция, поэтому около половины внешних миграционных потоков составляла молодёжь в возрасте до 30 лет, а доля населения трудоспособного возраста доходила до 85%. Для современной эмиграции характерно относительное снижение трудоспособных контингентов – до 70–75%, а в отдельные годы – до 65%, с одновременным увеличением удельного веса лиц детских и пенсионных возрастов. Это свидетельствует о том, что миграция в большей мере стала носить семейный характер.

Вследствие значительного превышения эмиграции над иммиграцией происходит миграционный отток населения из республики. Однако следует согласиться с Ж.А. Зайончковской, что эти процессы нельзя рассматривать исключительно с современных позиций, не увязывая их с особенностями социально-экономического и демографического развития советского периода.²⁴ Отток населения, обусловленный особенностями социально-экономического развития, усилением демографического давления на рынок труда, возник не в современный период трансформации, он является устойчивой тенденцией уже на протяжении более чем 30 лет.

Для внешних миграций характерна «утечка умов». Немалая часть кадрового потенциала Узбекистана ежегодно перетекает в Россию, Израиль, США и другие страны. Эти процессы особенно сильно затрагивают столичный регион и большие города республики. Среди выехавших из республики значительную долю составляет образованное население, имеющее профессиональную подготовку и достаточно высокую квалификацию, специалисты с высшим и средним специальным образованием. Эмиграционные потоки имеют более высокий уровень образования, чем иммиграционные, за счет чего Узбекистан ежегодно теряет

²⁴Ж.Зайончковская. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии. В кн.: Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Московский Центр Карнеги. М., 1996, с.41–54.

25–30 тыс. квалифицированных кадров. Исследования российского рынка труда, осуществленные российскими специалистами, вполне подтверждают эту ситуацию. Так, по данным Г.С.Витковской, еще накануне начала массовой миграции среди русских мигрантов из Узбекистана в Россию доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 27%, что вдвое превышало эту долю среди русских, живущих в России (13%).²⁵ Переток квалифицированной рабочей силы из Средней Азии в Россию был отмечен и в исследованиях Ж.А.Зайончковской: «Если раньше это была в основном молодежь, выезжающая на учебу, в армию, на большие стройки и остающаяся потом в России или в других западных республиках, то теперь это чаще люди зрелого возраста, квалифицированные специалисты».²⁶

Величина отрицательного сальдо миграции колебалась по годам, наибольшие значения пришлось на 1989–1990 гг., в отдельные годы доходила до 100 тыс. человек. Однако в последние годы проявилась четкая тенденция сокращения миграционного оттока населения из республики. В 2007 г. он составил 63,1 тыс. человек, в 2008 г. – 25,8 тыс. человек.²⁷ Эта тенденция обусловлена прежде всего улучшением социально-экономического положения и стабильности в развитии в республике, кроме того, уменьшением миграционного потенциала.

В настоящее время наиболее динамичным миграционным потоком является внешняя трудовая миграция. В основной своей массе граждане республики не стремятся переехать в другие страны на постоянное место жительства, они предпочитают жить дома, но время от времени выезжать на временные, сезонные работы.

Большинство мигрантов республики осуществляет свою трудовую деятельность в пределах СНГ. Этому способствуют растущий спрос на рабочую силу в принимающих странах, относительное отсутствие языковых барьеров, безвизовый режим въезда, давние партнерские, родственные связи населения республики с бывшими союзными республиками.

Современный всплеск трудовой миграции населения, обусловленный спецификой трансформационного периода, представляется недолговременным явлением. Примером этого является опыт Италии, Турции, Казахстана и других стран, которые еще недавно были активными экспортёрами рабочей силы на международные рынки труда, а затем сами стали принимающими странами. Важно в этих условиях сберечь свой трудовой потенциал, тем более учитывая, что демографическое эхо от снижения рождаемости в 90-х годах уже через 7–8 лет приведет к значительному замедлению темпов его увеличения. По расчетам, если

²⁵ Миграция и рынки труда в постсоветской России. М., Московский Центр Карнеги, Научные доклады, выпуск 25, с.39.

²⁶ Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Московский Центр Карнеги. М., 1996, с.59.

²⁷ Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2008 г. Госкомстат, Ташкент, 2009, с.141.

сейчас соотношение входящих в трудоспособный возраст и выходящих из него составляет 3,6:1, то к 2020 г. оно может сократиться до 1,7:1.

Таким образом, на территории Узбекистана внешние миграции имеют длительное историческое прошлое, последствия их нельзя расценивать однозначно, тем не менее, они не только свидетельствуют об историческом прошлом республики, но и о развитии самого населения, участвующего как в иммиграционных, так и в эмиграционных процессах.

В ходе создания независимого государства и рыночного реформирования экономики Узбекистан пережил несколько миграционных волн. Сложное переплетение разнообразных факторов, различающихся силой влияния, а нередко и разнонаправленным воздействием, обусловило количественные и качественные изменения в миграционных процессах. Современная миграционная ситуация в Узбекистане, определяемая всей совокупностью внешних и внутренних миграций населения, представляется относительно благополучной. Тем не менее, имеется немало проблем, требующих и проведения научных исследований, и принятия практических решений. В первую очередь это относится к организации трудовой миграции, социальной защите населения, работающего за пределами республики. В последние годы в этом направлении уже сделано немало конкретных шагов, в частности, в области межгосударственных соглашений по вопросам трудовой миграции, правового обеспечения миграции и совершенствованию управления этими сложными социально-экономическими процессами. В предстоящие годы целесообразно всемерно усиливать достигнутые позитивные сдвиги, это отвечает интересам как посылающей стороны, так и тех стран, на территории которых работают трудовые мигранты из Узбекистана.

Моисеенко В.М.

(Центр по изучению проблем народонаселения
МГУ им.М.В.Ломоносова, Москва)

Основные направления изучения миграции в России во второй половине XIX- начале XX в.

Под влиянием социально-экономических процессов во второй половине XIX-начале XX в. в России изменился характер миграции населения – увеличивались масштабы и усложнялась структура перемещений, появились новые виды и направления, преобладающими стали экономические причины. Эволюция миграции в этот период отразила переход к индустриальному обществу, важнейшими чертами которого являются рост мобильности населения, увеличение масштабов движения из деревни в город, внешней миграции. Как и в странах Западной Европы и США, качественно новый этап миграции изучался в рамках статистики населения (демографии), экономической социологии, географии. Объективные условия определили особенности изучения миграции в России.

Во-первых, низкий уровень индустриального развития и урбанизации определил сравнительно небольшие масштабы перемещения из деревни в город, большую роль временных и преобладание внутренних передвижений. Во-вторых, изучение миграции находилось под определяющим влиянием концепций социально-экономического развития страны, в том числе и разрабатывавшихся народниками. В-третьих, как и в других областях знаний, решающим было влияние исторического метода. На основе этого метода в первую очередь изучались те виды миграции, которые, пользуясь образным выражением А.И. Чупрова, были «выражением нужд или проявлением протеста против вызванных ими бедствий». (А.И. Чупров. История политической экономии. Лекции. М., 1907. С.40). В-четвертых, особенности изучения миграции определялись состоянием эмпирической базы. Отсутствие регулярных общенациональных переписей населения – основного источника данных о населении в рассматриваемое время, не позволяло изучать миграцию как единый процесс. Единственной формой государственного учета было переселение крестьян за Урал на свободные казенные земли. В этих условиях незаменимой оказалась роль других источников данных о миграции – обследований, локальных переписей населения в отдельных городах и губерниях, проводившиеся земскими статистиками в Европейской России, обследований Переселенческого управления в районах вселения переселенцев. В то же время большое число разнообразных локальных источников данных, часто разрозненных и несопоставимых, определило преимущественный интерес к исследованию отдельных видов миграции.

В исследовании миграции особенно плодотворным оказался конец 1890-х – 1910-е гг.

Миграция в трудах «академических статистиков»

Значительный вклад в изучение миграции внесли преподаватели статистики в учебных заведениях С.-Петербурга, Москвы, Киева и других городов. Начиная с работ Ю.Э. Янсона, миграция – неотъемлемая часть статистики населения (демографии), необходимый компонент динамики населения, наряду с рождаемостью, смертностью и брачностью. Именно в трудах «академических статистиков» начинается разработка теории и методологии исследования миграции, близкие современным представлениям. В 1870-е гг. Ю.Э. Янсон определяет термин «миграция населения» как перемещение масс населения из одних местностей в другие и формулирует задачи ее изучения - определение масштабов миграции, оценку влияния на изменение численности населения, изучение направлений, исследование состава, определение тенденций динамики, выявление причин и последствий миграции. (Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. СПб. Т. I. 1878. С.347, 377). В начале 1890-х гг. Ю.Э. Янсон рассматривает миграцию как сложное явление, включающее массовое переселение крестьян в Сибирь, на Кавказ и в другие

районы, передвижение в большие города, движение сельских рабочих в южные районы Европейской России; колонизацию западных окраин России из стран Центральной Европы; эмиграцию из России в США. (Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика населения. (Состав населения, брачность, рождаемость, смертность, механическое движение населения). СПб. 1892. С.395-396).

В работах статистиков миграция определяется как в высшей степени важное социальное явление в силу чрезвычайно разнообразных естественных и хозяйственных условий районов в России, строительства железных дорог, развития крупной промышленности и городов. (Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика населения. (Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения). СПб. 1892. С.396). Такая оценка оказалась прозорливой. Критически оценивая состояние источников данных о населении, статистики обосновывают необходимость проведения регулярных национальных переписей населения, предлагают использовать другие источники данных – разрабатывать сведения о паспортах, выданных крестьянам-отходникам, и т.д.

Рост индустриализации и урбанизации России на рубеже XX в. усилил внимание к миграции из деревни в город. Это движение трактуется как универсальный и объективный процесс. Подходы к изучению состава мигрантов из деревни в город во многом предугадывают концепцию селективности миграции, разработка которой, как известно, приходится на 1940-е - 1950-е гг. (Н.А. Каблуков и др.). Статистики предвидят рост масштабов миграции из деревни в город в России, исходя из существенных различий в доле городского населения между странами в начале XX в. (в Англии 78,0%, Бельгии 68,0%, Германии 56,1 %, Италии 45,6%, Франции 41,3 %, России 13,0%, США 41,5%).

Классификация причин миграции – привлекавших мигрантов в город и побуждавших покидать деревню, предложенная в 1910-е гг. К.Г. Воблым, предвосхитила известную концепцию факторов миграции – «притяжения и отталкивания» (pull-push), разработка которой приходится на более поздний период. (К.Г. Воблый. Статистика. Пособие к лекциям. Третье издание, пересмотренное и дополненное. Киев. 1912. С.240-242, 250).

Теоретико-методологические вопросы, разрабатывавшиеся статистиками, оказались важными для начального этапа изучения миграции в России. При этом взгляды российских статистиков на миграцию были близки или совпадали с позицией зарубежных экономистов, социологов, статистиков. Однако идея анализа миграции как единого процесса в силу ряда причин не была реализована. Основное внимание привлекло переселение крестьян, временно отодвинув на второй план изучение других видов миграции.

Переселение крестьян на свободные земли как центральная проблема миграции

В исследовании переселения крестьян, как и миграции в целом, заметны два этапа. На первом этапе – конец 1860-е - начало 1890-х гг. (работы А.И.Васильчикова, В.Н.Григорьева, И.А.Гурвича, А.А.Исаева, В.Н.Романова, Н.Серповского, Л.В.Чудновского, В.И.Чаславского, Н.М.Ядринцева, Ю.Э.Янсона и др.) – в центре внимания была критика политики правительства, ограничивавшей и запрещающей переселение крестьян, обоснование положительной роли переселений в общей системе аграрной политики. (А.Кауфман // Переселения. Энциклопедический словарь. Составители: Ф.А.Брокгауз; И.А.Эфрон. 1898. Т. XXIII. С.279). На втором этапе (вторая половина 1890-х-1900-е гг., публикации А.М.Беркенгейма, И.Введенского, В.П.Вошнина, Н.А.Карышева, А.А.Кауфмана, А.А.Мануилова, Н.П.Огановского, Н.Новомбергского, А.Пешехонова, В.Розенберга, Ф.Г.Тернера, И.Л.Ямзина и др.), формируется системный подход к анализу переселения, его разностороннее изучение.

Первоочередными и принципиальными в исследовании переселения были два взаимосвязанных вопроса – масштабы и роль (функции) переселения крестьян в общественном развитии. Несмотря на заметные колебания, общая тенденция динамики переселения состояла в увеличении масштабов. Всего в течение 1885-1913 гг. за Урал (вместе с ходоками) переселилось 5159 тыс. чел, в том числе за 1906-1913 гг. 3274 тыс. чел. Число обратных переселенцев в 1885-1913 гг. составило 517 тыс. чел (14%), в том числе в 1906-1913 гг. 324 тыс. чел (12%). (А.А.Кауфман. Переселения и переселенческий вопрос в России. Переселенческая статистика // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. Т. 31. 7-е изд. М., б. г. С.2-3). Переселения крестьян были признаны в качестве крупной народнохозяйственной и общественной проблемы. Начиная со статьи В.И.Чаславского (1875-е гг.), в которой негативно оценивались последствия земледельческого отхода крестьян на Северный Кавказ, переселению крестьян отводится исключительно важная роль в общей системе колонизации, в постепенном «уровнении» земельных наделов крестьян, в «правильном размещении населения» по территории страны. По мнению большинства ученых, переселение внутри страны отличало Россию от стран Западной Европы, в которых колонизация «замещала» эмиграцию, характерную для стран Западной Европы. (А.И.Васильчиков, А.А.Исаев и др.). Существенную роль играла позиция тех ученых, которые считали заселение Сибири необходимым условием ее экономического развития, государственного строительства России (Н.М.Ядринцев и др.). В 1880-1890-е гг. привлекает внимание большой потенциал Китая, негативные последствия «оторванности» восточных районов от Европейской России. (Н.П.Ядринцев, А.А.Исаев и др.). Однако в условиях кризиса экстенсивной системы земледелия и роста численности

сельского населения в Европейской России главной причиной, определявшей взгляды на роль переселения, было ухудшавшееся положение крестьян после 1861 года. До конца XIX в. переселение крестьян рассматривается как единственное средство уменьшения аграрного перенаселения в Европейской России. Такой подход абсолютизировал роль переселения, но он был неизбежным до индустриального подъема России. Правда, с начала 1880-х гг. начинает обсуждаться альтернативный путь улучшения положения крестьянского хозяйства – его интенсификация. (Ю.М.Богушевич и др.). Отстаивая решающее значение переселения, его сторонники обращали внимание на отсутствие реальных предпосылок для интенсификации крестьянского хозяйства – знаний и капитала (Н.М.Ядринцев, А.А.Исаев и др.). Исходя из этого, переселение рассматривалось как разумное проявление «народного культурного консерватизма», побуждавшего крестьянина сохранить привычный способ ведения хозяйства на свободных землях (И.А. Гурвич.), как паллиатив социальных зол, который в переходные времена «предотвращает бедствия и катастрофы» (Н.М.Ядринцев). В то же время переселение крестьян, решая насущные социально-экономические и политические задачи, замедлило, как будет признано позднее, темп роста общей культуры и техники крестьянского хозяйства, который отчасти компенсировался экономическим подъемом заселяемых районов. (Г.Ф.Чиркин. Колонизация в народном хозяйстве России // Экономист. 1922. №2. С.94). Отметим, что задача определения эффективности миграции и в настоящее время не имеет убедительного решения.

В начале XX в. функции переселения существенно уточняются. Оценка динамики положения крестьянского хозяйства после 1861 г. приводит к выводу о невозможности устранить причины кризиса крестьянского хозяйства с учетом сложившихся масштабов переселения. «Пессимистический» взгляд на роль переселения подтверждалась данными о соотношении масштабов переселения и естественного прироста населения в 50 губерниях Европейской России, из которых за 1885-1901 гг. выселилось около 1,2 млн. чел, в то время как естественный прирост сельского населения составил почти 20 млн. чел. (А.А.Мануилов. Поземельный вопрос в России. Малоземелье, дополнительный надел и аренда. М. 1905. С.65). Новый подход к оценке роли переселения учитывает возрастающую роль миграции сельского населения в города в решении проблемы аграрного перенаселения. (Н.П.Огановский и др.).

Ключевая роль, отводившаяся переселению в решении аграрной проблемы, способствовала разработке широкого круга вопросов, важных для исследования миграции населения в целом. Назовем по необходимости коротко некоторые из них. Концепция стадий (фаз) переселения, принятая в первых исследованиях (В.И.Чаславский, А.И.Васильчиков, И.А.Гурвич и др.), позволяла учитывать разнообразные последствия переселения в районах выхода и вселения. Принципиальный характер имело изучение

причин переселения крестьян. В рамках первого этапа были решены две задачи – показано определяющее значение экономических причин после 1861 г. и объективный характер переселения. На рубеже XX в. была предпринята попытка выйти за рамки концепции малоземелья крестьян и объяснить переселение совокупностью «постоянных» и «временных» факторов (пожарами, неурожаями и т.д.) (А.А.Кауфман).

Решающую роль в объяснении причин переселения сыграло изучение состава переселенцев, которое, вслед за статистиками, по существу проводилось в рамках концепции селективности миграции, т.е. были выявлены характеристики переселенцев, отличавшие их от состава населения районов выхода и вселения. Заметным было стремление расширить характеристики переселенцев. Обследование, проведенное в 1880-е гг. в южных уездах Рязанской губернии, выявило большую роль денежных средств, взятых переселенцами в дорогу и важных в их обустройстве на новом месте. (В.Н.Григорьев. Переселения крестьян Рязанской губернии. М., 1885). В дальнейшем эта характеристика стала включаться в большинство обследований. Особо следует отметить устойчивость показателей социально-демографического состава переселенцев, изучение которых стимулировала Всероссийская перепись населения 1897 года. В итоге средний размер семьи переселенцев в ряде губерний Европейской России оказался больше средней величины сельской семьи, прежде всего за счет работников – мужчин и детей младшего возраста. Отметим также большое внимание к правовому статусу переселенцев – «самовольцам», «причисленным», «непричисленным» и т.д. Характерно, что в 1880-е гг. было зафиксировано присутствие нелегальных переселенцев в Оренбургской и Уфимской губерниях, был поставлен вопрос об их «легализации» (Э.Ю.Янсон). Благодаря впечатляющим результатам обследований на рубеже XX в. (в первую очередь в Харьковской губернии) был выявлен механизм формирования потока «самовольных» переселенцев и особенности их состава.

Изучение социально-экономических характеристик переселенцев в 1880-1890-е гг. стало основой концепции «средней состоятельности» переселенческой семьи в качестве необходимого условия ее переселения (И.А.Гурвич). До конца XIX в. переселенцы «среднего достатка» рассматриваются как «центральное течение», как основной колонизационный элемент. В дальнейшем, в первую очередь, под влиянием материалов переселенческой статистики и обследований, была принята концепция «ухудшающего состава переселенцев», отразившая увеличение числа малоземельных переселенцев после строительства Сибирской железной дороги, начала проведения переселенческой политики. (А.А.Кауфман, И.Л.Ямзин и др).

Несомненно, новаторским направлением изучения переселения стал вопрос об источниках сведений о месте вселения, которыми пользовались крестьяне. Его значение будет понятнее, если мы учтем неграмотность

основной части переселенцев, большие расстояния перемещения, смену частью переселенцами природно-климатических условий, большие риски, связанные с переселением. В практическом плане ставилась задача упорядочить переселение, уменьшить число возвратных переселенцев и др. С помощью переселенческой статистики и обследований была выявлена динамика и структура основных источников сведений – писем родственников и знакомых, слухов, ходачества, правительственных материалов, в зависимости от экономического положения переселенческой семьи, ее правового статуса. Ряд авторов (А.М.Беркенгейм и др.) поставил вопрос о недостаточной информированности лиц, занятых или причастных к организации переселения крестьян. В то же время, судя по результатам обследования в Харьковской губернии (1908 г.) вопрос о надежных сведениях для переселенцев оставался нерешенным. (Переселения крестьян Харьковской губернии. Вып. I. Харьков. 1908. С.121).

Последовательное углубление исследования переселения не могло не включить вопрос о положении переселенцев в районах вселения, важный с точки зрения оценки эффективности переселения и перспектив развития заселяемых районов. Были выявлены главные факторы, определявшие положение переселенческой семьи – продолжительность проживания в местах заселения, денежные средства, принесенные в район вселения, число работников-мужчин в семье. Но оценка положения переселенцев оказалась одним из сложных вопросов, в разработке которого большую роль играли методические трудности (получение репрезентативной выборки), а в 1910-е гг. противоречия между объективной оценкой положения переселенцев и интересами Переселенческого управления, стремившегося к «положительным» результатам». Согласно данным обследований, положение переселенцев в различных природно-географических зонах заселения существенно различалось. Особенно сложным было положение семей с неурегулированным юридическим статусом (т.н. «непричисленных»). Сравнение показателей положения переселенческой семьи с местами выхода и благосостоянием сибирских старожилов приводило к противоречивым выводам. Даже после анализа масштабного обследования 1911-1912 гг., проведенного Переселенческим управлением по заданию бюджетной комиссии III Государственной Думы в 1911-1912 гг. в Сибири, А.А.Кауфман назвал влияние переселения на крестьянское хозяйство и его благосостояние «наиболее спорным вопросом» народной экономии». (А.А.Кауфман. Переселение и его роль в аграрной программе // А.А.Кауфман. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М. 1915. С. 211). В начале XX в. были поставлена задача достижения прочности благосостояния переселенческой семьи как необходимого условия эффективного развития заселяемых районов, перехода переселенческих хозяйств к интенсивным методам развития.

В рамках разностороннего изучения последствий переселения рассматривались вопросы отношения переселенцев и населения районов

вселения – сибирских старожилов и коренного населения современного Казахстана и Средней Азии. Сложность таких отношений определялась борьбой за ресурсы, прежде всего за землю, а в засушливых районах за воду. Часть ученых критически оценила изменения в переселенческой политике после 1906 г., когда в условиях законодательно неурегулированных земельных отношений и роста масштабов переселения начали ущемляться интересы сибирских старожилов и коренного населения (А.А.Кауфман и др.).

В начале XX в. выросла заинтересованность районов выхода в оценке последствий возросших масштабов переселения. Обследования, выполненные в ряде губерний Европейской России, показали уменьшение численности сельского населения ряда губерний и уездов Европейской России в результате переселения. В то же время последствия переселения на земельные отношения были признаны не столь существенными.

Обратное движение части переселенцев привлекло внимание на раннем этапе изучения переселения. Не умоляя сложных социальных последствий т.н. «двойного переселения», обратное движение рассматривается как объективный и неизбежный процесс, сформулированный, в эти годы как закон «параллельности миграционных потоков» (Э.Равенштейн). Обратное движение части переселенцев в условиях рыночной экономики признавалось неизбежным и сравнивалось с разорением предприятий в условиях конкуренции и т.д. В последующие годы были изучены особенности состава семей обратных переселенцев. В итоге сложились представление об обратном движении как сложном и закономерном процессе. Вместе с тем в практическом плане проблема обратных переселенцев, за исключением предоставления бесплатного проезда по железной дороге, не была решена. Не изученным осталось положение возвратившихся переселенцев.

С конца XIX в. исследование переселения происходит на основе мониторинга масштабов и состава переселенцев. Тем самым создавались условия для анализа этого процесса в динамике, для корректировки переселенческой политики. Можно предположить, что снижение масштабов движения за Урал, отмеченное накануне первой мировой войны, свидетельствовало о наступлении нового этапа переселения крестьян в условиях индустриализации в Европейской России, реформ в сельском хозяйстве и т.д., последствия которого было трудно предвидеть.

Земледельческий и неземледельческий отход крестьян

В отличие от переселения, неземледельческий отход крестьян, как известно, стал изучаться в дореформенный период. После 1861 года масштабы отхода крестьян увеличились, усложнилась его структура. В числе первоочередных вопросов были определение отходничества как явления, оценка его масштабов, классификация видов, анализ состава, последствий и перспектив развития, т.е. тех же задач, что и переселения. Их

решение сдерживалось в силу теоретических представлений народников об отходе крестьян как временном и второстепенном явлении, отсутствия государственного учета отхода. В 1875 г. были признаны отрицательными последствия земледельческого отхода в Черноземной полосе (В.И.Чаславский) и неземледельческого отхода в Нечерноземной полосе для крестьянского хозяйства, для физического, нравственного и материального положения крестьян. (Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIV. СПб. 1885. С.430-432).

Наиболее востребованными при определении локальных масштабов отхода были сведения паспортной статистики. Значение подворных опросов состояло в возможности изучить отход в тесной связи с состоянием крестьянского хозяйства. Однако возможности опросов не были использованы в силу теоретических представлений об отходе как второстепенном занятии, из-за несогласованности времени и программ обследований.

Особый интерес современников вызвала “расчетная” оценка масштабов отхода, выполненная С.А.Короленко. Общая численность отходников в Европейской России составила 5-6 млн. чел. Часть «избытка населения» в размере около 2,5 млн. чел. направлялась в отхожие промыслы на юг и восток Европейской России. (С.А.Короленко. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях // Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб. 1892. С.80-81). Опубликованные в 1899 г. В.И.Лениным сведения о числе рабочих, занятых различными отхожими промыслами, также составили не менее 5-6 млн. чел. При этом численность неземледельческих рабочих была не менее 3 млн. чел. (В.И.Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М 1967. Т. 3. С.572). Наряду с масштабами отхода, были выделены его крупные зоны и направления. В итоге была преодолена недооценка отхода крестьян на заработки как важнейшего социально-экономического явления общественной жизни пореформенной России (Н.В.Шаховской и др.).

Вопреки теоретическим представлениям, большой интерес к земледельческому отходу объясняется кругом задач, которые это движение поставило перед обществом. Согласно исследованиям (в первую очередь Н.И.Тезякова), динамику земледельческого отхода определил рынок труда, сформировавшийся на юге Европейской России под влиянием возросшего спроса на рабочую силу. Движение земледельческих рабочих охватило огромную территорию из малоземельных центральных черноземных губерний и затрагивало разнообразные интересы – крестьян и землевладельцев, районов выхода и притока, государства. Характерно, что большой общественный интерес к земледельческому отходу во второй половине 1890-х гг. вызвали обследования, выполненные санитарными

врачами в районах притока отходников, прежде всего в Херсонской губернии. Тяжелые социальные условия, сопровождавшие земледельческий отход (передвижение в основном пешком, непредсказуемость рынка рабочей силы, тяжелые условия найма и работы, высокая заболеваемость отходников, в том числе и инфекционными заболеваниями, и др.), вызвали многочисленные предложения «регулировать» земледельческий отход, казавшиеся, на первый взгляд, простыми и очевидными. Однако, как признали авторы публикаций по этой теме, решить проблему не удалось. Для решения подобной задачи в рассматриваемое время отсутствовали объективные предпосылки – научные, информационные, правовые. Следует особо отметить «нейтральную» позицию правительства в этой конфликтной проблеме, при решении которой не могли не учитываться интересы крупных землевладельцев, большая роль юга Европейской России в формировании государственного бюджета страны.

Параллельно с изучением земледельческого отхода, существенно изменялись и углублялись оценки неземледельческих промыслов крестьян. Первые исследования охватили районы выхода крестьян (Ярославскую, Московскую, Костромскую, Смоленскую, Нижегородскую и другие губернии). В этом отношении интересна для современного читателя монография Д.Н.Жбанкова «Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк» (Кострома. 1891). В условиях нарастающей урбанизации другое направление исследования неземледельческого отхода представлено работами, в которых оценивается динамика численности и структуры населения крупнейших городов России, прежде всего С. Петербурга и Москвы на основе переписей, анализируется положение рабочих на фабриках, их здоровье, бюджет и т.д.

Начиная с 1870-х гг. в России растет внимание к *внешней миграции* в странах Западной Европы и США. В связи с этим рассматриваются тенденции и учет внешней миграции, концепции, объясняющие ее причины и последствия. На этом фоне определяется место России в заокеанской миграции. Российские ученые ставят вопросы об организации учета внешней миграции, политике в этой области. В начале XX в. внешняя миграция – полноценный раздел статистики движения населения (демографии). Учитывая отсутствие надежных отечественных источников, широко используются данные учета эмигрантов из России в первую очередь в портах Германии и соответственно сведения об иммигрантах, зарегистрированных в Нью-Йорке. Стремясь максимально расширить источники данных, ряд авторов привлекает в качестве источника сведений записки и другие документы, подготовленные сотрудниками посольств и консульств России в странах Западной Европы и США.

Существенный вклад в изучение международной миграции внес К.Г.Воблый, в публикациях которого постановка теоретико-методологических вопросов сочетается с анализом статистической информации. Особо следует отметить большое научно-практическое

значение работ К.Г.Воблого, посвященных отхожим промыслам из Царства Польского и отчасти Юго-Западного края России в Германию, использовавшего для этого различные источники – материалы Варшавского статистического комитета, статистику Германии (в основном переписи), публикации ЦСК России.

Последствия иммиграции в Россию во второй половине XVIII-начале XIX в. стали частью изучения миграции. Благодаря историческому подходу удалось показать связь иммиграционной политики России с теоретическими представлениями о народонаселении и политикой народонаселения в странах Западной Европы. Однако последствия иностранной колонизации, часть из которых, в первую очередь экономические, оставались не изученными, давали возможность для предвзятых и тенденциозных интерпретаций. В этих условиях заметной стала позиция ученых, показавших объективные условия колонизации юга Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. и критика позиции А.А. Палтова, пытавшегося дать тенденциозную оценку социально-политическим результатам колонизации.

Как видим, во второй половине-начале XX в. общественное развитие России, как и других стран, выдвинуло исследование миграции на передний план. После реформы 1861 года, переломного момента в истории России, начинается медленный и неуклонный процесс накопления знаний в этой области знаний. Изучение миграции становится заметной частью развития науки. Логика изучения миграции определяется переходом к разработке этого явления на системной научной основе. Это означало исследование широкого круга вопросов, не охваченных ранее научным анализом или не изучавшихся ранее систематически, уточнение и разработку новых концепций, гипотез, разработку методики сбора и анализа источников данных.

Богатая и разнообразная литература второй половины-начала XX в. включает научные, учебные и публицистические работы, сводки статистических данных, законодательные акты и т.д. Публикации по миграции населения представлены фундаментальными монографиями, статьями в ведущих общественно-политических журналах и газетах. Обширна литература отдельных ведомств и организаций, в том числе научных обществ (императорского Русского географического общества, императорского Вольного экономического общества, секции статистики Московского общества испытателей природы и др.). С начала 1900-х гг. увеличивается роль публикаций Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия в их числе периодический сборник «Вопросы колонизации» – первый «миграционный» журнал в России. Различные аспекты миграции привлекали внимание ученых, государственных деятелей, писателей.

Исследование миграции на протяжении второй половины XIX – начала XX гг. представляет непрерывный процесс, позволявший

накапливать и обобщать информацию, определявший преемственность и возможность совершенствования методов ее исследования. Комплексный подход в начале XX столетия означал анализ миграции с широких позиций – исторических и экономических, потребностей районов выхода и вселения, отдельного домохозяйства и народного хозяйства в целом, текущих и стратегических задач государства и т.д.

Одним из важнейших результатов стала разработка теорий (концепций) миграции и проведение переселенческой политики. Методология изучения миграции учитывала особенности регионального развития России. В начале XX в. ставится вопрос об организации учета миграции как целостного явления в качестве предпосылки для анализа миграции, включающего различные виды и направления перемещения.

В итоге вторую половину XIX-начало XX века можно охарактеризовать как самостоятельный и плодотворный этап изучения миграции в России, важный с точки зрения формирования идей, концепций, оценок тенденций, причин и последствий различных видов движения населения, миграции в целом. Уровень исследования отдельных направлений – прежде всего переселения крестьян – оказался непревзойденным не только в последующие десятилетия, когда этот уникальный опыт был забыт, но и в настоящее время. Признавая лидерство отдельных стран, мы не можем не учитывать важный вклад российской науки в изучение миграции.

Тухашвили М.

(Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили, Грузия)

Миграция как фактор формирования русской диаспоры в Грузии

Миграционная экспансия была признана одним из главных факторов прочности Российской империи и непрерывно осуществлялась с самого начала зарождения Русского государства. По заключению известного русского историка В.Ключевского, “история России – это история неуклонно колонизирующей страны“ [7]. Колонизации способствовал быстрый демографический рост русского населения, что обусловило возникновение центробежных миграционных потоков, в результате чего экономически и этнически было освоено огромное пространство.

Интенсивная иммиграция русского населения в Грузию началась с 1830-х годов. Она носила как неорганизованный, так и организованный характер. Вначале были созданы т.н. военные села, осуществлялось поселение бывших военных служащих на казначейских землях после отбытия ими 15-летней военной службы. Села были расположены на территориях, прилегающих к военным лагерям [1(129), 2(625)].

Параллельно началось переселение русских сектантов – духоборов и молокан – в Борчалойский и Ахалцихский уезды. Тем не менее в Грузии при отмене крепостничества русское население не превышало 19 тыс. человек

[1(130)]. Интенсивность переселения постепенно возрастала. В конце столетия численность русских достигла 100 тыс. человек, или 5,3% всего населения. Изменилось их распределение по всей территории Грузии. Если в 1864 году на Тифлисский уезд приходилось 60% проживающего в Грузии русского населения, в последующем интенсивно происходила его колонизация в прибрежной зоне Черного моря – в Сухумском округе и Батуми. Этому способствовало опустошение Абхазии в результате мухаджирства, изгнание большинства абхазского населения и его переселение в Турцию.

В XX веке период перед первой мировой войной характеризовался быстрым ростом населения городов Грузии, в чем участвовало и население европейской части России.

Во время Первой мировой войны, в частности в 1914-1917 гг., как отмечает В.Джаошвили, внешнемиграционное сальдо стало отрицательным [5(97)]. Эмиграционные процессы русского населения стали весьма интенсивными после падения Российской империи, в период Демократической Республики Грузии. В это время экономика развалилась и социальные условия значительно осложнились. С другой стороны, часть жителей Российской империи, для которой родиной была Российская империя, после ее распада оказалась за пределами родной страны и вполне естественно начала возвращаться на свою этническую территорию. Это особенно проявилось в сокращении городского населения. Например, население Тбилиси сократилось на 100 тыс. человек [3(168)]. Надо отметить, что в 1917 году 28,1% населения Тифлиса были русскими. Они в это время превышали число грузин. В последующие годы большая часть русских выехала из Грузии, как пишет Г.Перадзе об этом периоде, “положение радикально изменилось после Октябрьской революции 1917 года и особенно после объявления независимости Грузии, когда те, кто органически не был связан с Грузией, – рассеялись“ [12(26)].

Аннексия Грузии Россией и изменение политического положения создали новую основу для развития иммиграционных процессов. К этому добавилось то, что в 1922 году в России вспыхнул голод, охвативший территорию, населенную 35 млн. человек. Более миллиона жителей умерло от голода и вызванных этим болезней [16(243)]. Часть вновь выбывшего из Грузии ввиду указанных обстоятельств населения вернулась обратно. Несмотря на это, в 1926 году доля русских во всем населении Грузии по сравнению с началом столетия значительно сократилась и составила лишь 3,6% (см. табл. 1) [1(88-89), 5(79, 112, 139, 213)].

Пятилетки до второй мировой войны характеризовались быстрым экономическим ростом. В это время стратегической задачей СССР было объявлено преодоление экономической отсталости окраинных регионов и национальных республик путем их ускоренного промышленного развития. Она предусматривала перераспределение инвестиций и создание новых рабочих мест в указанных регионах. В 1940 году по сравнению с 1913 годом

валовой продукт промышленности Грузии возрос в 10 раз [11(34)]. Новые же рабочие места не всегда соответствовали профессионально-квалификационной структуре местной рабочей силы. Поэтому не удалось удовлетворить спрос на рабочую силу местными трудовыми ресурсами и возникло требование на ввоз рабочей силы из-за пределов Грузии, что являлось фактором интенсивной иммиграции.

Таблица 1
Численность русского населения и его доля в населении Грузии,
1800-2002 гг.

<i>Год</i>	<i>1800</i>	<i>1832</i>	<i>1865</i>	<i>1897</i>	<i>1926</i>
Численность, тыс. чел.	-	0,5	19,0	76,4	96,1
Удельный вес, %	-	0,0	2,0	5,3	3,6
<i>Год</i>	<i>1939</i>	<i>1959</i>	<i>1970</i>	<i>1979</i>	<i>1989</i>
Численность, тыс. чел.	308,0	407,8	396,7	371,7	341,1
Удельный вес, %	8,9	10,1	8,5	7,4	6,3

С другой стороны, из-за неурожая в России и на Украине и ошибок, допущенных в условиях тотальной трансформации хозяйства, в 1932-1933 годы вспыхнул массовый голод. По различным оценкам, в это время вымерло 2-7 млн. жителей [8(2), 16(243), 14(116-121)]. Большая же масса голодающих хлынула в города азиатской части СССР, где в это время ввиду непромышленных традиций местного населения не удавалось укомплектовать вновь созданные рабочие места в промышленности. Из-за указанных обстоятельств в межпереписном периоде 1926-1939 гг. доля русских во всем населении Грузии возросла с 3,6 до 8,7%.

В годы Второй мировой войны в Грузию был эвакуирован большой контингент русского населения, который был максимально вовлечен в местное производство, в том числе в промышленность. После войны часть из них осталась на жительство в Грузии. В то же время продолжалось удовлетворение спроса крупных промышленных объектов на высококвалифицированную рабочую силу из России и Украины. Результатом эмиграционных процессов является то, что в 1939-1959 годы доля русских в населении Грузии возросла с 8,7 до 10,1%. Их число в Грузии достигло 408 тыс. человек.

Со второй же половины 1950-х годов внешнемиграционное сальдо русского населения в Грузии стало стабильно отрицательным. При этом уровень рождаемости среди русских снизился в большей мере, чем среди других национальностей, т.е. демографический переход на малодетную семью произошел в ускоренном темпе. Наряду с эмиграционными процессами и это вызвало стабильную убыль русского населения в Грузии.

Основными причинами внешней миграции русского населения являются:

а) ускоренное экономическое развитие центральных и восточных областей России и рост спроса на рабочую силу;

б) по сравнению с Россией большой конкурс на вступительных экзаменах в высших учебных заведениях Грузии и выезд русскоязычного населения для получения высшего образования, значительная часть из него оставалась там же на постоянное жительство;

в) естественное стремление негрузинского населения к своей этнической территории и своей этнокультурной среде и т.д.

В 1959-1990 гг. внешнемиграционное сальдо Грузии характеризовалось медленным изменением. В среднем на каждые 100 выехавших прибывало 80 человек. В конце 80-х годов возросла интенсивность отрицательного сальдо. По переписи 1989 года, в Грузии проживала 341 тыс. человек русской национальности.

Эмиграционные процессы среди русского населения в Грузии с особенно высокой интенсивностью начались в 1990-х годах после распада СССР. Это в основном было обусловлено возникшим в это время всеохватывающим кризисом, который в Грузии протекал намного более глубоко, чем в России. Поэтому образовалась резко выраженная разница в уровне жизни между этими странами, что послужило главным фактором эмиграции населения из Грузии в Россию, в первую очередь репатриации русского населения.

Способствовали стремлению на историческую родину и другие обстоятельства. Частично и незнание государственного языка, несмотря на конституционное признание грузинского как государственного языка, по переписи 1989 года, из проживающих в Грузии 341 тыс. русских 253 тысячи (74,2%), кроме русского, не знали другого языка [10(62-63)]. В межпереписном периоде 1989-2002 гг. численность русских во всем населении сократилась в 3,5 раза.

Весьма значительное изменение произошло в демоструктуре проживающих в Грузии русских. Половозрастная структура катастрофически атрофирована. По переписи 2002 года, число русских женщин в 2,5 раза превышало число мужчин этой же национальности [15(73-77)]. Такая асимметрия сформировалась не только в последние годы, однако приняла весьма искаженную форму в постсоветском периоде. Исследования свидетельствуют, что показатель брака русских женщин с мужчинами других национальностей был достаточно высоким на протяжении десятков лет. Как свидетельствует исследование Л.Менабдишвили, в Грузии браки русских женщин с грузинами были более многочисленными, чем с представителями своей же национальности. Биэтнические браки сыграли значительную роль в формировании половой структуры населения русской национальности [9(17)].

Также атрофирована возрастная структура русской диаспоры. В ней процесс старения начался еще раньше, чем в других, сравнительно многочисленных диаспорах Грузии, однако интенсивная эмиграция в

постсоветском периоде резко ускорила темпы старения. К 2002 году доля населения старше 60 лет в русской диаспоре достигла 34,4% (см. табл. 2).

Это катастрофическое сверхстарение. Такая структура, естественно, исключает расширенное воспроизводство населения. По статистическому учету, в 2005 году в Грузии русскими женщинами рождено только 406 детей. Это означает, что общий коэффициент рождаемости был равен лишь 7,4 промилле. С другой стороны, из-за старения высокая смертность (общий коэффициент 22,4 промилле) русского населения в свою очередь определяет высокую естественную убыль (-15 промилле). Надо учесть и то, что в сегодняшней статистике национальность новорожденных определяется по национальности матери и предположительно значительная часть рожденных русскими матерями детей реально относится к другой национальности, или из четырех детей трое имели отца другой национальности [14(226)].

В результате переписи 2002 года выявлено, что каждой 1000 русских женщин в возрасте 15-49 лет рождено 1779 детей. Это наиболее низкий показатель среди проживающих в Грузии представителей других национальностей, при этом явно выражен режим суженного воспроизводства, регрессивное демографическое состояние.

Во время этой же переписи населения были опрошены замужние женщины различной национальности фертильного возраста (15-49 лет) относительно числа ожидаемых детей. В этом также намерение наименьшей малодетности оказалось наиболее высоким среди русских женщин. Оно не обеспечивает замещения их числа потомками. Даже в желании русских женщин выражена демографическая депрессия русской диаспоры.

Таблица 2

**Показатели старения русского населения в Грузии
в 1926-2002 гг. [13(129-132), 18(58)]**

Возрастные показатели	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Русское население						
0-14 лет	23,3	23,6	19,7	18,8	19,3	8,4
60 лет и старше	5,8	8,5	13,0	17,3	20,0	34,4
Медианный возраст	24,9	30,6	34,8	36,1	36,7	48,8
Все население Грузии						
0-14 лет	38,3	29,3	30,5	26,0	24,7	18,4
60 лет и старше	8,3	11,0	11,8	12,5	14,4	18,5
Медианный возраст	21,0	26,5	28,7	29,1	30,7	34,5

Таким образом, все рассмотренные тенденции миграционного и естественного движения свидетельствуют о предстоящей неизбежной убыли численности русского населения в Грузии.

Литература

1. Антадзе К. Население Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
2. Гугушвили П. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX-XX вв., т. 1. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
3. Гугушвили П. Вопросы воспроизводства населения Грузинской ССР. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
4. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и “демографической катастрофе” 30-40-х годов в СССР. Журн. “Вопросы истории”, 1988, №3, стр. 116-121.
5. Джаошвили В. Население Грузии в XVIII-XX веках. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
6. Демографический ежегодник Грузии. Составители Г. Цуладзе, Н. Маглаперидзе. А. Вадачкория. Тбилиси, 2007.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция вторая
8. Кульчицкий С. Сколько нас погибло от голодомора 1933 года. Газ. “Зеркало недели” от 23-29 ноября 2002 г.
9. Менабдишвили Л. Биэтические браки и их демографические результаты. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 2000.
10. Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
11. Особенности демографического развития в СССР. Москва, 1984.
12. Перадзе Г. Население Грузии по переписи 1917 года. Демографический обзор. Журн. “Статистический вестник Грузии“, 1921, №1 (на груз. яз.).
13. Проблемы демографии и социологии, т. II. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
14. Путкарадзе Т. Историко-этнологические проблемы миграции населения Аджарии. Батуми, 2006 (на груз. яз.).
15. Результаты Первой Всеобщей переписи населения Грузии 2002 года. Статистический сборник. Тбилиси, 2006.
16. СССР: Демографический диагноз. Москва, 1990.
17. Тухашвили М. Миграция населения Грузии в XX веке. Труды Академии экономических наук Грузии, т. 2. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
18. Шелия М. Старение населения в Грузии. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).

Семья и домохозяйство в прошлом

Араловец Н.А.

(Институт российской истории РАН, Москва)

Брачно-семейные ценности населения России, вторая половина XX в.

Вторая половина XX в. характеризовалась осуществлением в России демографического перехода. Важно также отметить доминирование в России городского населения: в 1979 г. горожане составляли 69% (от общей численности Российской Федерации), сельчане – 31%, в 1989 – 74% и 26%, в 2002 гг. – 73% и 27%.¹

В этот период наблюдалось снижение внешнего контроля над жизнью семьи. Этому явлению способствовало упрощение процедуры развода в 1965 и особенно в 1968 гг. Отменялось положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о публикации в газете объявления о расторжении брака. Согласно Кодексу о браке и семье РСФСР, принятом в 1968 г., супруги, не имевшие общих детей до 18 лет, при обоюдном согласии имели право не обращаться в судебные инстанции, а разводиться в ЗАГСе. Все это определяло преобладание, прежде всего, у городских жителей современных норм брачно-семейных отношений. В этой связи основное внимание в статье уделено изучению семейных ценностей городских жителей.

Обследования, проведенные в 1960-1970-е гг. на крупных промышленных предприятиях РСФСР, показали значительное распространение у респондентов взглядов на любовь как духовное чувство и высочайшую ценность в жизни человека. Большинство участников обследования отмечали, что именно любовь должна быть эмоциональной основой брака. Негативное отношение к любви в брачном выборе проявилось у меньшинства опрошенного населения. Таким образом, повышалась морально-психологическая мотивация брачного выбора. Вместе с тем понимание любви носило сугубо индивидуальный характер. Это явление, несмотря на близкие семейные ценности супругов, нередко приводило к конфликтам.

Изучение ценностных установок студентов на брак и семью показало их неподготовленность к вступлению в брак и созданию семьи. Молодые люди, состоявшие в браке, этические стороны в брачно-семейных отношениях оценивали выше эмоциональных и материальных, а не состоявшие в браке занижали этические и завышали эмоциональные и

¹ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.8, 10-14; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. Т. 14. С.10.

сексуальные ценности. Отсутствие у молодежи реальных представлений о семье сказывалось на ее стабильности в будущем.²

Семейные ценности горожан в 1970-е гг. характеризовались новыми проявлениями. Многие юноши и девушки считали любовные отношения самоценными. Они могли привести к вступлению в брак и созданию семьи, а могли и не закончиться заключением брака. Эти ценностные установки молодежи в условиях низкого уровня сексуальной культуры в обществе способствовали росту внебрачных рождений у женщин до 18 лет.росло число добрачных зачатий: в Ленинградском дворце «Малютка» в 1963 из 287 супружеских пар 69 (24%) зачали ребенка в среднем за три месяца до юридического оформления брака, а в декабре 1978 гг. из 643 пар 243 (38%). В отдельных случаях добрачные зачатия приводили к вынужденным бракам. Однако такие брачные союзы по данным многочисленных исследований не были продолжительными. Из данных социологов также видно, что горожане даже в условиях либерализации сексуальной морали в основном отрицательно оценивали распространение сексуальных добрачных отношений среди молодежи.

Вместе с тем большинство в особенности сельских юношей и девушек стремилось к вступлению в брак и созданию семьи. Обследование добрачного поведения городской и сельской молодежи в Удмуртской АССР показало, что в 1970-е гг. свидания молодых людей в селах происходили в наиболее активных брачных возрастах 20-24 года, в городе – 15-18 и 19-20 лет. Возникшие различия объяснялись сохранением у сельской молодежи более традиционного отношения к браку и семье, чем городской. Кроме того, влияние родителей на поведение взрослых детей, в том числе брачное, в селах выражалось сильнее, чем в городах.³

Отношения между супругами развивались, как личностные и эмоционально-насыщенные. В супружестве повышались сексуальные ценности. Вступление в брак не всегда связывалось молодыми супругами с деторождением. Тем более, что решение о рождении ребенка супруги принимали, исходя из собственных желаний, без внешних вмешательств.

² Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1965. № 49. Ст. 725; 1968. № 27. Ст. 241; Файнбург З. Влияние эмоциональных отношений в семье на ее стабилизацию // Социальные исследования. М., 1972. С.4, 10; Кон С.И. Введение в сексологию. М., 1988. С.173.

³ Голод С. Социально-психологический эксперимент как метод социального исследования проблем брака и семьи // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С.39; он же. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С.66; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1988. С.148; Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С.52-54; Харчев А.Г., Голод С.И. Молодежь и брак // Человек и общество. Л., 1969. Вып. 6. С.125-142; Кон И.С. Введение в сексологию. С.171-172, 174.

Все эти явления обусловили дальнейшие изменения репродуктивного поведения населения.⁴

Заметно повысились у горожан индивидуальная избирательность брачного выбора и морально-психологические требования к браку и семье в 1980-е гг. Об этом свидетельствовали данные опросов, проведенных в 1982 г. в крупных городах Урала. Их изучение показало, что у молодых супругов в иерархии жизненных ценностей ведущее место (80,0% от числа опрошенных) занимали взаимопонимание и доверие. Ценности супружеской любви у супругов Златоуста составляли 44,4%, а в Магнитогорске – 46,4%. В то же время у молодоженов повысились ценности собственного здоровья, за них высказались 60,2% опрошенных в Златоусте и 57,0% - Магнитогорске. Важно отметить, что ценности материального благополучия, а у молодых специалистов – интересной и творческой работы были выше ценности детей. Так, в иерархии жизненных ценностей у молодых супругов ценности материального благополучия составляли от 31,7% до 45,0%. В Златоусте и Магнитогорске на значимость первенца, как основной жизненной ценности, указало всего 2,2%, в Свердловске – 5,0%.

Среди наиболее важных условий счастливого брака 68,1% опрошенных назвали взаимоуважение и согласие супругов; 66,1% - взаимную любовь; 51,0% - верность супругов друг другу; 31,0% - материальное благополучие; 24,3% - сексуальную гармонию в супружеских отношениях. Из данных, проведенных опросов, также видно, что в иерархии ценностей счастливого брака понижалось значение детей: на ценность детей сослалось 15,2% молодых супругов.⁵

Семейные ценности для женщин были более значимы, чем для мужчин. Женщины, несмотря на значительное изменение положения в общественной, профессиональной и семейной жизни, все-таки меньше мужчин ориентировались на карьеру. По данным опроса, проведенного в Москве в 1983-1984 гг., женщин, отдавших предпочтение семье, было около 50%, мужчин – около 34%.

Данные опросов 1988 г. среди рабочих и интеллигенции Москвы и других городов свидетельствовали о повышении, особенно по сравнению с прошлыми годами, требований к эмоциональному комфорту в браке, общности интересов супругов, удовлетворенности интимной жизнью. Эти требования сильнее проявлялись у женщин с высшим образованием и реже встречались у мужчин-рабочих.⁶

⁴ Кон И.С. Сексуальная культура в России. С.176-177; Голод С.И. Семья и брак. С.50-89; он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С.65-71.

⁵ Зуськова О.Э. Становление семьи и развитие личности // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С.71; Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Указ. соч. С.73-74.

⁶ Фотеева Е.В. Развод в представлениях рабочих и интеллигенции // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С.64.

Материалы, собранные в 1980-е гг. социологами, свидетельствовали о зависимости семейных ценностей женщин и мужчин от их брачного состояния. Замужние и разведенные женщины семейному благополучию, хорошим взаимоотношениям в семье, наличию детей, их воспитанию и становлению придавали больше значения, чем не состоявшие в браке женщины. Однако женщины, никогда не вступавшие в брак, чаще замужних и разведенных называли в качестве жизненной ценности семью и хорошего мужа. Вместе с тем у незамужних женщин средних возрастов существенную роль в мотивации вступления в брак играла боязнь одиночества.

Установки женщин на счастливую семейную жизнь были тесно связаны с возрастом. Социологи отмечали, что с увеличением возраста ценности счастливого супружества для женщин всех категорий брачного состояния снижались. Подобная зависимость у женщин, не состоявших в браке, выражалась сильнее, чем у состоявших в брачном союзе (зарегистрированном и фактическом).

Существовала прямая зависимость между уровнем образования и ценностями воспитания детей. С увеличением уровня образования понижались ценности воспитания детей. Это явление наиболее сильно проявлялось у никогда не состоявших в браке женщин. Они ориентировались, главным образом, на внесемейные ценности: овладение профессией и карьерный рост, развитие личности и общение с друзьями, отдых и развлечения и т.д.

Из собранных и проанализированных социологами данных видно, что женщины всех категорий брачного состояния серьезное значение придавали возможности иметь интересную и любимую работу, а также реализовать свой творческий потенциал и профессиональные знания. Такое стремление замужних женщин нередко снижало в их жизни роль семейных ценностей. Однако для не состоявших в браке женщин профессиональный и карьерный рост был в жизни намного важнее, чем для замужних. Изменение брачного состояния женщины меняло отношение к этим проблемам. Так, у разведенных женщин понижалось значение традиционных ценностей семьи.

У не состоявших в браке мужчин молодых возрастов 18-19 лет семейные ценности были занижены. С увеличением возраста, особенно при вступлении в брак, ценности брака и семьи повышались. Из данных опросов, проведенных в 1970-1980-е гг., видно, что в Твери доля мужчин, считавших хорошую семью необходимым условием счастливой жизни, составляла 32%, Саратове – 49,8%. У замужних женщин аналогичные показатели были выше, чем у женатых мужчин – соответственно 40,7% и 59,7%.⁷

Удовлетворенность браком и стабильность семьи во многом определялась возможностью самореализации и в семье, и за ее пределами. Отсутствие такой самореализации проявлялось и у мужчин, и у женщин в распространении внебрачных контактах и разводах.

⁷ Русские. С.162, 170.

Повышение ценностей сексуального характера сближало сексуальное поведение мужчин и женщин, понижало двойные стандарты в его оценках. Эти явления уменьшали ценности детей в семье и репродуктивного поведения населения в целом.

В эти годы в России существовали альтернативные семейные стили. Наряду с семьями, образованными на юридически оформленном браке, были фактические семьи, не связанные с регистрацией брака; семьи, основанные на зарегистрированном браке, но с раздельным проживанием супругов; семьи, созданными в результате последовательного вступления в повторные браки, т.е. последовательной полигамии; семьи с неродными родителями и т.д. Однако новые явления в брачно-семейных отношениях значительно больше затрагивали населения крупных российских городов, чем провинциальных и особенно национальных.⁸

Важно отметить, что, несмотря на трансформацию брачно-семейных ценностей, ценности семьи у россиян сохраняли широкое распространение. Сложное переплетение в установках российского населения на брак и семью современных и традиционных ценностей свидетельствовало о наличии кризисных явлений в семье.

Социальная нестабильность российского общества в 1990-е гг., быстрое и значительное снижение уровня жизни большинства населения, многочисленные стрессовые ситуации и глубочайшие эмоциональные переживания оказывали мощное воздействие на переоценку жизненных ценностей, в том числе и семейных, что значительно обостряло кризис семьи.

В эти годы у населения, прежде всего, крупных городов наблюдалось активное формирование гибких взглядов, основанных на нравственных принципах, понимании сложности и нестандартности жизненных ситуаций. Гибкость современных норм сказывалась, например, в распространении единого стандарта добрачного и брачного поведения мужчин и женщин. Горожане спокойно воспринимали и вступление в брак, и отказ от создания семьи, бездетных и детных супругов, распад брачных союзов и вступление в повторные браки, брачную и внебрачную рождаемость, полные и неполные семьи; зарегистрированные и фактические браки. Проведенные в 1990-е гг. исследования взглядов россиян показали: 64,3% респондентов были уверены в допустимости фактического, т.е. незарегистрированного брака; 82,5% допускали сексуальные отношения между любящими, но не состоявшими в браке мужчинами и женщинами; 47,9% считали возможными сексуальные отношения, не ведущие к рождению детей и т.д. Результаты выборочного социологического обследования женщин Москвы в возрасте до

⁸ Фотеева Е.В. Указ. соч. С.64; Чистякова Т.Ю. Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С.28, 31, 33;36; Голод С.И. Семья и брак. С.54-55; он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С.94-95.

40 лет (июль-август 2004 г.) свидетельствовали о том, что 41,6% москвичек высказались в поддержку фактического брака.⁹

Закономерно, что в 1990-е гг. отмечалось дальнейшее распространение фактических брачно-семейных отношений. Из данных микропереписи 1994 г. видно, что 6,5% мужчин и 6,7% женщин во всех возрастах старше 20 лет состояли в фактическом браке. В Москве в незарегистрированном браке находились 2,9% мужчин и 3,2% женщин. О широком распространении фактических брачных союзов в городах свидетельствовали данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Дальнейшее развитие в городах также получали и другие альтернативные формы, и стили брачно-семейных отношений.

Изучение особенностей брака и семьи позволило исследователям констатировать, что в современных условиях происходило разделение родительства и супружества. Данные обследований свидетельствовали о повышении числа супружеских пар, не желавших иметь детей. Из данных выборочного обследования молодых семей, проведенного Госкомстатом России в конце 1992 г., видно, что 2% молодоженов не хотели иметь детей. Такие настроения молодежи способствовали значительному снижению уровня рождаемости в российском обществе в последовавшие годы.

Демографы также отмечали существовавшее в современном российском обществе разделение институтов брака и семьи. Это явление выражалось в численном увеличении внебрачных рождений и материнских семей, а также фактических браков. Если в Российской Федерации в 1980 процент родившихся вне брака в общей численности родившихся составлял 10,8, то в 1994 гг. – 19,6.¹⁰

Особенностью установок на брак и семью в 1990-е гг. было распространение у россиян ценностей индивидуализма. В жизни женщин возросла ценность любимых занятий в свободное время: в 1990 - 67% опрошенных женщин рассматривала их как важные слагаемые счастья; в 1994 гг. - 82%. Из данных опроса замужних женщин с детьми, проведенного в рамках обследования «Россия-1999 г.», видно, что считали семью наиболее уязвимым местом в личной судьбе 53,7% (от числа опрошенных женщин), тормозом для личных успехов - 12,0%.

Заметную роль играла потребность супругов в морально-психологическом комфорте. Стабильность брачно-семейных отношений по данным социологических обследований москвичей 1995 г., определялась

⁹ Русские. С.166-167; Голод С.И. Семья и брак. С.60; Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000. С.116; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. М., 2005. С. 43.

¹⁰ Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С.96; Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С.100; Голод С.И. Семья и брак. С.198-211; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. С.41.

сохранением между супругами отношений равных, доверительных и открытых, сочувствия и сопереживания, что создавало возможность для нахождения супругами взаимоприемлемых решений.¹¹

Существенно повысилась стремление супружеских пар к удовлетворенности браком. Проведенные обследования показали существовавшую взаимосвязанность между сексуальной удовлетворенностью супругов и общей их удовлетворенностью браком.¹²

В современных условиях, особенно у городских жителей, широко также были распространены внесемейные ценности. Это явление вызывало сознательное одиночество мужчин и женщин: никогда не состоявшие в браке мужчины в средних возрастах 40-44 года в России составляли в 1979 – 3,2%, а в 1994 г. – 7,1%; женщины – соответственно 3,3% и 4,9%. Данные социологических обследований 1990-х гг. показали существование сознательного отказа некоторых горожан активных брачных и репродуктивных возрастов от вступления в брак и создания семьи из-за карьерных устремлений и особенностей профессиональной деятельности, желание иметь спокойную и благополучную жизнь и т.д. Отказ от вступления молодежи в брак был в эти годы также связан с их низким материальным уровнем.

Изучение ценностных установки российских женщин также свидетельствовало о повышении в их жизни значения профессиональной карьеры: в 1990 24% опрошенных женщин представления о счастливой жизни связывали с карьерным продвижением, а в 1994 г. – 47%.¹³

Вместе с тем в эти годы потребность мужчин и женщин во взаимной любви и уважении, равноправии и партнерстве супругов, психологической близости между родителями и детьми оставалась значительной. Эти ценности были отражены в Семейном кодексе Российской Федерации 1995 г.¹⁴

Массовые опросы населения свидетельствовали о том, что семья сохраняла первое место в иерархии жизненных ценностей. Проведенные в 1995 г. обследования в Центральном округе Москвы выявили преобладание среди респондентов семейных ценностей и семейного образа жизни - 58%; за совмещение семейного и внесемейного образа жизни высказались 37% москвичей; отвергали семью и семейный образ жизни 5% москвичей.

¹¹ О положении семей в Российской Федерации, 1994-1996 гг. М., 1998. С.85, 87, 100; Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С.116; Кучмаев М.Г. Традиционное и инновативное в культуре семейных отношений. М., 1999. С.18-19; Сильная женщина и мужчины. М., 1997. С.271.

¹² Кон И.С. Сексуальная культура в России. С.272-274; он же. Сексуальность и культура. СПб., 2004. С.43-47.

¹³ Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С.102; О положении семей в Российской Федерации, 1994-1996 гг. С.100.

¹⁴ Семейный кодекс Российской Федерации, [1995 г.] // Собрание законов Российской Федерации. М., 2000. Ст. 1. С.301.

Однако социальная нестабильность российского общества в эти годы заметно усиливала противоречия между потребностью членов семьи в любви, понимании и поддержке и часто невозможностью ее реализовать в семье.

Вступление в брак и создание семьи в 1990-е гг. было тесно связано с регулированием прав собственности, что обусловило возматuration особенно в среде молодежи ценностей прагматизма и рационализма, браков по расчету. Кроме того, в России группы населения с крупной недвижимостью и капиталом тяготели к традиционным брачно-семейным ценностям: ведущая роль отца в семье, неработающая мать, возрастающее значение сыновей и т.д. В эти годы традиционные отношения также сохранялись во многих семьях национальных регионов России.

Таким образом, в конце XX в. полного обновления семейных ценностей в России не произошло. В установках горожан на брак и семью обострились, особенно в условиях демографического кризиса противоречия между современными и традиционными семейными ценностями. В условиях значительных социальных потрясений возникшие противоречия нарастали и обусловили кризис семьи, выход из которого связан с проведением и демографической, и семейной политики.

Барашкова А.С., Ефимова Г.А.

(Федеральное государственное научное учреждение «Институт региональной экономики Севера», Якутск)

Экономико-демографические аспекты жизнедеятельности семьи Якутии в конце XIX и XX веков

Сравнительный анализ положения семей Якутии - окраины царской России в конце XIX века и Республики Саха (Якутия) – субъекта Российской Федерации в конце XX века, показывает коренные изменения самой сущности семьи, основ ее формирования и функционирования, как следствия тех исторических событий, социально-экономических, политических трансформаций, которые Якутия прошла со всей страной.

Со времени вхождения (по мнению одних исследователей, «присоединения», других — «воссоединения», третьих – «включения») Якутии (в 1632 г.) в состав Российской империи начинается письменная история края, разложение устоев доклассовых отношений, оформление сословий и начало классовобразования¹. Эти процессы протекали, по-видимому, с большими препятствиями, как в силу обширности территории (около 3,1 млн. кв.км), так и вследствие рассредоточенного расселения

¹ Гоголев А.И. Социальная организация и традиционная семья у якутов в XVII в. – Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск Якутский филиал СО АН СССР 1988. С.89; Башарин Г.П. Обзорение историографии дореволюционной Якутии. – Якутск, 1965. С.23-46.

преимущественно неграмотного малочисленного населения. Имеются лишь приблизительные подсчеты численности аборигенного населения того периода, основанные на данных ясачных книг. В середине 70-х годов XVII века в Якутском уезде ясачных якутов, тунгусов и юкагиров (за исключением охотских тунгусов) было 9515 чел., через сто лет – 30186 чел.². Численность наличного населения Якутской области по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. достигла 269,9 тыс. чел., из которых 87,9% составляло коренное население (якуты, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи)³.

Исследователи практически единодушны во мнении, что в те времена у якутов была распространена лишь моногамная форма семьи, регулировавшаяся в основном экзогамными запретами, распространявшимися на родственников по отцовской линии до определенного поколения⁴. Как известно, экзогамия была вызвана необходимостью избежать вредных последствий от браков между кровными родственниками, установления «социального мира» в родовом коллективе, стремлением расширить социальные контакты и завязать отношения с другими коллективами⁵.

Как подметил Н.А. Виташевский еще в начале XX в., экзогамия у коренных народов сопровождается войной и рабством, причем, экзогамные круги у якутов были различными для разных слоев населения. Так, богатые и родовитые люди старались брать жен для своих сыновей из других улусов; люди среднего достатка женились на девушках из соседних наслегов; бедняки нередко рождались с семьями одного с ними наслега. Однако эти семьи должны были принадлежать разным «ага-ууса» (отцовскому роду, т.е. кровнородственной группе, происходящей от одного общего предка и носящей общее родовое имя). Экзогамный круг наибеднейших якутов допускал браки в пределах материнского рода, т.е. можно было брать жен из соседнего «ийэ-ууса»⁶. Это в определенной степени способствовало всеобщей и обязательной брачности, что, как подчеркивают исследователи, является признаком традиционной модели брачности.

В вопросе выбора брачного партнера обнаруживается приоритет решений или действий рода или мужчины. Возможность выбора для женщины совершенно и надолго была «закрита». Данный факт В. Серошевский объясняет следующим образом: женщины «сидят все дома, где окружены исключительно сородичами, с которыми брак невозможен.

² Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Якутия. – Л. 1927. С.19.

³ Федорова Е.Н., Железнова Г.А. Миграции населения Якутии: Прошлое и настоящее. – Новосибирск: Наука, 2003. С.68.

⁴ Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов. – Якутск, 1978. С.50.

⁵ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликян. М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. – С.562. 640 с.

⁶ Виташевский Н.А. Брак и родство у якутов // Живая старина. – СПб., 1909. – Вып. 4. С.46.

Других людей они и мало видят. В те отдаленные времена, когда жен похищали, выбор, конечно, играл очень незначительную роль; впоследствии, когда выкуп заступил похищение, богатство выступило на первый план, и якутский брак превратился в гражданскую сделку, в союз экономически равных сил»⁷.

Особо подчеркнем, что наличие большой патриархальной, порой, полигамной семьи встречалось только в среде тойонов. В ее состав, кроме семей самого тойона, входили его братья, сыновья, племянники, вскормленники, холопы с женами и детьми. В основе большой патриархальной семьи лежали экономические, правовые интересы: общность ведения хозяйства, базировавшаяся на нераздельном владении землей, скотом, орудиями труда, и совместное потребление продуктов производства⁸.

Пережитки патриархально-родовых отношений якутов сохранились и в XIX в. Брак с родственниками по отцовской линии, как по восходящей, так и по нисходящей линии считался совершенно недопустимым. При браках рассматривается только родство «по мужскому колену, женское в уважение не принимается, нисходящая линия даже до десятого колена не может вступить между собою в брак»⁹. В редких, исключительных, случаях разрешался брак с родственниками по материнской линии, т.е. двоюродными, троюродными сестрами со стороны матери, так как род матери по отношению к роду отца считался чужим. По некоторым архивным данным, в далеком прошлом якуты строго придерживались четырнадцати степеней родства, в пределах которых они не могли вступить в брак. В конце XIX - начале XX вв., вследствие дальнейшего развития экономических и общественных отношений в якутском обществе, экзогамные запреты ослабели и в отношении бедных¹⁰, что увеличивало их шансы вступления в брак. Бедные молодые люди могли жениться на девушках даже одного с ними рода (за исключением случаев близких родственных связей).

Сложившийся веками семейный уклад был довольно устойчивой сферой жизни. Так, в большинстве семейств сохранилась мораль, требующая беспрекословного повиновения старшим, поскольку старшие, как правило, оказывались самыми сильными и самыми деятельными членами семьи. Лишь добродушие и уживчивый характер отдельных личностей нередко смягчали эти отношения. В. Серошевский заметил, что в зажиточных

⁷ Серошевский В.Л. Якуты Опыт этнографического исследования – 2-е изд., – М., 1993. С.561.

⁸ Гоголев А.И. Социальная организация и традиционная семья у якутов в XVII в. – Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск Якутский филиал СО АН СССР. 1988. С.89.

⁹ Шукин Н.С. Поездка в Якутск. – СПб. 1844. С.217.

¹⁰ Слещов П.А. Традиционные формы брака у якутов (XIX – начало XX в.). – Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск Якутский филиал СО АН СССР, 1988. С.99.

семьях, где большое количество скота, или право на большие земельные угодья, или заведенная торговля позволяют пользоваться наемным трудом и дают значительный доход независимо от личного труда, власть отца и матери как собственников, особенно первого, усиливается и держится долго, до того момента, когда старики совсем одряхлеют и лишаются способности соображать простейшие вещи¹¹.

В патриархальной семье особенно безотрадным было положение женщин, которые не играли никакой роли в якутском роде и которым поэтому неоткуда ждать поддержки. По мнению самих женщин, «...Мужчина — господин, ему нужно покоряться. Он все находит, он нас питает. Он работает вне дома, а мы дома...»¹², т.е. здесь мы видим четкое разделение ролевых обязанностей между супругами. И роль мужчины — главы семейства, «агента» по организации и реализации связей семьи с социальной средой имело первостепенное значение. В то же время усилия женщины по поддержанию рода, уходу и воспитанию детей, сохранению семейного очага, выполнению внутрихозяйственных работ почти не принимались во внимание как важнейшие условия существования семьи. А ведь во все исторические эпохи остается неизменным функциональное предназначение семьи, которое хотя и претерпевает изменения вместе с общим ходом развития общества, но все же сохраняется в той или иной форме.

Исторически якутские браки довольно плодovиты. В среднем, по уверению якутов, рождаемость их женщин равняется десяти детям от одного мужчины. Плодовитость, как заметил В. Серошевский, уменьшается к северу, но и там она в среднем выше тунгусской. На юге она не уступает плодовитости русских и даже превышает ее. К северу, по мнению автора, уменьшается количество не рождаемости плодных пар, а скорее увеличивается процент совершенно бесплодных пар, в чем просматривается вина исключительно женщины, положение которой становится совершенно безотрадным.

Заслуга исследователя заключается также в том, что в ходе душевных бесед с простыми людьми, отбывая политическую ссылку в разных районах Якутии, он коснулся демографического и социально-психологического аспектов бесплодия. В частности, это прослеживается во мнениях: «Если муж и жена сильно разнятся в годах, если жена много старше мужа — детей не бывает», «Если муж и жена не любят друг друга, то детей будет мало или совсем не будет: не жметя женщина к мужчине, которого не любит... откуда же возьмутся дети?!». Бесплодные якутские пары охотно усыновляют детей или вступают с родителями в сделки

¹¹ Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования – 2-е изд., – М., 1993. С.497.

¹² Там же, С.501.

«навсегда» или «на время». В первом случае усыновляющие платят родителям или роду, во втором — сами требуют вознаграждения¹³, т.е. решение демографического вопроса имело экономическую и психологическую подоплеку.

Обилие детей считалось за «божье благословение». Источник видимой привязанности к детям и относительной мягкости в обращении с ними якутов — боязнь одинокой жалкой старости¹⁴. Меркантильный интерес просматривается и в том, что дети расценивались как богатство, капитал, труженик в будущем: «Хорошего работника и за большие деньги трудно достать, а ребенок вырастет — работник будет, да еще какой — даровой!..». Более того, отмечались случаи продажи и безжалостной эксплуатации их труда, а ведь хозяйства коренных народов Якутии в те времена имели ярко выраженный натуральный характер, и, как правило, основными трудовыми ресурсами являлись члены самой семьи.

Таким образом, к концу XIX века в регулировании брачно-семейных отношений, организации внутрисемейной жизни коренных народов Якутии решающую роль играли правила поведения, устои морали, быта, характерные для феодального строя с пережитками общинно-родового строя в форме ага-ууса. Многие ага-ууса состояли из объединения отдельных ийэ-ууса, которые, по мнению А.И. Гоголева, — порождение якутского традиционного хозяйства, возникшего в процессе приспособления оседлого скотоводства к природно-экологическим условиям Якутии (разбросанный аласно-хуторский тип расселения скотоводческих хозяйств)¹⁵.

Рассматриваемый период (конец двух веков) для Якутии — это два разных мира. Коренным народам края, пережившего глубинные социально-политические, социально-экономические потрясения, мировые катаклизмы со всей страной, всего за одно столетие дана прерогатива самим решать вопросы заключения брака, его сохранения, деторождения. Нормы брачного поведения, как и по России в целом, уже не играют роль социального регулятора рождаемости, а само брачное поведение мало связано с репродуктивным¹⁶. Изменения в брачном поведении населения Якутии выражаются в снижении числа состоящих в браке (за 1979 – 2002 гг. с 65,3 до 61,0% - мужчины и с 62,1 до 55,5% - женщины). Зато выросла численность лиц, никогда не состоявших в браке. Эта проблема особо остра для представителей коренных народов (рис. 1).

¹³ Серошевский В.Л. Якуты Опыт этнографического исследования - 2-е изд., - М., 1993. С.509.

¹⁴ Там же. С.498.

¹⁵ Гоголев А.И. Социальная организация и традиционная семья у якутов в XVII в. - Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск Якутский филиал СО АН СССР. 1988. С.93.

¹⁶ Калмыкова Н.М. Демографическая составляющая развития семьи. – Домохозяйство, семья и семейная политика. М, 1997. С.58-71.

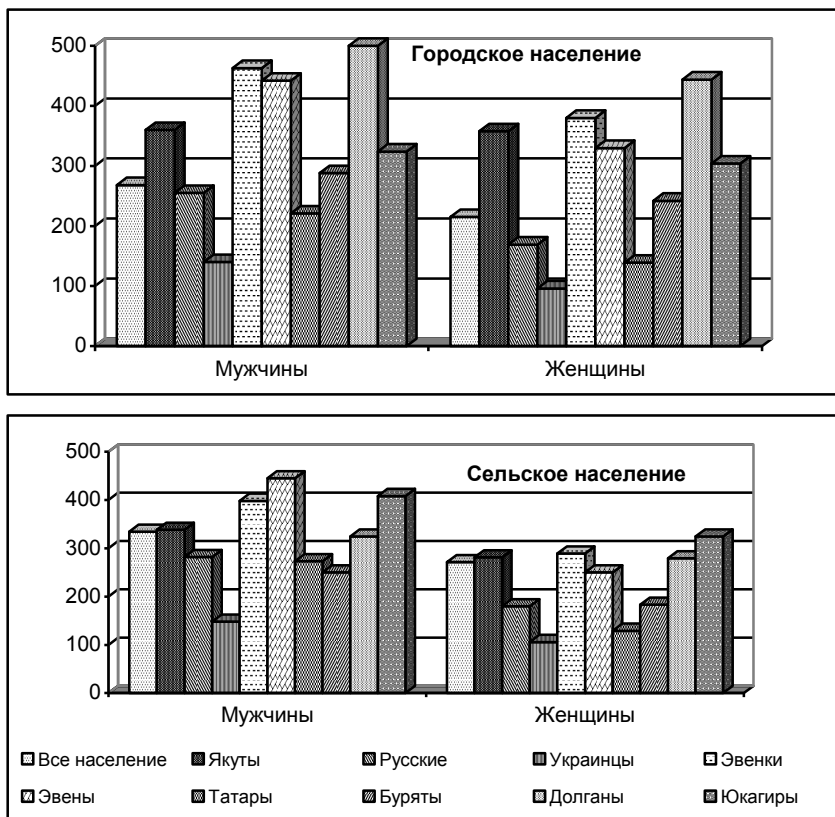

Рис. 1. Численность населения в возрасте 16 лет и старше, никогда не состоявшего в браке, по наиболее многочисленным и коренным народам республики (на 1000 чел. соответствующего пола), 2002 г.

Особую тревогу вызывает высокая доля 25 – 29-летних мужчин и женщин, не состоящих в браке. В городских поселениях доля женщин данной возрастной группы и данного брачного состояния выросла более чем в 2 раза. Число 25 – 29-летних сельских мужчин, не состоящих в браке, достигло 41,6% (в 1979 г. оно было равно 30,2%). Дальнейший анализ ситуации позволяет выявить проблему окончательного безбрачия населения республики, сложности вступления в брак когорт в «критических» и «близких к критическим» возрастах. В районах, где происходило накопление поколений, не состоявших никогда в браке, уровень окончательного безбрачия к 2002 г. оказался очень высоким как для мужчин, так и для женщин, причем в отдельных районах он превышает пороговое значение более чем в 3 раза. Уровень безбрачия населения в «близких к

критическому» (30 – 39 лет) и в «критических» возрастах (40 – 49 лет) в 2002 г. по сравнению с 1979 г. возрос соответственно в 2,2 и 2,7 раза для мужчин и 2,9 и 3,6 раза для женщин.

Свидетельством глубоких изменений в демографическом поведении населения выступают гражданские браки, внебрачная рождаемость, а также снижение суммарного коэффициента рождаемости и повышение среднего возраста матери при рождении ребенка. В гражданском браке в 2002 г. пребывало 13% взрослого населения республики. Причем 48,8% от их числа зафиксированы всего в трех «точках», крупных городах республики. Общая тенденция изменения масштабов внебрачной рождаемости в республике – рост: 17,9% (в 1990 г.), 32,2% (в 1999 г.) детей – это дети матерей-одиночек, что повлекло за собой появление районов, в которых в семейной структуре преобладают семьи, состоящие из двух человек. Гражданские браки, внебрачная рождаемость, пожалуй, могут быть расценены как последствия снижения роли фактора социального контроля над демографическим поведением населения.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости и повышение среднего возраста матери при рождении ребенка показывают привлекательность современной модели репродуктивного поведения. Обратные явления, а именно рост или сохранение изначально высокого уровня суммарного коэффициента рождаемости, низкий средний возраст матери свидетельствуют о сохранении традиционной модели репродуктивного поведения женщин. Сочетание характера изменения данных показателей позволяет условно выделить четыре группы районов на территории республики (Табл.1).

Таблица 1

Число районов Республики Саха (Якутия) по показателям суммарного коэффициента рождаемости и среднего возраста матери при рождении детей

		Суммарный коэффициент рождаемости	
		Снижение	Повышение или сохранение прежнего высокого уровня
Средний возраст матери при рождении ребенка	Повышение	Тип I (современный) 16 районов	Тип IV (переходный) 8 районов
	Снижение или сохранение прежнего раннего возраста	Тип II (переходный) 8 районов	Тип III (традиционный) 3 района

Рассчитано по данным текущей статистики ТО ФСГС по РС (Я)

В первой группе (тип I) снижение уровня рождаемости сопровождается повышением среднего возраста матери при рождении ребенка (табл. 1). Во второй группе районов (тип II) снижение суммарного коэффициента рождаемости происходит на фоне снижения среднего возраста матери при рождении детей (или его сохранения на прежнем уровне). В третьей группе (тип III) можно отметить рост суммарного коэффициента рождаемости, главным образом, за счет молодых (юных) матерей. Четвертая группа районов (тип IV), как и вторая, находится в переходном состоянии. Здесь наблюдается повышение или сохранение прежнего уровня рождаемости и повышение среднего возраста матери при рождении детей. Итак, на приведенном примере видим изменение репродуктивных установок женщин в пользу малодетности, которые в известной мере могут рассматриваться как приспособление семей к новым условиям экономической и социальной жизни.

Естественно, за столетний период произошло изменение роли женщины и детей в семье, как свидетельство перехода от патриархального типа к демократическому типу семьи. Значительно утратили свое значение фактор социального контроля и экономический фактор создания и функционирования семьи, вызванные, помимо коренных политических перемен, заселением и освоением, урбанизацией края. Принципиально изменились образовательный, культурный уровень, что отразилось на структуре занятости и потребления, значение домашнего хозяйства и семьи в целом. Однако указанные явления до сих пор, в силу огромной территории, дисперсности расселения, неодинакового по силе воздействия культур разных народов, типов поведения коренного и пришлого населения, не распространены повсеместно в равной степени и можно констатировать наличие признаков традиционной и современной моделей экономико-демографического поведения. А в целом, как пишет академик Л. Абалкин, «*Вся прошлая история убедительно показывает, что эволюция человеческого социума пробивалась через многообразие сценариев социальных альтернатив*»¹⁷, что в полной мере относится и к путям развития семей на территории Якутии.

Кулиева Н.Г., Рагимова З.Р., Аббасова С.Г.

(НИУЦ по труду и социальным проблемам Министерства труда и социальной защиты населения, Азербайджан)

Демографические особенности развития семьи в Азербайджане

Среди всех проблем народонаселения особую актуальность, большой научный и практический интерес приобретает исследование особенностей формирования семьи. Как в историческом плане, так и на современном этапе

¹⁷ Абалкин Л. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики 2000, №12. С.27.

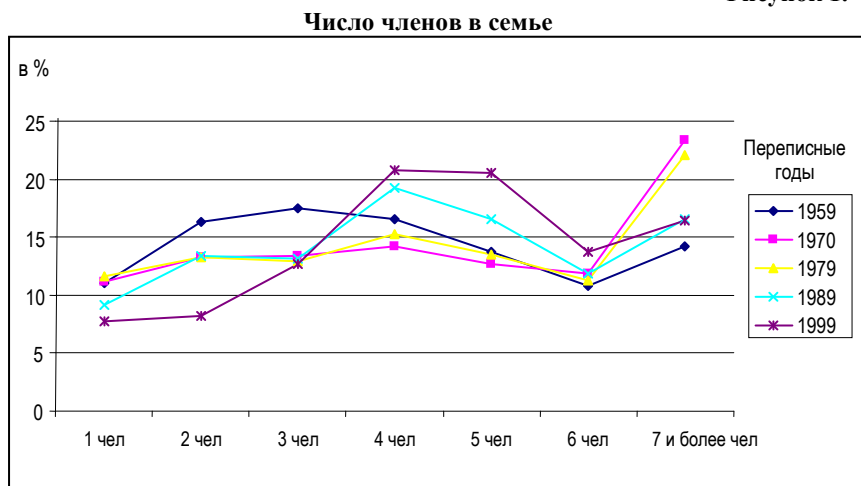
важнейшей функцией семьи является воспроизводство населения. Формирование числа и состава семей в значительной степени зависит от ранее сложившихся особенностей демографического развития страны.

Как известно, среди республик СССР Азербайджан всегда отличался сравнительно высокими темпами прироста населения. Так, в начале 60-х годов XX столетия по темпам среднегодового прироста населения республика занимала одно из первых мест среди союзных республик. Высокий уровень прироста населения был обусловлен как естественным приростом, так и положительным сальдо межреспубликанской миграции.

Приобретение страной независимости, усиление интеграции в мировое сообщество, переход к принципиально иному типу экономических отношений привели к новому этапу демографического развития, характеризующегося интенсивным снижением рождаемости при сравнительно стабильной смертности, а также отрицательным сальдо миграции. Отмеченные особенности в демографическом развитии оказали влияние на темпы прироста населения, его поло-возрастной состав и, естественно, на процесс развития семьи.

Важнейшим социально-демографическим показателем, характеризующим эволюцию семьи как первичной ячейки общества, является ее средний размер. Известно, что тенденции изменения естественного прироста населения оказывают соответствующее влияние на средний размер семьи. По данным переписи населения в республике в 1959 году средний размер семьи составил 4,5 чел., в 1979 году - 5,1 чел, в 1989 году – 4,8 чел. и в 1999 году 4,7 чел. Приведенные данные свидетельствуют о том, что средний размер семьи в республике имел тенденцию к снижению (рис. 1).

Рисунок 1.

С течением времени темпы среднегодового прироста семей значительно замедлились. За первые межпереписные 20 лет (1959-1979 гг.) число семей возросло на 68,3%, за последующие межпереписные 10 лет (1979-1989 гг.) - на 21,8%, а за вторые межпереписные 10 лет (1989-1999 гг.) их рост составил 11,1%. За 1999-2008 гг. число семей возросло на 10,1%.

На темпы роста числа семей влияние оказали демографические особенности формирования брачности. Однако воздействие этого фактора по анализируемым периодам заметно различается. Так, за период 1959-1979 годы демографические особенности развития брачности были менее благоприятными в связи с низкой рождаемостью в годы Великой Отечественной Войны. Сравнительно высокие темпы роста числа семей в этот период были обусловлены, главным образом, расчленением сложных семей. За межпереписной период 1979-1989 гг. уровень брачности имел тенденцию к заметному росту. Коренные изменения, происшедшие в общественной жизни Азербайджанской Республики с начала 90-х годов прошлого столетия привели к новым тенденциям в социально-демографической ситуации, в том числе и в формировании браков. Анализ брачности в республике за период с начала 90-х годов по настоящее время свидетельствует о наличии разнонаправленных тенденций, влияющих, с одной стороны, на рост уровня воспроизводства населения, с другой – на его снижение. Так, в начале 90-х годов, несмотря на общую тенденцию снижения числа браков, приходившихся на 1000 человек населения, в отдельные годы их число несколько увеличивалось. Тенденция стабильности роста коэффициента брачности стала проявляться в основном в последние годы. Как следствие этого, начиная с середины 90-х годов, происходил процесс благоприятного формирования потенциала лиц бракоспособного возраста, чему во многом способствовала сравнительно высокая рождаемость в 70-е годы. Но если учесть, что в последние годы среди выезжающих из республики на заработки основную часть составляют лица бракоспособного возраста, то заметим, что ситуация брачности, начиная с 1992 года по настоящее время, заметно меняется.

Как показывает динамика данных с 1999 года, уровень числа заключенных браков в республике был самым низким в 1999 году. Из официальных статистических данных о динамике коэффициентов брачности также видно, что в целом за период 1992-2002 годы (исключая 1997 год) наблюдалась тенденция их снижения, в последние годы число браков увеличилось, т.е. повысилась интенсивность их роста, что позволило приблизиться к уровню 1990 года. Так, если в 1990 году коэффициент брачности составлял 10,4‰, то в 2002 году он снизился до 5,2‰, а 2008 году составил 9,3‰.

Однако, в связи с обострившейся обстановкой в условиях республики жилищной проблемой, значительная часть вновь образующихся семей вливались в сложные семьи, оказывая тем самым сдерживающее влияние на темпы роста общего числа семей. Так, если в 1979 году среди всех семейных

групп наблюдалась тенденция к усложнению семейного состава (7 и более человек), то в 1999 году по сравнению с 1979 годом среди всех семейных групп сложные семьи стали расчленяться, и средний размер семьи стал ниже (4 и более человек). По сравнению с предыдущими годами за последние годы темпы роста числа семей отставали от темпов роста брачности. Так, если темпы роста брачности в 1999-2008 годах выросли в 2,1 раза, то за этот период, как было указано выше, число семей выросло на 10,1%. Это говорит о том, что основная часть молодых семей объединяясь в сложные семьи, сдерживает темпы роста общего числа семей. На начало 2009 года в Азербайджане насчитывалось 1857,5 тыс. семей со средним размером 4,7 человек.

Удельный вес семей из 7 и более человек в составе всех семей составил в 1979г. 22,1%, а в 1999 году же этот показатель снизился до 16,4%.

В эти годы (1979-1999) идет формирование нового типа семьи – преимущественно нуклеарной и среднедетной (с 2-3 детьми). Эта последняя тенденция подтверждается уменьшением доли 3 и более детей в семьях, что ведет к малодетности. Воздействие социально-экономических и психологических факторов ослабляет потребность в детях в молодых семьях. Известно, что для простого воспроизводства населения молодая семья должна иметь троих детей. По расчетам демографов для нормального воспроизводства населения 65% семей должна иметь 2-3-х детей, а 10-15% семей 4-5 детей. По данным переписи 1999 года в Азербайджане эти показатели соответственно составляли 60,7% и 14,4%. Это говорит о том, что в стране имеются возможности для нормального воспроизводства населения. Отметим, что уже в 1999 переписном году стало очевидно, что в общей структуре численности семей с детьми преобладал удельный вес семей с 2-мя детьми (35,2%), семьи с 4 и более детьми составили 1/6 часть (16,7%). Этот процесс характерен для всего населения республики и активно происходит среди городского населения, численность которого постоянно увеличивается как за счет внутренних источников, так и за счет сельской миграции. В связи с тем, что репродуктивное поведение сельских жителей по-прежнему довольно резко отличается от репродуктивного поведения горожан, на селе в ограниченных пределах сохраняет свои позиции среднедетная семья. Так, в сельской местности удельный вес семей с 4 и более детьми в общей численности семей составлял 1/5 часть (20,1%), а в городе удельный вес подобных семей составлял 1/7 часть (13,5%). Как видно, традиция относительной многодетности все еще сохранилась в сельских местностях.

В последние 15 – 20 лет в Азербайджане произошли перемены в мотивах репродуктивного поведения населения, произошли изменения представлений об идеальном и желаемом числе детей.

Для изучения особенностей изменения репродуктивного поведения населения Азербайджана в 2008 году сотрудниками НИУЦ по труду и социальным проблемам было проведено социологическое обследование

среди женского населения, на основе которого определилось, что при наличии всех необходимых условий большинство женщин (32,5%) желали бы иметь в семье 4 и более детей (Таблица 1.), причем среди них преобладали женщины, относящиеся к возрастной группе 40-44 лет. Женщины, желающие иметь 2 ребенка в семье, составили 30,8%, желающие иметь 3-х детей составили 23,2% опрошенных, а желающие иметь 1 ребенка составили 41,7%. Среди опрашиваемых при наличии всех необходимых условий имелись женщины, которые вообще не желали иметь детей. Отметим, что это в основном женщины менее активного детородного возраста, т.е. женщины старше 40 лет, что физиологически естественно.

Анализ соотношения между численностью желаемых и ожидаемых детей в семье имеет существенное значение для определения репродуктивных ориентаций женщин. Из результатов опроса выяснилось, что если среди опрошенных женщин 11,9% планируют, а 32,5% желают иметь четыре и более ребенка в семье; 24,2% женщин планируют иметь 3 ребенка, а 23,2% женщин желают иметь 3 ребенка в семье, а ожидаемое число двух детей в семье (49,0%) превышает желаемое (30,8%). Как видно, желаемое число детей не совпадает с их ожидаемым числом, что естественно, связано с наличием и влиянием причин, мешающих рождению желаемого числа детей.

Таблица 1.

**Ожидаемое и желаемое число детей в семье, %
(по итогам обследования 2008 г.)**

Число ожидаемых детей в семье, %		Число желаемых детей в семье, %	
1 ребенок	11,5	1 ребенок	2,4
2 ребенка	49,0	2 ребенка	30,8
3 ребенка	24,2	3 ребенка	23,2
4 и более	11,9	4 и более ребенка	32,5
Не ожидается	3,4	Не желаю	11,1

В результате исследования ответов опрошенных женщин выяснились их мнения как о причинах, мешающих рождению желаемого числа детей, так и о роли детей по отношению к различным аспектам жизнедеятельности. Среди причин, мешающих рождению желаемого числа детей, женщины чаще всего отмечали материальные (67,9%) и жилищные (37,1%) трудности, а также стремление должным образом воспитать и вырастить имеющихся в семье детей (21,0%). Вместе с тем 15,1% респонденток указали, что рождению желаемого числа детей мешает отсутствие работы.

Изучение репродуктивных ориентаций опрошенных женщин подтверждает тот факт, что в современных условиях в республике превалируют семьи с 2-3 детьми.

Следует заметить, что репродуктивные ориентации женщин на 2-3 ребенка в семье указывают на уменьшение в республике потребности в

детях. Наблюдаемая зависимость репродуктивного поведения от различных аспектов жизнедеятельности выражает смещение ориентаций с семейных ценностей на ценности индивидуального личного успеха, обуславливая уменьшение потребности в детях.

Исследования особенностей, влияющих на семейные отношения и модели семьи, дают возможность сделать следующие выводы:

- ✓ семья как социальный институт в большей части теряет свои особенности. Семейные основы, заложенные обществом, на сегодняшний день для большинства людей, живущих новыми стандартами, не воспринимаются;
- ✓ участие женщин в социально-экономической жизни расширяется, что сказывается на деторождении;
- ✓ повышается экономическая независимость молодежи, что ведет к снижению брачности.

Попова Л.А.

(Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар)

Историческая специфика отношений в брачно-семейной сфере среди коми

В силу ряда обстоятельств в среде коми народа исторически сложилось достаточно лояльное отношение к вопросу о допустимости добрачного сексуального опыта у женщин и к внебрачной рождаемости. Издавна среди коми не только добрачная половая связь женщины, но и рождение ребенка вне брака не рассматривалось ни как греховное явление, ни как социальная проблема. Такая особенность брачно-семейного поведения была зафиксирована этнографами как среди коми-зырян, так и коми-пермяков еще в XIX в. Так, про зырян К.Попов в 1874 г. писал: «...Чудское племя, по крайней мере, часть его, ныне известная под именем Зырян, отличалась, и до сих пор еще отличается, крайним равнодушием к целомудрию женщин» (*Попов, 1874, с.9*). У пермяков, по свидетельству Х.Мозеля, датированного 1864 г., «девство при вступлении в брак не ценилось», выходили замуж поздно, женились рано. Чем больше было у невесты «миронов», т.е. «нажитых от мира» детей, тем больше помощников мужу и лучше для семьи (*Мозель, 1864, с.335-338*). П.Сорокин утверждал вообще об отсутствии каких бы то ни было сексуальных ограничений в культуре коми, особенно в молодежной среде (*Сорокин, 1910; 1911; 1917*).

Факторы, которые, на наш взгляд, обусловили такую специфику брачно-семейного поведения, более подробно рассмотрим на примере коми-зырян.

Во-первых, ее истоки содержатся непосредственно в древнем языческом мировосприятии коми народа (элементы которого в значительной степени сохранились и после принятия христианства), в соответствии с

которым «человек» и «незаконнорожденный» определяются идентично. «...Каким образом сотворил Ен (основной языческий бог зырян, *прим. авт.*) человека, по мнению зырян. Если вы спросите зырянина об этом, он скажет: «чужис пувьс турунысь», т.е. «родился от соединения дерева с травой». Если вы обратитесь с таким же вопросом к незаконнорожденному зырянину, он ответит вам то же самое, но в интонации его голоса вы услышите иронию» (*Налимов, 1903, с.82*). Дело в том, что тут есть некая игра слов, и, как думается, не случайная. «Соединение дерева с травой» по-коми можно назвать «чурка пон». А именно так зыряне издавна называют незаконнорожденных. Таким образом, в соответствии с языческими представлениями древних зырян, «человек» и «незаконнорожденный» определяются идентично. Вообще, название незаконнорожденного человека на коми языке – чурка, чурка пон – не имеет откровенно негативного, презрительного, ругательного оттенка, как в других языках: убудюк, байстриук, бастард и пр. Это, скорее, просто констатация того, что у человека нет отца. Более того, оно, как мы видим, означает «созданный богом».

У пермяков также нет явной негативной окраски в традиционном прозвище незаконнорожденного человека. Как уже указывалось, незаконнорожденные дети назывались «миронами», т.е. «нажитыми от мира», и чем больше у невесты было таких детей, тем выше она ценилась, поскольку в таком случае было больше работников для семьи.

Во-вторых, для коми, довольно поздно охваченных влиянием христианства и сохранивших в своей культуре и повседневной жизни элементы язычества, церковный брак не получил до революции всеобщего распространения. В Коми крае и после принятия христианства продолжали сохраняться языческие брачные обычаи, бытовавшие здесь ранее. Вот как они были описаны во второй половине XIX века: «Помолвка поцелуями» и «венчание вокруг ракитового куста» составляют здесь общее явление. Поэтому-то в Вологодской губернии на этот край приходится самое большое число незаконнорожденных... (*Вологдин, 1878, с.78*).

По свидетельству К.Попова, в 60-х годах XIX века из всех уездов Вологодской губернии самое большое число незаконнорожденных наблюдалось «...в Устьсысольском уезде, который сплошь заселен Зырянами (коми, *прим. авт.*). Так, в 1864 г. там один незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденных (что составляет 5,6% от всех рождений, *прим. авт.*). За Устьсысольским уездом следует Яренский, часть которого уже обрусела: здесь один незаконнорожденный пришелся на 18^{1/2} законнорожденных (5,1% внебрачных рождений, *прим. авт.*). За Яренским – Сольвычегодский...: здесь один незаконнорожденный пришелся на 20^{3/4} законнорожденных (4,6%, *прим. авт.*). За Сольвычегодским – несколько ранее его обрусевшие Вельский и Никольский: в первом один незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденных (3,6%, *прим. авт.*), а в последнем – на 29 (3,3% внебрачных рождений, *прим. авт.*) и т.д. ...Чем чище чудская (коми, *прим. авт.*) кровь, тем выше процент незаконных

рождений» (Попов, 1874, с. 16). В среднем по европейской части Российской Империи удельный вес внебрачных рождений в начале 70-х годов XIX столетия составлял 2,9%, в том числе по уездам Европейской России – 2,4% (Вишневецкий, 1977, с.130).

Как пишет П.Вологдин (Засодимский) «Детоубийств при этом нет. Это потому, что незамужние матери за свою «вольную любовь» не испытывают ни страха, ни стыда. А не испытывают они этих неприятных, тяжелых, удручающих чувств опять-таки оттого, что общественное мнение не презирает их за внебрачную связь, не позорит и не клеймит их никаким унижительным, ругательным прозвищем. Если, случается, по злобе кто-нибудь и отзовется дурно о такой женщине, то тотчас же найдутся защитники и недоброжелателю зажмут рот. «Пустое!» говорит в таких случаях мир. «Она – девка работающая, хорошая... Живет с одним». Этим все сказано. Так же благоприятно, с тою же терпимостью общественное мнение относится и к «детям любви». ...И положение незаконнорожденных ничем не отличается здесь от положения законнорожденного. От него требуется то же, что и от законнорожденных: будь лишь путевый, работающий человек. А до происхождения, до того, есть ли отец – никому и дела нет» (Вологдин, 1878, с. 78-79). Иными словами, даже во время доминирования в России традиционной модели брачно-семейного поведения населения в Коми крае не только фактический – не освященный церковью – брачный союз, но даже и неполная материнская семья не подвергались ни остракизму, ни осуждению на бытовом уровне.

Православная церковь, правда, вносила некоторый элемент презрительности по отношению к внебрачным детям: при крещении им часто давались крайне редкие и необычные имена (Дула, Кельчий, Сатур, Анфир, Дросида, Сосипатра, Голиндуха, Кикилия и пр.) (Сажин, 2000, с.26).

В-третьих, довольно значительную роль в лояльном отношении среди коми к вопросу о допустимости добрачного сексуального опыта у женщин и их праве на рождение ребенка вне брака сыграла и исторически сложившаяся экономическая самостоятельность коми женщины, обусловленная особенностями традиционного хозяйствования. «В зырянском краю положение женщины вовсе не так резко отличается от положения мужчины, как в других местностях России. Здесь женщина только на охоту не ходит вместе с мужчиной, а со всеми прочими отраслями хозяйства управляется отлично. Верхом женщины ездят здесь по-мужски и очень ловко. Они же ездят за ямщиков – лихо ездят... Замужняя женщина, правда, пугается в семье и лишается части своей самостоятельности, как и везде. Но девушки – женщины незамужние вообще – естественным путем завоевали себе независимость. Справляя наравне с мужчинами всякую работу, они рано начинают себя чувствовать крепко на ногах» (Вологдин, 1878, с.78). Это обусловило достаточно высокий социальный статус коми женщины и, соответственно, отношение к ней как к равному члену

общества. Поэтому среди коми практически не сложился двойной стандарт половой морали, когда добрачная половая связь мужчины не только не осуждается, но даже и приветствуется, а женщины за это подвергаются суровому осуждению и наказанию.

Однако в условиях второго демографического перехода, развернувшегося в промышленно развитых странах с начала 1980-х годов, и особенно докатившейся до России в конце указанного десятилетия сексуальной революции, эти исторические особенности матримониального поведения коми женщины оказывают определенное дезорганизирующее влияние на развитие брачно-семейных отношений и демографическую ситуацию в Республике Коми.

Республика Коми традиционно входит в первую десятку среди субъектов Российской Федерации по уровню внебрачной рождаемости: уступает лишь регионам, где в исторической перспективе была развита полигамия. С одной стороны, в основе этого, как и в других северных территориях, также характеризующихся повышенными показателями внебрачной рождаемости, во многом лежит количественная и качественная специфика состава населения республики, в формировании которого большую роль сыграла миграция (некоренное и особенно непостоянное население отличаются более низким уровнем социального контроля и самоконтроля – соответственно, в среде мигрантов повышенная вероятность разного рода девиаций, в том числе и в брачно-семейной сфере). Однако доля внебрачных рождений в Республике Коми (так же как и в Пермском крае – особенно Коми-Пермяцком автономном округе, который сейчас по удельному весу внебрачных рождений уступает, пожалуй, лишь Туве) заметно превышает уровень, характерный для других сырьевых регионов. Кроме того, как уже было отмечено, высокая доля рождений вне брака отмечалась на территории республики и в то время, когда миграция еще не играла значительной роли в формировании населения. Таким образом, совершенно очевидно, что высокий уровень внебрачной рождаемости в Республике Коми обусловлен также и особенностями брачно-семейного поведения коренного населения, причем связанными не с традициями многоженства, как у ряда этносов России, а, наоборот, с лояльным отношением к добрачному сексуальному опыту у женщин и к внебрачной рождаемости.

Конечно, широкое распространение межнациональных браков, имевшее место на протяжении всей истории заселения Коми края (исследователи даже отмечали это как одну из причин мирного характера колонизации края (*Понов, 1974, с.9*)) и достаточно сильно размывшее коми этнос, существенное взаимовлияние брачно-семейных традиций коренного населения и мигрантов, а также отсутствие статистики внебрачной рождаемости по национальности матери не позволяют выявить значимых различий в современном матримониальном поведении населения разной национальности. Однако об их сохраняющемся влиянии косвенно

свидетельствуют большие различия в моделях поведения городского и сельского населения, а также разница в уровне внебрачной рождаемости преимущественно русских и преимущественно коми сельских районов.

Несмотря на снижение последних лет, удельный вес внебрачных рождений в Республике Коми остается на уровне 39%. И следует подчеркнуть, что это наблюдается в условиях заметного мужского численного преимущества в активных брачных возрастах. При этом за последние двадцать лет республиканский уровень внебрачной рождаемости существенно оторвался от среднероссийского. Если в начале 1980-х годов доля внебрачных рождений в Республике Коми превышала уровень по России в целом на 18% (13% против 11), то в настоящее время – более чем на 40% (в 2005 г., когда наблюдался максимальный уровень: 42,3% против 30). В сельской местности республики доля внебрачных рождений с 2003 г. практически стабильно превышает половину всех рождений, а в некоторых сельских районах с преобладанием коми населения в отдельные годы достигает и даже превышает 60%. Кроме того, в последние годы в структуре внебрачных рождений вновь увеличивается удельный вес рождений, зарегистрированных по заявлению матери – с 2007 г. он больше 50%.

Вообще, во внебрачной рождаемости, на наш взгляд, сконцентрированы все проблемы рождаемости (и не только рождаемости – особенно в условиях преобладания мужчин на брачном рынке). Несомненно, что высокий – около 40%, а в сельской местности около 50% – уровень внебрачной рождаемости является дополнительным фактором снижения рождаемости. Как в фактических, не зарегистрированных юридически, браках, так и у матерей-одиночек количество детей к концу репродуктивного периода в среднем меньше, чем в полной, официально регламентированной семье. Кроме того, высокий удельный вес рождений вне брака, около половины которых регистрируется по заявлению одной матери, является фактором снижения качества рождаемости, как с точки зрения состояния здоровья детей, так и с точки зрения социализирующих возможностей семьи.

Худшее состояние здоровья, повышенная частота патологий развития детей, рожденных вне брака, определяется целым рядом факторов медико-социального характера. К ним можно отнести повышенную долю внебрачных рождений в самых молодых возрастных группах; значительный удельный вес первенцев; наличие в анамнезе женщин, не состоящих в браке, большого числа абортгов; более позднее обращение незамужних женщин в женскую консультацию и в связи с этим частое протекание беременности на фоне вовремя не диагностированных заболеваний; меньшую длительность лактационного периода; частое наличие стрессовой ситуации у незамужней женщины в период беременности; худшие в среднем условия, в которых растут внебрачные дети, особенно в неполных семьях, и пр. Неполные семьи, кроме того, обладают худшими социализирующими возможностями по сравнению с полными, поскольку они бедны поло-ролевыми

взаимодействиями. Зачастую они бедны экономически. Часто бывают маргинальными с точки зрения не только экономического положения, но и моральной и этической норм, нарушения важных внутрисемейных связей. Это усугубляется заметно более молодой возрастной структурой внебрачной рождаемости, которая как бы сдвинута в возрастные группы 15-19 и 20-24 лет, в то время как брачная довольно существенна и в группе 25-29, и даже в группе 30-34 лет.

Таким образом, высокий уровень внебрачной рождаемости является не только свидетельством широкого распространения в Республике Коми альтернативных форм семейной организации, но и дополнительным импульсом углубления демографических проблем. Он несет ответственность как за распространенность в республике фактических браков, характеризующихся по сравнению с официально зарегистрированными меньшей детностью и повышенной нестабильностью, так и за широкое распространение неполных семей, и, соответственно, за ухудшение структуры моделей семьи с точки зрения ее социализирующих возможностей, отчасти и за невысокий уровень рождаемости, и за омоложение ее структуры, и за снижение качества рождаемости, и за невозможность более или менее полной реализации низкого в республике мужского брачного потенциала, и, в связи с этим, отчасти даже за высокую мужскую смертность в трудоспособных возрастах. Иными словами, исторически сложившаяся специфика матримониального поведения коренного населения Республики Коми в настоящее время играет весьма неблагоприятную роль для демографического развития республики, в том числе и в плане качественных характеристик населения.

Литература

- Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. – М., 1977. – С.105-134.
- Володин П.* (Засодимский П.В.) Лесное царство // Журн. Слово. 1878. Книжка за сентябрь-октябрь. – С.57-88. Книжка за ноябрь. – С.145-185. – СПб. 1878
- Мозель Х.* Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. – СПб, 1864. – Ч.1.
- Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // Этнографическое обозрение. 1903. Книга 57. №2. – С.76-86.
- Попов К.* Зыряне и Зырянский край. Под ред. Попова Н.А. // Труды этнографического отдела. Книга 3. Вып.2 – М., 1874.
- Сажин С.Х.* Население села Чухлом: прошлое и настоящее (1600-2000 гг.). – Сыктывкар, 2000.
- Сорокин П.А.* Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС, 1910. №20.
- Сорокин П.А.* Современные зыряне // ИАОИРС, 1911. №18, №22, №23, №24.
- Сорокин П.А.* К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // ИВОИСК. – Вологда, 1917. Вып. IV.

Слюсар Л.И.

(Институт демографии и социальных исследований НАНУ, г. Киев,
Украина)

Брак и семья на Украине в 20-30-е годы XX века

Брачно-семейные процессы в современной Украине, в отличие от большинства стран Европы, характеризуются высокой динамичностью. Высокий по европейским меркам уровень брачности населения (в 2007 г. общий коэффициент брачности составил 9,0‰, в высокосном 2008 г. – 7,0‰), и очень низкий уровень безбрачия (процент мужчин и женщин, которые никогда не состояли в браке) – сопровождается нестабильностью брака, высоким уровнем разводимости, в том числе супружеских пар с детьми, и остротой соответствующих проблем. Схожая ситуация в соседних государствах – России и Белоруссии. Истоки нынешних социально-демографических проблем в этой сфере лежат в событиях 20-х – 30-х годов XX века, в форсированной модернизации брака и семьи, которая произошла в те годы.

В начале XX века институты семьи и брака в Украине, как и другие стороны общественной жизни, нуждались в обновлении, определенной модернизации. Однако большевики, придя к власти, приступили к «революционной перестройке» всего общества, и в отношении институтов семьи и брака далеко перешли меру необходимой модернизации, искусственно спровоцировав процессы, объективных предпосылок для которых в те годы не было.

В первые послереволюционные годы господствовали идеи построения новой искусственной модели социума, где предусматривалась ликвидация не только таких общественных институтов как собственность и государство, но и семья и брак. Получили распространение теории «свободной любви», «свободных сексуальных отношений», а семья и брак дискредитировались как патриархальные пережитки прошлого. Эти идеи широко пропагандировались партийными деятелями того периода, в первую очередь А. М. Коллонтай. Однако нежизнеспособность этих идей вскоре стала очевидна, и был взят курс на формирование новой социалистической семьи, которая, в отличие от семьи традиционной, отвечала бы потребностями и идеологическими установками «строительства коммунизма», потребностям нового пролетарского государства. В соответствии с новым идеологическим курсом было изменено законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения. Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», «О разводе», а также Семейный кодекс 1918 г. провозглашали свободу брака и развода, т.е. устранили все ограничения и ввели максимально упрощенную процедуру развода; церковь была

¹ Demographic yearbook, 2006. Table 23.: United Nations, New York, 2007.

полностью устранена от регламентации брачно-семейных процессов. Неограниченная свобода развода в условиях того времени, когда большинство семей были однодоходными (имели одного кормильца), часто оставляла женщину-домохозяйку без средств существования, что дало возможность государству форсировать вовлечение женщин в общественное производство, которое в период экстенсивной индустриализации требовало дополнительной рабочей силы. Семейный кодекс 1926 отменил обязательную регистрацию брака и уравнивал в правах незарегистрированный и зарегистрированный брак; юридический статус фактического (незарегистрированного) брака просуществовал до 1944 г.²

Искусственная ускоренная модернизация брачно-семейных отношений внесла изменения в естественный ход соответствующих социально-демографических процессов в Украине, в определенной степени расшатала семейные традиции, но не ликвидировала их первооснову – семейный образ жизни, приверженность большинства населения к семейной организации жизнедеятельности, которая формировалась на протяжении столетий и стала неотъемлемой частью ментальности украинского народа. Особенности демографических процессов на Украине в 1920-е годы обстоятельно проанализированы выдающимися украинскими демографами – Ю. А. Корчак-Чепурковским, М. В. Птухой, А. П. Хоменко. Их работы свидетельствуют, что развитие брака и семьи в этот период происходило, с одной стороны, в условиях новой социально-экономической среды и государственной политики, которая продуцировала новую систему ценностей и социальных стандартов, с другой стороны – под влиянием исторически стойких ценностей и норм семейной жизни украинского народа.

Изучая брачно-семейные процессы того времени, А. П. Хоменко писал: «Украина принадлежит к территориям с высокими показателями брачности, не имеющими явной тенденции к уменьшению».³ Действительно, уровень брачности в 1920-е годы резко возрос. В 1924-1929 годах на Украине ежегодно регистрировалось более 300 тыс. браков. Общий коэффициент брачности (количество браков в расчете на 1000 населения) колебался в пределах 10-12 ‰ (для сравнения, в 1906-1910 гг. он был равен 8,8 ‰, 1911-1914 гг. – 7,9 ‰)⁴ (рис. 1).

² Социология семьи. Под ред. А.И. Антонова. – Москва: ИНФРА-М, 2005.- С. 84-588.

³ Хоменко А. П. Семья и воспроизводство населения. (Избранные произведения). – М.: Статистика, 1980. – С.23.

⁴ Пустоход П., Трацевский М. Шлюбність на Україні // Праці Демографічного інституту, т. УІІ. – К., 1930, с.144, 187-188. (Цитата по: Чуйко Л. В. Динаміка шлюбності й розлучуваності на Україні// Демографічні дослідження, вип.. 2. – К.: Інститут економіки АН УССР, 1971, С.163-165.

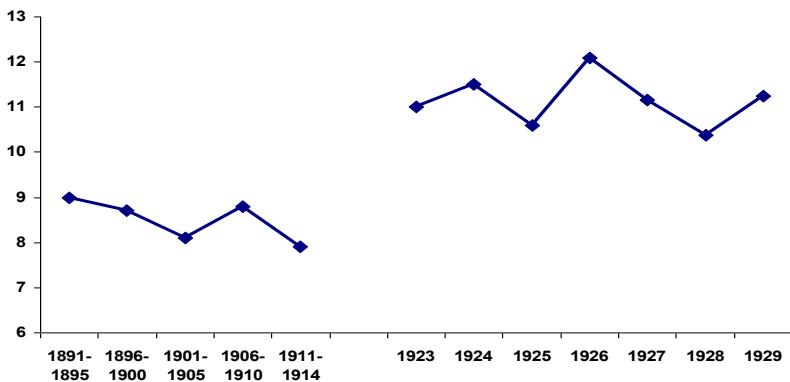

Рис. 1. Общие коэффициенты брачности населения Украины в 1891-1914 гг. и 1923-1929 гг., %

Источник: авторские расчеты по архивным данным, а также: Пустоход П., Трацевский М. Шлюбність на Україні // Праці Демографічного інституту, т. VII. – К., 1930, с. 144, 187-188. (Цитата по: Чуйко Л. В. Динаміка шлюбності й розлучуваності на Україні// Демографічні дослідження, вип.. 2. – К.: Інститут економіки АН УССР, 1971, с. 163-165).

Особенно возросли показатели брачности городского населения: в 1924-1925 гг. общий коэффициент брачности был равен 13-14 ‰. Специальный коэффициент брачности мужчин в городских поселениях в 1896-1897 гг. составил 47,9 ‰, в 1926-1927 гг. – 95,9 ‰; женщин соответственно 55,7 ‰ и 76,6 ‰ (табл. 1).

Ю. А. Корчак-Чепурковский на основе построенных им таблиц брачности за 1925-1928 гг. (это был первый опыт построения этих таблиц на территории бывшего СССР) пришел к выводу, что в результате высокой брачности на Украине не вступало в брак только 2,4% поколения женщин (для Баварии этот показатель составлял 12,5%, для Дании – 14,5%). Особенностью брачности украинских женщин являлась ее высокая интенсивность во всех возрастных группах, особенно в молодых. До 20 лет вступала в брак треть всех девиц⁵.

Следствием трансформации брачного поведения, а также соответствующих изменений в законодательстве стало распространение в Украине незарегистрированного, фактического брака. Однако А. П. Хоменко на основе проведенных им исследований утверждал, что основной формой

⁵ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. – М.: Статистика, 1970. – С.132-134.

брачных отношений являлся брак зарегистрированный, а фактические браки составляли не более 1/12 общего количества браков⁶.

Таблица 1. Специальные коэффициенты брачности населения Украины в 1896-1897 гг. и 1926-1927 гг.

	Количество браков на 1000 не состоящих в браке мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше		
	Все население	Городское население	Сельское население
1896-1897 гг.			
мужчины	83,2	47,9	92,6
женщины	87,4	55,7	94,8
1926-1927 гг.			
мужчины	111,6	95,9	116,3
женщины	86,0	76,6	88,7

Источник: Чуйко Л. В. Динаміка шлюбності й розлучуваності на Україні// Демографічні дослідження, вип. 2. – К.: Інститут економіки АН УССР, 1971, с. 176

Упрощение процедур как регистрации брака, так и его расторжения, привело к резкому росту уровня разводимости населения. Количество разводов в Украине за период с 1924 г. по 1929 г. увеличилось в 1,9 раза, в том числе в городских поселениях – более чем вдвое (рис. 2). Общий коэффициент разводимости (количество разводов в расчете на 1000 населения) вырос с 1,2 ‰ в 1923 г. до 2,5 ‰ в 1929 г.; в те годы это были одни из самых высоких показателей в мире.

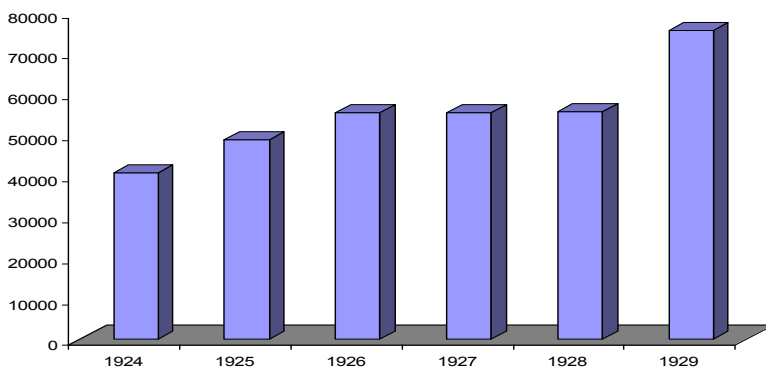

Рис. 2. Количество разводов на Украине в 1924-1929 гг.

Источник: архивные данные.

⁶ Хоменко А. П. Семья и воспроизводство населения (Избранные произведения). – М.: Статистика, 1980. – С.20-21.

Особенно высоким был удельный вес разводов среди коротких по продолжительности браков, что в значительной степени было следствием «слишком упрощенного» брачного законодательства. О нестабильности брачных отношений свидетельствует и рост коэффициента неустойчивости брака (соотношение количества разводов и браков). В 1925-1928 гг. на 100 зарегистрированных браков приходилось 16-17 разводов, в 1929 г. – почти 22 развода. Если в сельской местности традиции прочности брака еще не были разрушены, то в городах соотношение браков и разводов составляло 4:1 (табл. 2).

**Таблица 2. Коэффициент нестабильности брака на Украине
в 1924-1929 гг., %**

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1924	12,9	17,7	11,6
1925	16,5	22,1	15,0
1926	16,0	24,1	14,1
1927	16,8	25,3	14,5
1928	17,8	26,6	15,2
1929	21,9	32,2	18,9

Источник: авторские расчеты по архивным данным

Резкое увеличение количества разводов в условиях старой традиционной модели экономических отношений в семье (муж-кормилец и жена-домохозяйка, которая не имеет самостоятельного дохода) привело к обострению социально-демографических проблем, в первую очередь к ухудшению условий жизни женщин, а также детей, родители которых развелись. По данным Ю.А.Корчак-Чепурковского, две пятых разводов происходило по инициативе мужа, одна четверть – жены, и одна треть – по инициативе обеих сторон, т.е. инициаторами развода в большинстве случаев были мужчины. На 100 разводов брачных пар, которые имели детей, приходилось 174 ребенка. В большинстве случаев (61% разводов супругов с детьми) дети оставались с матерью, в 22% разводов – с отцом, в 16% – дети были поделены между родителями (1% – нет данных)⁷.

В целом следует отметить, что форсированная искусственная модернизация брачно-семейных отношений в условиях отсутствия соответствующих экономических и социальных предпосылок привела к деструктивным явлениям в развитии брака и семьи, к обострению ряда социально-демографических проблем. Однако этот трансформационный процесс был прерван катастрофическими событиями 1930-х годов – Голодом 1932-1933 гг., который имел трагические последствия для

⁷ Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. – М.: Статистика, 1970. – С.115-118.

украинского народа, в том числе для украинской семьи: миллионы людей погибли, были разрушены тысячи семей. В 1932 г. количество браков, зарегистрированных в Украине, по сравнению с 1929 г. уменьшилось на 40%, в том числе в сельской местности – на 50%. Хотя в последующие годы количество браков несколько возросло, высокий брачный потенциал сельского населения Украины был утрачен навсегда. Резко снизился общий коэффициент брачности (количество браков в расчете на 1000 населения): в сельской местности за 1929-1932 гг. – почти вдвое, в городах – на 26% (рис. 3). Это свидетельствует о том, что в результате голодомора произошло не только уменьшение численности населения в сельской местности, но были разрушены природные процессы воспроизводства населения, что присуще периодам войн и социальных катастроф.

Несмотря на резкое падение уровня брачности, и в те годы процесс воспроизводства населения полностью не прекратился, мужчины и женщины вступали в брак, создавали новые семьи. Архивные материалы дают нам возможность проанализировать структуру браков по возрасту жениха и невесты в 1932-1934 гг. и рассчитать возрастные коэффициенты брачности (соотношение количества браков, заключенных мужчинами и женщинами определенного возраста, к численности соответствующих групп населения). Почти половина браков заключались женщинами и мужчинами в возрасте 20-24 года. У мужчин значительная часть браков приходится также на возраст 25-29 лет. Женщины традиционно начинали супружескую жизнь раньше: в каждом четвертом браке возраст невесты до 20 лет. По нашим расчетам, средний возраст жениха в городах был равен 27-28 годам, в селах – 25. Средний возраст невесты соответственно 24-25 лет и 22-23 года.

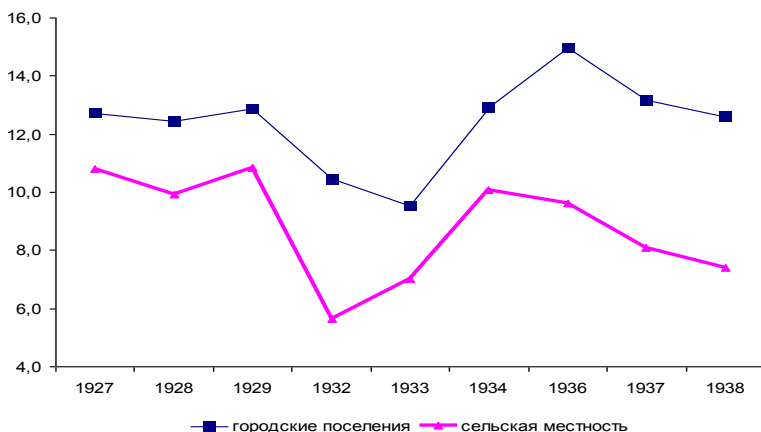

Рис. 4. Общие коэффициенты брачности городского и сельского населения Украины в 1927-1938 гг., %

Источник: авторские расчеты по архивным данным

Максимальное значение возрастных коэффициентов брачности у женщин в возрастной группе 18-19 лет, у городских мужчин – в 25-29 лет, сельских – 20-24 года. Ранняя брачность была характерна для жительниц и городов и сел, а вот брачное поведение городских мужчин имело определенные отличия: они заключали брак в более старшем возрасте, чем сельские мужчины, соответственно кривая их возрастных коэффициентов брачности имеет значительный сдвиг вправо (рис. 5).

Социальные катастрофы 1930-х годов: голод в 1932-1933 гг. и репрессии второй половины 1930-х годов деформировали воспроизводство населения Украины, но традиционная ориентация на семейный образ жизни сохранилась. По данным переписи населения 1939 г., лишь 1,3% населения Украины проживала одиноко, вне семьи; 9,6% – это члены семей, временно проживающие отдельно, а подавляющее большинство населения (89,1%) проживало в составе семьи.

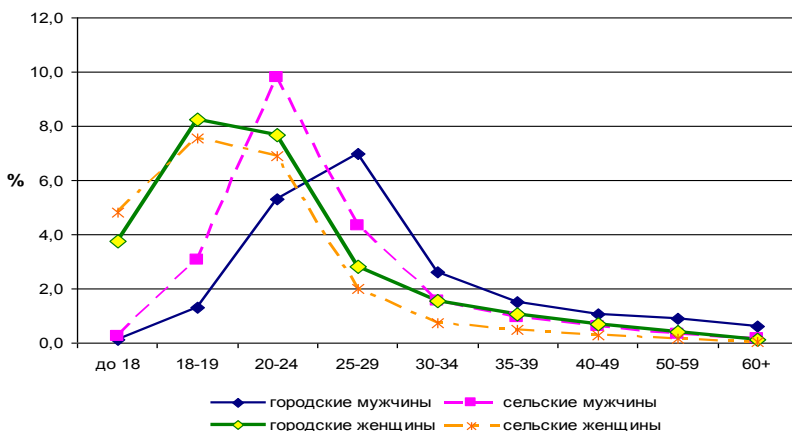

Рис. 5. Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин городов и сельской местности Украины в 1932-1934 гг., %

Источник: авторские расчеты по архивным данным

В 70% из 7184,8 тыс. украинских семей проживало не более четырех человек (рис. 6). Следовательно, семьи были не слишком большими, можно предположить, что уже начался процесс нуклеаризации семьи. По нашим расчетам, средний размер семьи составлял 3,84 человека. Данные переписи населения 1939 г. также свидетельствуют, что подавляющая часть мужчин и женщин в возрасте старше 30 лет состояла в браке (табл. 3).

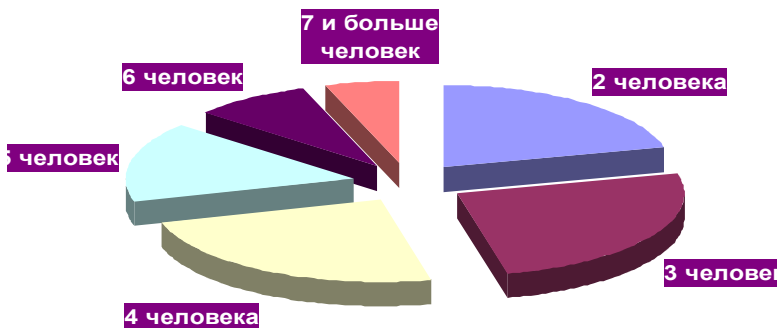

Рис. 6. Распределение семей по размеру на Украине по данным переписи 1939 г.,%

Таблица 3. Количество лиц, состоящих в браке, в расчете на 1000 лиц соответствующего пола и возраста на Украине на момент переписи населения 1939 г.

	на 1000 лиц данного возраста состояли в браке:						
	в возрасте 15 лет и старше	в том числе в возрасте:					
		15-16	17-19	20-29	30-39	40-49	50 лет и старше
мужчины	675	0,9	27	567	925	955	857
женщины	584	7	143	690	806	734	416

Источник: авторские расчеты по данным переписи населения 1939 г.

Последующие шаги государства по укреплению брака и семьи в 1930-е и 1940-е годы – запрет абортов, введение санкций при разводе, уголовная ответственность за неуплату алиментов согласно постановлению 1936 г., а затем существенное ограничение свободы разводов согласно указу 1944 г – были в основном репрессивного характера. Эти меры хотя и уменьшили количество разводов, однако не изменили условий реализации специфических функций институтов брака и семьи, не способствовали улучшению внутрисемейных отношений. Были предприняты определенные позитивные шаги по государственной поддержке, в первую очередь экономической, семей с детьми, но одновременно усилился партийный и государственный контроль над личной жизнью, над всеми сферами жизнедеятельности семьи. Показатели официальной статистики

улучшились, однако острота противоречий в функционировании брака и семьи в условиях тоталитарного контроля государства не уменьшилась.

В заключение следует отметить, что существует точка зрения, что политика искусственной модернизации семейных отношений 1920-х годов и социальные катастрофы 1930-х годов разрушили традиционные первоосновы семейной жизни, деформировали институты брака и семьи. По нашему мнению, семья как основная ячейка воспроизводства населения в целом выдержала этот, казалось бы, сокрушительный удар. Однако искусственное нарушение естественного хода демографических процессов, в том числе и брачно-семейных, принесло значительные как количественные, так и качественные потери, деформировало брачный потенциал украинского населения. Негативные тенденции развития брака и семьи, которые сформировались в 1920-е - 30-е годы – в первую очередь нестабильность брака, высокая вероятность развода даже при наличии в семье детей, снижение ценности семьи в жизни личности – стали традиционными на протяжении многих последующих десятилетий.

Региональная, мировая и этническая демография

Артыкбаев Р.Д.

(Национальный университет Узбекистана, г.Ташкент)

История демографического развития крупнейшего столичного города (на примере Ташкента)

Центральная Азия относится к тем регионам мира, где еще в глубокой древности появились города. Как показывают многочисленные археологические и древние литературные источники, здесь немало городов, возникших более двух тысячелетий тому назад (Мары, Самарканд, Бухара, Хива, Шахрисабз и другие). Осенью 2009 года Ташкент отмечал свое 2200-летие (при непосредственном участии ЮНЕСКО). Исследования названий местности Ташкентского оазиса показывают, что большинство древних топонимов имеют тюркские и согдийские корни. Эта особенность проявляется и в названиях Ташкента. Самое древнее название, указанное в письменных источниках – Чач. В китайских источниках приобретает формы Ши, Чжеши, Юени, а арабских – Чач или Шаш [1, с.11]. Вплоть до 10 века город назывался Бинкент, а затем приобрел современное название.

В демографической истории в самом общем виде можно выделить 3 этапа:

- 1) дореволюционный период (до 1917 года);
- 2) советский период (1917-1991 годы);
- 3) период независимости (с 1991 года по настоящее время).

Данные, статистически точно определяющие численность населения г. Ташкента, вплоть до конца 18 века отсутствуют, а информация до Всероссийской переписи населения 1897 года заключается либо в оценках,

либо в косвенных приблизительных расчетах. Так, по подсчетам Ю.А.Соколова, численность населения города к концу 18 века была немногим более 40 тыс. человек и он значительно уступал Бухаре [2, с.58]. Особенно возрос интерес к изучению города в период завоевания его Россией. По данным русской «Организационной комиссии», изучавшей «азиатский» Ташкент по заданию российской администрации в 1868 г., численность его населения в начале 1860-х годов определялась в 60 тыс. человек [2, с.115]. По приблизительному подсчету, произведенному А.К.Гейнсом, при кокандском владычестве в Ташкенте было около 20 тыс. домов и 150 тыс. жителей [3, с.42]. Прибывший в 1891 году из Хивы в Ташкент поэт Камил Хорезми (1825–1899) написал балладу об этом городе [4]. Поэт при характеристике Ташкента отметил, что его население составляет 100 000 человек [5].

Наиболее точную цифру дает перепись 1897 года, согласно которой в городе проживало 155,7 тыс. человек. [6, с.348]. В исследуемом городе, как впрочем, и во всем Туркестанском крае, численность мужчин резко преобладала над численностью женщин (соответственно 54,1 и 45,9%), что непосредственно отражалась на воспроизводстве населения. Такое обстоятельство объяснялась бесправным положением женщины в семье и обществе, ранними браками, многоженством, отсутствием системы здравоохранения и т.д., иными словами, социально-экономическими условиями.

Впервые были определены численность и половозрастное распределение населения Ташкентского уезда Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. В то время в состав Ташкентского уезда входили сам город и его окрестности. Согласно данным 1897 года, всего в Ташкентском уезде проживали 448 493 человек, из которых 249 915 (56%) составляли мужчины и 198 578 человек (44%) женщины [7]. В городе Ташкенте проживало 155 675 человек (88 214 мужчин и 67 459 женщин), в окрестностях Ташкента проживало 292 820 человек (161 701 мужчин и 131 119 женщин). В источнике по итогам переписи 1897 года также приводятся данные о половозрастной структуре, согласно которым население в возрасте до 9 лет составляло 22%, в возрасте 10–19 лет – 17%, в возрасте 20–29 лет – 22%. Таким образом, основную часть населения (61%) составляли лица в возрасте до 30 лет, их которых почти две трети составили мужчины. Следовательно, в тот исторический период резко преобладало мужское население.

Согласно данным историка Хуршиды Юнусовой, в 1902 году население Ташкента составляло около 100 000 человек [11].

Если основываться на данных «Узбекистон миллий энциклопедияси» («Национальной энциклопедии Узбекистана»), то к началу 20 века численность населения города относительно уменьшилась, и в 1910 году Ташкент насчитывал 146 тыс. жителей, а число домов достигало 21 тыс. [8]. Согласно исследованиям историка Ж.Исмаиловой, в «новом городе»,

образовавшемся после завоевания Ташкента русскими, в 1867 году проживало около 3 тыс. человек, при этом из них 1125 – воины, 356 – женщины [9]. В 1911–1913 годах особенно быстро увеличилось население старгородской части исследуемого города, которое достигло 82 851 человек. Это были в основном представители европейских национальностей. Вместе с тем постепенно в этой части города начинают появляться (хоть и в малом количестве) представители местных национальностей, что, естественно, приводило к изменению этнического состава жителей города. Вообще следует отметить, что в отдельные периоды 20 века объем миграции людей в Ташкент, так же, как и из Ташкента, был значительным. Причины здесь разнообразные – экономические (трудовая миграция), политические, семейные, культурные, военные (эвакуация мирных жителей и предприятий и учреждений из западных регионов в годы второй мировой войны), чрезвычайные ситуации и т.д.

Таблица 1

Динамика изменения численности населения Ташкента

Годы	Численность населения, тыс. человек	Годы	Численность населения, тыс. человек
1902	164,0	1965	1174,3
1910	191,5	1970	1384,5
1920	232,6	1975	1595,1
1925	301,0	1980	1801,5
1930	375,0	1985	1926,2
1935	474,0	1990	2133,6
1940	600,0	1995	2097,4
1945	642,0	2000	2142,3
1950	626,1	2005	2135,7
1955	734,2	2008	2146,9
1960	1000,2	2009	2192,7

В романе Александра Неверова «Ташкент – городок хлебный» рассказывается о судьбе многих людей, мигрировавших из Поволжья, где в 20-е годы прошлого столетия царил голод, в поисках еды в Ташкент, в котором в те годы не наблюдался голод [12]. (В советские годы был снят и одноименный художественный фильм).

К числу значительных чрезвычайных ситуаций, изменивших «демографический портрет» Ташкента, следует отнести происшедшее 26 апреля 1966 года сильное землетрясение (силой около 8 баллов). Это стихийное бедствие нанесло столице Узбекистана огромный людской и материальный ущерб. Было повреждено или разрушено более 28 тыс. жилых домов, остались без крова 35 тыс. семей, свыше 100 тыс. людей. Разрушено или повреждено 200 детских дошкольных учреждений, 180 учебных

заведений и зданий, около 200 медицинских учреждений, больниц, поликлиник, 100 культурно-бытовых и коммунальных предприятий [13].

Тысячи семей были выведены из аварийных квартир и временно размещены в брезентовых палатках. Семьям, оставшимся без крова, было предоставлено 4200 комнат и 59 общежитий высших и средних специальных учебных заведений. Все союзные республики приняли участие в восстановлении Ташкента. Силами воинов армии был построен на «чистом месте» город-спутник Сергели, где жильё получили 28 600 семей [14, с. 185]. Таким образом, землетрясение 1966 года и восстановительный период (до 1970-х годов) оказали непосредственное влияние на численность, состав и внутригородское размещение населения исследуемого города.

Среднегодовые темпы прироста населения Ташкента таковы (в процентах): в 1910-1920 гг. – 1,95; в 1925-1940 гг. – 4,5-5,3; в 1940-1945 гг. – 1,4; в 1945-1950 гг. – (-0,5); в 1950-55 гг. – 3,2; в 1955-60 гг. – 6,4; в 1960-75 гг. – 3,3; в 1975-80 – 2,5; в 1980-1985 гг. – 1,4. Начиная с 1985 года и до конца 20 века общий прирост населения Ташкента был минимальным, а в отдельные годы миграционный прирост даже не покрывал естественную убыль.

Соотношение естественного и миграционного прироста населения Ташкента носит исторический характер и, в конечном счете, определяет общий прирост населения города. Весьма велика роль всех видов миграции (международные, внутриреспубликанские, внутригородские; безвозвратные, сезонные, учебные, туристические и т.д.) в воспроизводстве населения исследуемого мегаполиса. Так, по данным Госкомитета по статистике Республики Узбекистан, за 1990–1999 гг. население Ташкента увеличилось в целом лишь на 18,6 тыс. человек, потому что потеряло за счет миграции 190,6 тыс. человек. За годы независимости максимальный отток населения наблюдается в 1994 г. – 47,1 тыс. человек, а минимальный – в 1998 г. – 0,9 тыс. человек. География внешней миграции весьма обширна, причины миграции также многообразны. Среди выехавших на постоянное жительство в страны ближнего и дальнего зарубежья есть и реэмигранты, т.е. обратно вернувшиеся в Ташкент. Республиканский Центр изучения общественного мнения “Ижтимоий фикр” в 1998 г. провел социологический опрос среди 100 реэмигрантов, работающих в столичных предприятиях. Результаты опроса свидетельствуют о межконфессиональной и этносоциальной толерантности, существующей в республике. Вследствие исторических особенностей развития Ташкент издавна был и остаётся многонациональным городом. Каждая шестая семья в столице – национально-смешанная. После 1991 года в столице независимого государства открываются посольства, консульства, офисы международных организаций, совместных предприятий, развивается иностранный туризм и т.п., что, несомненно, привело к увеличению количества проживающих в городе иностранцев. Нередки межнациональные браки с иностранцами

(чаще – с корейцами, турками, арабами, следствием которых являются семейные миграции).

Если сейчас Ташкент является четвертым в СНГ городом по численности населения, то в перспективе по данному показателю с учетом более высокого уровня рождаемости, преобладанием молодежи в половозрастной структуре и особенностями миграции обгонит Киев и выйдет на третье место. Существует прогноз, согласно которому в 2015 г. численность населения Ташкента составит 2 416 тыс.; в 2020 г. – 2 636 тыс., в 2025г. – 2 892 тыс. человек [15].

"Исследовательская группа глобализации и мировых городов" (Globalization and World Cities Study Group - GAWC) из британского Университета Лафборо предложила эмпирически доказанную, интересную и современную классификацию мировых городов, основанную на ранжировании на базе балльной оценки функций городов в сфере четырех типов высших услуг: бухгалтерский учет и аудит, реклама, финансы и банки, страхование. В данном исследовании Москва перечисляется в группе главных «мировых городов», а Ташкент – в списке формирующихся «мировых городов» (наряду с Киевом, Алматы и Санкт-Петербургом) [16].

Литература

1. JannatMakon, 2009, № 9, с.11.
2. Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент: Узбекистан, 1965. 190 с.
3. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент,1912, 520 с.
4. Юнусов М. Комил Хоразмий. Даври, хаёти ва ижоди. Тошкент, 1960, с.47-49 (на узб.яз.).
5. Комил Хоразмий. Девон. Фонд Института востоковедения АН Р Уз, №1025 (на узб.яз.).
6. Масальский В.И. Туркестанский край/ Под ред. В.П.Семенова-Тянь-Шанского. Санкт-Петербург: Изд. А.Ф.Девриена,1913, 861 с.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т.Т.51-89. СПб., 1899-1905 (Итоги по губерниям окраинных частей Российской империи).
8. Узбекистон миллий энциклопедияси. (Национальная энциклопедия Узбекистана), том 8, Тошкент: 2004, с.519. (на узб.яз.).
9. Исмоилова Ж. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошларида Тошкентнинг “янги шаҳар” қисми тарихи.(История «новгородской части» Ташкента во второй половине XIX века – начале XX века). Тошкент: Фан ва технология, 2004, с.12. (на узб.яз.).
10. Там же, с.16.
11. Юнусова Х. Тошкентда 1892 йилги халк кузголони.(Народное восстание 1892 года в Ташкенте). Тошкент, 1998, с.38. (на узб.яз.).
12. JannatMakon, 2009, № 9, с.86-93.
13. Экономика и жизнь, 1971, № 3, с.72.

14. Ташкент в период развитого социализма / Редкол.-Ташкент: Фан, 1983.-326 с.
15. <http://esa.un.org/undp/p2k0data.asp/>.
16. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0343/tema02.php>.

Баженова Е.С.

(Институт Дальнего Востока РАН, Москва)

Население Китая в зеркале истории

Расчеты численности населения мира в целом и отдельных его регионов и стран с древних времен и до второй половины XIX века являются ориентировочными. Они основаны на косвенных источниках, сопоставлениях и демографическом моделировании. Как правило, прямых сведений о населении оказывается чрезвычайно мало, они преимущественно черпались из трудов историков, летописцев, литературных памятников и носили отрывочный, противоречивый характер. Чаще всего это были оценки, отражавшие уровень знаний той эпохи в целом. Причем многие показатели, например, численность населения, определялись косвенным путем. Учет населения, проводившийся в древности в отдельных странах, был неполным, так как охватывал не все категории населения.

Однако данное положение нельзя полностью применить к Китаю, где в отдельные исторические периоды, в частности, в эпоху династий Хань и Тан, проводились переписи населения в масштабах всей страны (например, во 2 г. н.э., 140 г. н.э. и 742 г. н.э. соответственно). Факт проведения переписей населения в Китае в те годы, когда во многих странах мира еще отсутствовала государственность, отмечают не только китайские демографы, но и многие западные ученые. В частности, известный историк-демограф Х.Биленштейн еще в конце 40-х гг. XX века в своей известной статье о переписях населения в древнем Китае отмечал наличие такого механизма учета населения как перепись, которая была необходима китайским императорам для определения размера и порядка налогообложения, отбывания трудовой и воинской повинности и оценки произведенного в стране продукта (Подробнее см.: Bielenstein Hans. The Census of China during the Period 2-742 A.D./ The Museum of Far Eastern Antiquities (Ostasiatiska Samplugarna). Bulletin No.19. Stockholm, 1947. Pp.125-163). В то же время во Франции впервые перепись населения была проведена только в 1665 году, в Швеции - в 1749 году, в других странах Европы - еще позже. О проведении регулярного учета населения в Китае говорил и отец Иакинф (Н.Бичурин). Он в своей работе упоминал о первой, как он считал, поголовной переписи в Китае по семействам и душам в 703 году по Р.Х., а также дал подробную информацию о результатах переписи населения Китая 1812 года (Цит по: Н.Я.Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. М., Восточный дом. 2002. сс.77-78).

На наш взгляд, можно вполне согласиться с Н.Бичуриным и Х.Биленштейном о том, что уже в древнем Китае постоянно проводились именно поголовные переписи населения, результаты которых должны были подтвердить или в какой-то степени скорректировать результаты постоянного учета и регистрации населения страны. Однако следует отметить, что для их проведения не было отведено определенного времени, и они проводились только в спокойные годы в стране, когда не было внешних войн и внутренних беспорядков.

Сведения, полученные в ходе регистраций и переписей, проводившихся в Китае в течение многих столетий, дают информацию о численности населения, его распределении по территории, данные для исчисления демографических показателей. Однако сбор подобных материалов не носил систематического характера по различным внешним и внутренним причинам, связанным с ведением внешних войн и внутренних беспорядков на всей территории, или на части территории страны. Как правило, собранные данные включали лишь общие цифры о численности населения и часто были несопоставимы, поскольку основной целью регистрации населения было получение сведений для налогообложения, отбывания трудовой и воинской повинности.

При учете населения в основу подсчета закладывались различные показатели - число семей (дворов), общая численность населения, число мужчин определенных возрастных групп, число налогоплательщиков (*дин*). Иногда в исторических хрониках приводились данные о размерах армии и чиновничества.

Учеты населения часто были неполными. Они охватывали не все категории населения, не совпадали размеры территорий, на которых проводились переписи. Качество учета зависело от порядка налогообложения и отбывания трудовой и воинской повинности. Поэтому вполне естественно, что во все времена было широко распространено уклонение от учета (*лоуху, лоукоу*). Тем не менее, в исторической ретроспективе результаты таких переписей дают нам общую картину роста и развития населения Китая с древнейших времен до наших дней.

Анализ многочисленных исторических источников и материалов переписей населения показывает, что огромная численность населения Китая формировалась в течение многих тысяч лет в процессе очень медленного демографического роста под влиянием особенностей географической среды, социально-экономического развития, культуры, религий и традиций. В 2140 г. до н.э. (эпоха Ся) общая численность населения Китая составляла примерно 13 млн. человек. После этого примерно в течение 2000 лет общая численность населения Китая колебалась вокруг показателей 11-15 млн. человек за исключением периода династии Цинь - примерно 20 млн. человек в 221 г. до н.э. (См.: Чжан Вэньлинь, Се Шуцзюнь. Чжунго жэнькоу ши (История народонаселения Китая). Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1984. С.13-42).

В начале нашей эры численность населения Китая, по оценкам, составляла около 60 млн. человек. В те времена население Китая превышало численность европейского и африканского населения в 2 раза и достигала 2/3 населения Азии и 1/3 населения мира. Судя по данным, приводимым различными исследователями, в течение I тысячелетия н.э. численность населения Китая оставалась относительно стабильной и к началу II тысячелетия составляла примерно 60-80 млн. человек (см. таблицу 1 ниже).

К 215 году (период Троецарствия) число жителей Китая уменьшилось до 15 млн. человек, а через полтысячи лет - в 752 году, в период расцвета Танской династии, выросло до 80 млн. Впервые отметки в 100 млн. человек население Китая достигло к концу XI в. в годы династии Сун, ко времени "Опиумных войн" (1840 г.) стремительно увеличилось уже до 410 млн. человек, а к началу Тайпинского восстания (1851 г.) - до 452 млн. человек. Быстрый рост численности населения в указанный период был обусловлен не только реальным увеличением темпов прироста населения в результате относительно благоприятных природных и климатических условий (не было значительных стихийных бедствий), обеспеченностью растущего населения продовольствием, стабильностью политической ситуации в стране, но и влиянием чисто статистических факторов. Свое воздействие оказало повсеместное введение системы учета населения «баоцзя» (вторая половина XVIII века), что повысило точность учетов населения. Система была распространена как на сельскую, так и городскую местность, она постепенно стала охватывать и районы проживания некитайского населения, которое также стало подлежать учету. Однако, ускорение роста населения во второй половине XVIII века сменилось замедлением в первой половине XIX века. Сказывалось обострение внешнеполитической обстановки в стране, приведшее к Тайпинскому восстанию, серьезные стихийные бедствия, ухудшение продовольственной ситуации (Подробнее см.: Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении, М., Наука. 1992. С.27). Эта численность населения с некоторыми колебаниями сохранялась до начала XX века (442,9 млн. человек в 1911 г.), а к 1949 г. произошел новый скачок роста численности населения до 549 млн. человек., как показано в таблице 1.

Обращаясь к оценкам численности населения Китая из разных источников до 1949 г., нельзя забывать о нерегулярности и неточности учета. Данные из разных источников примерно корреспондируют между собой, однако данные китайских переписей оказываются ниже, чем оценки различных исследователей как китайских, так и иностранных, поскольку материалы переписей и учетов населения часто не охватывали окраинные территории, которые были частью Цинской империи, на них проживали большей частью неханьские народы (Синьцзян, Тибет, Внутренняя и Внешняя Монголия и др.). Во второй половине II тысячелетия (династия Цин) оценки численности населения Китая заметно различаются, однако, несмотря на их противоречивость, имеющиеся данные свидетельствуют о

быстром увеличении темпов роста населения Китая - с 90,7 млн. человек в 1661 г. до 442,9 млн. человек к началу Синьхайской революции в 1911 г. (См.: Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении, М., Наука. 1992. С.28).

Таблица 1

Оценки численности населения Китая (млн. чел.)

Год	Численность (млн. чел.)	Год	Численность (млн. чел.)
2140 г. до н.э.	13,7*	1393	93,0**
684 г. до н.э.	11,8*	1566	166,3**
221 г. до н.э.	20,0**	1661	90,7**
120 г. до н.э.	40,0**	1721	150,6**
90 г. до н.э.	30,6**	1751	181,8**
2 г. н.э.	59,5*	1794	313,3*
88 г. н.э.	43,3*	1800	295,2*
157 г. н.э.	56,5*	1820	353,4*
280 г. н.э.	25,1**	1851	452,2*
604 г. н.э.	50,3**	1861	412,6**
705 г. н.э.	37,1*	1874	358,9*
755 г. н.э.	52,9*	1901	426,4*
821 г. н.э.	53,5*	1911	442,9**
1003 г. н.э.	28,5*	1919	468,3**
1063 г. н.э.	52,8*	1925	483,8**
1110 г. н.э.	120,7**	1928	495,4**
1207-1223	124,8**	1936	469,7**
1291	60,5*	1945	516,4**
1381	59,9*	1949	549,1**

Составлено по: Чжан Вэньлинь, Се Шуцзюнь. Чжунго жэнькоу ши (История народонаселения Китая). Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1984; Лу Юй, Тан Цзэчжи. Чжунго жэнькоу тунши (Всеобщая история народонаселения Китая), Цзинань, Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2000; Хоу Янфан. Жэнькоуши (История народонаселения). Т.6. 1910-1953 гг. Шанхай, Изд-во Фуданьского ун-та, 2001.

Примечание: * по данным переписей и учетов населения Китая за разные годы; ** оценки исследователей.

Китай – страна с самым многочисленным населением в мире. В Китае и Индии численность населения больше, чем в 22 следующих, самых многонаселенных странах, вместе взятых. За 60 лет, прошедших после образования КНР, численность ее населения возросла в 2,5 раза, увеличившись с 542 млн. человек в 1949 г. до 1328,02 млн. в 2008 г. (Чжунго тунцзи чжайяо – 2009. Пекин, 2009. С.38). Ни одна страна на земном шаре не имеет такой абсолютной численности населения. Следует отметить, что за первую половину XX века население Китая выросло лишь на 50-60 млн.

человек, темпы его прироста составляли 0,3% в год. (Жэнькоу яньцзю. 1983. Т.1. № 1. С. 6).

Первую достоверную информацию о численности населения КНР дала общенациональная перепись 1953 г. Согласно ее результатам, в КНР по состоянию на 1 июля 1953 г. насчитывалось 582,6 млн. человек (таблица 2). Официальные данные о росте населения за 1949-1957 гг. были опубликованы в правительственных изданиях. Они перестали публиковаться с 1958 г., и в последующий период времени оценки производились на основе переписи 1953 г. с учетом имеющейся демографической информации и использованием аналитических методов для определения общих тенденций изменения численности и структуры населения на перспективу.

Лишь в конце 1960-х гг. появились новая информация о численности населения КНР. Эти данные (694,6 млн. человек) были итогом переписи 1964 г. Ее результаты официально были опубликованы после проведения третьей Всекитайской переписи населения 1982 г. как база для сравнения результатов трех переписей населения – 1953, 1964 и 1982 гг.

По состоянию на 1964 г. были опубликованы данные об общей численности населения страны, численности населения по провинциям, городам центрального подчинения и автономным районам, а также национальный состав, возрастно-половая структура и образовательный уровень населения. В 1964 г. ничего не сообщалось о проведении общенациональной переписи населения. Не было известно, какими методами она проводилась, каковы ее результаты. Но, начиная с 1966 г. в китайской печати стала фигурировать цифра «700-миллионный китайский народ», тогда как ранее использовалась другая цифра – 650 млн. человек.

Перепись 1982 г. привлекла особое внимание демографов всего мира, поскольку от данных по Китаю, число жителей которого на тот момент составляло 1/5 населения земного шара, зависели оценки и прогнозы населения огромного региона Азии и мира в целом, а их отсутствие создавало множество проблем для специалистов в области статистики. Материалы переписи населения 1982 г. показали, что население 29 провинций, городов центрального подчинения и автономных районов составило 1 008 175 288 человек (The 1982 Population Census of China (Major Figures). Compiled by the Population Census Office under the State Council. Hongkong, 1982. P.1).

Согласно результатам четвертой Всекитайской переписи 1990 г., число жителей страны достигло 1 133 682 501 человека (Communique of the State Statistical Bureau of the People's Republic of China on Major Figures of 1990 Population Census. Beijing, 1990. P.1). По данным пятой Всекитайской переписи 2000 г. численность населения составила 1265,83 млн. человек.

За 11 лет между двумя переписями (1953 г. и 1964 г.) численность населения возросла на 112,0 млн. человек (19,2%); она увеличивалась в среднем на 10,2 млн. в год. За второй, 18-летний межпереписной период (с

1964 по 1982 г.) абсолютный прирост составил 313,6 млн. (45,1%); ежегодно в среднем число жителей страны увеличивалось на 17,4 млн. человек. За третий, также 18-летний межпереписной период (с 1982 по 1990 г.) абсолютный прирост составил 125,5 млн. человек (12,45%), ежегодное увеличение – 15,7 млн. человек, т.е. 1,48%. За четвертый 10-летний период (1990-2000 гг.) число жителей страны возросло на 132,1 млн. человек (10,4%), ежегодный прирост – 13,2 млн. человек. (Communique of the State Statistical Bureau of the People's Republic of China on Major Figures of 1990 Population Census. Beijing, 1990. P.1; Чжунго тунцзи няньцзянь - 2006 (Китайский статистический ежегодник - 2006). Пекин, Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2006. С.102).

В материалах 5-й Всеитайской переписи населения 2000 г., которые были опубликованы летом 2003 г., помимо обычных данных о численности населения, рождаемости, смертности, уровне грамотности и образования, плотности населения по провинциям, национальном составе, возрастнополовой структуре были также опубликованы дополнительные данные о миграции населения по территории КНР и состоянии жилищного фонда страны, включая данные об обеспеченности жильем китайских семей.

Материалы переписи населения 2000 г. показали следующие основные тенденции развития населения: происходит постоянный рост численности населения КНР с преобладанием мужского населения над женским, уменьшаются размеры семьи (средний размер семьи стремительно уменьшился с 4,33 человек в семье в 1953 г. до 3,44 человек в семье в 2000 г.), растет доля населения в трудоспособном возрасте и пожилого населения в возрасте свыше 65 лет, в национальном составе сохраняется подавляющее преобладание китайцев (ханьцев) - свыше 90% населения, происходит постоянный рост уровня образования с увеличением доли высшего и среднего специального образования, идет быстрое снижение неграмотности - с 15% в 1982 г. до 6% в 2000 г. и увеличивается доля городского населения при сокращении сельского. (Таблица 2).

Несмотря на проводимую руководством КНР политику контроля над рождаемостью и уменьшение суммарного коэффициента рождаемости с 6,1 в 1964 г. до 2,6 в 1982 г. и 1,8 в 1995-2000 гг. (См.: Е.С.Баженова. Китай в демографическом измерении. М., Наука, 1992., С.514; World Population Prospects. The 2002 Revision. V.1. United Nations, New York, 2003. Pp.172-173), рост численности населения Китая продолжается, хотя и гораздо более медленными темпами, чем в 50-70-е гг. Основной составляющей этого роста является высокая абсолютная численность населения страны.

Таблица 2

**Сравнительные характеристики населения КНР по данным переписей
1953, 1964, 1982, 1990 и 2000 гг. (млн. чел.)**

	1953	1964	1982	1990	2000
Общая численность	594,35	694,58	1008,18	1133,68	1265,83
Мужчины	307,99	356,52	519,44	584,95	653,55
Женщины	286,36	338,06	488,74	548,73	612,28
Соотношение по полу	107,56	105,46	106,30	106,60	106,74
Средний размер семьи (чел.)	4,33	4,43	4,41	3,96	3,44
Возрастная структура (%)					
0-14 лет	36,28	40,69	33,59	27,69	22,89
15-64 года	59,31	55,75	61,50	66,74	70,15
Свыше 65 лет	4,41	3,56	4,91	5,57	6,96
Национальный состав					
Китайцы (ханьцы)	547,28	654,56	940,88	1042,48	1159,40
Доля в общей численности(%)	93,94	94,24	93,32	91,96	91,59
Национальные меньшинства	35,32	40,02	67,30	91,20	106,43
Доля в общей численности(%)	6,06	5,76	6,68	8,04	8,41
Уровень образования (на 100000 чел.)					
Высшее и среднее специальное		416	615	1422	3611
Среднее и тех. училище		1319	6779	8039	11146
Начальная ступень средней школы (9 классов)		4680	17892	23344	33961
Начальная школа (6 классов)		28330	35237	37057	35701
Уровень грамотности					
Неграмотные		233,27	229,96	180,03	85,07
Уровень неграмотности (%)		33,58	22,81	15,88	6,72
Место проживания (город/село)					
Городское население	77,26	127,10	210,82	299,71	458,44
Сельское население	505,34	567,48	797,36	833,97	807,39

Источник: Чжунго тунци няньцзянь - 2006 (Китайский статистический ежегодник - 2006). Пекин, Чжунго тунци чубаньшэ, 2006. С.102.

За 50 лет в стране произошел демографический переход от модели “высокая смертность - высокая рождаемость” к модели “низкая смертность – высокая рождаемость” и далее к модели “низкая смертность – низкая рождаемость”. В настоящее время модель воспроизводства населения в Китае стала такой же, как в экономически наиболее развитых странах и территориях Восточной Азии с наиболее высокими доходами ВВП на душу населения – Япония, Республика Корея, Гонконг, Тайвань, или в странах Западной Европы – Норвегия, Германия, Франция, Нидерланды. В перспективе сохранение, либо дальнейшее снижение нынешнего коэффициента суммарной рождаемости неизбежно приведет к нулевому приросту населения Китая. Но сроки достижения нулевого прироста населения связаны с изменением других демографических и социальных характеристик, таких как рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастно-половая структура, урбанизация, жилищные условия.

Согласно исследованиям китайских ученых, **запасы природных ресурсов Китая позволяют содержать численность населения 1,5-1,6 млрд. человек. По отметке 1,6 млрд. человек проходит “линия судьбы” китайской нации.** По различным прогнозам, Китай достигнет нулевого прироста населения в середине XXI века, примерно в 2040-2050 гг. Для сохранения устойчивого развития, баланса между населением и ресурсами необходимы строгий постоянный контроль за приростом населения, рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса - достижения такой численности населения в стране, которая может вызвать резкое обострение проблем обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, исходя из сложившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени. По мнению китайских ученых, оптимальная численность населения для Китая с территорией 9,6 млн. кв. км не должна превышать 700-800 млн. человек. В настоящее время число жителей КНР превысило 1,3 млрд. человек, а к 2050 году вплотную приблизится к 1,4 млрд. человек (1,409 млрд. человек по среднему варианту прогноза Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных проблем ООН - World Population Prospects. The 2006 Revision. UN.N.Y. 2007. Vol.1. P.178).

Основой достижения цели построения в Китае общества «малого благоденствия» является сохранение достаточно высоких темпов экономического развития страны с помощью активного проведения экономической реформы в городе и в деревне. Но важнейшим условием модернизации экономики Китая, претворения в жизнь перспективных планов его развития является программа планирования рождаемости населения.

Не имеющий аналогов в истории страны и мира рост численности населения в период после образования КНР, тяжелые его последствия для социально-экономического развития страны послужили основой

необходимости жестких мер по ограничению рождаемости. По этой причине в настоящее время китайскими учеными первоочередное внимание уделяется вопросам теории народонаселения, призванным дать научное обоснование разработке практических мер демографической политики, направленной на снижение рождаемости, кульминационным моментом которой является политика однодетной семьи.

Забирова А.Т.

(Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

Этнодемографическая структура досоветского и советского Казахстана

На этнодемографическую структуру досоветского Казахстана большое влияние оказала переселенческая политика царской России, результатом которой явились сначала незначительные миграции с европейской территории России в Казахстан (1861-1906 г.г.). Но с 1906 года по решению царского правительства об организации переселения на территорию республики миграционные потоки значительно интенсифицируются. Так, за 36 лет (1870-1906 г.г.) из России в Казахстан переселилось 512023 человек, а за девять лет (1906-1914 г.г.) – 714395 человек.

В этот же период формируются татарская, немецкая, польская диаспоры, диаспоры автохтонных этносов Центрально-Азиатского региона: в 80-е годы 19 века в Семиреченскую область из Китая (Кульджа) переселились уйгуры и дунгане.

Позже Столыпинская аграрная реформа повлекла за собой массовое переселение восточнославянского крестьянства. Так, к 1914 г. количество переселенцев в Казахстане составило 1434,4 тысяч человек или 35% общей численности населения Казахстана (1, с. 26). Иначе говоря, к началу двадцатого века складывается полиэтничное население Казахстана пока с преобладанием в нем казахского населения: 2596,6 тысяч человек в 1870 г., 3311,3 тысяч человек в 1897 г. и 3845,3 тысяч человек в 1914 г. (2, с. 17). Мобилизация «инородческого» населения на тыловые работы в 1916 г. и восстание 1916 г. привели к уменьшению численного состава казахов. Их численность в канун 1917 г. оценивается Н. В.Алексеевко в 3570,4 тысячи человек (3).

В последующем (1920-1930 гг.) происходят значительные изменения в этнодемографической структуре республики: пострадавшие от голода в начале 1930-х годов, большинство среди которых составило казахское население. По сей день оценки жертв голода носят разноречивый характер: от полутора до двух миллионов человек (4, 5). о том, сколько казахов откочевало за пределы Казахстана в Китай, Афганистан, Турцию, Иран также приводятся противоречивые данные (6). По переписи 1939 г. русские составили большинство населения Казахстана (41,2%), а доля казахов уменьшилась до 36,4%, тогда как по переписи 1926 г. казахское население составляло большинство населения республики – 57,2%. Иначе говоря,

именно миграционные процессы формировали этнодемографическую структуру республики.

Всего в советский период Казахстан пережил несколько волн миграции. Первая волна связана с депортациями 30-х годов в Казахстан репрессированных народов: корейцы, курды, турки, ассирийцы и иранцы, поляки, поволжские немцы, в октябре 1943 года - карачаевцы, декабре 1943 года – калмыки, в 1944 году - чеченцы, ингуши и крымские татары. По некоторым данным численность депортированных на 1 января 1949 г. в Казахстане составляла 820,165 человек (2).

Во вторую волну миграции следует отнести потоки, связанные с эвакуацией в Казахстан во время Великой Отечественной войны. Общее количество эвакуированных за весь военный период составило полтора миллиона человек, среди которых значительную долю занимали кадровые рабочие и квалифицированные специалисты.

Третья, самая сильная, миграционная волна на территорию республики произошла в результате освоения целинных и залежных земель, программы промышленного развития Казахстана. Это была самая крупная по численности миграция в республику, в 1954-1962 годы в Казахстан прибыло около 1,7 млн. человек, в основном из европейской части СССР.

Сравнение переписей населения 1939 и 1959 годов, показывает, что сельское население республики увеличилось за это время на 19%, а в Целинном крае на 83% (нынешняя Акмолинская область). В итоге, если в 1939 г. численность населения всего Казахстана составляла 6 миллионов 148 тысяч человек, то в 1959 г. численность населения республики увеличилась до 9 миллионов 678 тысяч человек.

Происходит увеличение численности городского населения республики. Если в 1939 г. оно составляло 30% по отношению ко всему населению, в 1950 г. 37,8%, то в 1959 г. численность городского населения достигает 55,1% ко всему населению (7).

В межпереписной период 1939-1959 г.г. происходят кардинальные изменения в этносоциальной структуре и численности населения республики, речь идет об увеличении численности русских на 46,1%, немцев – 19,8%, казахов на 15,8%.

Начиная с 1970-х годов, механический прирост населения в Казахстане начинает идти на убыль, что в конечном итоге (1990-е годы) привело к формированию отрицательного сальдо миграции. В целом в республике в этот период наблюдалась тенденция уменьшения темпов прироста населения, что было связано не только с уменьшением миграционного прироста, но и с развитием процессов урбанизации.

Специфика миграционных процессов Казахстана в советский период обусловила характер и особенности этносоциальной структуры республики. Речь идет о зависимости развития городов от индустрии, строительства в них промышленных предприятий и о том, что в городах оседало пришлое население, а коренное население, будучи занято чаще в сельскохозяйственной

и перерабатывающей сферах, проживало в сёлах.

Расселение казахов в советский период также характеризовалось неравномерным распределением по территории Казахстана. Как указывает А.М. Хазанов, в результате российской колонизации «...казахские скотоводы – кочевники постепенно были вытеснены в аридные зоны Центрального и Южного Казахстана...» (8), а в результате освоения целины «скотоводческие хозяйства были закрыты, а большинство занятых в них казахов не были допущены к зерновому производству» (8).

По мнению казахстанских исследователей, начало освоения целины стало рубежом окончательного распада номадизма как хозяйственной культуры казахов. Кочевничество, несмотря на все воздействия, сохранялось среди казахов вплоть до середины 50-х годов.

К началу 1980-х годов казахское население численно преобладало в регионах преимущественно с аграрной и перерабатывающей направленностью: Чимкентская, Талды-Корганская, Мангышлакская, Кызыл-Ординская, Джамбульская, Гурьевская области. В северных, центральных и восточных областях Казахстана, где находились крупнейшие предприятия цветной и черной металлургии, машиностроения, энергетики, доля казахов была относительно невысокой. Отраслевой анализ занятости различных национальностей Казахстана в промышленности показывал «недостаточную занятость коренного населения в таких отраслях как машиностроение и металлообработка, черная металлургия, угольная и химическая промышленность, электроэнергетика и др.» (9, с. 144-145).

Таким образом, складывалась демогеография Казахстана: казахи главным образом были сосредоточены на юге и западном регионе республики. Северная и центральная части Казахстана традиционно считались «русскими»: Карагандинская в центре республики, Восточно-Казахстанская на востоке, Акмолинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская на севере.

Формирование географических ниш в Казахстане было обусловлено миграционными процессами из России, Украины и Белоруссии. Однако со временем эти миграционные потоки начинают ослабевать, и в 1990-е годы страну покинуло от полутора до двух миллионов человек.

Другим фактором, оказавшим воздействие на социальную и этнодемографическую структуру общества, являлась урбанизация.

Урбанизация начинается в советское время с низкого уровня, что демонстрируют результаты первой всероссийской переписи 1897 г.: число городов Казахстана составляло 28. По этой переписи к числу городских поселений относились губернские и уездные города. Самым крупным городом Казахстана в 1920 г. был Оренбург с численностью 107 тысяч человек, а в городах Семипалатинск, Уральск, Петропавловск и Кустанай проживало от 20 до 45 тысяч человек.

Общая численность казахов в этот период составила 3,845,2 тысячи человек. В структуре городского населения Казахстана казахи составляли

меньшинство, так, по переписи 1897 г. в Степном Казахстане казахское население составляло 16,7% ко всему населению, а в составе городского населения Южного Казахстана казахи составили 13,3% (1, с. 135-136).

Как и во многих других советских республиках, урбанизация в Казахстане носила запаздывающий характер. Начавшись в дореволюционном Казахстане, она стала ускоряться, начиная с 20-х годов. Так, в 1920-1923 г.г. темпы роста городского населения (10,3%) были выше темпов роста сельского населения (6,4%). По результатам первой всесоюзной переписи 1926г. городское население Казахстана составило 8,3% или 539,3 тысяч человек, уровень урбанизации здесь был ниже общесоюзного значения в 2,1 раза.

Известно, что по данным первой советской переписи 1926 г. в городах проживало всего 2,1% казахов (10, с. 294). Перепись 1939 г. фиксирует увеличение численности казахов уже до 16%, что означало резкий рост удельного веса казахов-горожан (за 12 лет в 8 раз) (10).

В основе столь быстрого скачка и повышения доли казахского городского населения обнаруживается комплекс причин, основными среди которых явились политика коллективизации и политика перевода казахов на оседлый образ жизни. В то же время казахов, прибывающих в города в 20-е – 30-е годы, ожидали иные условия адаптации в городе. В отличие от мигрирующих сюда из Европейской части СССР, у них были ограниченные возможности выбора: не было путевок на работу в открывающиеся здесь промышленные предприятия. О жилье также нужно было заботиться самим, не рассчитывая на помощь государства. И всё же казахи стремились в города, где одним из успешных средств адаптации стал выступать русский язык. Подавляющее большинство казахов, сельско-городских мигрантов, стали отдавать детей в русские школы, осознавая русский язык как успешное средство продвижения человека вверх по социальной лестнице.

По переписи 1970 г. численность казахов - городских жителей достигает 26,3% от общей доли казахского населения в Казахстане (11). В период с 1939 по 1989 г. увеличение численности казахов-горожан достигает 38%, что означает увеличение городского населения за 50 лет всего в 2,3 раза (11).

К числу урбанизированных регионов на протяжении последних советских лет относились Карагандинская и Джезказганская области (82,9% городского населения в регионе по переписи 1989 г.) Самым «сельским» регионом Казахстана был южный, например, в Алматинской области городское население по переписи 1989 г. составляло всего 22%. (11)

И всё же начиная со второй половины двадцатого века к числу мобильных народов наряду с русскими, народами Прибалтики, украинцами и белорусами стали относиться и казахи (12, с. 184). По переписи населения 1999 г. число городских казахов вырастает до 45,3%, в суверенное время рост числа горожан-казахов увеличивается.

Рост городов в советском Казахстане происходил в связи с индустриализацией региона, либо с необходимостью развития в нем промышленности, либо наличием в регионе богатых природных ресурсов. Поэтому, как пишет Ж.А. Зайончковская, в СССР «...урбанизация была быстрой, но дикой и уродливой, страна не поспевала за ней. Индустриализация осуществлялась в значительной мере силами заключенных и ссыльных, а очаги её развития нередко представляли собой лагеря и поселки ссыльнопоселенцев. Эти поселения даже с большой натяжкой нельзя назвать городскими, равно как и их обитателей – горожанами, хотя лагеря дали основание множеству городов и поселков» (14, с. 23).

К ряду возведенных городов в Казахстане относится это высказывание: Караганда, Джезказган, Балхаш (имена городов даются в фонетической транскрипции советского периода). Иначе говоря, количественный рост городов в республике опережал его развитие, качественную сторону урбанизации. В то же время, при всех минусах, урбанизация в Казахстане советского периода имеет важнейшее значение, выступая основой для последующего развития процессов урбанизации в республике.

Важной характеристикой населения казахстанского города, как и советского вообще выступала его социокультурная маргинальность вследствие массового переселения крестьян в города. К моменту распада СССР большинство горожан составляли горожане в первом поколении, иначе говоря, это были люди бывшие наполовину горожанами и наполовину крестьянами, что несло в себе неизбежную печать маргинализации.

Большинство городов в Казахстане были похожи на большие деревни. Во-первых, потому что практически во всех городах Казахстана имел место крупный частный жилищный сектор. Во-вторых, многие села, имевшие административный статус районных центров, получили статусы городов, хотя всё в них – занятость населения, уклад и образ жизни – говорило о принадлежности подобных поселений к поселениям сельского типа.

Традиционно крупнейшие города Казахстана, как и другие города Средней Азии, были полиэтническими или многонациональными, но социально-культурная интеграция была поверхностной. Многочисленные этносы, населявшие и населяющие Казахстан, существовали по отношению друг к другу как бы в параллельных мирах, их образы жизни отличались друг от друга в некоторых случаях разительным образом.

Вследствие этнокультурного разделения труда в советском обществе, для коренного населения были характерны (и продолжают оставаться во многом характерными) занятость в государственном секторе, бюджетном секторе, занятость низкой квалификации.

В то же время другие этносы (русские, украинцы, немцы, евреи др.) были широко представлены в промышленной, наукоёмкой и капиталоемкой отраслях. Поэтому можно предположить, что формальная интеграция народов, населяющих современный Казахстан, коренится в такой особенности процессов советской индустриализации как зависимость от

центра и занятости в индустрии в основном мигрировавшего сюда населения. Этнокультурное разделение труда русских и казахов слабо способствовало культурной, социальной и межэтнической интеграции этносов Казахстана.

Все это указывает на противоречивый и незавершенный характер модернизации в Казахстане. К началу распада СССР, Казахстан, как и среднеазиатские республики, по многим экономическим показателям находился позади европейских районов СССР, экономика республики во многом имела добывающий и аграрный «абрис».

Вместе с тем в экономической, политической, социальной и культурной подсистемах этих обществ имели место и признаки «современности». Так, российский демограф А. Вишневский пишет: «... всё более широкие слои коренного населения с детства усваивали демократические, гражданские, светские ценности. Разумеется, в «современности» среднеазиатских обществ советского периода было много поверхностного, внешнего, но и в этом случае её не следует недооценивать. Грань между «внешним» и «внутренним» подвижна, одно переходит в другое, маска порой прирастает к лицу так, что их невозможно разделить» (13, с. 290).

Казахстан, как и остальные советские республики урбанизировался, но сами города рурализировались, при этом как главным проявлением, так и главной причиной этой «особенности» советской урбанизации являлось отсутствие в советском городе экономических рыночных отношений и института денег как мощнейшего регулятора социальных отношений. В свою очередь отсутствие рыночных и денежных отношений означало отсутствие одной из важнейших культурных сил городской Европы – капитала. Не было капитала, не было полноценных рыночных отношений, собственности, не было соответственно и имущественной, социально-профессиональной дифференциации, что в итоге привело к отсутствию в социальной структуре советского общества среднего класса как опоры модернизационных процессов (13).

Распад СССР, кризис промышленности и ВПК, построение нового национального государства стали причинами эмиграции русскоязычного населения из Казахстана. В то же время этот миграционный тренд нашел свое сопровождение в другой тенденции: повышение внутренней, сельско-городской, мобильности казахов в сравнении с советским периодом, что влечет группу вопросов относительно не только количества, но и качества замещения одних выезжающих городских жителей другими. Все это означает, что миграции являются важнейшим фактором формирования этнодемографической структуры Казахстана не только вчера, но и сегодня.

Список цитируемых источников

1. Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997г.г.). - Усть-Каменогорск, 1999. – 158с.
2. Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеевко, Г.С.

- Баратова «История Казахстана. Народы и культуры». – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 608с.+вкл.28с.
3. Алексеевко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав). - Алматы, 1981. – 112с.
 4. Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е. К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. - Алматы, 1997.
 5. Козыбаев М. К. История и современность. - Алма-Ата, 1996. – 254с.
 6. Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Гылым. – 262с.
 7. Народное хозяйство Казахстана в 1968г. / Статистический сборник.- Алма-Ата, 1968.
 8. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. - 604 с.
 9. Шкаратан О.И. НТР и национальные процессы. - Москва, 1987.
 10. Кузнецова С. И. Этносоциальные проблемы государств Центральной Азии (Обзор зарубежной литературы). – Москва, 1995.- 69 с.
 11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989г. Т.3. - Алма-Ата: Госкомстат Республики Казахстан, 1992. таб. 55.
 12. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980 годы. - Москва, 1995
 13. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – Москва: ОГИ, 1998. – 432 с.
 14. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и СССР как отражение социальной модернизации // Мир России. – 1999. №4. –с.22-3.4

Клупт М.А.

(Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов)

Как отразить единство всемирной демографической истории?

Два подхода к одной истории

«Всемирная история, не есть только сумма частных историй, т.е. историй отдельных стран и народов» - писал чуть более века назад Н.И.Кареев (Кареев, 1903). Сказанное справедливо и для всемирной демографической истории. Но как отразить ее единство? Причиной, побудившей автора вновь обратиться к этой извечной проблеме, стали два разнонаправленных потока исследований, выполненных в последние десятилетия в смежных с демографической историей (и теорией) областях. Один из них (Капица, 1992, 1999; Kremer, 1993; Подлазов, 2001; Коротаев, Комарова, Халтурина, 2007 и др.) представлен компактными математическими моделями, описывающими динамику численности человечества в целом, без разделения его на структурные составляющие - территориальные, культурные или какие-либо другие. Подобный подход (назовем его *холистическим*) исходит из того, что «при анализе глобального демографического процесса возрастно-половые составляющие, пространственное распределение, а также различные факторы неравномерности развития и миграция в первом приближении

несущественны. Далее также предполагается, что все используемые количественные характеристики являются *усредненными* на временных интервалах, достаточных для устранения вызванных случайными факторами отклонений от общего тренда» (Подлазов, 2001).

Второй поток исследований движется в противоположном направлении и представлен социологическими - в широком смысле термина - работами. Это концепция *multiple modernities* – «многообразия современностей» (Mouzelis, 1999; Eisenstadt, 2000; Виттрок, 2002 и др.), подход И.Валлерстайна, делящий мир-экономику на ядро, полупериферию и периферию, теория сегментации рынка труда, фокусирующая внимание на его структурной неоднородности и мигрантских нишах. Если в работах первого потока роль структуры игнорируется (пусть и «в первом приближении»), то во втором занимает центральное место. В отличие от первого - холистического подхода, назовем второй подход *структурным*.

Моя позиция (Клупт, 2005, 2005а, 2006, 2008 и др.), состоит в том, для представления демографической истории человечества как единого целого вовсе не обязательно абстрагироваться от наличия у этого целого структуры. Напротив, без анализа взаимодействия элементов такой структуры (конфликтного, кооперативного или еще какого-то иного) нельзя найти ответ на многие ключевые вопросы демографического прошлого и будущего. Последнее утверждение может показаться очевидным, не требующим доказательств. Однако сравнение теоретических парадигм, господствующих в современной социологии и демографии, приводит к иным выводам. Если в социологии концепции однолинейного развития рассматриваются как пережиток европоцентристского прошлого, то в демографии теории перехода (первого, второго, эпидемиологического), явно тяготеющие к однолинейности, по-прежнему занимают лидирующие позиции. Математические модели, о которых говорилось выше, лишь усиливают данную тенденцию. Таким образом, если для современной социологии и, насколько я могу судить по обобщающим работам Х.Дж.М.Классена (2000) и А.В. Коротаева (2003), социальной антропологии все более характерен структурный подход ко всемирной истории, то для демографии – по-прежнему холистический.

Технические инновации, информационный обмен и демографический рост

Гиперболический рост населения Земли, наблюдавшийся, по мнению ряда исследователей, с незапамятных времен до конца 50-х (по другим расчетам – до начала 70-х) годов XX столетия – одна из наиболее обсуждаемых тем «математической истории» (см., например, Малинецкий,

Ахромеева, 2009).¹ Большинство авторов, работающих в рамках данного направления, полагают, что такой рост имел информационную природу. «Десятикратный рост численности населения, - пишут, например, А.Коротаев и его соавторы означает и десятикратный рост числа потенциальных изобретателей, а значит и десятикратное возрастание относительных темпов технологического роста» (Коротаев, Комарова, Халтурина, 2007, с.26-27). По их мнению, наблюдается «нелинейная положительная обратная связь второго порядка, [которая] выглядит следующим образом: технологический рост – рост потолка несущей способности земли (расширение экологической ниши) – демографический рост – больше людей – больше потенциальных изобретателей – ускорение технологического роста – ускоренный рост несущей способности земли – еще более высокий демографический рост – ускоренный рост числа потенциальных изобретателей – еще более быстрый технологический рост – дальнейшее ускорение темпов роста несущей способности земли и т.д.» (там же, с.27).

На мой взгляд, подобное объяснение не является убедительным. Темпы технического прогресса в различных регионах Земли резко отличались друг от друга. Очень часто его пионерами были отнюдь не те страны, где население было самым многочисленным или быстрорастущим. Допущение о пропорциональности темпов технологического роста численности «потенциальных изобретателей» не имеет поэтому достаточных оснований.

Издержки подобного допущения сразу же дают о себе знать – модель упускает из вида один из сложнейших вопросов всемирной истории - почему в одних странах (культурах, цивилизациях) «потенциальные изобретатели» в массовом количестве превращались в реальных, а их изобретения воплощались в практику, тогда как в других этого не происходило. Сегодня создание атмосферы, благоприятствующей созданию и внедрению инноваций, повсеместно признается одной из ключевых задач социального и экономического развития. Нет, однако, никаких свидетельств того, что успехи различных стран в решении этой задачи пропорциональны темпам роста численности их населения.

Упомянем в этой связи и законный вопрос С.В.Циреля - каким образом население мира могло расти по квадратической гиперболе в середине двадцатого века, когда демографический рост обеспечивался в основном развивающимися странами, вклад которых в мировой технологический прогресс был очень невелик? (Цирель, 2003).

Можно, конечно, возразить, что пропорциональность технологического роста числу «потенциальных изобретателей»

¹ Обсуждение вопроса о надежности данных, на которых основывается «закон гиперболического роста» вполне правомерно, но выходит за рамки данного доклада.

обнаруживается лишь на очень протяженных временных интервалах. Однако и при анализе на таких интервалах выясняется, что решающее влияние на ход истории (в том числе, демографической) оказывала не численность «потенциальных изобретателей» как таковая, а география появления инноваций, и, выражаясь современным языком, их внедрения в практику.

Опережающие темпы технического прогресса на европейском континенте послужили, например, одной из важнейших причин завоевания Латинской Америки конкистадорами и вызванного им десятикратного (Brea, 2003, p.5) уменьшения численности индейцев на доступных колонизаторам территориях. Этнотерриториальная структура населения Латинской Америки и сегодня несет на себе явный отпечаток этой демографической катастрофы и последовавшего массового завоза в регион африканских рабов. Последний опять-таки был напрямую связан с неравномерностью темпов технического прогресса в Европе и Африке.

Первый демографический переход: один или два в одном?

Господствующий в демографии взгляд на первый демографический переход исходит из того, что происходящее в его ходе снижение рождаемости неразрывно связано с ростом автономии индивида от коллектива (семьи, общины, государства и т.д.). Однако в Китае снижение рождаемости, было связано не с ростом, а с ограничением индивидуальной автономии. «Политика одного ребенка» содержит недвусмысленный набор государственных правил, которым индивид должен неукоснительно следовать в своем демографическом поведении. Такая политика оказалась органичной частью китайской модернизации, отношения между государством и индивидом в процессе которой существенно отличались от тех, что имели место на Западе.

В рамках первого демографического перехода наблюдались, таким образом, два различных процесса. И тот и другой были частями более общего процесса глобальной модернизации. Однако двигателем одного была автономизация индивида, двигателем другого – жесткое ограничение свободы его действий государством. Поскольку первый из этих процессов начался раньше, ряд теоретиков поспешил объявить его универсальным для всей планеты. Получилось не просто усредненное описание процесса, а описание, при котором детерминанты одной из его составных частей были истолкованы как детерминанты процесса в целом. Такой взгляд когда-то вполне соответствовал господствовавшей парадигме, приравнивавшей модернизацию к вестернизации. Сегодня, он явно диссонирует с концепцией множественности путей модернизации, доминирующей в социальных науках.

Второй демографический переход: генеральная тенденция или одна из тенденций?

Не допускается ли, та же ошибка и в отношении второго демографического перехода? На мой взгляд, нет достаточных оснований считать его определяющей тенденцией в странах, закончивших первый демографический переход. Скорее, речь может идти о множественности форм приспособления демографического поведения к реальности, «линейке» типов такого поведения, одни из которых ближе, а другие – дальше от северо- и западноевропейского феномена.

В странах Восточной Азии, например, снижение рождаемости и повышение возраста вступления в брак не сопровождались – в отличие от Северной и Западной Европы распространением внебрачных союзов – одинокие молодые мужчины и женщины предпочитают проживать вместе с родителями (Atoh, Kandiah, Ivanov, 2004). Тот же феномен по-прежнему наблюдается в Южной Италии, в то время как в северной и центральной частях страны внебрачные сожительства получают все большее распространение (Di Giulio, Rosina, 2007). Эмпирические данные (Lesthaeghe, Neidert, 2006) свидетельствуют, что население США расколото на две примерно равные части - «либералы» придерживаются ценностей и паттернов демографического поведения, близких к западноевропейским, «консерваторы» их не приемлют.

Причисление всех современных тенденций ко второму демографическому переходу часто связано с ошибочной или, как минимум, спорной методологией исследования. Создатели теории второго демографического перехода (см., например, van de Kaa, 1996; Surkyn, Lesthaeghe, 2004) сопрягают его со сдвигом от «материалистических» ценностей (стабильный доход, исправно функционирующая система социального обеспечения, политическая стабильность, закон и порядок) к «постматериалистическим» - «укорененной снизу» (grass rooted) демократии, заботе об окружающей среде, свободе слова, эмансипации, новым политическим идеям. При таком определении, однако, возникают обоснованные сомнения в возможности второго демографического перехода в странах, политическая культура которых существенно отличается от западной, а также в группах населения, для которых, в силу недостаточно высокого уровня жизни, или иных причин, «материалистические» ценности важнее «постматериалистических». Ввиду этого демографы, исследующие вопрос о наличии/отсутствии признаков второго демографического перехода за пределами Запада, обычно предпочитают не вспоминать о списке «постматериалистических ценностей» и обращаются к собственно демографическим индикаторам. В качестве них обычно используют изменение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка, долю женщин, состоящих во внебрачных союзах, долю внебрачных рождений, долю женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка, долю

одиноких в населении и т.д. При этом игнорируется тот факт, что за сходными значениями демографических индикаторов могут стоять различные по своему социальному смыслу тенденции.

Так, в Северной Европе внебрачные рождения происходят в стабильных внебрачных союзах и означают отказ от традиционных институтов в духе второго демографического перехода. В США, напротив, такие рождения часто не имеют ничего общего со вторым демографическим переходом и традиционно рассматриваются как один из атрибутов социальной неустроенности, характерной для представителей меньшинств, имеющих низкие доходы. В России, по данным исследования Б.Перелли-Харрис и Т.Джербера (Perelli-Harris, Gerber, 2009), у менее образованных женщин зачатие во внебрачном союзе приводит к зарегистрированному браку реже, чем у женщин с высшим образованием. Внебрачные сожителства часто оказываются не симптомом перехода к «постматериалистическим ценностям», а суррогатом, к которому вынужденно прибегают женщины, не имея возможности найти подходящих для полноценного брака партнеров. Зарегистрированный брак, полагают названные исследователи, по-прежнему остается в России индикатором больших возможностей и стабильности, связанных с высшим образованием.

Миграции и стратификация принимающих обществ

Снижение темпов роста мирового населения в ближайшие десятилетия, судя по всему, неизбежно, не вполне ясны лишь количественные характеристики этого процесса. Значительно большая неопределенность связана с изменениями социальной и экономической структуры принимающих обществ мирового Севера под воздействием миграционного притока из стран мирового Юга. Данный процесс носит многовариантный характер, формируя конфигурации, обладающие различным конфликтным потенциалом. Так, вследствие особенностей расселения иммигрантов в лондонской, мадридской, парижской и римской агломерациях, социально-экономические риски, связанные с иммиграцией, различаются по своей величине и характеру (Капралов, 2009).

Потенциальная конфликтность указанных процессов пока приглушена готовностью мигрантов выполнять непривлекательные для местного населения виды труда и заинтересованностью элит Севера в дешевой рабочей силе Юга. Однако оба этих фактора могут оказаться временными или недостаточно сильными для того чтобы нейтрализовать недовольство значительной части местного населения и мигрантов друг другом. Тематика перенаселения (истинного или мнимого) постепенно отходит на второй план, уступая место проблемам, порождаемым формированием в странах Севера «параллельных обществ», создаваемых выходцами из стран Юга.

Заключение

Абстрактная постановка вопросов о том, «что полезнее» – средние величины или показатели структуры, модели, в которых учитывается один «параметр порядка» или несколько, вряд ли оправдана – ответы определяются особенностями объекта и предмета исследования. Актуальность структурного подхода к исследованию глобального демографического развития обусловлена структурным характером связанных с ним проблем.

Очевидна и связь рассмотренной выше тематики с извечным спором сторонников всемирно-исторической и культурно-исторической (цивилизационной) концепций. На мой взгляд, для отражения единства всемирной демографической истории наиболее плодотворен их синтез. Демографическое развитие не является жестко детерминированным процессом. Как и в случае процессов биологической и социальной эволюции (Лима де Фариа, 1991; Коротаев, 2003), оно происходит в рамках эволюционного поля, в котором движение в одних направлениях оказывается менее вероятным, в других – более вероятным, в третьих – в принципе невозможным. Общепланетарные импульсы преломляются в призмах специфических институциональных структур, сложившихся в регионах Земли, в силу чего их демографическое развитие происходит по специфическим, но взаимозависимым траекториям (подробнее см.: Клупт, 2008). Между регионами происходит постоянный обмен – людьми, идеями, технологиями. Этот обмен поддерживает единство всемирной демографической истории и поддерживается ею.

Литература

- Виттрок Б. 2002. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис.. № 1, с.141-159.
- Капица С.П. 1992. Математическая модель роста населения мира//Математическое моделирование. Т.4, №6, с.65-79.
- Капица С.П. 1999. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле - М.: Наука. – 240 с.
- Капралов А.В. 2009. Расселение иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы. Автореф. дисс... канд. геогр. наук. – М.:МГУ.
- Кареев Н.И. 1903. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. - СПб.: Брокгауз-Ефрон. - 303 с.
- Классен Х.Дж.М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма//Альтернативные пути к цивилизации/Ред. Н.Н.Крадин и др.– М.:Логос, с.6-23.
- Клупт М.А. 2005. Теория демографического развития: институциональная перспектива//Общественные науки и современность. №2, с.139-149.

- Клупт М.А. 2005(а). Демографическое развитие в поляризованном обществе//Народонаселение. №4. с.54-65.
- Клупт М.А. 2006. После перехода: демографические различия в современном западном мире//Известия русского географического общества. т.138, вып.6, с.58-64.
- Клупт М.А. 2008. Демография регионов Земли. - СПб.: Питер, – 347 с.
- Коротаев А.В. 2003. Социальная эволюция, факторы закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература – 278 с.
- Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. 2007. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. - М. :УРСС. -256 с.
- Лима де Фариа А. 1991. Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции. - М.: Мир.
- Малинецкий Г.Г., Ахромеева Т.С. 2009. Математическая история. Прошлое для будущего // Проблемы математической истории. Основания, информационные ресурсы, анализ данных/Под ред. Г.Г.Малинецкого и А.В.Коротаева - М.: УРСС, с.32-52.
- Подлазов А.В. 2001. Основное уравнение теоретической демографии и модель глобального демографического перехода/ИПМ им. М.В.Келдыша РАН.
- Цирель С.П. 2003. О феноменологической теории роста С.П.Капицы//Демоскоп Weekly, №139-140 <http://www.demoscope.ru>.
- Atoh M, Kandiah V., Ivanov S. 2004. The Second Demographic Transition in Asia? Comparative Analysis of the Low Fertility Situation in East and South-East Asian Countries// The Japanese Journal of Population, Vol.2, No.1, March.
- Brea J. 2003. Population Dynamics in Latin America//Population Bulletin. Vol.58, No. 1.
- Di Giulio P., Rosina A. 2007. Intergenerational family ties and the diffusion of cohabitation in Italy//Demographic Research, vol.16, pp.441-468: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol16/14/16-14.pdf>.
- Eisenstadt S. 2000. Multiple modernities //Daedalus. 129, 1.
- Kremer M. 1993. Population Growth and Technological Change. One million B.C. to 1990//The Quarterly Journal of Economics vol.108 No 3 Aug., pp.681-716.
- Lesthaeghe R., Neidert L. 2006. The “Second Demographic Transition” in the U.S.: Spatial Patterns and Correlates. Population Studies Center. Research report 06-952. March.
- Mouzelis N. 1999. Modernity: A non-European conceptualization // British Journal of Sociology. Vol. 50.No. 1. P.141-159.
- Perelli-Harris B., Gerber T. 2009. Non-marital childbearing in Russia: second demographic transition or pattern of disadvantage? MPIDR Working Paper , WP 2009-007, March <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-007.pdf>.
- Surkyn J., Lesthaeghe R. 2004. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update// Demographic Research, Special collection 3, article 3 <http://www.demographic-research.org/special/3/3/>.
- Van de Kaa, D.J. 1996. Anchored narratives: the story and findings of half a century of research into the determinants of fertility//Population Studies 1996, 50(3), pp.389-432.

The growth and collapse of South Pacific island populations: A comprehensive approach for pre- and post-European contact periods

The size of pre-contact island populations of the South Pacific has been widely debated by historians, demographers and archaeologists based on reports from first European explorers, missionary estimates and first censuses in the 19th century, as well as from archaeological materials. The issue is of utmost importance as it further enables to assess the extent of decline in the decades following European contact, particularly for the populations of the most affected islands. However, ideological aspects have strongly influenced the debate, with several researchers, historians or demographers, following colonial governors, not accepting dramatic population declines during colonization and taking opportunity of the lack of data in the late 18th and early 19th century to reject early estimates of the first European witnesses of Polynesian populations although they included scientists with mathematical skill.

Our approach to estimate island populations before contact with Europeans will combine two different methods for pre-historic times: from Polynesian settlement to European contact, and for the post-contact period. We shall also use other sources of information like archaeological data to validate our results.

This paper will present the methods and models used to estimate population trends before and after European contact, and the main results including the corner stone that is the estimate of the population at time of European discovery of South Pacific islands. Thus, the rather theoretical debate among historians and demographers can be reconsidered with more data and evidence. The focus will be on a few islands in Polynesia: Tahiti and the Marquesas Islands in French Polynesia and Hawaii¹.

A. Method and data

The method to estimate population in pre-historic times, from first settlement by Polynesians to European discovery of islands is related to the pattern of first settlement of islands: a small fleet of canoes carrying food supplies for the travel and a few dozens of men and women. The discovery of an island by Polynesians was partly fortuitous and partly based on their knowledge of swell and clouds formation ; islands affect swell differently when wind changes and land masses result in cloud formation that can reveal islands beyond the horizon (Finney 1976, 2003). After discovery, the navigation skill of Polynesians enabled them to return to islands they came from and travel between islands. Cook at his

¹ In this paper, Hawaii refers to the Big Island of Hawaii. Other Hawaiian islands are named by their individual name.

first voyage in Tahiti was given indications of the direction of several islands in Eastern and Central Polynesia².

Thus, the necessary information to include in a model of pre-contact population development consists of: date of first settlement, number of settlers and average growth rate (taking into account normal population growth and disaster impact). This information is the basis for a model based on simple demographic projections³. But, as exponential growth on very long periods can lead to very high numbers, it is necessary to consider the carrying capacity of limited land areas. Although carrying capacity varies according to the level of development: type of agriculture and fishing techniques for instance, population growth could not continue unabated for centuries in small Polynesian islands. This implies to choose between exponential and logistic growth, with another option that would be a suddenly interrupted growth rather than a purely logistic curve. In the two latter cases, the date of stabilization is also necessary to input in the model.

As regards input data, uncertainty is very large for the first parameters. Although archaeological data now cover large areas and 14C techniques to date sites become more precise, errors of 100 years on estimated date of first settlement are still possible which, with uncertainty in the number of first settlers, for instance between 50 and 100, can largely affect results. But, due to exponential population growth, the strongest effect comes from assumed growth rates that can make results vary many folds. After discovery of islands, inter-island travels could occur but they were likely infrequent. Nevertheless, they opened the possibility of migration which can also affect population trends⁴.

Estimating population size after several centuries using such methods would provide a very wide range of results. Therefore, it is necessary to use other information sources, like population density based on archaeological data or calculated from estimates of population by first witnesses of Polynesian populations, to calibrate models. Fortunately, the increasing number of archaeological excavations in some areas now provides dates for large numbers of sites. This information can be plotted like population data and provide estimates of growth rates and growth patterns as well as date of stabilization (Kirch 2007) (figure 1). This information enables us to adjust growth rates and calibrate our model of pre-historic population development.

However, it is also necessary to connect the pre-historic model and its results with trends in the post-contact period. We do this using retro-diction (reverse projection) back from the first reliable censuses in the second half of the 19th century to the time of contact and check consistency with estimates for the end of the pre-historic period. The growth rates used in the retro-diction are those observed in various Polynesian islands in the 19th century as regards impact of

² Micronesians used bamboo charts where they attached shells to represent islands.

³ Additional modules can be included to take account of war deaths or infanticide in later periods, for instance.

⁴ Models and cultural information show that migration had little effect (Rallu 2007).

epidemics and ‘normal’ year mortality and fertility. Civil registration in Tahiti from the 1850s and in the Marquesas from the 1880s and various records of epidemic death rates in other islands were the basis of our information.

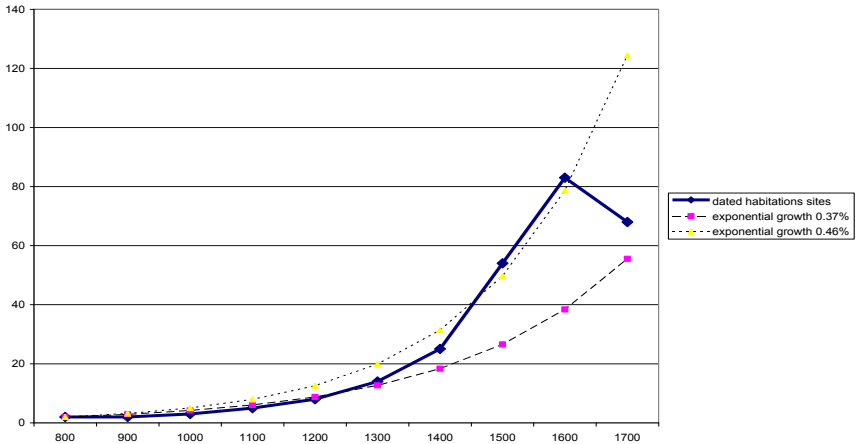
B. Results

1. Population development from Polynesian settlement to European contact

We shall now summarize the findings from demographic models constrained by archaeological data on density and growth patterns. From small number of settlers: most likely under 50 or at most 100, it is not possible to reach population size compatible with the information on density we have from both archaeological data and explorer’s estimates, using growth rates in the range of those observed in Europe in the 16th and 17th centuries: between 0.1% and 0.2%, and still less so with rates estimated for prehistoric times that are around 0.01%. Rates between 0.5% and 0.8% likely occurred in Polynesian islands - and actually, rates as high as 2%, were observed in Pitcairn (Lummis 1997, Shapiro 1968, Rallu 2007) after settlement by Bounty mutineers and a few Polynesians living on traditional Polynesian agriculture and fishing only. The reasons of such rapid growth are the absence of diseases in populations that arrived healthy after several weeks of travel, the absence of pest to attack the crops they brought with them, the richness of land and climate that enable various kinds of food to grow year round and abundant fish supply in lagoons. At the beginning, vast areas were available, but extension became rapidly more difficult while population grew. Thus, after disasters, the main being hurricanes, tsunami and drought, there may have been enough food remaining for a small population, but later, when population became larger, starvation could and actually did occur, mostly after drought (Denning 1974). Thus, rates observed in Pitcairn are not valid for periods of several centuries.

The pattern of population development observed from archaeological data on dated sites in Hawaii (figure 1, from Rallu 2007 p. 21) shows a period of rapid growth with rates in the range of 0.4% to 0.5% from first settlement around 700 until 1300, or as high as 0.7% in 1300-1500, followed by a sudden decline – or, given some uncertainty due to small numbers, sudden stabilization; growth rates could also have been slightly higher like in 1300-1500. The main part of the growth period saw changes in social structure with chiefdoms becoming more important (Kirch 2000) and the late period of growth, from 14th century and mostly from 16th century, witnessed settlement of inhospitable dry lands on volcano slopes in Kahikinui in South-East Maui for instance (Kirch 2007). The sudden stabilization or decline may be the result of increased pressure on land and resources exacerbated by large compulsory contributions to chiefs, resulting in more warfare and the introduction of customs to contain population growth such as infanticide and human sacrifice that tradition reports were imported from Tahiti in the 15th century. Some authors have also hypothesised more frequent travels to discover new lands resulting in people getting lost and dying at sea.

Figure 2: Adjustment of archaeological data for Hawaii (author's calculation from Kirch data, Kirch 2000)

Given the step by step discovery of islands, from Marquesas to Tahiti, from Tahiti to other Society Islands and to Australs and Mangareva, hence to Easter Island..., and the possibility of occasional migration, the model presented above provides figures for groups of islands settled from a common origin that are not easily translated at the island level which would be necessary to calculate population density⁵. Thus, this approach shows mostly a pattern of population development from first settlement with rather high growth rates followed by stabilization and eventually decline. This patterns show that Polynesian populations would have reached and maybe surpassed the carrying capacity of land (Kirch 2007, Davidson 1984), given certain types of agricultural production, fishing technique and social structure, which implies rather high population density. This is confirmed by other archaeological information showing more intensive agriculture from 15th and 16th century like in Kohala in North Hawaii for instance (Ladefoged, Graves 2007) and the extinction of some lagoon species of fish and their replacement by deep sea species in diet as shown by fish bones found in different layers of dwelling sites. - It is noteworthy that this pattern of rapid and increasing growth and sudden stabilization or decline is the one that the population of the world may well show on several millenniums viewpoint, with a rapid stabilization in the second half of this century. Thus, human populations seem not to follow logistic curves like for animals, but the ability of men to

⁵ For instance, results for Tahiti give a population of 159,000 at contact, but all the Society Islands and archipelagos as far as the Gambier (Mangareva) were populated from Tahiti. Thus, estimates between 70,000 and 100,000 are quite realistic for Tahiti alone.

develop technology enables sustained or even increasing growth until the limits of the island or planet are reached, which would be the case now in the frame of our current energy sources and utilisation levels.

2. Polynesian populations at time of European contact

Europeans navigators who discovered Polynesia: Wallis, Bougainville, Cook,... and the scientists who were with them report high population densities in the islands they visited. Cook said of Tahiti that it was the most densely populated country he ever saw (Beaglehole 1955); Wallis said he saw villages all along the coastal plain of Tahiti. As before their discovery travels, English explorers had frequently navigated along England and to the Netherlands that were among European countries with highest densities at that time (respectively 50 pp./km² and nearly 60 pp./km²), their impressions were certainly well grounded. Robertson, Second on board of Wallis' vessel, estimated the population of Tahiti at 100,000 and Cook at 90,000; Forster, the biologist on Cook's ship estimated it at 120,000. This makes rather consistent estimates around 100,000⁶. At his second voyage, Cook tried to estimate the population from 'statistical' information. On the 26th of April 1784, he saw a fleet of 160 double-hulled war canoes and 170 transport canoes assembled in Pare in the North-West of Tahiti. This fleet came from several districts of Tahiti that allied to attack Eimeo (Moorea). Cook reports that on average they were manned by 40 men and 8 men respectively, making 7760 adult men – he even wrote that he thought war canoes were not fully manned when he did his observations. He was told later that the district of Faaa had 40 large war canoes (or 1,600 men to man them, not taking into account transport canoe crew). With an assumed ratio of one adult male to 3 people in total population, and 43 districts in Tahiti, he estimated the population to 204,000. But he was mistaken because some district names he was given were not districts and Tahiti was actually divided into 21 districts at that time. Then, the correct estimate should be about 100,000, making it consistent with his previous estimate. This estimate may however be rather too high because Faaa was larger than average district. From Cook's figures of the fleet in Pare, a list of warriors by districts given to Foster by Tupaia, a Tahitian chief, and the names of the allied districts against Eimeo, we estimated the population of Tahiti at about 70,000 at the time of its discovery by Europeans (Rallu 1990, 1991), or a density of 70 pp./km².

Archaeological data on dwelling sites and cultivated areas in Opunohu valley in Moorea, a nearby island of Tahiti sharing the same geographical features, lead to estimates of density of 52 pp./km² for Opunohu valley (Hamilton, Kahn 2007, p. 155 sq.) and 47 pp./km² for Moorea. Similar densities were observed in the 19th century in the westernmost Society Islands of Bora-bora (45 pp./km², from a 1828 missionary headcount) and Maupiti (47 pp./km² at the

⁶ An estimate of 10,000 by Spanish navigator Boenechea was based on his impression of the only bay where he anchored. Spanish missionaries estimated the population at 8,000 to 12,000 but they did not visit the island beyond the villages where they landed.

1897 census), and densities were even higher in the Cook Islands with 65 pp./km² in Rarotonga and 69 pp./km² in Mangaia in censuses in 1840 and 1846 respectively. The Western Society Islands and Cook Islands were less frequently visited by ships than Tahiti and Moorea and therefore they were less affected by epidemics and diseases brought by Europeans. They better represent the situation at the time of contact, although they were struck by some epidemics and could have experienced some decline.

Thus, consistent estimates by the first English navigators and our own re-estimate for Tahiti lead to population figures and densities that are consistent with those derived from archaeological data or from the first missionary head counts and administrative censuses in the 19th century in the island less affected by colonization. The densities observed in Moorea and the Society Islands and Cook Islands appear rather high and support the existence of large populations in the largest islands like Tahiti, Oahu and Hawaii for instance. Moreover, our estimate of 70,000 is now considered lower bound by archaeologists.

3. Post-contact population trends

As soon as his second voyage, Cook reports that Tahitians told him that a disease they called ‘assa no Pepe’ (from the name of a crew of Boenechea’s ship who visited the island when the epidemic broke out) caused many deaths. We know also that several ships, among which Vancouver’s expedition in 1791 and the *Britannia* in 1807, brought deadly epidemics which became more frequent in the early 19th century when whalers and sandalwood traders stopped in Tahiti and Moorea to replenish their supplies. Infanticide, human sacrifice and wars continued and Cook at his first voyage saw a beach strewn with bones following a fight between districts. Wars continued until the 1810s when Pomare finally took control of Tahiti. However, epidemics were certainly the main cause of population decline as flu and other diseases like smallpox, dysentery and measles were new for Polynesians causing many deaths in non immunized populations.

In 1797, English missionaries ‘de visu’ estimated Tahiti’s population between 20,000 and 50,000 showing very different impressions according to different missionaries (Wilson 1799)⁷. In their diary, they also reported severe epidemics in the late 18th and early 19th century and wrote that some villages and cultivation lands had been abandoned. The first missionary head count in Tahiti took nearly one year to complete, from July 1829 to June 1830; the population was reportedly 8,568 but it was grossly under-‘enumerated’ because 8,082 Tahitians were enumerated at the first administrative census in 1848 after a few other epidemics, among which a small pox epidemic in 1841, certainly caused much greater population decline during the period. However, it shows that a dramatic decline had occurred since Cook’s visits.

Nevertheless, early missionary estimates were used by several historians and demographers in the 20th century to disregard navigators’ estimates on the

⁷ Missionaries reporting the lowest figures estimated population from attendance to church.

ground that they would have been misled by population crowding at their arrival – this is forgetting that wars were latent in Tahiti at that time and that large gathering of populations of different districts were not possible. This was however the basis of the denial of large population declines due to imported epidemics. But it is now well acknowledged that flu can cause high death rates even in western countries with sophisticated health services. It has also been measured that smallpox can kill 30% of a non-immunized population. Moreover, gonorrhoea and syphilis were widespread; the former can cause sterility and the latter results in frequent abortions and still deaths. Thus, reduced fertility hindered recovery after epidemics.

Table 1: Death rates (p.1000) of various epidemics in the Pacific

Epidemic type	year	place	death rate p.1000
measles	1854	Tahiti	97
flu	1849	Guam	25 (b)
whooping cough	1898	Guam	141 (a)(b)
small pox *			300
(unspecified)	1914	South Marquesas	126
1918 flu	1918	Society Islands	191
1918 flu	1918	Samoa	196
1918 flu	1918	Nauru	180

* usually estimated by to be fatal to 30% of non immunized people

(a) rate for children 0-4 in Agana (from data in Underwood 1973)

(b) deaths due to epidemic only

sources : Underwood 1973, Rallu 1990

Data are available for several epidemics in the Pacific in the 19th century. In 1854, measles caused a death rate of 97p.1000 based on civil registration data in Tahiti. In Guam, flu caused a death rate of 25p.1000 in 1849 - including only flu's deaths and a whooping cough a rate of 141p.1000 among children aged 0-4 (Underwood 1973). In 1914, the death rate from civil registration data reached 126p.1000 in the Southern Marquesas Islands during an unspecified epidemic. Death rates of nearly 200p.1000 were observed during the 1918 flu in several islands (table 1) showing the high impact of new diseases, including deaths that were indirectly caused by the virus⁸. Such high death rates from death counts by missionaries or from administrative records and civil registration data for the 20th

⁸ Viruses of the type of the 1918 flu virus are still a health concern nowadays in developed countries, due to younger adults being not immunized with possibly high mortality from direct and indirect causes.

century (from 1852 for Tahiti) show that epidemics were very deadly in 19th century Polynesia and epidemics were frequent in the first years or decades after contact in islands most frequently visited by Europeans.

Later, diseases like tuberculosis and sexually transmitted diseases became widespread and caused continuously high mortality and reduced fertility. Civil registration data of Tahiti do not cover this phase of population decline that occurred mostly in the first half of the 19th century in Tahiti and was vanishing in 1850-1870. But, as population decline lasted longer in the Marquesas Islands, civil registration data from these islands for the period 1885-1925 show what the situation could have been like in Tahiti. Population growth rates were extremely low varying between -2% to nearly -4% in 1886-1905 (table 2) (see also Valenziani 1940). But decline was even more rapid in 1906-1925, with rates reaching below -5%, during a mortality crisis that first affected the Western valleys of Hiva Oa: Atuano and Hanaiapa, and extended to the whole island from 1916. Mortality was the main cause of population decline, but low fertility due to widespread gonorrhoea and syphilis also considerably reduced fertility resulting in birth rates of around 25p.1000 in 1886-1895 (table 3); this is after correction for unregistered early infant deaths, without correction, birth rates were below 20p.1000. Fertility was low with TFRs between 3.0 and 3.5 until 1905 (Rallu 1990, 1992).

Table 2: Natural growth rate (%) by islands and valleys in the Marquesas Islands

	1886-1895	1896-1905	1906-1915	1916-1925
Nuku Hiva	-3,0	-1,3	-0,5	-0,2
Ua Pou	-1,4	-1,2	0,8	-0,6
Ua Uka	-4,0	-1,8	0,5	-1,1
Hiva Oa	-2,3	-2,4	-4,1	-5,9
- Atuona	-1,8	-2,2	-5,3	-4,8
- Hanaiapa	-3,2	-3,5	-5,8	-8,3
- Puamau	-2,5	-2,8	-2,2	-6,4
- Hekeani	-2,0	-1,2	-2,7	-5,7
Tahuata	-1,5	-2,4	-0,8	-3,2
Fatu Hiva	-1,8	-2,4	-3,2	-2,5

The Marquesas were certainly the most severely affected islands in Polynesia and represent a special case. Tahiti was probably never affected by such high mortality, except during epidemics and maybe for some years in the first decades of the 1800s. From 1848, Tahiti benefitted from a colonial hospital that, despite limited technical capacity, helped reduce mortality. As soon as 1840, an immunization testing campaign against measles was carried in Tahiti, but many people refused injections and this caused the high death rate of the 1841 epidemic.

In the Marquesas, there was no health service, except when the governor was also a medical doctor, but he was then alone for six islands and for many years there was no one with medical skill in the archipelago. Mortality declined rapidly after 1925 when a permanent doctor was posted in Hiva Oa, the main island of the Marquesas, and visited other islands regularly (Valenziani 1940).

The final step of the reconstruction of past population trends in Polynesian islands is to link first reliable censuses in the mid and late 19th century with estimates of the population at contact using retro-diction inputting growth rates based on the available information on mortality and fertility for the 19th century.

Table 3: Birth and death rates and natural growth in the Marquesas Islands

	Birth rate		death rate		growth rate
	observed	estimated *	observed	estimated *	estimated *
1886-1890	19,6	25,6	41,5	47,5	-2,2
1891-1895	17,6	23,4	37,2	42,9	-2,0
1896-1900	18,9	27,6	35,8	44,5	-1,7
1901-1905	21,5	27,4	45,3	51,2	-2,4
1906-1910	30,1	41,3	43,4	54,6	-1,3
1911-1915	28,8	38,8	59,3	69,4	-3,1
1916-1920	28,7	37,8	57,6	66,8	-2,9
1921-1925	32,0	43,7	52,0	63,7	-2,0
1926-1930	32,6	41,6	35,1	44,1	-0,3
1931-1935	42,7	49,3	27,4	34,0	1,5

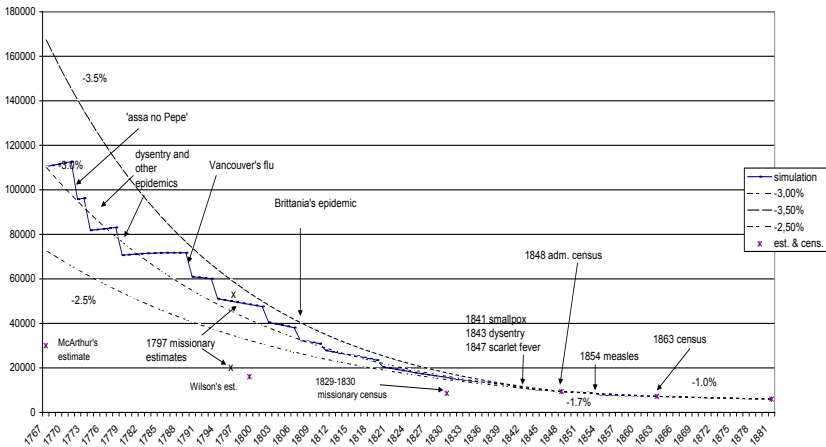
* corrected to account for unregistered early infant deaths (see Rallu 1990)

We did this exercise for Tahiti. Our estimate of 70,000 inhabitants in Tahiti in 1767 appears consistent with a population of 9,360⁹ in 1848 and growth rates of -2.5% on average for the period 1767-1848 (figure 2). In the first decades after contact, decline was more in the form of dramatic epidemics followed by some recovery, but a new epidemic struck before the population had time to fully recover. Such average represents lower mortality than that observed for the 1918 flu although the first flu and other epidemics in non immunized populations could have caused similar mortality. Later, permanently high mortality occurred in Tahiti as well as in the Marquesas - but at a rather lower level - due to deaths from infectious diseases like tuberculosis, digestive diseases linked with excessive alcohol consumption, including of home made alcohol sold by sailors to natives, and reduced fertility due to sexually transmitted diseases. Archaeologists tend

⁹ This figure is a correction from 8,082 enumerated in 1848, based on the 1881 census and civil registration data in 1852-1863 and from 1871 – with estimates for missing data (Rallu 1990).

now to consider 100,000 inhabitants in Tahiti at time of contact as a preferred estimate. This estimate is also consistent with the above figure for 1848 using slightly higher yearly decline: -3.0%, which is still in the range of the rates observed in the Marquesas. Growth rates became less negative in the second half of the 19th century with -1.7% between 1848 and 1863 and -1.0% in 1863-1881, during the former period, a few epidemics still occurred with sometimes high death rates like in 1854.

Figure 2: Tahiti's population 1767-1881, retro-dictions and a simulation

C. Discussion

It appears that the combination of various methods to estimate population trends in the pre-historic and post-contact periods based on projections of population from first settlement and retro-dictions from mid and late 19th century censuses, using rates that have been observed in various islands like Pitcairn, Hawaii, the Marquesas Islands or Tahiti, can produce consistent estimates at the time of contact. The results appear also to be consistent with archaeological information on population densities. Thus, this approach combining various methods and using observed data to input in the model is validated by other sources of information like archaeological data. Populations in Hawaii, Tahiti and the Marquesas show rather similar development throughout the period 800 to 1900, but with significant variations between islands, the Marquesas presenting an extreme case. Thus, the ratio of population at its lowest point in 19th or 20th century to population at European contact would be in the range of 1 to 12 in Tahiti (from 70,000 in 1767 to 5,960 in 1881) and 1 to 20 in the Marquesas (from

about 40,000 in 1800¹⁰ to just over 2,000 in 1925) (Rallu 1990). For Hawaii, similar ratio cannot be calculated yet because there is no agreed estimate of the population at time of European contact (Kirch 2007).

The denial of such dramatic population declines considering that first missionary 'censuses' represent approximately the population size at contact (Mc Arthur 1967, Oliver 1974, Shineberg 1982) is invalidated by several problems. First, missionary censuses appear to under-estimate the population¹¹ comparatively to more reliable censuses in mid and late 19th century. The use of missionary figures as estimates of population at contact disregards rather well grounded reports and estimates by explorers, the first witnesses of Polynesian populations. And it also leads to ignore declines due to epidemics in the first decades after contact or minimize their impacts whereas several missionaries reported dramatic population decline in their diaries. Mostly, they are based on two errors: 1) exponential decline with constant rates means that population numbers will fall more rapidly at the beginning than in later phases¹² (figure 2), and 2) epidemic death rates were likely to be higher when populations were not immunized against the new diseases brought by Europeans than later when many Polynesians had already been exposed to diseases, according to a pattern that is well known for influenza and child diseases. However, they were right when they agreed that some decline may have occurred as a continuation of pre-contact situations. Actually, population pressure lead to new customs (or if not purely new, the more frequent practice of customs) like infanticide and human sacrifice, and more wars occurred and were followed by massacres as it was common in Tahiti and Hawaii.

Unfortunately, Pacific islands populations have experienced the same dramatic events as Caribbean and North American Indians after their discovery and contact with Europeans. Similar declines have been recently reported for some Amazonian Indian tribes, but the lack of precise data and the small size of the populations have not raised much concern except from a few human rights activists. Progress in medicine in developed countries made fear of epidemics to fade in the late 20th century. However, recent threats like SARS or the appearance of new viruses stemming from the 1918 flu virus have renewed concerns about epidemics caused by (new) diseases against which humans who are now living do not have immunity. However, dramatic decline did not occur everywhere and several islands, less frequently visited by ships, still showed high population density in the late 19th century.

¹⁰ Archaeologists would here again prefer a higher estimate, of around 80,000 and a density of 76 hab/km².

¹¹ They are also inconsistent with other missionary estimates in the late 1767.

¹² Historians expected an arithmetic decline - straight line - (Shineberg 1982) rather than an exponential decline like in figure 2.

References

- Beaglehole J., The Journals of Captain James Cook on his voyage of discovery, Cambridge Univ. Press for Hakluyt Society, 1955.
- Davidson Janet, 1984, The Pre-history of New Zealand, Longman Paul, Auckland.
- Dening G., 1974, The Marquesan Journal of Ed. Robarts, ANU, Canberra.
- Finney B., 2003, Sailing in the Wake of the Ancestors: Reviving Polynesian Voyaging, Bishop Museum Press, Honolulu.
- Finney B., 1976, Pacific Navigation and Voyaging, The Polynesian Society, Auckland, New Zealand.
- Hamilton B.K., Kahn J.G., 2007, Pre-Contact Population in the 'Opunohu Valley, Moorea, in Kirch, Rallu eds, The Growth and Collapse of Pacific Islands Societies, Univ. of Hawaii Press, Honolulu.
- Kirch P.V., J.L. Rallu, 2007, The Growth and Collapse of Pacific Islands Societies, Univ. of Hawaii Press, Honolulu.
- Kirch P.V., 2000, On the Road of the Winds: an archaeological history of the Pacific Islands before European contact, Berkeley, Calif., University of California Press, 424 p.
- Ladefoged T.N., M.W. Graves 2007, Modelling Agricultural Development and Demography in Kohala, Hawai'i, in Kirch, Rallu eds, The Growth and Collapse of Pacific Islands Societies, Univ. of Hawaii Press, Honolulu.
- Lummis Trevor, 1997, Pitcairn Island: Life and Death in Eden, Ashgate Publishing Co, Vermont, USA.
- Mc Arthur N., 1967, Island population of the Pacific, ANU Press, Canberra.
- Oliver D., 1974, Ancient Tahitian Society, Univ. Press of Hawaii, Honolulu.
- Rallu J. L., 1992, Mortality transition in the Marquesas Islands (French Polynesia), Health Transition Review, Vol. 2, N°2, Oct. 1992, A.N.U., Canberra, pp.177-194.
- Rallu J. L., 1991, Population of the French Overseas Territories in the Pacific, Past, Present and Projected, Journal of Pacific History, N° 26, 2, 1991, The Australian National University, pp.169-186.
- Rallu J.L., 1990, Les populations océaniques aux XIXème et XXème siècles, préface de I. Pool, Travaux et Documents N° 128, INED, Paris, 343 p.
- Rice G., 1983, Maori Mortality in the 1918 Influenza Epidemiy. New Zealand Population Review, 9-1, April 1983.
- Shapiro Harry I., 1968 The Pitcairn Islanders, Simon and Schuster, New York.
- Shineberg D., 1982, Un nouveau regard sur la démographie historique de la Nouvelle Calédonie, Journal de la Société des Océanistes, Société des Océanistes, Musée de l'Homme Paris.
- Underwood Jane, 1973 Population History of Guam: Context of Microevolution, Micronesica 9(1):11-44, July 1973.
- Valenziani Carlo, 1940, Renaissance démographique en Océanie Française, Tipografia Conzortio Nazionale, Rome.
- Wilson W., A missionary voyage to the Southern Pacific Ocean, T. Gillet, London, 1799.

***Этнический фактор в демографическом развитии населения
Удмуртской Республики***

Значение этнического аспекта проявляется во всех демографических процессах, испытывающих непосредственное воздействие культуры и быта отдельных народов. Этническая дифференциация демографических процессов в России – явление устойчивое на протяжении всей истории существования нашей многонациональной страны.

В течение XX века произошли кардинальные политические, социально-экономические процессы и изменения, которые не прошли бесследно для населения, не могли не отразиться на численности и структуре населения. Во многом современная демографическая ситуация следствие тех исторических событий и процессов, которые и повлияли на ее возникновение. В первой половине XX века в нашей стране произошли значительные исторические события: война с Японией, первая русская революция, первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация с раскулачиванием, политические репрессии, голодные годы, Великая Отечественная война. Все эти события с крайне тяжелыми последствиями отразились на воспроизводстве населения.

Демографическое развитие Удмуртской Республики является отражением демографического развития страны. В общей тенденции развития численности населения Удмуртии на протяжении почти всего XX века развивался процесс увеличения численности населения, с начала 1990-х годов началось уменьшение численности населения.

По данным Госкомстата Удмуртской Республики, абсолютные показатели общей численности населения региона стабильно увеличивались, исключая 1920 и 1940 годы. После окончания гражданской войны и особенно с начала индустриализации страны процесс урбанизации стал набирать силу. По данным Козлова В.И., городское население Удмуртии стало возрастать и к 1939 г. составило 26%. Напротив, сельское население за этот же период сокращалось, так в 1920 г. доля сельских жителей составляла 88,7%, доля городских жителей – 11,3%. К 1939 г. в общей численности населения республики доля сельского населения составила 73,7%, доля городского – 26,3%. В послевоенный период сельское население республики по прежнему преобладало, по данным 1959 г. доля сельского населения составила 55,6%, доля городского - 44,3%, но тенденция урбанизации очевидна [1]. По материалам переписи 1970 г. удельный вес городских жителей был зафиксирован на уровне 57,1%, доля сельских жителей – 42,8%.

К 1979 г. доля городских жителей республики увеличилась в 2,5 раза. Процесс урбанизации в большинстве национальных регионов, по мнению

Козлова В.И., характеризовался продолжающимся притоком в города русского населения, что объяснялось, прежде всего, потребностями экономического развития национальных областей в условиях, когда коренное население не располагало еще достаточными кадрами городских профессий, а подготовка из его среды новых кадров не могла угнаться за темпами хозяйственного развития [1]. Привлечение таких кадров со стороны облегчалось тем, что новые переселенцы попадали в родственную среду русского городского населения, что вместе с тем тормозило приток в города нерусского населения, в том числе местного. Одной из существенных причин, несомненно, являлся языковой барьер. Меньшая степень миграции титульного населения национальных республик связана со слабым знанием русского языка частью сельских жителей, а также с некоторыми традициями в области семейно-брачных отношений. Для примера приведем данные по соседним финно-угорским республикам (таблица 1).

Численность городского населения росла и за счет притока из сел и небольших городов республики. В результате сокращалась «сельская» численность населения, деформировалась половозрастная структура сельского населения.

Процесс роста численности населения Удмуртии продолжался до 1994 г., численность населения республики в 1993 г. достигла максимальной отметки за весь период своего существования – 1 642,8 тыс. человек. За последние 15 лет наблюдался процесс сокращения численности жителей республики.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Удмуртии проживает 122 национальности. В многонациональном составе населения Удмуртской Республики русские составляют численное большинство – 60,1%, доля титульной национальности составляет 29,3%, доля татар – 6,9%. Остальные национальности составляют менее 1% (каждая национальность) от общей численности населения республики, общая доля их составила 3,3% [2].

Таблица 1
Доля городского населения по автономным республикам (в %).

Республики	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Марийская АССР	13	28	41	53
Мордовская АССР	7	18	36	47
Коми АССР	9	59	62	71
Удмуртская АССР	26	44	57	65

Источник: [1]

Доля русских во всем населении Удмуртии существенно выросла за период с 1926 по 1939 гг., в последующие периоды продолжался ее рост, тогда как доля титульной национальности постоянно сокращалась. Если в

1926 г. доля удмуртов в общей численности населения республики составляла 52,3%, доля русских – 43,3%, то в 1939 г. относительное большинство составляло русское население: 39,4% и 55,7% соответственно [1].

Соотношение городского и сельского населения Удмуртии было также неоднородным. Подавляющую часть населения городов в первые годы Советской власти по-прежнему составляли русские. Доля русских в городах Удмуртии в 1926 г. составляла 89,8%, доля удмуртов – 3,9%, в сельской местности – 38,0% и 57,9% соответственно. К 1939 г. удельный вес русских, проживающих в городах республики, сократился и составил 81,4%, доля удмуртов, напротив, возросла – 11,2%. В сельской местности доля русских повысилась – 46,6%, доля удмуртов сократилась – 49,4%.

Во второй половине XX века, по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., сохранялись тенденции увеличения численности русского и сокращение удмуртского населения в республике. Среди городских жителей сохранилась тенденция сокращения русского и увеличения удмуртского населения. Что касается сельских жителей, то доля русского населения сократилась по сравнению с данными довоенного периода с 46,6% в 1939 г. до 42,9% в 1959 г. и далее продолжала сокращаться. Удельный вес удмуртского населения села, напротив, повысился с 49,4% в 1939 г. до 52,1% в 1959 г. и далее наблюдалось увеличение.

Среди городского населения доля русских является преобладающей. За период с 1959 по 1989 гг. доля русского населения сокращалась с 74,2% до 68,1%, в то время как доля удмуртского населения несколько увеличилась с 14,8% до 19,8%. Позиция татарского населения сохраняла стабильность на уровне 8%.

В сельской местности большинство среди национальностей составляет титульная нация – более 50%. На протяжении нескольких десятилетий с 1959 г. до 1989 г. доля удмуртского населения увеличивалась с 52,1% до 56,5%, доля русских сокращалась – 42,9% и 37,5% соответственно. Доля сельского населения среди татар практически не изменилась – 3%.

Таким образом, наблюдались тенденции сокращение доли русского населения среди городского и сельского населения и увеличение доли удмуртов соответственно. Однако, в аспекте общей численности населения картина совершенно иная: доля русского населения увеличивалась, доля удмуртского населения сокращалась. Доля русского населения по данным Всесоюзной переписи 1989 г. составляла 945 тыс. человек (58,9%). К титульной национальности себя причислили 496 тыс. человек (30,9%).

Численность татар составила 110 тыс. человек (6,9%). Остальные национальности составляли менее 1% от общей численности населения республики.

Таблица 2

**Изменение национального состава населения Удмуртской Республики.
По материалам переписей населения 1959-2002 гг. (в %)**

Национальности	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
<i>Все население</i>					
Русские	56,8	57,1	58,3	58,9	60,1
Удмурты	35,6	34,2	32,1	30,9	29,3
Татары	5,4	6,1	6,6	6,9	6,9
Др. национальности	2,3	2,6	2,9	3,3	3,3
<i>Городское население</i>					
Русские	74,2	71,3	69,7	68,1	69,1
Удмурты	14,8	16,9	18,6	19,8	18,6
Татары	8,1	8,5	8,4	8,4	8,5
Др. национальности	2,9	3,3	3,3	3,7	8,5
<i>Сельское население</i>					
Русские	42,9	38,2	36,6	37,5	39,4
Удмурты	52,1	57,2	57,2	56,5	53,8
Татары	3,2	3,0	3,2	3,3	3,3
Др. национальности	1,7	1,7	2,0	2,7	

Сравнение данных Всероссийской переписи населения 2002 г. с предыдущей переписью 1989 г. продемонстрировало незначительное изменение, но стоит отметить увеличение доли русского (на 0,6%), татарского (на 0,5%) населения и сокращение доли удмуртского населения (на 1,9%). Русские, как и прежде, составляют преобладающую долю в общей численности населения республики.

Увеличение доли русского населения объясняется, во-первых, в 1990-е годы миграционным потоком извне и, во-вторых, ассимиляционными процессами. Активные контакты русских с другими народами вели к образованию национально-смешанных семей, к ассимиляции, особенно, это отразилось в следующих поколениях, что увеличивало численность, как правило, русского населения.

Что касается показателей татарского населения, то, вероятно, следует иметь в виду, не только демографические составляющие (миграция и рождаемость), но прежде всего результаты повышения процесса этнического самосознания и процесса этнической ассимиляции.

Следует отметить, что снижение доли удмуртов в общей численности населения республики, происходило за счет отрицательного естественного прироста, миграции сельского населения за пределы Удмуртии и за счёт процессов ассимиляции, в основном в городах.

Изменения численности населения Удмуртии по половому составу представлено в таблице 3. За период 1959-2002 гг. четко отмечены две тенденции: увеличение доли мужчин и женщин русской национальности и

сокращение доли мужчин и женщин удмуртской национальности. Особенно на фоне данных тенденций отмечаются сельские показатели: увеличилась доля русских мужчин на 2,1% и сократилась доля удмуртских мужчин на 3% и удмуртских женщин на 2,4%.

Таблица 3

Изменение численности населения Удмуртской Республики по половому составу основных национальностей.

По материалам переписей населения 1959-2002 гг. (в %)

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Все население					
<u>Мужчины</u>					
Русские	57,1	57,1	58,3	59,0	60,2
Удмурты	34,5	33,2	31,3	30,2	28,7
Татары	5,6	6,4	6,8	6,9	7,0
Др. национальности	2,8	3,3	3,6	3,9	4,1
<u>Женщины</u>					
Русские	56,6	57,1	58,3	58,8	60,0
Удмурты	36,4	34,9	32,8	31,5	29,8
Татары	5,2	6,0	6,5	6,8	6,9
Др. национальности	1,8	2,0	2,4	2,9	3,3
Городское население					
<u>Мужчины</u>					
Русские	73,2	70,5	69,2	68,0	69,3
Удмурты	15,0	16,4	17,9	19,2	17,9
Татары	8,3	8,7	8,6	8,5	8,6
Др. национальности	3,5	4,4	4,3	4,3	4,2
<u>Женщины</u>					
Русские	74,9	72,1	69,9	68,2	68,9
Удмурты	14,7	17,1	19,1	20,4	19,2
Татары	8,0	8,4	8,4	8,4	8,4
Др. национальности	2,4	2,4	2,6	3,0	3,5
Сельское население					
<u>Мужчины</u>					
Русские	43,9	38,8	37,6	38,5	40,6
Удмурты	50,6	56,1	56,9	55,1	52,1
Татары	3,5	3,2	3,3	3,5	3,5
Др. национальности	2,0	1,9	2,2	2,9	3,8
<u>Женщины</u>					
Русские	42,2	37,7	36,6	36,7	38,3
Удмурты	53,3	58,0	58,6	57,8	55,4
Татары	3,0	2,8	3,0	3,1	3,2
Др. национальности	1,5	1,5	1,8	2,4	3,1

Если посмотреть на ситуацию в соседних восточно-финских республиках, там наблюдается аналогичная тенденция – сокращение титульных национальностей восточно-финских народов (финно-угорской группы). В многонациональном составе населения восточно-финских республик абсолютное большинство составляет русское население. Коми, марийцы, мордва и удмурты оказались на положении национального меньшинства в пределах своих республик. В целом, удельный вес русского населения в республиках составляет около 60%, кроме Республики Марий Эл. В данном регионе разность между удельным весом марийцев и русских одна из самых минимальных среди четырех финно-угорских этносов 42,8% и 47,4% соответственно (таблица 4).

Таблица 4

**Национальный состав населения финно-угорских республик.
По материалам переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. (в %)***

	Удмуртская АССР / Удмуртская Республика		Мордовская АССР / Мордовская Республика	
	удмурты	русские	мордва	русские
<i>Все население</i>				
1959	35,6	56,8	35,8	59,0
1970	34,2	57,1	35,4	58,9
1979	32,2	58,3	34,3	59,7
1989	30,9	58,9	32,5	60,8
2002	29,3	60,1	31,9	60,8
<i>Городское население</i>				
1959	14,8	74,2	11,8	82,2
1970	16,8	71,3	16,8	77,4
1979	18,5	69,6	19,5	74,8
1989	19,8	68,1	22,1	71,9
2002	18,6	69,1	23,4	69,9
<i>Сельское население</i>				
1959	52,2	42,8	41,2	53,8
1970	57,2	38,2	46,0	48,4
1979	57,8	37,1	47,0	46,7
1989	56,5	37,5	45,9	46,7
2002	53,8	39,4	44,5	47,2

Таблица 4 (продолжение)

	Марийская АССР / Республика Марий Эл		Коми АССР / Республика Коми	
	марийцы	русские	коми	русские
<i>Все население</i>				
1959	43,1	47,8	30,4	48,4
1970	43,7	46,8	28,6	53,1
1979	43,5	47,5	25,3	56,7
1989	43,3	47,5	23,3	57,7
2002	42,8	47,4	25,1	59,5
<i>Городское население</i>				
1959	11,4	75,7	13,6	59,2
1970	15,6	72,2	15,3	63,0
1979	21,7	67,5	14,9	64,8
1989	26,1	63,4	14,4	64,5
2002	27,1	61,8	15,4	67,1
<i>Сельское население</i>				
1959	55,6	36,8	54,3	32,8
1970	63,1	29,3	50,3	37,0
1979	68,1	25,0	50,5	37,1
1989	70,1	22,7	50,6	36,8
2002	69,9	22,8	54,7	36,7

*расчеты на основе данных Всероссийской переписи населения 2002 гг.

Численность титульных национальностей в пределах своих республик также претерпевала сокращение, кроме коми. Материалы переписей свидетельствуют, что на протяжении всего периода коми, марийцы, мордва и удмурты, в основном своей массе, были и остаются сельскими жителями. За межпереписной период 1989-2002 гг. доля сельских жителей увеличилась только у коми, среди городского население незначительное увеличение зафиксировано у коми, марийцев и мордвы. Таким образом, по всем позициям наблюдалось сокращение доли удмуртов и увеличение доли коми (таблица 4).

Тенденции демографических процессов во многом обусловлены брачно-семейной ситуацией. Брачная структура населения оказывает

существенное влияние на величину основных демографических показателей. По данным таблицы 5, можно сказать, что в целом по всему населению у русского населения несколько понижена доля состоящих в браке, выше доля не состоящих в браке и доля разошедшихся (в том числе разведенных). У удмуртов отмечается повышенная доля женщин, состоящих в браке, низкий показатель по категории «не состоящие в браке» у мужчин, низкие показатели по категории «разошедшиеся», высока доля женщин вдов, особенно в сельской местности. Такая диспропорция полов объясняется высокой смертностью сельского мужского населения в трудоспособных возрастах.

По татарскому населению показатели занимают средние позиции. Однако ситуация меняется по позициям городского и сельского населения. Так, относительно высокий удельный вес, состоящих в браке, среди городского населения отмечается у татар, среди сельского населения, по аналогичной позиции - у удмуртов. Среди городского населения по категории «не состоящие в браке» низкие показатели зафиксированы у удмуртов, в сельской местности – среди татар. Анализируя данные таблицы, можно отметить, что выявляются этнические и территориальные различия между этносами в области брачно-семейных отношений.

В тоже время, необходимо выделить тенденции в брачной структуре населения, где этнический фактор практически роли не играет, либо его роль минимизирована. Можно отметить следующие моменты. Во-первых, существенная половозрастная диспропорция у всех этносов (исключение, пожалуй, русские и татары села), во-вторых, доля женщин вдов значительно выше, чем доля мужчин вдовцов, в-третьих, доля женщин в категории «разошедшиеся» выше, чем доля мужчин, исключение сельское население. Интересно, что среди сельского населения зафиксированы одинаковые показатели в категории «разошедшиеся», скорее всего здесь имеется ситуация официального развода, в отличие от города, где развод может быть и не оформлен, но супруги обозначили свое брачное состояние как «разошедшиеся», что в очередной раз подтверждает факт о более сильных традициях в области брачно-семейных отношениях в сельской местности и относительно свободные взгляды на брак в городе.

Литература

1. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982.
2. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М.: «Статистика России», 2005. В 14т. Т.14.
3. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
4. www.perepis2002.ru.

Таблица 5

**Брачная структура населения Удмуртской Республики.
По материалам Всероссийской переписи населения 2002 г.
(в % от численности соответствующего этноса)***

	Население в возрасте 16 лет и старше		В том числе								
			состоящие в браке		не состоящие в браке		вдовы		разошедшиеся		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Все население											
удмурты	44,3	55,7	29,8	31,3	10,9	10,8	1,4	10,5	1,9	3,0	
русские	45,1	54,9	28,7	28,7	12,1	11,4	1,3	9,2	2,9	5,3	
татары	45,6	54,4	29,7	29,4	11,6	10,4	1,3	9,4	2,8	5,1	
Городское население											
удмурты	19,8	26,9	13,4	14,2	4,7	6,1	0,6	4,4	1,0	2,0	
русские	35,9	45,4	22,9	23,3	9,5	9,8	1,0	7,3	2,3	4,8	
татары	38,1	47,1	24,9	25,2	9,6	9,2	1,1	7,8	2,4	4,7	
Сельское население											
удмурты	24,4	28,9	16,4	17,1	6,2	4,7	0,8	6,1	1,0	1,0	
русские	9,3	9,4	5,7	5,4	2,5	1,6	0,3	1,8	0,5	0,5	
татары	7,4	7,3	4,7	4,2	1,9	1,1	0,3	1,6	0,4	0,4	

Источник: [3].

*Расчеты на основе данных ВПН 2002 гг.

Население и кризисы в XX веке

Вербицкая О.М.

(Институт российской истории РАН, Москва)

Демографическое старение сельских жителей России во второй половине XX-го века

Примечательной чертой современного развития в экономически развитых странах стало демографическое старение населения. Под данным термином подразумевается трансформация его возрастной структуры как результат постепенного сокращения рождаемости, числа детей и молодежи и соответствующего нарастания доли пожилых и старых людей. Этот процесс начался в первой половине XX в. в странах Западной Европы и Северной Америки, постепенно охватывая и другие регионы мира, в том числе и Россию.

Глобальным фактором постепенного демографического старения населения послужил демографический переход к пониженной рождаемости и существенному снижению смертности, развивавшийся на протяжении XX в. Этому же сопутствовали серьезные научные открытия в области медицины – вакцины, антибиотики и другие препараты, существенно понизившие уровень смертности и увеличившие среднюю продолжительность жизни. В результате замедлился процесс вымирания поколений – у новорожденных увеличивались шансы дожить до пожилого и даже преклонного возраста.

Чисто российская специфика демографического старения более всего проявляется в сельском населении. Известно, что государственная аграрная политика советского периода имела четко выраженную антикрестьянскую сущность, стремление к использованию материальных и людских ресурсов села, в первую очередь для развития индустрии и города. Более всего пренебрежение большевиков «собственно деревенскими» интересами обнаружилось при насильственной коллективизации. Проявлением недовольства крестьян такой политикой стал массовый уход крестьян из деревни в города. По имеющимся оценкам, только за 1928-1932 гг. в целом по стране деревню покинуло почти 12 млн. крестьян¹, в основном молодых и наиболее социально активных.

Как социально-экономическое следствие государственной политики следует оценивать затяжную депрессию аграрной экономики, подрыв воспроизводственной основы крестьянского хозяйства, нанесение сокрушительного удара по трудовым ресурсам деревни, которые

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2001. С.96.

непрерывно «таяли» в ходе масштабных миграционных перемещений в города. Первой покидала деревню молодежь в возрасте от 16 до 34 лет, составлявшая основу мигрантов в город. В 1920-1930-е гг. традиционно это еще были почти исключительно мужчины, но уже во время войны и особенно после нее, из деревни уехало много девушек и молодых женщин, серьезно озабоченных устройством собственной судьбы.

Масштабная миграция сопровождалась существенной убылью сельского населения: с 1926 по 2002 гг. по Российской Федерации оно уменьшилось с 76,3 до 38,7 млн. человек, т.е. вдвое. Основная часть данной убыли пришлось на 1940-1950-е гг., когда суммарное сокращение сельского населения достигло 16,4 млн. человек и было почти равно убыли (17,4 млн.) в течение последующих 43 лет (1960-2002 гг.).² Параллельно ухудшался возрастно-половой состав жителей деревни, сильно деформированный Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Ее «демографическое эхо», т.е. регулярно повторяющийся спад рождаемости и подъем смертности, способствовало накоплению негативных моментов, в т.ч. нарастание доли старших возрастных групп.

Приведенная статистика подтверждает действие давней и устойчивой тенденции постепенного сокращения общей численности жителей российской деревни. Одновременно она подтверждает, что в XX в. Россия, хоть и с некоторым опозданием, все же повторила путь других экономически развитых стран, прошедших стадию интенсивной урбанизации и быстрого сокращения (если не сказать - исчезновения) сельского населения. Именно благодаря урбанизации и масштабной сельской миграции Россия – бывшая аграрная и крестьянская страна превратилась в современное индустриальное общество, в котором на начало XXI в. почти 3/4 населения проживало в городах³.

В процессе демографического перехода существенной трансформации подверглось репродуктивное поведение населения и традиционные семейные ценности. Падал престиж многодетности, снижался уровень рождаемости, что, безусловно, во многом определялось оттоком из деревни молодого, демографически активного населения. За период с 1926 по 1990 гг. уровень рождаемости в сельском населении понизился в 3 раза (с 46,4‰ до 15,5‰), а в кризисные 1990-е г. – это падение было еще большим⁴.

При характеристике старения населения используется несколько показателей, но исходной является доля лиц в возрасте 60 лет и старше в его общей численности. В странах, где существует государственная пенсионная система, обычно начало старости ассоциируется с законодательно

² См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С.11; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. М., 2005. С.10.

³ Сводные итоги Всероссийской переписи... С.10.

⁴ Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. Стат. сб. М., 1928. С.XXII; Российский статистический ежегодник, 2001. М., 2001. С.104.

установленным возрастом выхода на пенсию. В СССР и современной России, этот возраст равен 55 годам для женщин и 60 – для мужчин. В государствах с высокой средней продолжительностью жизни (Япония, государства Скандинавии, США, Швейцария и др.) пенсионный возраст 65 лет, причем, одинаков для мужчин и женщин (Швеция).

В России высокая рождаемость долго сдерживала нарастание пожилых возрастов в населении: с 1897 по 1939 гг. их доля выросла всего на 2% (с 6,9% до 9%)⁵. На протяжении всей первой половины XX в. Россия оставалась молодым обществом: в 1939 г. доля детских и молодежных групп в ее населении составляла 45,4%⁶, но с середины 1960-х гг. – на этапе ускоренного снижения рождаемости и постепенного роста смертности в населении проявились осязаемые черты старения. Впервые это было подмечено Всесоюзной переписью населения 1959 г., зафиксировавшей заметный рост доли пенсионных возрастов в сельском населении – с 7,5% (в 1939 г.) до 10,5%. Соответственно заметно упал удельный вес детей до 15 лет (с 40,3% до 32,3%)⁷. С этого времени все последующие переписи населения лишь подтверждали действие неблагоприятных тенденций в возрастной структуре сельских жителей (см. табл.1):

Табл.1. Состав сельского населения России в 1959-2002 гг. по возрастным группам (оба пола), в % ко всему населению*

Возраст. группы	1959	1970	1979	1989	2002
0-14 лет	32,3	31,8	24,2	25,0	19,5
15-49 «»	40,8	44,4	46,7	43,2	50,4
50-59 «»	9,2	9,6	12,0	13,4	9,2
60 лет и ст.	10,5	14,1	17,0	18,4	20,9

**Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 60-61, 86-87; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. I. М., 1989. С. 36-43; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 47.*

Итак, на всем протяжении второй половины XX в. в России нарастало постепенное старение сельских жителей: доля детей и подростков с 1959 по 2002 гг. сократилась почти на 13%, а пожилых (60 лет и старше), наоборот, выросла вдвое. В начале XXI в. уже каждый пятый сельский житель России по возрасту был старше 60 лет, т.е. пенсионером. С особой силой негативные изменения возрастного состава сельских жителей села проявились в кризисные 1990-е гг., когда резко упала рождаемость. Наряду с действием

⁵ Народо́насе́ление. Энциклопедический словарь. М., 1994. С.112-113.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С.31.

⁷ Там же. С.30; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 237. Л. 16; Оп. 329. Д. 2632. Л. 4, 60.

долговременных тенденций спад рождаемости в это время отражал негативную репродуктивную реакцию населения на ухудшение жизни⁸.

Подтверждением демографического старения населения России стало увеличение после 1989 г. среднего возраста россиян на 3 года (в 2002 г. – 37,9 лет) и на 4 года – медианного возраста. Все это последовало за ускоренным падением рождаемости в 1990-е гг., обусловившим соответствующие изменения в соотношении возрастных групп. Население России, в том числе и сельское, старело главным образом за счет сокращения доли детей. Еще в 1989 г. детей и подростков (до 15 полных лет) в сельской местности было на 2,6 млн. человек больше, чем пожилых (60 лет и старше), но к 2002 г. ситуация резко переменялась – и уже контингент пожилых (8,1 млн. человек) почти на 0,6 млн. превосходил группу детей и подростков (7,5 млн.)⁹. Интересно сравнить соотношение разных поколений в сельском и городском населении в 1990-е гг. (в % к его общей численности)¹⁰:

<i>Возрастные группы, лет</i>	<i>Город</i>		<i>Село</i>	
	<i>1989 г.</i>	<i>2002 г.</i>	<i>1989 г.</i>	<i>2002 г.</i>
Дети (0-14)	22,4	15,2	25,0	19,5
Взрослые (15-59)	63,4	67,2	56,6	59,6
Пожилые (60 и старше)	14,2	17,6	18,4	20,9

Соотношение разных поколений в населении России указывает на то, что в последнее 10-летие XX в. проблема демографического старения была актуальна не только для жителей села, но и для горожан. По темпам снижения доли детей и соответствующему приросту пожилых городское население явно обгоняло сельское. После 1989 г. старение городского населения проходило быстрее, чем сельского - за счет опережающего сокращения группы детей. В составе горожан она сократилась сразу на 7,2%, а в сельском населении - на 5,5%, соответственно возросла и доля пожилых (на 3,4% и 2,5%). И все же среди жителей села пожилых в 2002 г. было больше (20,9%), чем среди горожан (17,6%)¹¹.

В принципе средние данные по России отражают лишь общие тенденции трансформаций в возрастном составе. И хотя снижение рождаемости и соответствующие этому перегруппировки в соотношении младших и самых старших поколений коснулись практически всей страны, интенсивность демографического старения везде имела свои локальные отличия, порой весьма существенные. Общим для всех российских регионов

⁸ Бондаренко Л. Состояние социально-трудовой сферы села // Вопросы экономики. 2000, №7. С.73; Бодрова В. Социально-демографические интересы населения при переходе к рынку // Вестник статистики. 1992. №3. С.14 и др.

⁹ Сводные итоги Всероссийской переписи... С.47.

¹⁰ Рассчитано по тем же данным.

¹¹ То же.

в 1990-е гг. было кризисное состояние демографической ситуации из-за предельно сократившейся рождаемости и высокой смертности, что в итоге поставило сельское население ниже границы простого воспроизводства, подведя к естественной убыли (см. табл. 2).

Табл. 2. *Изменение возрастной структуры сельского населения по Федеральным Округам Российской Федерации с 1989 по 2002 гг., (в %)*

<i>Территория</i>	<i>Дети от 0 до 14 лет</i>		<i>Взрослые (15-59 лет)</i>		<i>Пожилые (от 60 лет и старше)</i>	
	1989	2002	1989	2002	1989	2002
Россия,	26,4	21,5	51,5	56,0	22,06	22,5
в т.ч. Федеральные округа:						
Центральный	20,0	16,9	49,5	53,4	30,5	29,6
Северо-Западный	24,6	18,2	52,6	57,5	22,8	24,3
Южный	28,8	24,6	52,4	56,4	18,8	19,0
Приволжский	25,7	21,2	50,6	54,7	23,7	24,1
Уральский	28,7	21,9	53,0	58,0	18,3	20,1
Сибирский	30,85	23,0	52,15	57,9	17,0	19,1
Дальневосточный	32,3	24,1	57,6	61,3	10,1	14,6

Рассчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 11-34, 48-69.

Российская деревня за 1990-е гг. постарела – доля пожилых в ней превысила 20%, а детей – снизилась почти на 5%. И без того высокая доля пенсионных возрастов за это время возросла на 0,5%. Региональная специфика старения сельских жителей неоднородна: особенно далеко зашло старение в Центральном ФО – почти каждый третий был старше 60 лет, в Северо-Западном – каждый четвертый, в то время как в среднем по России – примерно каждый пятый житель. В полном смысле «зонами демографического бедствия» стали территории, где доля пожилых и даже престарелых достигла примерно 1/3 в общем составе населения, а кое-где и более. Так, в сельском населении Рязанской области их уже 35%, Псковской – 34,4%, Курской – 33%, Новгородской и Белгородской – почти 32% и т. д. Всего таких «зон» с очень высоким удельным весом жителей от 60 лет и старше насчитывается 36. Наряду с этим в Южном Федеральном Округе доля пожилых среди жителей села значительно ниже – 19,0%; почти столько же – в среднем по Сибирскому, Уральскому ФО (20%). Минимальную долю пожилых (от 3,4% до 9%) имели национальные районы на востоке и севере России (Ямало-Ненецкий, Чукотский, Таймырский, Эвенкийский, Корякский АО, а также Магаданская область), что объяснялось активным выездом оттуда пожилого населения в другие районы. Близкие по значению

показатели старения характерны для республик с высокой по меркам России рождаемостью (Чечни, Ингушетии и Тывы)¹².

При такой ситуации в нескольких федеральных округах России (Центральном, Северо-Западном и Приволжском) соотношение поколений явно было не в пользу детей и молодых возрастов, особенно в Центральном районе, где сельское население очень старое – доля пожилых возрастных групп там почти вдвое выше, чем детских групп (до 15 полных лет). В остальных округах РФ возрастная структура сельского населения, несмотря на высокий удельный вес пожилых, еще оставалась прогрессивной, т.е. детей больше, чем стариков. В Южном ФО доля детей до 15 лет вообще была самой высокой по России – на 5,6 пункта выше, чем лиц старше 60 лет; на Дальнем Востоке – тоже вполне благоприятна. Но в целом по азиатской части страны (в Сибири и на Дальнем Востоке) с 1989 по 2002 гг. детей стало меньше почти на 8%. Характерно, что таких высоких темпов снижения численности группы детей в европейской части России не отмечалось.

Своеобразием демографического старения в России по сравнению с развитыми странами в 1990-е гг. стало серьезное отличие в направлении основного вектора демографических процессов. В то время как в развитых государствах смертность продолжала снижаться, в России в 1990-е гг. она значительно поднялась, причем в основном за счет сверхсмертности в трудоспособных группах. В сельской местности уровень смертности был еще выше, чем в городе (табл. 3):

Табл. 3. Показатели смертности в городском и сельском населении России в 1990-е гг. *

Годы	Городское население Всего умерших		Сельское население Всего умерших	
	Тыс. человек	На 1000 населения	Тыс. человек	На 1000 населения
1990	1140,6	10,4	515,4	13,3
1991	1168,9	10,6	521,8	13,4
1992	1254,8	11,5	552,6	14,1
1993	1488,3	13,8	641,0	16,4
1994	1615,0	15,0	686,4	17,5
1995	1554,2	14,4	649,6	16,5
1996	1446,0	13,4	636,2	16,2
1997	1387,8	12,9	628,0	16,1
1998	1379,8	12,9	508,9	15,6
1999	1499,5	14,0	644,8	16,6
2000	1564,0	14,7	661,3	17,0

* Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 104.

¹² Подсчитано по тем же данным. С.48-72.

Таким образом, в сельском населении уровень смертности примерно на 20-25% был выше, чем в городском. Кроме старого возрастного состава жителей села, это можно объяснить худшим состоянием здоровья, повышенным уровнем алкоголизации, недостаточностью медицинской помощи. Тем не менее, прирост смертности на селе в 1990-е гг. был меньше (27,8%), чем в городе (41,3%).

Среди регионов России максимально высокий уровень смертности жителей села имели Центр и Северо-Запад. Для них характерен и самый высокий удельный вес пенсионных групп, поэтому коэффициент общей смертности там достиг 18%, при среднем по России 15,8%. Одновременно в регионах с более молодым возрастным составом и относительно благополучной экологической обстановкой (Север, Западная и Восточная Сибирь, Северный Кавказ, Дальний Восток) смертность на селе была заметно ниже¹³. В целом в годы радикальных реформ резко негативная динамика естественного движения населения, в особенности процессов смертности, демонстрировала как бы разворот вспять основных демографических тенденций. В течение данного 10-летия российская модель смертности была отброшена на позиции, которые ей были свойственны сразу после войны.

Следует отметить, что на этапе 1990-х гг., по уровню рождаемости, несмотря на заметное снижение, сельское население России мало отличалось от средневропейского уровня, но его показатели смертности в 1,5-2 раза были выше¹⁴. Это подтверждало особенно интенсивный характер естественной убыли сельского населения, его депопуляцию.

Сокращение объема воспроизводства сельского населения в 1990-е гг., особенно в результате роста смертности в трудоспособном возрасте, подтверждает усиление процесса его демографического старения. В сельской местности целого ряда центральных областей (Ивановской, Калужской, Калининской, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской) эти негативные моменты в воспроизводстве населения отмечаются уже с 1972-1979 гг. Но тогда их причиной была необычайно интенсивная миграция сельской молодежи, какой не знали другие российские регионы. С тех пор сельские районы Центра справедливо относятся к территории «старого» и «очень старого» населения¹⁵.

С проблемой старения населения тесно связан рост демографической нагрузки на трудоспособное население, индекс которой рассчитывается как соотношение числа детей и/или лиц старше трудоспособного возраста к численности последних, умноженный на 100. В принципе демографическая

¹³ Доброскок В.А., Литовка О.П., Семенов С.П. Анализ депопуляционных процессов Северо-Запада России. СПб., 1995. С.38.

¹⁴ Бондаренко Л. Указ. соч. С.73.

¹⁵ Горбачев О.В. На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946-1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С.45.

нагрузка может иметь как положительное (когда нагрузка детьми выше нагрузки пожилыми), так и отрицательное значение (преобладает нагрузка пожилыми). Расчеты показывают, что в России демографическая нагрузка именно лицами пожилого возраста (т.е. 60 лет и старше) на 1000 населения в рабочем возрасте (от 15 до 59 лет) постоянно повышалась уже несколько 10-летий, в то время как нагрузка детьми - снижалась. Не удивительно поэтому, что демографическая нагрузка пожилыми была максимальной по сельской местности Центрального и Центрально-Черноземного районов, где постарение населения началось раньше всего в связи с несопоставимо более интенсивной миграцией молодежи в город.

Оценивая сложившуюся по России демографическую нагрузку пожилыми, нельзя не отметить что при всех отличиях существует и ее сходство с другими странами. У нас очень высока доля населения в трудоспособном возрасте и пониженная по сравнению с предыдущими 10-летиями доля детских возрастов. За 1989-2002 гг. в России общая численность населения в трудоспособном возрасте выросла всего на 3,7%, хотя контингент старших рабочих возрастов (от 40 лет) рос быстрее – на 7,7% (с 34,5% до 42,2%). В то же время сравнение показывает, что в России даже сейчас вклад детских возрастов в демографическую нагрузку выше, а пожилых – соответственно ниже, чем в странах Европейского Союза и Японии. По отношению же к США положение обратное¹⁶.

При относительно благоприятных показателях в 2002 г. в России следует ожидать неизбежного изменения ситуации не в лучшую сторону. Демографическая нагрузка пожилыми еще 10-15 лет будет нарастать в сельской и городском населении за счет перехода в пенсионные группы многочисленных послевоенных поколений 1946-1958 гг. рождения. Скажутся, кроме того, и последствия низкой рождаемости в 1990-е гг., в результате чего численность детских возрастов еще больше снизится, а общее соотношение трудоспособных и нерабочих возрастов ухудшится за счет пожилых людей.

К началу XXI в. индекс демографической нагрузки на трудоспособное население за счет пожилых повысился уже в 50 российских регионах. В Тульской, Рязанской, Воронежской, Ивановской, Тверской, Псковской, Тамбовской, Ярославской и Владимирской областях он достиг перевеса над детьми в 80-60%. Самая низкая доля пожилых наблюдалась в Дальневосточном Федеральном Округе – 211 человек при суммарной демографической нагрузке 537 человек¹⁷. Из этого следует, что ближайшие исторические перспективы в этом плане будут еще хуже, чем сейчас – меньшему количеству трудоспособного населения придется содержать большее число людей пенсионного возраста.

¹⁶ Население и общество. Информационный бюллетень № 215-216. 25 сент.-9 окт. 2005 г.

¹⁷ www.glazev.ru/alert/5/33.

Еще одним доказательством того, что в 1990-е гг. Россия действительно отклонилась от общемирового направления развития демографических процессов, наряду с ростом смертности населения является и снижение расчетных показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении¹⁸. Еще в 1987 г. он составлял 70 лет (в том числе 65 лет у мужчин и 75 – у женщин). Тогда этот показатель практически совпадал с западноевропейским, но вскоре продолжительность жизни россиян стала сокращаться. В первой половине 1990-х гг. она резко упала до самых низких значений: в 1994 г. – 64 года, в том числе у мужчин 57,5 года (у сельских 57,0 года) и у женщин – 71 год; уже в 1999 г. данный показатель немного подрос: у мужчин-горожан до 60 лет(у сельских до 59 лет), а у женщин до 72 лет. Иными словами, при том, что у россиян в 1990-е гг. показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении заметно снизился, у жителей сельской местности он был еще ниже¹⁹. Основной причиной этого явился рост смертности мужчин в рабочих возрастах, особенно от неестественных причин (убийств, самоубийств, травм и отравлений).

Снижение продолжительности жизни в стране, в том числе и в сельской местности, в известной мере само по себе регулировало общий уровень демографического старения. Многие люди из-за стрессов, болезней, несчастных случаев и т.п. не доживали до возраста выхода на пенсию, т.е. до старости. Но парадокс демографического старения в России вообще, и в сельской местности, в частности, заключается в том, что на фоне выраженного снижения средней продолжительности жизни в населении постоянно увеличивается доля лиц старше 60 лет. По показателю удельного веса пожилых (более 20%) в составе населения Россия может быть отнесена к числу самых «старых» стран мира. Но, по данным Госкомстата России, в списке 64 стран мира, включая и некоторые государства СНГ, по величине ожидаемой продолжительности жизни при рождении у мужчин Россия в эти годы стояла на предпоследнем месте. Позади нее- лишь Индия (55 лет – данные за 1981-1985 гг.). У женщин в России, как известно, данный показатель выше, поэтому наша страна обошла большинство стран Азии, незначительно уступив в этом плане западным государствам и Японии²⁰.

В экономически развитых странах в 1990-е гг. продолжала увеличиваться средняя продолжительность жизни и снижаться смертность, в том числе благодаря улучшению здоровья у лиц пожилого возраста (от 65 лет). Примечательно, что там удалось не просто увеличить среднюю

¹⁸ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении - число лет, которое в среднем предстояло прожить 1 человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким же, как и в год, для которого вычислен данный показатель.

¹⁹ Женщины и мужчины России. Крат. стат. сб. М., 2000. С.21.

²⁰ Вопросы статистики, 1997, №11. С.82.

продолжительность, но продлить период здоровой жизни – без болезней²¹. В России из-за характерной для нее довольно короткой средней продолжительности жизни, по понятным причинам, коэффициент здоровой жизни вообще не применяется.

Отметим, что по этим же соображениям абсолютно некорректно выглядят некоторые публичные высказывания о необходимости повышения в России пенсионного возраста. При имеющейся у нас средней продолжительности жизни мужчин (60 лет) увеличение пенсионного возраста до 65 лет противоречило бы здравому смыслу, ввиду того, что тогда значительная часть мужского населения просто не доживет до пенсии и не воспользуется пенсионными взносами, накопленными на протяжении своей трудовой деятельности.

В населении России довольно резко ощущается гендерный дисбаланс возрастной структуры – на селе уже с 50-летнего возраста количественно преобладают женщины. В 1989 г. в населении деревни среди лиц старше 60 лет женщин насчитывалось в 2,4 раза больше, чем мужчин, в 2002 г. – в 1,8 раза. В абсолютном выражении это означало, что в 2002 г. на 1000 женщин приходился всего 541 мужчина. Среди горожан данное соотношение было примерно таким же²².

Поэтому проблемы старения населения, прежде всего, касаются женщин. В подавляющем большинстве пожилые женщины одиноки: среди 60-64-летних свыше 40% – вдовы, разведенные и разошедшиеся, среди 65-69-летних женщин одиноких уже более половины и т.д. В целом рост числа женщин в общей популяции пожилых и старых людей – характерное проявление глобального, а не только российского, процесса старения.

Итак, характер и темпы процесса старения сельского населения России во второй половине XX в. в основном определялись следующими факторами. Это глобальные тенденции – постоянное снижение уровня рождаемости, а также чисто российский феномен – нарастание с середины 1960-х гг. уровня смертности, которое на этапе радикальных реформ 1990-х гг. в особой степени коснулось населения в рабочем возрасте, особенно мужчин. Трудности кризисного периода привели к заметному ухудшению здоровья населения и снижению средней продолжительности жизни в России. Для сельской местности наряду с этим огромное значение имели миграционные перемещения молодого населения из деревни в город, ускорявшие демографическое старение ее жителей. В итоге всего за несколько 10-летий сельское население из молодого, каким оно было до войны, превратилось в старое, поскольку уже к 1989 г. свыше 20% его составляли люди в возрасте 60 лет и старше.

²¹ Орлова И.Б. Демографическое благополучие России. М., 2001. С.68.

²² Сводные итоги Всероссийской переписи... С.47.

Репатриация из Синьцзяна в Казахстан во второй половине 1940-х г. – 1950-е гг. XX века

Проблемы репатриации советских граждан представляют значительный интерес для исследователей. Под репатриацией понимается возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами СССР. Слабая разработанность вопроса, его дискуссионность во многом объясняется известной закрытостью источников. Между тем значение данного сюжета трудно переоценить, поскольку он позволяет воссоздать правдивую картину послевоенного времени.

Вторая половина 1940-х гг. характеризуется ростом миграционных ожиданий населения. С чем было связано стремление людей покинуть страну? Какие факторы были первичными? Среди вероятных его причин, среди всех прочих, следует считать события в Синьцзяне в 40-е – 50-е гг. XX в. ,изменения в характере миграционной политики СССР, облегчение процедуры предоставления советского гражданства .

В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 года в гражданстве СССР могли быть восстановлены проживавшие на территории Маньчжурии подданные бывшей Российской империи, а также лица, утратившие советское гражданство. Позднее (20 января 1946 г.) данное положение было распространено на проживающих в провинции Синьцзян и в городах Шанхае и Тяньцзине. Сроки подачи заявления на получения советского подданства неоднократно продлевались. По данным Н.Н.Аблажей на конец октября 1946 г. было подано 155 090 заявлений, в том числе в Синьцзяне –94 977 [1]

Мы полагаем, что государство в тот период оказалось не готово начать организованную репатриацию из Синьцзяна. Фактом остается то, что в 1946 году наметился стихийный переход советско-китайской границы из Синьцзяна в Казахстан. Наплыв огромной массы людей, неопределенность вопроса об их статусе, возникшие трудности в их размещении требовали срочного решения не только организационных вопросов. В течение декабря 1946 г. вопрос о процедуре их приема рассматривался на различных уровнях, прежде всего союзном; в итоге была определена принципиальная позиция руководства .

14 декабря 1946 г. принимается постановление Совета Министров Казахской ССР, в соответствии с которым прием перебежчиков на границе, эвакуация, отправка в места расселения была поручена органам хозяйственного устройства спецпереселенцев. Специальная инструкция определяла основные этапы и последовательность действий принимающих организаций. Совместно с областными управлениями МГБ организовывались «пункты приемки перебежчиков на границе». Органы МГБ на границе составляли на них подробные списки, с указанием степени

родства (отец, сын, дочь и т.д.), рода занятий, специальности. «Во избежание каких-либо недовольств со стороны перебежчиков и дальнейшей переписки следить за тем, чтобы ни в коем случае не допускать разрознения семьи или родственных связей между ними как при эвакуации до станции погрузки, так и при дальнейшей отправке по железной дороге в назначенные места вселения».

Особо обращалось внимание на возможность распространения инфекционных и иных заболеваний. Эпидемиологическая обстановка в Китае заставляла вновь и вновь в инструкции подчеркивать: «Прием перебежчиков и отправка их по железной дороге без тщательной санобработки категорически воспрещается, при чем перед посадкой в вагоны проводится вторичная санобработка» [2]

После прохождения вышеозначенных процедур определялась ближайшая к границе станция железной дороги, откуда перебежчики отправлялись в области на постоянное место жительства. Отправление происходило «повагонно с составлением персональных списков на каждый вагон». В каждом из них назначался старший и выделялся сопровождающий с основными документами. По прибытии происходило распределение по совхозам, в управление сдавался отчет.

Постановление 14 декабря 1946 года определило районы вселения перебежчиков: Зерносовхозы Кустанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Алма-Атинской, Семипалатинской областей. Общий объем тренда оценивается в 1906 семей, расселенные следующим образом: Кустанайский зернотрест – 450, Северо-Казахстанский зернотрест – 560, Павлодарский зерно трест – 630 семей. Алма-Атинская область: в колхозах – 14 семей, 7 человек, совхозах – 9 семей, 19 человек, на промышленных предприятиях – 25 семей, 63 человека.

15 июля 1947 г. было издано распоряжение Совета Министров КазССР №32, в котором рассматривались вопросы подготовки к приему репатриантов из Синьцзяна. Определялись организации, ответственные за организацию приемного пункта в Джаркенте, Сары-Озеке.[3]

Таким образом был спланирован процесс приема репатриантов, что было весьма своевременно. Репатрианты поступали большими группами. Уже в течении июля 1947 г. было принято 448 семей, 1545 человек. Национальный состав их был представлен русскими, казахами, уйгурами. К 10 августа поступила еще одна группа репатриантов: в Алма-Атинской области от погранотрядов было принято – 121, Талды-Курганской – 2407, Семипалатинской -725, Восточно-Казахстанской – 178 репатриантов. Всего же к этому периоду принято дополнительно 3071 человек. Как отмечалось в сводке МВД, «в ближайшее время с 15 августа предполагается значительное увеличение резмигрантов из Синь-Цзяна в Советский союз (от 100 до 200 человек в сутки)...»[4]

Принятые контингенты отправлялись на строительство железной дороги Мойнты-Чу – 320 человек, в совхозы Павлодарской области – 215

человек. «Остальное количество 2536 человек или 650 семей устроено в сельском хозяйстве указанных областей...»

Движение контингентов постепенно выстраивалось в строгую систему. По предварительным заявкам совхозов, колхозов, предприятий, министерств изучалась потребность в рабочей силе. Так в августе 1947 г. Министерство совхозов сообщило правительству республики, что считает возможным принять и разместить в совхозах следующее количество репатриантов: «В Акмолинскую область – 1500 человек, Кокчетавскую – 670, Кустанайскую – 4400, Павлодарскую – 1980, Северо-Казахстанскую – 3250, хлебсовхоз «30 лет Октября – 200. Итого 12 000 человек...».

На 1 октября 1947 г. в республике было обустроено 948 семей, 3166 человек реэмигрантов из Сибиряна. 43,2% - были размещены в Талды-Курганской, 23,1% – в Семипалатинской, 11,0% – в Джамбульской, 10,6% – Павлодарской, 5,7% – Восточно-Казахстанской областях.

Среди прибывших репатриантов около 40% составляли дети. Из детей школьного возраста учебой было охвачено 74,5%, 60,9% детей дошкольного возраста было обеспечено детскими садами. Жилплощадь с начала вселения была предоставлена 596 семьям, в т.ч. 5 семьям в Восточно-Казахстанской области были куплены дома, 375 семей в Талды-Курганской, Джамбульской, Восточно-Казахстанской областях были устроены в пустующих домах. Кроме того, было построено 132 дома (Талды-Курганская область), 27 пустующих домов было так же передано репатриантам. Остальные обустроивались в домах хозорганизаций. 14 декабря 1947 г. принимается постановление Совета Министров Казахской ССР «О трудовом устройстве перебежчиков из Сибиряна».

В нем отмечалось, что в Талды-Курганской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областях «не уделяют должного внимания вопросу приема, расселения, трудоустройства и материально – бытового обеспечения перебежчиков...» их расселение производится в неразрешенных районах (Аягузкий, Зырянский и др). «Имея предупреждение о временном расселении в этих районах [они] воздерживаются от хозяйственного устройства». Было отмечено, что Семипалатинское областное управление МГБ допускало «отбор и направление трудоспособных перебежчиков, а нетрудоспособных членов их семей оставляло в Аягузе...»

Анализ ситуаций действительно вскрыл нелицеприятные факты использования труда данного контингента. Многие перебежчики имели специальности (слесаря, кузнеца, плотников, сапожников), однако ими не использовались, работали чернорабочими. Устроенные на работу в промышленных предприятиях и промысловых артелях «часто перебрасываются с одной работы на другую, используются на заготовке дров, сена, что не дает им возможность повысить квалификацию, освоить новую специальность...»

«Жилища перебежчиков находятся в антисанитарном состоянии, представляют угрозу эпидемических заболеваний». Наконец, главное:

«многие перебежчики приходят к выводу о необходимости бежать обратно в Синьцзян с ложными представлениями о советской действительности...»

Почему важно было не допустить возвращения беженцев, реэмигрантов обратно в Китай? Чем все же определялась политика по отношению к данному контингенту? Ответ здесь очевиден. СССР, понесший огромные людские потери, был заинтересован в возвращении всех беженцев и перемещенных лиц. Репатриацию сопровождала мощная идеологическая компания. В Синьцзян, начиная с 1945 г., стали обычным выезды агитбригад, театральных коллективов, широкая демонстрация кинофильмов. В выходивших в Синьцзяне газетах (11 газет, 4 журнала с разовым тиражом 1400 экземпляров) помещались статьи о Советском Союзе, об его успехах и достижениях. Только в газете «Голос народа» выходившей в г.Чугучаке в течение 1947 года было помещено 52 статьи о Советском Союзе. В русском и уйгурском клубах Урумчи было показано 113 кинофильмов, в том числе 81 художественный, 32 документальный [5].

Указанное многое объясняет, в том числе и необычно жестокую риторику Постановления Совета Министров и ЦК КП(б)Казахстана от 14 декабря 1947 года. Документ потребовал, от руководителей Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Талдыкурганской, Алма-Атинской областей «в двухмесячный срок учесть всех прибывающих перебежчиков из Синьцзяна, расселить, трудоустроить их с расчетом оседлого проживания их в населенных пунктах», категорически запретив переброску их с одного населенного пункта в другой после расселения и трудоустройства.

Дано указание прекратить в дальнейшем направление в эти области прибывающих из Синьцзяна перебежчиков. Были обозначены регионы, в которые нужно было отправить людей: в «Кокчетавскую – 600 семей, Кустанайскую – 800 семей, Павлодарскую – 2000 семей, Северо-Казахстанскую – 500 семей».[6]

Прибытие репатриантов в оставшиеся дни 1947 года продолжалось. Многие из них нуждались в неотложной помощи. Так, 20 декабря 1947 г. начальник областного переселенческого отдела Талды-Курганской области сообщал руководству: «По имеющимся данным в Джаркентском погранотряде находятся 24 человека реэмигрантов, совершенно раздетых, не имеющих средств существования... 4 человека находятся в Джаркенте уже больше месяца, которые также раздетые и босые. Содержать их нет средств...» В Сары-Озек, как следует из сообщения, размещать репатриантов оказалось негде. «В аренде дома отказал хозяин, так как проживают подолгу. Кроме того, безобразно ведут себя. Поэтому сейчас никто не хочет их принимать и обогревать». Поселковый совет вынес решение купить для этой цели дом, облизполком...выделил 15-20 тыс. руб.Из Китая поступают, невзирая на холод, а с наступлением тепла конечно будет больше».[7]

В 1948 г. ситуация в республике оставалась сложной, в силу отсутствия финансирования. Так, по спецсообщениям на станции Сары-Озек

к 17 марта 1948 г. «сконцентрировалось 50 человек реэмигрантов. Содержать их средств нет». Незначительные тренды поступающих в феврале–июне 1948г. направлялись в Пахтаральский совхоз, передавались Министерству промышленности стройматериалов КазССР.

С июля–августа 1948 г. численность пребывающих увеличилась (было принято 663 реэмигранта) затем почти прекратилось, не считая единичных случаев. Национальный состав, по нашим подсчетам, представляется следующим: до 80% составляли русские, затем узбеки и уйгуры.

Прибывших в июне–июле 1948 г. из Синьцзяна – 433 человека направили на строительство дороги Моинты–Чу, в августе – 107 человек – на строительство пивного завода в Южно-Казахстанскую область, 123 человека прибывших так же в августе 1948 г. для работы на Плотинострое Кзыл-Ординскую область.

Особенностью репатриации первой половины 1950-х годов является ее добровольный характер. Основную массу репатриантов поставлял Илийский, Тарбагатайский, Алтайский округа Синьцзяна. Анализ списков советских граждан, прибывших из КНР в Казахскую ССР в 1954 году, позволяет установить общую численность этого тренда – 20 524 человека. Этнический состав был неоднородный. Среди прибывших переселенцев незначительно были представлены казахи, дунгане, уйгуры. Русские составляли более 85 % всех прибывших. Из числа трудоспособных не более 20 % имели строительные специальности (слесарь, плотник, каменщик и т.д.); 5 % являлись квалифицированными специалистами (учитель, медсестра, фельдшер). Подавляющая часть переселенцев в графе специальности сделала запись - чернорабочий, крестьянин, специальности не имею. Репатрианты были обустроены в Западно-Казахстанской (Булинский, Таловский совхозы, совхоз им. Крупской), Актюбинской (Кзыл-Коинский, Новороссийский, Джиренкуруинский совхозы), Павлодарской (Алакульский, Селитинский, Экибастузский и другие совхозы), Карагандинской (Шетский, Кокташкульский, Нуринский и другие совхозы) областях.

Наибольшее количество репатриантов тренда 1954 года было направлено в совхозы Кустанайской области – 504 семьи, 3 003 человека. Они были обустроены в Милютинском, Шевченковском, Красноармейском, Джетыгаринском, Бистюбинском и других совхозах. Таким образом, большинство прибывающих были определены в районы освоения целинных и залежных земель, куда они направлялись наряду с плановыми переселенцами из различных областей СССР.

15 февраля 1955 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 238-143с в котором была озвучена цифра ожидаемой численности мигрантов из Китая (апрель-июнь 1955 г.). В нем отмечалось, что «данный контингент советских граждан в количестве 10 000 семей, 40-45 тыс. человек будет направлен на работу и жительство в совхозы» КазССР, РСФСР. В

Казахстане наибольшее число семей планировалось направить: 1600 – в Кустанайскую, 1200 – в Павлодарскую области.

В 1955 г. прием переселенцев осуществлялся на станциях Аягуз, Или Туркестано-Сибирской железной дороги, приемные пункты Быстовка, Сары-Озек, Майкоп–Чагатай. В период с 1 апреля по 20 июня 1955 г. через шоссейную трассу Бахты-Аягуз Семипалатинской области прибыло из КНР 1842 семьи, 11 619 человек, 6 056 мужчин, 5 563 женщин. Национальный состав был представлен казахами – 63 %, русскими – 25,3 %, татарами – 9,4 %, узбеками – 2,2 %, уйгурами – 0,1 %. «Из общего числа прибывших 40,5 % были отнесены к разнорабочим... Всего пригрозных к непосредственной немедленной работе в совхозах 5 785 человек.» [8]

Сары-Озек принял 13 081 человека, в том числе 2 868- русских, что составляло 21,9% всех прибывающих. Согласно спискам, численность семей в среднем составляла пять-шесть человек. В то же время имелось значительное число многодетных семей, состоящих из десяти-тринадцати человек. Аналогичным был состав мигрантов, принятых через приемный пункт Майкоп - Чагатай, через который было отправлено в различные районы Казахстана 3 325 человек, в том числе 1 889 русских, 56,8% прибывших. Кроме того, отметим 10 семей украинцев, с детьми, внуками, средняя численность пять-семь человек. Кроме украинцев значительным была численность репатриантов казахской, уйгурской, татарской и других национальностей. Данные по Национальному составу прибывших обнаружить не удалось, однако мы убеждены что он мало чем отличался от вышеприведенных данных.

Согласно разнарядке Республика должна была обустроить 8 500 семей, фактически за 1955 г. было принято 7 665 семей, 39 774 человека, в том числе 13 204 трудоспособных./28/ Среди прибывших в 1955 г. 35 % – русские по национальности (13 921 человек), 29,0% (11 535) – уйгуры, 25,0% (9 943) – казахи, 6 % (2 386) – татары, 3 % (796) – узбеки и т.д. Более 58,9% всех прибывших были направлены в пять областей Казахстана (Павлодарская, Карагандинская, Кокчетавская, Западно-Казахстанская, Карагандинская). Как следует из документов, «семьи советских граждан прибывших из КНР направлялись в те области, где имелось много совхозов бывших мясного направления, для покрытия дефицита рабочей силы». Адаптация репатриантов происходила сложно. В источниках отмечается, что в партийные и советские органы поступали многочисленные жалобы, в которых указывалось на плохое снабжение, бытовые и производственные условия. За январь-апрель 1955 г. 10,5% прибывших выехало из совхозов с разрешения и без разрешения администрации, в том числе из совхозов Кустанайской области – 236 семей, Южно-Казахстанской – 158 семей, Кокчетавской – 78 семей, Западно-Казахстанской – 52 семьи. Подобные факты вызвали серьезное беспокойство руководство республики. Указанное объяснялось тем, что в связи с освоением усиленных и залежных

земель, увеличения поголовья всех видов скота «имеющееся число рабочих далеко не обеспечивает потребность совхозов в рабочей силе на 1956 год» .

В июле 1956 года было принято распоряжение Совмина СССР «распространить на 1956-1957 годы на переселенцев из числа советских граждан, прибывших из Китайской Народной Республики, и на колхозы КазССР, принимающие в свой состав этих переселенцев, льготы, установленные пунктами 10, 12, 14 Постановления Совета министров СССР от 19 февраля 1953 года, а также распространить п.3 Постановления Совета Министров СССР от 5 мая 1954 года № 918, устанавливающий размер кредита на строительство, для районов освоения целинных и залежных земель Казахской ССР» .

11 января 1956 года появляется очередное Постановление Совета Министров СССР № 37-26с «О трудовом устройстве советских граждан и членов их семей, возвращающихся из-за границы в СССР на постоянное жительство». В нем было дано указание «Госбанку СССР через свои учреждения выдавать на пограничных пунктах прибывающим из-за границы советским гражданам безвозвратные ссуды для приобретения железнодорожных билетов от границы СССР до места их назначения и оплаты стоимости провоза багажа, а также суточные за время их следования в пути из расчета 10 рублей в сутки на человека». Кроме вышеуказанного предусматривалось для остро нуждающихся репатриантов выдавать единовременное безвозвратное пособие в размере 500 рублей на человека. По прибытию в места вселения, в соответствии с рассматриваемым Постановлением, должна выдаваться ссуда на обзаведение и строительство домов от 5 до 10 тысяч рублей, сроком на пять лет.[9]

Основным смыслом данных документов было стремление улучшить заинтересованность как принимающих, так и собственно переселенцев в их решении возвратиться в СССР. За 1956 год в Казахстан прибыло 405 человек. В целом за период 1954-1956 годы в Республику прибыло 10 117 семей, 60 703 человека. Массовый отток населения из Китая в СССР вызвал серию протестов МИД КНР и меры китайского правительства по ограничению миграции. В 1956 году МИД СССР заявил, что массовый репатриации советских граждан из Синьцзяна не будет.[10] .

Подготовка к приему нового тренда реэмигрантов пришлось на раннюю весну 1958 года. Уже к 15 марта был составлен график ее осуществления. Он предполагал прием мигрантов из Синьцзяна в следующие сроки: 15, 18, 21, 24, 28 апреля, 5, 15, 18, 22, 26, 29 мая – по 30 семей на каждую дату, и 12 мая прием 34 семей. В июне планировалось принять еще 162 семьи. Итого в период с апреля - июня 1958 года на освоение новых земель должно было быть направлено 556 семей репатриантов из Синьцзяна

17 апреля в Хоргос прибыли две партии мигрантов. На них распространялись условия приема, обозначенные в правительственных документах 1954-1956 годов. Размещение осуществлялось на основе

предварительных заявок областей. Согласно этим данным, потребность колхозов и совхозов КазССР в рабочей силе в 1958 году составляла 31 604 человек.

Постановление Совета Министров СССР № 1078-520 от 25 сентября 1958 года «О дополнительных мероприятиях по репатриации советских граждан из Китайской Народной Республики» установило перечень льгот «советским гражданам прибывающим из КНР и направляемым в районы освоения целинных, залежных и вновь орошаемых земель». В соответствии с ними переселенцам гарантировалось:

- ✓ выдача единовременного денежного пособия в размере 3000 руб. на главу и 600 руб. на каждого члена семьи;
- ✓ оплата фактических расходов по проезду и провозу багажа от советско-китайской границы до места вселения;
- ✓ выдача суточных за время следования в пути из расчета 10 руб. в сутки на человека.

«Гражданам, направляющимся в другие районы, денежное пособие и ссуды выдавать в соответствии с пунктом 2 постановления Совета Министров СССР от 11 января 1956 г.» Документ определил официальные квоты переселения. С границы до 1 ноября 1958 года планировалось направить в КазССР – 580, РСФСР – 555, Киргизскую ССР – 1250, Украинскую ССР – 70 семей репатриантов. Аналогичные постановления принимались и на уровне союзных республик, в которых перед ведомствами ставились конкретные задачи.[11]

В рассматриваемых документах была озвучена оценка объема репатриации в республику в 1958-1959 гг. – 9830 семей, около 60 000 человек. Мы полагаем, что эта цифра не является точной. Анализ переписки МИД КазССР с правительством республики показывает, что к данному объему необходимо приплюсовать дополнительно 970 семей, получивших разрешение на въезд в СССР, но не успевших по разным причинам выехать из КНР. Таким образом, численность репатриантов из КНР в 1958-1959 годах составил 10 800 семей, 70-75 тысяч человек. Кроме того, из сообщений Консульского управления МИД СССР следует, что ожидался «приезд семей советских граждан из других стран, пожелавших работать на целинных землях. Точное количество пока неизвестно, однако предполагается не менее 500 семей...»

Репатрианты прибывали из КНР через пограничные пункты. Из Илийского округа КНР (г.Кульджа и прилегающие к ним районы) – 9200 семей, в том числе : водным путем по реке Или до станции Илийск – 6300 семей, автотранспортом из находящихся вблизи границы СССР районов Сайдун, Борталы и др.; 2900 семей – через погранпункты Хоргос до станции Сары-Озек; автотранспортом из Тарбагатайского округа КНР (г.Чугучак); 1500 семей через погранпункты Бахты до станции Аягуз; автотранспортом из Алтайского округа КНР; 100 семей – через погранпункт Май-Копчегай до г. Зайсан.

15 октября 1958 года Консул в Кульдже Е.Шалунов отправил письмо руководству КазССР, в котором был сделан анализ процесса репатриации. По его мнению, «практика пятимесячной работы показывает, что организации города Панфилова к приему и обслуживанию прибывающих из Кульджи советских граждан должным образом не подготовились». Отмечалось, что прием репатриантов осуществляется в непригодном помещении. «Доказательством этого может служить хотя бы тот факт, что не так давно в этом здании обвалился потолок. И только теперь, когда наступила прохладная погода, решили произвести ремонт помещения», говорилось в документе. Консул СССР в Кульдже выражал беспокойство по поводу организации медицинского обслуживания на границе. Он писал: «Нам кажется, что совершенно ненормальным является также и то, что санобработка прибывающих советских граждан производится в Хоргосе, а не в Панфилове, как это имело место до июня сего года. В настоящее время санобработка производится в крайне маленькой бане, расположенной на территории Хоргосского таможенного пункта». Судя по документу, баня была рассчитана на 20-25 человек, в то время как «с каждой поездкой доставляется 200-250 человек, которые после окончания санобработки... доставляются из Хоргоса в г. Панфилов. При таком положении, даже если учесть наступившую прохладную погоду, не исключена возможность заболеваний, что является крайне нежелательным». ... Во дворе,... где происходит досмотр вещей, санобработка, нет ни скамеек, ни столов для пеленания грудных детей, электричества, что мешает возможности работников таможни производить досмотр вещей в вечернее и ночное время, в результате чего советские граждане вынуждены оставаться на ночь при отсутствии помещения для ночлега. На территории таможенного пункта нет ни титана, ни бачков с кипяченой водой...» И далее: «Мы просим Вас иметь в виду, что вывоз советских граждан из Кульджи в Панфилов, видимо, продлится до декабря сего /1958/ года». Стратегическая важность проблемы объясняет быстроту принятия решений на уровне республики, призванные улучшить ситуацию на границе. Правительство дало указание местным органам власти построить в г. Панфилове приемный пункт гостиничного типа на 400 коек, в с. Маканчи, Семипалатинской области – на 100-150 семей.

В 1958 году было репатрировано из Синьцзяна 2 270 семей, 13 996 человек, в том числе 596 семей, 2 662 человека транзитом в РСФСР, Украину, Киргизию. Оставшиеся 1 674 семьи, 11 334 реэмигранта были обустроены в Алма-Атинской (95,2%), Семипалатинской, Восточно-Казахстанской (от 1,4% до 1,5%), Джамбульской (1,8%), Павлодарской (0,2%) областях. Среди прибывших до 80 % составляли казахи, 10% русские, около 10% уйгуры, дунгане.

С весны 1959 года прием репатриантов должен был быть продолжен. Особенностью репатриации в 1959 году было положение, согласно которому размер единовременного пособия, выдаваемого репатрируемым семьям,

увязывался с районами освоения целинных и вновь орошаемых земель. Всего было определено 125 районов, строго оговоренных в приложении к постановлению. Так, в Алма-Атинской области льготы имели репатрианты, направляемые в Джамбульский, Илийский, Каскеленский районы, в Восточно-Казахстанской – 8 районов, Актюбинской – 6, Акмолинской области – 14 районов и т.д.

Сроки массовой репатриации, назначенные на начало апреля 1959 года, срывались «из-за плохого состояния дорог». Консульство СССР в Кульдже в связи с этим предложило перенести сроки переселения на 25 апреля (автотранспортом) и 5 мая (водным путем). Между тем, складывалась сложная ситуация: «Наше намерение построить временную навесу для защиты от непогоды репатриантов с детьми, не удалось из-за плохого песчаного грунта. Под открытым небом держать тысячи репатриантов в ожидании отправки не можем», - говорилось в телефонограмме из Кульджи 16 апреля 1959 года. Уже 18 апреля Госплан КазССР выделили 25 больших палаток для консульства СССР в Кульдже.[12] Среди прибывающих репатриантов было много больных. Только Панфиловским приемным пунктом за три с небольшим месяца (апрель-июль 1959 года) было помещено 476 человек в больницы на пограничном пункте Хоргос, г. Панфилове из которых 11 человек умерло.

Массовый масштаб репатриации 1959 года требовал открытия новых приемных пунктов. Уже 27 июля 1959 года для приема 1 000 семей репатрируемых советских граждан Монголо-Куринского, Кызыл-Куринского уездов КНР организован временный, сроком на три месяца, приемный пункт в селе Сумбе Нарынкольского района, Алма-Атинской области (Постановление Совета Министров КазССР, № 660-70).

Таким образом, к приему репатриантов готовились заранее, просчитывались варианты их размещения, оценивались возможности пропускных пунктов, каждое министерство имело свои четкие задачи, отвечало за конкретный участок. Казалось бы, что мероприятие пройдет организовано и без проблем. Тем не менее, уже 15 августа, в самый разгар репатриации, Правительство республики вновь вынуждено было принять постановление «О мерах улучшения обслуживания граждан, репатрируемых из Китайской Народной Республики». В нем отмечалось, что Министерства здравоохранения и торговли КазССР, Казпотребсоюз не приняли должных мер по организации приема репатрируемых граждан из КНР, их медицинскому обслуживанию, своевременному выделению и отовариванию фондов на промышленные и продовольственные товары. Создается впечатление, что механизм репатриации стал захлебываться, а совхозы, колхозы оказались не в состоянии принять всех желающих. И дело не в том, что не хватало резервов, фондов на лекарства, продовольствие, одежду и т.д. Прием репатриантов 1959 года происходил на фоне массовых переселений людей на освоение целинных и залежных земель и не только из КНР. Колхозы, совхозы, ответственные министерства, не успевали

обустраивать людей, они оказались неподготовленными к их приему, несмотря на решения, которые принимались на различных уровнях.

В целом, несмотря на трудности, во многом имевшие объективный характер, в 1959 году было репатрировано в КазССР из КНР 8 574 семьи, 49 502 человека, в том числе 483 семьи, 2 547 человек транзитом отправлены в другие республики СССР (Киргизская ССР, РСФСР и т.д.). 8 091 семья, 46 955 человек обустроены в восьми областях Казахстана. Две области, Алма-Атинская и Семипалатинская, приняли 85% объема репатриации 1959 года.

Анализ списков прибывших советских граждан из КНР в районы освоения целинных и залежных земель показывает, что в отличие от трендов предыдущих лет русские составляли не более 9% всех прибывших, 80% – т казахи. Особенностью возрастного состава прибывших славян (русские, меньше украинцы) был средний возраст (30-40 лет).

Состав семьи – пять человек, из которых трое детей. Реже в списках стали встречаться большие семьи. Таких как семья Гордеевых, 8 человек, возраст 18, 15, 13, 29, 19, 65, 24, 21 -было не более 1%. По-прежнему высока была доля национально-смешанных семей (муж Ван-Бин-Хен, 58 лет, жена Хуторная Валентина, 40 лет, сын – Хуторный Юрий) и т.д. Профессиональный состав резко изменился: среди прибывших высок удельный вес лиц, имеющих квалификацию (токарь, шапочник, маляр); много служащих.

В целом, в период массовой репатриации из Синьцзяна в СССР в 1958-1959 годы выехало 10 844 семьи, 63 498 человек, в том числе 9 765 семей, 58 289 человек в Казахстан. Он оказался наиболее многочисленным из всех трендов из Синьцзяна

В целом за период 1954-1960 гг. в Казахстан было репатрировано 21 877 семей, 130 636 человек.

Таким образом, в СССР в целом, в Казахстан в частности в силу различных причин ,чаще политических, экономических была организована репатриация бывших советских граждан, которые, опять же в силу известных событий 1916 г., гражданской войны и политики коллективизации покинувшие Казахстан, возвращались на Родину. В основном это было поколение людей, видевших прежнее государство, теперь же после окончания Великой Отечественной Войны многие из них считали своим долгом вернуться в родные края .

Литература

Аблажей Н. Н. Репатриация советских граждан из Китая в СССР в 1947-1948гг.//Гуманитарные науки в Сибири. Серия :Отечественная история, № 2, 2003, с.91.

Центральный государственный архив Республики Казахстан.(Далее ЦГА РК), ф.1987, оп.1, д.32, л.200.

ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.30, л.27.

ГА РФ, ф.А-327, оп.1, д.36, л.153,156; ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.33, л.8.

ГА РФ, ф.5283, оп.18, д.47, л.11,12, д.32, л.37,38.
ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.30, л.41.
ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.32, л.36.
РГАЭ, ф. 7803, оп.7, д.372, л.47,227.
ЦГАРК, ф.1987, оп.1, д.119. л.2,3.
Аблажей Н.Н. Масштабы и специфика миграционного обмена России (СССР) с Китаем в XX веке, с.197.
ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.67, л.21-23.
ЦГА РК, ф.1987, оп.1, д.71, л.46,47., д.67, л.68,78, 83-85.

Максудов С.
(Davis Center, Harvard University, USA)

***Некоторые проблемы изучения потерь населения в годы
коллективизации***

Хотя с начала коллективизации прошло уже 80 лет, и в научном обороте накопилось большое количество материалов, например, сборники документов, выполненные под руководством В.П. Данилова, сборники документов составленные на Украине и в различных районах страны, статистические сведения, собранные в фундаментальном исследовании Р.Девиса и С.Уиткрофта (R.W.Davies, Stephen G.Wheatcroft. The Years of Hunger: Soviet Agriculture 1931-1933. New York, 2004, pp. 137-162) и ряд других работ, еще немало расхождений в представлениях ученых и публицистов об этом явлении, а в печати и среди различных слоев населения циркулирует большое просоветских и антисоветских мифов. При этом представляется, что большинство исследователей согласятся с тем, что коллективизация была экономической реформой, проводившейся сверху необычайно жестоким образом, поставившей под полный контроль государства производство и распределение продукции сельского хозяйства. Политическая дискуссия продолжается по вопросу: были ли оправданы последующими историческими событиями эти страшные изменения или они сыграли только негативную роль? Не подлежит сомнению, что результатом коллективизации были огромные потери населения, резкое снижение продуктивности сельского хозяйства. С другой стороны, государство, получив полный контроль над продукцией сельского хозяйства, снизило потребление продовольствия по всей стране и особенно в селе, использовало «сэкономленную» продукцию для завершения военно-промышленной индустриализации и так или иначе смогло кормить население в чудовищных условиях Великой отечественной войны. Проблема потерь населения является в этом споре одной из ключевых. Не слишком велики сегодня и различия в оценках размера потерь. Если 30 лет назад ученые, занимающие противоположные позиции, расходились между собой в сотни раз, от десятков тысяч до десятков миллионов, то сегодня все согласны, что счет идет на миллионы и разница между тремя, семью или десятью миллионами

не кажется принципиальной. Более важным является вопрос, что это за потери, из чего они складываются и как распределяются во времени и по территории страны.

Большинство исследователей, занимающихся оценкой потерь населения в годы коллективизации, приурочивают их к эпицентру голода 1932-33 годам. В фундаментальной работе «Демографическая модернизация России 1900-2000» (М. 2006, сс. 411) приводятся различные оценки потерь и все полученные авторами цифры рассматриваются как потери от голода 1932-33 годов. Однако у Р.Конквеста, кроме использованной авторами оценки потерь от голода 8 млн., есть и другая цифра – 6.5 млн. погибших в результате раскулачивания в 1930-37 годах крестьян. Что касается моей оценки 9.8 млн. человек, то она относится ко всему периоду 1930-38 года, то есть включает повышенную убыль городского и сельского населения от всех причин, в частности от раскулачивания, депортации, репрессий 1936-38 гг. и ухудшения условий жизни по всей стране в 1930-38 годах. В.А.Юсупов в книге «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» (Новосибирск, 2000, сс. 85-93), опираясь на архивные сведения ЦУНХУ СССР и на работу Е.А.Осокиной, основанную на этих же материалах, также относит все потери к голоду 1932-33 годов. С.В.Кульчицкий также объясняет демографический дефицит населения Украины (разница между расчетом численности населения в 1936 году по официальным данным о рождаемости и смертности и фактической численностью населения) эмиграцией и потерями от голода в 1932-33 годах (С.В.Кульчицкий. Голод 1932-1933 годов на Украине как геноцид. Киев 2005). Интересное исключение составляет совместная работа французских и украинских ученых France Meslé, Serhii Pyrozhkov et Jacques Vallin “Introduction à la première partie (Mortalité et Causes de Décès en Ukraine au XX siècle”. Paris, 2003, с.30). По их расчету, повышенная смертность составила на Украине 22 тысячи в 1929, 31 тысячу в 1930, 19 тысяч в 1931, 243 тысячи в 1932, 2, 172 миллиона в 1933, 12 тысяч в 1937 и 1 тысячу в 1938 годах. В 1934-36 годах по их данным потерь не было, напротив, фактические сведения ЗАГСов оказались несколько выше расчетных значений, что свидетельствует о некоторой погрешности используемой модели. Величина потерь в этом расчете представляется мне несколько заниженной, но распределение их по всему периоду 1929-33 годов совершенно справедливо. Более того, население продолжало нести заметные потери и после 1933 года.

Концентрация внимания исследователей на потерях голода естественна, поскольку в 1932-33 годах убыль населения действительно была заметно выше, чем во все другие годы. Другой причиной, вносящей заметную погрешность в оценки потерь, является повышенное доверие к официальной статистике, не публиковавшейся в свое время, но сохранившейся в архивах. Эти сведения были хорошо известны статистикам 30-х годов, однако, они не давали им возможность достаточно ясно понять

реальную картину движения населения, что выяснилось, когда переписи 1937 и 1939 годов продемонстрировали ошибочность текущей демографической статистики и прогнозных расчетов пятилетнего. Развал статистического учета был вызван массовой стихийной миграцией населения, спровоцированной процессами индустриализации и коллективизации.

Наконец, недостаточно внимания уделяется исследователями потерь историческим процессам, предшествовавшим голоду, и ухудшению социального положения огромных слоев населения, происходившему в этот период. Остановимся кратко на этих явлениях.

МИГРАЦИЯ

В середине 20-х годов, несмотря на быстрый рост численности населения в деревне, массовое движение из села сдерживалось жилищным кризисом в городах, безработицей, убывавшей очень медленно и, главное, перераспределением земли в деревне. Советская власть поставила землевладельца в сложные условия. Он получил землю, но продать ее он не мог, а передать в ее в аренду было, как правило, не легко. Земля принадлежала крестьянину при условии трудовой обработки собственными силами. В противном случае она могла быть отобрана. Дореволюционный вариант, продать землю и переехать в город с некоторыми деньгами, отпадал. Аграрная колонизация на востоке страны в эти годы также значительно ослабела: во-первых, из-за появившейся возможности расширить землевладение дома, во-вторых, из-за уменьшения государственных субсидий переезжающим, в-третьих, из-за противодействия местных национальных властей. Крестьянин оказался привязан к своему драгоценному сокровищу, что, правда, не исключало переезда в город отдельных, как правило, более молодых членов семьи (на заработки, на учебу, в няньки и т.д.) В результате, рост городского населения не превышал 1-3% в год. Наиболее интенсивно развивающейся функцией городов была административная. Так, в 1928 году общее число горожан превышало дореволюционный уровень примерно на 10%, однако, рабочих оказалось меньше на 12%, в торговле и снабжении было занято в три раза меньше людей, и лишь служащих было заметно больше, чем в 1913 году (Труд в СССР. М. 1968, с. 20).

В конце 20-х годов начинаются один за другим два процесса, которые полностью меняют условия жизни и быта населения: индустриализация и коллективизация. Первый открывает рабочие места в различных частях страны, второй – делает опасной, порой невыносимой, жизнь в деревне. В 1930-33 годах из деревни было выслано на север и на восток более 2 с половиной миллионов сельских жителей (С.Максудов. Коллективизация и голодомор. Сборник статей института Истории РАН. М., в печати). Оба фактора самым решительным образом выталкивают деревенских жителей в город, на стройки, в отдаленные районы страны. В 1930 году число

переселившихся в города удваивается по сравнению с предыдущим годом, в 1931 - опять удваивается. Людские волны перекатывались из конца в конец страны, сквозь города, стройки, заводы и фабрики. Число приезжающих в города в течение года составляло в 1930-32 годах по 10-11 миллионов человек и больше половины их покидали город в том же году. Численность принятых и уволенных на работу в течение года была порой выше числа работающих. На многих фабриках и стройках персонал обновлялся полностью чуть ли не каждые 2-3 месяца. Эти огромные добровольные и принудительные миграционные потоки лишь очень в незначительной степени фиксировались органами официального статистического учета, в частности прибытие в города и поселки учитывалось намного лучше, чем убытие из них. Массовая неконтролируемая миграция разрушала статистический учет численности, рождаемости и смертности населения, они становились постепенно условными величинами, заметно отличающимися от реальности.

Изучению миграции по отдельным регионам посвящена наша работа (С.Максудов. Миграции в СССР в 1926-1939 годах. Cahiers du Monde russe. 40/4 1999 сс. 763-796). В ней на материалах переписей оценивается баланс миграций запад (РСФСР, Украина и Белоруссия) – восток (Закавказье, Казахстан, Средняя Азия). Согласно результатам расчета баланс составляет 2 295 тысяч человек в пользу востока. Намного труднее рассчитать миграционные потоки между Россией и Украиной, поскольку положение осложняется интенсивной русификацией украинцев на территории РСФСР.

В расчете предполагается, что в районы старинной земледельческой колонизации (Поволжье, Центрально-черноземная область, Северный Кавказ) новый миграционный поток из Украины в начале 30-х годов был незначительным, а прежние украинские поселенцы этих территорий, как и все сельские жители, переезжали в города или во вновь осваиваемые регионы страны. Большинство украинцев, живших на этих территориях, между переписями 1926 и 1937 годов изменили свою национальную идентификацию, как в результате естественной русификации, так и в результате политического давления местных властей.

В промышленных регионах (Центр, Ленинградская область, Восточная Сибирь и Дальний Восток) украинцы, жившие там в 1926 году, к 1937 году сильно ассимилировались и почти весь прирост украинского населения составили вновь приезжие. В Западной Сибири, на Урале и в Крыму наблюдалось сильное сокращение численности украинской диаспоры за счет русификации, и в то же время шел сильный приток новых мигрантов. Ориентируясь на общий миграционный прирост этих регионов России, в котором украинцы обычно составляли 20-25% , подсчитан общий баланс миграционного движения населения СССР в рассматриваемый период (таблица 1).

Таблица 1. Баланс миграции по регионам СССР в 1926-1938 гг.

Регионы	Россия	Украина	Бело- руссия	Закавказье	Казахстан и Ср.Азия	всего
Россия		590	273	-531	-1490	-1158
Украина	-590			-44	-173	-807
Закавказье	531	44	15			590
Казахстан и Ср. Азия	1490	173	42			1705

Источник: С. Максудов Миграции в СССР в 1926-1939 годах. Cahiers du Monde russe. 40/4 1999 сс. 763-796.

В отличие от обычных таблиц такого рода здесь даны не прибытие и убытие в регион, а баланс миграции между регионами, поэтому по вертикали и горизонтали мы имеем одинаковые результаты.

«НОРМА» СМЕРТНОСТИ

Журналисты и даже некоторые ученые, говоря о потерях времен коллективизации, упоминают многомиллионные цифры умерших от голода или погибших насильственной смертью. Например, историк Н.Сванидзе в передаче «Особое мнение» в 20-х числах февраля 2010 года, призывая судить Сталина, сказал, что в ходе коллективизации 10 миллионов человек были убиты. Многие авторы, называют всех погибших в этот период жертвами голода. В действительности потери, как правило, рассчитываются как сверхсмертность, то есть убыль населения, превышающая некоторый гипотетический уровень, принимаемый в качестве нормы. В этом случае в потери попадают и убитые, и погибшие от голода, и умершие от самых разных болезней, важно лишь, что общее число умерших больше величины, принимаемой в качестве допустимой нормы. Обычно в качестве такой нормы берется средний уровень смертности за период, предшествующий предполагаемой катастрофе продолжительностью в 3-5 лет. Однако коэффициент смертности не слишком надежная характеристика, он зависит от численности поколений по возрастам и с постарением населения должен постепенно возрастать. Но главное, как уже отмечалась, из-за высокой миграционной активности для рассматриваемого периода характерно заметное ухудшение текущей статистики, особенно учета смертности. Поэтому в качестве нормы используются как более надежные сведения, приуроченные к переписям населения. При этом учитывается общая тенденция изменения смертности в рассматриваемый период.

В XX веке в развитых странах наблюдалась устойчивая тенденция снижения по возрастной смертности и рост продолжительности жизни. Эту тенденцию можно видеть на примере изменения уровня смертности в США. В СССР тенденция снижения уровня смертности была в XX веке даже более интенсивной, чем в США (рис. 1). Начавшаяся в конце XIX века модернизация страны стремительно ускорилась после революции. Она

включала рост образования населения, распространение медицинской помощи, массовые прививки против эпидемических заболеваний, прогрессивные социальные мероприятия, такие как уравнивание женщин в правах с мужчинами, разрешение разводов и аборт, рост грамотности.

Кроме того, заметное влияние на снижение уровня смертности после гражданской войны и после завершения коллективизации оказывала массовая гибель людей в предшествующий период. В первую очередь в годы демографических катастроф умирают хронические больные, ослабленные, плохо приспособленные к жизни, многим из них и в более благоприятных условиях предстояла нелегкая и не очень продолжительная жизнь. Происходит как бы искусственное оздоровление каждого поколения, люди, которым суждено было умереть в ближайшие годы, умирают во время катастрофы и поэтому население в среднем и каждая возрастная группа в частности оказываются на некоторое время более здоровым, чем были бы при нормальных условиях существования. Этот эффект играет большую роль в демографической истории советского населения. На рисунке 1 видно, что после каждой из катастроф смертность оказывается ниже, чем перед ее началом, то есть население оказывается искусственно оздоровленным. «Эффект катастроф» сильно действует в первые годы, а затем постепенно ослабевает, что отчасти и привело к росту смертности населения СССР начавшемуся в конце 60-х годов (рис. 1). Конечно, в каждой катастрофе соотношение общей тенденции снижения смертности в результате модернизации и «эффекта катастроф» различно, но для расчета потерь в годы коллективизации существенно только, что после завершения катастрофы устанавливается новый, заметно более низкий уровень естественной смертности, который может рассматриваться в качестве нормы для периода, последовавшего за катастрофой.

В расчете потерь населения для России и для Украины были использованы таблицы смертности, рассчитанные по материалам переписи 1926 года и по возрастной численность мужчин и женщин по этой переписи с поправками к численности детских возрастов, предложенными Ю.А. Корчак-Чепурковским. Таблицы смертности СССР были составлены для Европейской части СССР, и перенесение их на все население страны несколько занижает естественную смертность и преувеличивает потери. Поэтому расчет проводился для народов, обитающих главным образом в Европейской части СССР (русских, украинцев, белорусов, наций Поволжья), исключались из расчета коренные национальности Казахстана, Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. Потери этих наций в ходе коллективизации оценивались отдельно. При таком подходе группы населения, не охваченные таблицами смертности 1926-27 годов, оказываются невелики, и возможная ошибка расчета снижается до нескольких процентов.

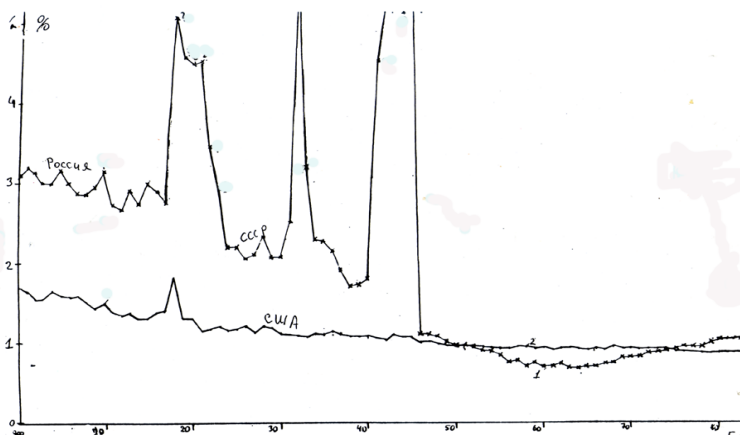

Рис. 1 Коэффициент смертности России-СССР и США в XX веке

Западные исследователи отмечали также, что российские таблицы преуменьшают уровень смертности в старших возрастах. Франк Лоример и Коул вносил в эти таблицы соответствующие поправки, ориентируясь на польские таблицы смертности 1930-31 годов. Однако С.А. Новосельский считал, что население России в старших возрастах действительно имело несколько большую продолжительность жизни, чем в соседних странах из-за высокой смертности новорожденных и нескольких младших возрастных групп, уносившей ослабленную часть поколения. Подобный эффект естественного отбора наблюдается и в других странах. Например, американские негры в 1978 году имели продолжительность жизни новорожденных 65 лет у мужчин и 73,6 у женщин, в то время как соответствующие цифры у белых составляли 70,2 года и 77,8 лет. Однако 85-летним афро-американцам предстояло прожить на 2,5 года больше, чем белым, а разница у женщин составляла 3,2 года в пользу негритянского населения (Maksudov. Some causes of rising mortality in the USSR. Russia № 4, 1981).

Второй важной причиной, по которой не следует вносить поправки в таблицы смертности 1926-1927 годов, является завышение возраста старшими поколениями в переписи 1926 года. Это очень распространенное явление, отмечаемое почти во всех советских переписях, а для дореволюционного населения имевшее массовый характер. Поскольку таблицы смертности составлялись по данным переписи искажению таблиц соответствуют искажения повозрастной численности, и поэтому поправок в таблицы вносить не следует.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

С началом индустриализации в СССР разразился продовольственный кризис. Государству нужно было все больше хлеба для быстро растущих городов и строек и для продажи на внешнем рынке, чтобы за вырученные деньги купить оборудование для предприятий. Село же давало все меньше зерна, поскольку росло сельское население, увеличивалось поголовье скота, и это вело к росту потребления зерна в деревне и росту рыночных цен на хлеб. Нужно было увеличить заготовительные цены за зерно, но платить больше власть и не могла, и не хотела, поскольку это могло привести к некоторому снижению темпов индустриализации страны. Начался отказ от политики закупок зерна и возврат к продрозверстке. Зерно изымалось у более зажиточной части деревни, так называемых кулаков, и часть его распределялась среди бедной части села через специально организованные комитеты бедноты. Сельское население ответило на принудительное изъятие зерна по низким ценам у зажиточной части населения, снижением производства: отказом от наемного труда, продажей или даже выбрасыванием сельскохозяйственных машин, отказом от земли и бегством в город, уменьшением площади посевов, убоем скота. Но чем больше снижалось производство зерна, тем энергичнее было давление властей на деревню с целью его получения. Хлеба не хватало. В городе вводилась карточная система для минимального обеспечения продуктами рабочих и служащих, из села изымались все излишки и не только излишки. Ухудшение питания неизбежно вело к росту смертности.

Другим фактором повышенной убыли населения были тяжелые условия существования на сотнях строек, разбросанных по всей стране, особенно на северо-востоке. Люди жили в бараках, страдали от холода и эпидемических заболеваний. Вот как описывают работники ОГПУ положение на строительстве Магнитогорска:

*«На 1 октября в Магнитогорске имеется 10 тысяч семейств – 42 462 чел. В том числе имеется детей до 14 лет. возраста 15 000 чел... К моменту обследования, на центральном и известковом поселках жило в палатках 7 500 чел., остальные в общих бараках, вместимостью до 200-250 чел. Большинство бараков, вследствие скученности содержатся крайне грязно. Особенно тяжелые условия размещения сказываются на детях (о детях смотри ниже). В последний месяц приступлено к постройке дерновых 10-ти комнатных домов... Санитарное состояние надо признать **явно неудовлетворительным**, медицинское обслуживание недостаточным. Основной причиной является исключительно тяжелые жилищные условия: отсутствие бань, прачешных, оборудованных больниц, амбулаторий и недостаток медперсонала. Всего имеется 5 врачей и 21 фельдшер... Единственный детский врач, имеющийся там, так описывает положение детей: “Когда проходишь по баракам, то всюду, на каждом шагу, наталкиваешься на лежащих с поносами, корью, воспалением легких,*

детей; из разных углов доносится коклюшный кашель, лежат дети с желтухой; лежат и, несомненно, нераспознанные больные брюшным тифом, как среди детей, так и взрослых. Остальные дети, шинящиеся по нарам и проходкам в общей толкотне, в громадном большинстве резко исхудалые, без кровинки в лице, ослабевшие, - кандидаты на тяжелую инфекцию, а возможно, на скорую смерть. Когда мне приходилось принимать этих детей, это были, в большинстве своем, здоровые, крепкие дети. Разрушение их здоровья идет быстро и нет сомнения, что, если не будут приняты быстрые меры, хотя бы к некоторому улучшению положения детей, то погибнет из них в течение ближайших месяцев не 7% [по данным Магнитогорского Горздравотдела за 3 месяца умерло 7% детей – С.М.], а 50%. В настоящее время больных детей имеется не менее 80%»» (ЦГАОР, ф. 374, оп. 28, д. 4055).

С началом коллективизации в таких же и даже в худших условиях оказались миллионы сельских жителей, высланных на север, на Урал и в Сибирь (см. Сергей Красильников. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. 2003; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. М. 2000; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 томах. М., 2003).

ПОТЕРИ ОТ РАСКУЛАЧИВАНИЯ И ДЕПОРТАЦИИ

Увидев, что по мере увеличения давления на производителя, продовольствия становится все меньше (эффект шагреновой кожи), правительство решило пойти на крайние меры: полностью взять под контроль все сельскохозяйственное производство и распределение, создав крупные высокопроизводительные коллективные хозяйства. Реформа готовилась, как военная атака. Сельским активистам, коммунистам и комсомольцам были розданы наганы, ОГПУ были составлены списки лиц, подлежащих предварительному аресту (кулаки первой категории), которых подозревали в том, что они могут организовать вооруженное сопротивление. Этим людям ОГПУ получило право арестовывать и даже расстреливать. Предварительно численность этих опасных противников оценивалась в 60 тысяч человек.

Другая группа кулаков, примерно 3-5% всех крестьянских хозяйств, подлежала раскулачиванию, полному ограблению, изъятию земли, построек, инвентаря, скота, денег и практически всего домашнего имущества и высылке либо далеко на север или на северо-восток, независимо от возраста, пола, состояния здоровья, либо не так далеко, на границы региона на плохие земли, где они должны были начать жизнь заново. Следует заметить, что вся эта компания раскулачивания (уничтожения кулака как класс) была абсолютно вне рамок закона. Люди, бывшие до вчерашнего дня, законопослушными гражданами, вдруг арестовывались, приговаривались без следствия и суда к смертной казни, полной конфискации имущества,

ссылке вместе с малолетними детьми в необжитые места. Такого не происходило даже в страшные годы революции и гражданской войны, даже по отношению к открытым врагам советской власти и к лицам, причисленным к крупной буржуазии в городах. Наказание за самые серьезные преступления никогда раньше не распространялось на малолетних детей и престарелых родителей. Всего в 1928-32 годах было выслано в отдаленные районы страны около 2,5 миллионов крестьян. В местах ссылки погибли в 1930-32 годах 928 тысяч человек и еще 185 тысяч составили потери 1933 года (С. Максудов. Коллективизация и голодомор, цит. соч.). Еще два с лишним миллиона были ограблены, и выгнаны из родных деревень.

Дополнительное давление на зажиточную часть села оказывалось с помощью налогообложения. За неуплату налогов и «добровольных» займов и за невыполнение задания по поставкам продовольствия (твердое задание), крестьянину грозил сначала штраф в пятикратном размере, затем конфискация имущества и даже арест. Имущество в судебном порядке было изъято примерно у трех миллионов селян. Еще 5-6 миллионов «добровольно раскулачились», бросили землю и дома и бежали, куда глаза глядят. Таким образом, больше десяти процентов сельских жителей, причем самых трудолюбивых, хорошо знающих свое дело, были превращены в люмпенов, скитающихся по стране, не имеющих средств к существованию, крова над головой, работы и необходимых документов.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Но и оставшимся в селе крестьянам было нелегко. Их заставили вступить в колхозы, сдать туда землю, орудия труда, большую часть скота. Практически они потеряли право распоряжаться выращиваемым их руками урожаем. Они не имели права покидать без разрешения администрации родную деревню, то есть утратили и экономическую, и политическую свободу. Их уровень жизни снизился до немыслимого в прежние времена предела. В 1932 году на среднюю колхозную семью было выдано 6 центнеров зерна, примерно по 130 кг на человека (Очерки истории сельского хозяйства в союзных республиках. М. 1963, с. 147). И до революции, и годы НЭПа норма потребления была примерно в два раза больше. Даже в голодном 1921 году на Украине на человека приходилось 170 кг. муки (Народное хозяйство Украины 1921/1922 году. Харьков 1923, VIII, сс.). В 5 раз снизилось потребление сельским жителем мяса, в 6 - животных жиров и яиц, в три раза – творога и сметаны. Выросло лишь примерно в полтора раза потребление картофеля (Sergei Maksudov. Victory over the Peasantry. HARVARD UKRANIAN STUDIES XXV, 3/4, 2001, pp.187-236). И в последующие 20 с лишним лет этот нищенский уровень оставался редко превышаемой нормой. Некоторое суммарное представление о потреблении хлеба селом дает размер гарнца (плата за помол, пропорциональная потреблению муки населением). В 1929 году гарнца было собрано 23 млн.

ц., в 1930 – 22, в 1931 – 15 и в 1932 – 12 млн. ц. зерна (Ю.А. Мошков. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М. 1966, с. 226). При этом на Украине, по словам Косиора, гарнца в 1932 году было собрано в два раза меньше, чем в предыдущем (Речь на пленуме ЦК ВКП(б)У. Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990, с. 366).

В книге украинского историка советских времен Слюнько помещена выразительная фотография: телега с горкой зерна, крестьянин лопатой насыпает аккуратно в мешок другому. Рядом уже отоварившийся с мешком на плече ждет товарища. Мешок не слишком тяжелый, килограммов 20-30. Подпись под фотографией: «Раздача зерна в счет аванса лучшим колхозникам. Село Павловка Харьковской области 1932 год». Аванс, который выдается не всем, а только лучшим, помещается в одном неполном мешке. Совсем недавно таким был дневной заработок батрака, а теперь это может стать основной частью оплаты труда за год. И скорее всего положение оказалось еще хуже. Осенью, когда выяснилось, что Харьковская область не выполнила план хлебозаготовок, буксирная бригада выгребла из закромов лучших колхозников этот жалкий аванс, оставив их семьи умирать без куска хлеба.

Реорганизация сельского хозяйства, падение производства продовольствия нанесли тяжелый удар не только селу, но и городу. Положение усугублялось стремительным ростом городов и разрушением частной торговли. Изымая у села все излишки, правительство тем самым брало на себя обязательства по снабжению горожан, которые оно не было готово, а порой и не могло выполнить. В 1931 году на централизованном снабжении состояло 33,2 млн. человек, в 1932 – 40,2 млн. Государство установило сложную иерархическую систему потребления: 4 класса городов, 4 или 5 категорий жителей. Но даже у самой высшей группы (рабочие важнейших промышленных предприятий Москвы и Ленинграда – 1-й класс первой категории) установленные нормы были ниже среднего уровня потребления времен НЭПа и при этом, как правило, эти нормы не выполнялись. Например, Полномочное представительство ОГПУ по Западной Сибири в июле 1931 года сообщает своему руководству в Москве и всем руководящим инстанциям Западной Сибири о перебоях со снабжением городского населения. Хлеба полагалось выдать во втором квартале 49 тысяч тонн, фактически выдано 35 тысяч, крупы соответственно 6 и 4,3 тысячи, жиров 10 и 4 тонн и так далее. Положение в третьем квартале еще хуже. ОГПУ предупреждает:

«Дальнейшее ограничение рабочего потребительского рынка Наркомснабом путем урезки контингентов, находящихся на централизованном снабжении, при неуклонно увеличивающемся объеме строительных работ и расширении промышленности, – создает угрозу перебоев и срывов ряда производственных планов».

[Выделено автором сообщения – С.М.] (Голод в СССР. Подборка

документов Государственного архива Российской Федерации. М. 2009, с.92).

Практически семейные рабочие в Москвы получали в 1932-34 годах в месяц 2 кг. мяса, 1,5 кг. рыбы, сто грамм масла, 2 литра молока. Главным компонентом питания были хлеб 15-20 кг и картофель – 12-16 кг. в месяц на работающего человека (Е.А. Осокина. Иерархия потребления. М. 1993, с. 39). Города низших категорий и семьи рабочих неосновных индустриальных предприятий снабжались практически только хлебом. В течение 1931-32 годов нормы снабжения постепенно уменьшались, а порой и полностью исчезали. 5 февраля 1931 года директивой ЦК ВКПб были урезаны продовольственные фонды Украины на 7 тыс. тонн в месяц. В связи с этим было снято с централизованного снабжения 18 городов (Черкассы, Чернигов, Полтава и др.), кроме транспортников, а в 8 других городах было решено обеспечить только рабочих основных предприятий. Некоторые рабочие и служащие переводились на снабжение по сниженной категории. В марте этого же года Наркомторг СССР снял часть населения с централизованного снабжения по всей стране. В апреле была отменена система снабжения хлебом рыболовецких районов (Машков, цит. соч., с. 128). В 1932 году повсеместно одновременно с расширением системы государственного снабжения, происходило ее ухудшение.

Небольшие города и маленькие населенные пункты традиционно покупали хлеб на рынке, а картофель овощи, яйца, молоко и мясо получали в домашнем хозяйстве, с собственного огорода. Но и эти источники пропитания оказались с началом коллективизации под ударом. Приусадебные участки и огороды были обложены огромными налогами, требовалось сдать молоко, мясо, картофель, нередко в больших размерах, чем было произведено в хозяйстве. В Смоленском архиве хранится множество жалоб горожан в Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ) на такое положение. Так житель города Велижа Западной области в июне 1931 года, объясняет, что не может сдать 1000 литров молока, поскольку его корова не дает столько. Он просит снизить налог до 300 литров либо забрать корову. По этому заявлению РКИ принимает соломоново решение; «Проверено и установлено, что твердое задание как зажиточному дано правильно, но несоразмерно и потому снижено до 600 литров, так как на 8 едоков одна корова» (ВКР 348).

Те немногочисленные горожане, кто сумел сохранить ценности (кольца, серебряные ложки и т.п.) или кто имел родственников за границей, присылающих валюту, покупали продукты в специальных магазинах – Торгсинах, служивших мощным источником выкачивания валюты и драгоценностей у населения.

Важное значение для снабжения города начинают иметь подсобные сельскохозяйственные производства, создаваемые при предприятиях. Заводы, шахты, тресты организуют силами своих рабочих выращивание картофеля и овощей, разведение свиней, отлов рыбы. Полученные продукты

идут на организацию общественного питания при заводах и снабжение рабочих. Кроме того, рабочим и служащим выделяются огороды, обрабатывая которые во внерабочее время, горожане получают возможность обеспечить себя некоторым количеством продовольствия.

Но многие миллионы горожан не получали карточек и не имели огородов. Одинокие и больные старики, ремесленники, бывшие нэпманы, потерявшие как раз в это время свое занятие, безработные, лица свободных профессий, горожане, имевшие землю в селе и утратившие ее в годы коллективизации. Положение этих людей было ужасным. Цены на рынке, единственном источнике их снабжения стремительно росли. В 1931 году месячного заработка ремесленника или подсобного рабочего хватало лишь на покупку двух-трех буханок хлеба. Осенью 1932 года продажа хлеба, зерна и муки на рынке в областях страны, не выполнивших государственный план хлебозаготовок, была запрещена. И начался страшный, никогда прежде не достигавший таких размеров, голод.

ГОЛОД

Голод 1931, 1932, 1933 годов страшная и большая тема, которой я не буду подробно касаться в этой статье. Замечу лишь, что голод был естественным и неизбежным следствием коллективизации. Плохой урожай не был главной его причиной. Важную роль сыграло нежелание сельского населения энергично работать на сборе урожая и намерение властей получить запланированное количество зерна не зависимо ни от чего. Намерение наказать крестьянина проступают за многими партийными решениями, усилившими голод. Но и утверждение, что голод был этническим или социальным геноцидом, не представляется достаточно убедительными.

Чтобы дать некоторое представление о том, как выглядели происходившие события глазами их участников, приведу одну из многих тысяч уже появившихся в печати и Интернете историй. Все эти рассказы различны и в тоже время очень похожи. Они объединены тоскливым ощущением беспомощности и безысходности крестьянской жизни. Наша история отнюдь не самая страшная, поскольку основные ее участники остались в живых. Автор ее Балац Павел Филиппович, участник Великой отечественной войны, родившийся в селе Колибабиницы Хмельницкого района Винницкой области.

«Наша семья состояла из десяти человек: шесть братьев, две сестры, отец и мать. Жили не слишком хорошо, но и не очень плохо. Имели коня гнедого, объединялись для пахоты с дядькой Яковым, у него была кобыла Сирка. Однажды приходит “бригада”, чего-то кричат отцу, через какой-нибудь час не стало коня. Я узнал, что увели коня в коллектив. Потом снова пришла “бригада”, – выгнали овец пять или шесть штук и два дядьки взяли корову с телкою и повели в коллектив. Мама плакала, мы, младшие, плакали, что ж мы будем есть, перемрем – ведь десять ртов! Никто на этот вопрос не ответил, напротив, обозвали кулаками и

угрожали высылкою. Через некоторое время приходят с металлическими щупами, приказывают: «Давай хлеб!» Отец отвечает: «Я же выполнил хлебосдачу, все отдал, не знаю, как прокормить семью». Никто на эти слова не обратил внимание, щупами тыкали в землю [Во всех концах огромной страны члены буксирных бригад использовали металлические щупы для обнаружения мягкого, недавно выкопанного грунта – С.М.] После этого забрали отца в сельраду, потом в район, где продержали дней десять. Однажды вечером отец пришел из района. Ночами обсуждали, как будем жить? Был еще поросенок, кто-то подсказал, что “бригада” может забрать. Решили заколоть поросенка. И закололи, только не коптели (коптить запрещалось), сдернули шкуру. “Бригада” не задержалась, идет прямо в хлев, никого не спрашивая, видят, нет поросенка. Возвращаются в хату и с криком набрасываются на отца: «Куда задевал поросенка?» Отец отвечает: «Вы же все забрали, нечего детям дать поесть, решил заколоть». Снова в крик: «Какое ты имел право, кулацкая морда! Где шкура?» Зашли в кладовку, на счастье, там нашли шкуру и часть туши, забрали все, но отца не взяли в сельраду. Но самое ужасное с нами случилось в декабре или в начале января. Явилась бригада. Несколько подвод подъезжают до хаты. Мы с братом сидели на лежанке. Злые исполнители взяли сундук и понесли на подводу. Лавку, на которой миски стояли, также понесли на двор. Кровати у нас не было, четыре или пять широких досок, сбитых были вместо кровати, на них лежали подушки, одежда и кожухи. Все это схватили исполнители и понесли на подводу. Тут один из них взял брата и меня за руки и в одних полотняных сорочках, подштанниках и босиком вывел из хаты на дорогу, не сказав куда идти. Слышались выкрики: Кто посмеет принять этих сопляков, будет наказан». Мама была в обмороке, кто-то из родных принес воды, чтобы отошла. Соседский хлопец забрал нас в свою хату, дал поесть, и мы сидели там до вечера. Потом вечером пришли братья и отвели нас к сестре отца. Наше добро привезли к школе, стоявшей на возвышении посреди села, и стали продавать, как на ярмарке. Что-то люди купили, а часть наших вещей стояла под снегом и дождем, пока не сожгли.

Старшие братья Иван и Федор, поняли, что приходит конец, и уехали (потом я узнал) создавать Магнитку, где и теперь живет Иван, переселившийся из барака в хорошую квартиру. Михалко, Микола и Васька пошли в совхоз, где выращивалась рассада сахарной свеклы. Верховоды нашего села, узнав про это, стали добиваться, чтобы моих братьев повыгоняли с работы. Администрация совхоза, спасибо ей великое, не послушалась их требований.

Весной отцу разрешили занять пустую хату на другом конце села. Пришла голодная весна. Усадьбы заросли лопухами и крапивою. Я рвал лопухи и крапиву на огородах, приносил матери, мать крошит мелко и наварит целый котел. Ешь, ешь, живот полный, а есть хочется.

Семья разбрелась в поисках спасения, остались я, отец и мама. Брат старший пас корову у совхозного начальника, изредка приносил литр молока, но это капля в море. Начали мы пухнуть. Отец вспух, сидя дома

и горько думая, думая о чем-то, мать тоже опухла, плачет и приговаривает: «Крapiива нас не спасет, помираем». Однажды я пошел к знакомому хлопцу и не застал в живых. Отец и сын лежат мертвые. Их обмотали тряпками, положили на подводу и повезли. Много было попрошайек, которые ничего не выпросив тут же, садились около хат и умирали. Подошла и ко мне очередь. С огорода до хаты я уже не мог дойти. Мама меня привела до хаты, постелила на полу, положила и что-то отцу сказала. Поздно вечером пришла сестра из совхоза, принесла еды, мама сварила суп и дала мне. Я съел. Брат и сестра, убедившись, что мы трое дошли до края, договорились десятую часть пайка каждого из них приносить по очереди нам. Началась жатва, в хате появился кулеш из недозревшей пшеницы или ржи, но мне не давали наесться до сыта, чтобы не случилась неожиданная смерть.

Во время жатвы паек брата и сестры в совхозе увеличился и нам троим стало перепадать побольше. Жатва и дружная семья спасли нас». (Голод 33. Народна книга-меморiал. Киiв. 1991. сс. 85-86)

Не только крестьяне, но рядовые партийные работники не могли смириться с чудовищной реальностью и абсурдностью происходившего. Вот письмо старого украинского коммуниста, написанное в декабре 1932 года:

«Тов. КОССИОР. Откройте глаза на действительность, что вы делаете своей политикой безмолвные Вы рабы Москвы. Вы за два года угробили Украину, сельское хозяйство... в прошлом году вы оставили украинское крестьянство без куска хлеба, без картошки, ни зерна кукурузы, даже сою, никому не нужную, повывозили, а колхозники как дикие волки стояли, уходили в поле собирать падалишнюю сою да кукурузу. Вы хотя-бы посчитали сколько у нас умерло детей и стариков от голода. Вы хотя-бы потрудились и собрались с мужеством подсчитать эти жертвы и познакомить Москву с результатом нашей беззаботной и безответственной «борьбы» за «социализм»... Колхозники прямо говорят – паницина. Но паницина, никогда не доводила село до такого состояния, как мы довели за эти два года. Крестьянин превращен в голодающего паупера, ему дают только похлебку в колхозе кто работает, а старики и дети обречены на голодную смерть, если они прошлую зиму не успели умереть... Наши поля опустели, заросли бурьяном. Производительность труда колхозника равна 20% 1928 г. Трудность хлебозаготовок в безголовой политике, крестьянина забили, загоняли, он больше не хочет работать. Трудодень есть фикция, из которой крестьянин смеется, крестьянину трудодень столько дает пользы сколько покойнику ладан. Он больше не верит партии, он поверил постановлению III конференции, а сейчас говорит: «Ваши постановления, что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Крестьянин подучил 20 кило аванса и вы постановили у него отобрать, как незаконно полученный... В общем остается последнее постановление издать, объявить, что он незаконно существует на свете. Вы не разрешили ему родиться. Вы объявили ему, что он ест незаконно, а законно ли ему гнить селедок

продают по 5 р.ф. и по рублю за год [вероятно, за пуд. Письмо перепечатано на машинке ОГПУ, так что ответственность за опечатки на совести этой организации – С.М.] хлеб забирают. Ведь крестьянин не ребенок, напрасно наши прохвосты считают его дураком, он умнее тысячи дураков, которые сейчас им командуют... Весной у нас работать некому будет, лошади подохнут и остальные, а обманутый дважды крестьянин в третий раз не поверит. Если только живой доживет до весны. Человек с человеческим сердцем не может спокойно смотреть на несчастного служащего города, которому совершенно не дают хлеба, а на рынке нет ни крупы, ни картошки, ничего съестного, и кооперация ничего не доставляет, он побледнел как тень, а будущее поколение, для которых мы строим социализм, на 90% рахитны и туберкулезны. Рабочих «Красной звезды» приводят в больницу опухших от голода. Спросите врачей и предупредите, что за правду им ничего не будет, они вам скажут в каком положении находится рабочий, хлеб да вода – рабочая еда. Но хлеба только 600 граммов да иждивенца 100 гр... Надо немедленно прекратить издевательство над селом «запрещение завоза товаров» – эта мера не выдерживает никакой критики с точки зрения ленинизма. Это есть худшая форма нажима на босого, раздетого, коллективизированного, голодного крестьянина, которого за одну похлебку заставляют бесплатно перемолачивать солому под командой какого-нибудь прохвоста, который их за ихний хлеб называет кулаками и врагами советской власти. Товар, который запретили подвозить, крестьянин за все свои годичные трудодни в состоянии купить аршин ленты, рубашку подпоясать, а сапог он не заработает и за три года. Он на молотье в карман наберет зерна, чтобы голодным детям сварить кашу, а его арестовывают в ДОПР. Даже с мышиных гнезд не позволяют колхознику собирать зерна. Говорят «политика», что когда он насобирает так не пойдет на работу. Это метод «стимулирования» ударничества, - это позор, до которого не может докатиться ни одно классовое общество: голод – метод привлечения на без платную работу – это «борьба за социализм»... ЛЕНИН говорил, что нужно показать, что в колхозах лучше живется, чем в индивидуальном хозяйстве, мы до 31 года это показали, а в 1931 и 32 году как будто нарочно показали: «а попался, наконец-то в наших руках. Ну теперь не вырвешься», и безрассудно начали над ним издеваться. Н. ЖИВАНОВ 24/ХП -32 г. (Голод в СССР. М. 2009, сс. 211-217)

Даже некоторые руководители высшего эшелона власти сознавали, что заготовки зерна выходят за границы возможного. Секретарь ЦК КПБУ М.М. Хатаевич 22 октября 1932 года пишет Сталину о невозможности выполнить план заготовок на Украине. Он говорит, что нереальный план не позволяет колхозам распределить доходы колхозников по трудодням. А пока крестьяне не получили ничего за свой труд, нелегко заставить их активно участвовать в решении задач, стоящих перед селом. Хатаевич оценивает

количество хлеба, которое еще возможно получить в республике в 3 360 тыс. т. Надо признать, что если бы власти действительно ограничились этой цифрой, на каждого сельского жителя Украины осталось бы примерно по 45 кг. зерна, (примерно по 200 грамм в день), то есть голода полностью избежать было нельзя, но чудовищной смертности могло бы не быть.

С. Косиор, первый секретарь КПБУ, возмущенный попыткой Хатевича обсуждать проблемы с Москвой через его голову, решительно возражает против немедленного снижения плана, утверждая, что этим можно сорвать заготовки следующего месяца. Только потом (в ноябре-декабре) можно будет уменьшить по его словам заготовок примерно на 800 тыс. т. (в полтора раза меньше, чем предлагал Хатаевич) (Голод в СССР цит. соч. сс. 187-195). Практически, заготовки с помощью обысков и конфискации продолжались до начала февраля, после чего они перешли в сбор семян. Всего было собрано 4 234 тыс. т.

ПОТЕРИ ОТ ГОЛОДА

Рассказы пострадавших и статистические сведения, сохранившиеся в архивах, столь впечатляющие, что многие исследователи и журналисты все потери периода коллективизации переносят на 1933 год, а всю повышенную убыль 1933 года называют смертью от голода. Как показано в статье «Победа над крестьянством» (Sergei Maksudov. Victory over the Peasantry. HARVARD UKRANIAN STUDIES XXV, 3/4, 2001, pp.187-236), непосредственно на смерть от истощения приходится 15-20% повышенной убыли во время голода. Остальные потери связаны с хроническими заболеваниями, эпидемиями, желудочночными болезнями и повышенной смертностью от самых обычных причин, таких как воспаление легких, становящихся гибельными у ослабленного недоеданием населения. Тенденция изменения смертности во времени также подтверждает факт, что собственно истощение играет не главную роль в потерях населения. В таблице 2 мы видим, что в конце 1932 года и зимой 1933 года, когда буксирные бригады отбирали у крестьян последние крохи продовольствия, когда, по словам очевидцев, вымирили целые семьи, когда по деревням ездил похоронные телеги, а умерших хоронили в братских могилах, уровень смертности во всех пострадавших регионах был сравнительно невысоким. Он возрастает в несколько раз весной 1933 года и достигает максимума в начале лета 1933 года, то есть в то время, когда власти начали оказывать продовольственную помощь населению, на полевых работах было организовано общественное питание, на огородах появились овощи, в полях стало возможно срезать колоски (хотя за это и грозило страшное наказание), когда уцелевшие коровы и козы стали давать молоко. Словом, когда появилось множество суррогатов и некоторое количество продуктов, смертность возрастает в пять-семь раз, и лишь осенью 1933 она опускается до нормального уровня. Это парадоксальное явление говорит о том, что не

столько истощение, сколько желудочные заболевания служили главной причиной роста смертности.

Таблица 2. Коэффициенты смертности сельского населения по некоторым регионам 1932-1934

декада	Украина	Сев. Кавказ	Н. Волга	РСФСР
месяц				
	1932			
I	17.9	16.3	12.8	19.6
II	24.8	15.7	16.0	17.6
III	23.2	23.6	18.9	21.5
IV	19.4	25.8	13.7	16.8
I-IV	21.3	20.3	15.3	18.9
	1933			
январь	22.4	28.1	21.9	22.6
февраль	35.5	44.1	31	30.9
март	72.4	61.7	47.1	35.6
апрель	103.5	97.3	71.2	35.6
май	145.1	95.5	106	38.5
июнь	196.2	92.1	133.1	44.3
июль	133	65.7	125.3	47.5
август	43.7	56.9	75.2	43.6
сентябрь	23.3	52.3	46.8	32.1
октябрь	13.1	38.9	32.5	25
ноябрь	11.6	27.4	26.5	21.3
декабрь	12.5	27.8	29.7	22.5
I-IV	67.7	57.3	62.2	33.3
	1934			
I	16.5	22.3	15.4	21.5
II	14.8	15.1	15.9	20.4
III	23.4	23.5	21.4	25.6
IV	10.0	10.5	10.9	13.0
I-IV	16.2	17.9	15.9	20.1
голод	51.11	46.22	46.3	28.57
1932-1934	35.5	32.6	31.6	24.7

Рассчитано автором. В графе «голод» среднемесячное значение за период с октября 1932 по март 1934 (Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Конец -1932 – 1933, т. 3 М. 2001, сс.878-879).

Существенным фактором были физиологические и психологические изменения организма человека в период продолжительного зимнего голодания. Ходячим скелетам, не умевшим ни о чем думать кроме еды, заталкивавшим в себя все, что хотя бы отдаленно напоминало пищу, нужно было диетическое питание под наблюдением врача. Ничего похожего они получить не могли.

Таблица 2 также демонстрирует неполноту официальной советской статистики того периода. Стивен Уиткрофт, первым собравший и опубликовавший приведенные в таблице данные, считает, их достаточно надежными, поскольку по его мнению, система регистрации движения населения в европейской части страны, особенно на Украине, несмотря на отдельные сбои, была достаточно достоверной (Трагедия советской деревни, цит. соч., с.880). Однако низкий уровень смертности в голодавших районах в декабре 1932 и январе 1933 свидетельствует, безусловно, о погрешностях статистики. Это подтверждается и многими документальными свидетельствами. Как известно, в начале февраля правительство решило, наконец, закончить хлебозаготовительную кампанию, сопровождавшуюся безжалостным изъятием у крестьян продовольствия, и начать готовиться к весеннему севу. Для сева нужны были рабочие руки, рабочий скот и посевные материалы. В связи с этим принимаются два решения, начать бороться с истощением населения, оказывая ему некоторую продовольственную помощь, и прекратить бегство жителей из голодающих районов. Последняя мера толкуется рядом украинских историков как геноцид, изоляция голодающих территорий с целью уничтожения населения. Цель была иной – обеспечение посевной кампании рабочей силой. Беглецов в пунктах задержания кормили, если нужно, лечили, арестовывали, когда подзревали в антиправительственной агитации, и отправляли на работу по месту жительства).

В это время перед ОГПУ ставится задача изучить размеры потерь от голода. Перемена политики была довольно неожиданной, совсем недавно от ОГПУ требовали разоблачать и арестовывать саботирующих изъятие зерна из деревни, и упоминание голода рассматривалось как вражеская пропаганда. Поэтому сотрудники ОГПУ в своих отчетах, как правило, крайне осторожны. Например, в спецсправке Политического отдела ОГПУ от 15 марта говорится следующее:

«По дополнительным данным помимо 600 случаев опухания от недоедания, изложенным в предыдущей сводке, в феврале и начале марта дополнительно зарегистрировано 258 случаев опухания на почве недоедания и 195 – сильного истощения; из них на Украине 430 случаев (из них в Бердичеве 148) и в СВК 23 случая (Барышский, Пензенский, Малекесский районы и гор. Оренбург)» (Голод в СССР, цит. соч. с. 300).

В то же время 5 марта 1933 года Председатель ГПУ УССР получает докладную записку о частичной проверке 35 районов Днепропетровской области.

«Поражено 336 сельсоветов, голодает 6436 семей, в них 16211 человек имеют на почве голодания признаки опухания; 1700 человек умерло от голода... По сообщениям перечисленных выше районов количество голодающих непрерывно увеличивается» (Голод в СССР, цит. соч., с.254-265).

По этим данным голодом поражены все обследованные районы, но число умерших колеблется в них от нескольких человек до нескольких сотен. Данные о наиболее пострадавших районах приведены в таблице 3. Мы видим, что в любом из указанных районов, число пострадавших больше, чем обнаружили по всей Украине авторы предыдущего донесения.

Таблица 3. Число пострадавших от голода в некоторых районах Днепропетровской области по данным ОГПУ 5.03.1933 г.

Районы Днепропетровской области	Численность населения	Число голодающих	Число опухлых	Умерло	Отравилось
Вел. Лепетихский	48923	2725	1763	149	75
Павлоградский	80014	4165	2139	212	3
Ново-Васильевский	28118	4610	1721	508	190
Генический	41712	1115	689	84	9
Нижне-Сергиевский	41536	405	315	80	3
Высокопольский	17610	435	162	106	2
Камянский	44103	1875	1550	94	

Источники: Докладная записка председателю ОГПУ УССР (Голод в СССР 1930-1934 М. 2009, сс. 254-265; 1933 Народне господарство УССР. Київ, 1935 сс.14-16).

1700 умерших за месяц или два составляют 40% от среднемесячной смертности Днепропетровской области. А ведь в обследование попало от трети до половины районов области, причем, по словам работников ОГПУ, проверка районов была выборочной. Причем работники ОГПУ отмечали только смертность от голода, не обращая внимания на повышенную убыль населения от других причин. Таким образом, можно с большой вероятностью считать, что действительная повышенная смертность в январе – феврале в Днепропетровской области была в два, а то и в три раза выше, чем показывает архивная статистика. Очевидно, существенно больше была смертность и в других областях Украины и приведенные официальные данные существенно не полны.

Таблица 4. Смертность 1927-1937 гг. (тысяч человек)

Год	РСФСР	Украинская ССР		СССР
		Все население	В том числе Днепропет- ровская обл.	
1927	2092	523	57	3088
1928	1853	496	57	2784
1929	2111	539	60	3136
1930	1887	538	61	2876
1931	2031	515	56	3001
1932	2051	668	66	3191
1933	2938	1850	177	5584
1934	2004	483	53	2941
1935	1875	342	39	2630
1936	2274	361	40	3120

Данные текущего учета. (Трагедия советской деревни, цит. соч. сс.868-878).

В текущем статистическом учете смертности (таблица 4) отмечается заметный рост смертности в 1933 году примерно в 2,5-2,7 млн. человек по СССР и 1,5 млн. человек на Украине в 1932-33 годах. Как уже отмечалось, эти сведения безусловно занижены. В них практически не фиксируется рост смертности в 1930-32 годах, хотя есть множество свидетельств как о потерях сосланных кулаков, так и о повышенной смертности населения в городах и сельской местности, связанной с общим ухудшением питания и условий жизни. Ориентировочную картину соотношения между смертностью в отдельные годы на Украине можно получить по сведениям о смертности в некоторых районах Харьковской области и городу Харькову (таблица 5).

Таблица 5. Коэффициент смертности в 1929-36 годах по районам Харьковской области (%)

Районы Харьковской области	Численность тыс. чел.	1929	1930	1931	1932
Балаклеяский	78645	12.9	17.8	13.4	21.7
Барвенковский	37299	9.3	21.4	24.1	20.4
Близнюковский	51670	11.0	16.2	11.6	4.2
Богодуховский	97262	3.0	6.0	6.4	7.0
Боровский	32110	3.5	3.8	5.9	5.3
Валковский	78466	12.5	16.7	16.4	19.1
В. Бурлукский	39570	21.9	17.1	11.5	15.0
Волчанский	87221	23.3	20.4	26.2	29.9
Змиевский	76185	12.5	12.2	14.3	15.0
Двуреченский	49112	16.8	14.7	12.3	0.5
Зачепиловский	44180	11.2	11.7	10.3	9.0
Золочевский	66113	8.1	10.1	10.3	9.6
Изюмский	75077	10.7	12.0	8.4	8.1
Кегичевский	27014	11.3	14.9	11.4	21.2
Красноградский	64740	2.3	2.2	3.0	2.9
Краснокутский	77367	12.3	10.7	10.1	7.7
Купянский	81421	11.8	14.4	13.6	17.9
Лозовский	51419	12.6	16.7	6.0	12.6
Н. Водолажский	65057	14.9	18.5	14.8	11.9
Сахновщинский	50532	13.3	14.2	10.3	0.5
Шевченковский	40097	2.1	0.0	0.9	1.8
Г. Харьков	885856	12.2	9.7	11.0	12.8
Дергачевский тыс.		1072	1954	1256	1240
Первомайский тыс.		1000	1242	1097	799
Всего по районам тыс.	1270557	19674	20219	17938	17699
Некоторые районы тыс.	691912	9095	11007	9980	11677
Харьков тыс.	885856	10514	8164	9200	10928
Города областные тыс.		3143	2684	2570	1826

Таблица 5 (продолжение)

Районы Харьковской обл.	Численность тыс. чел.	1933	1934	1935	1936
Балаклейский	78645	41.8	11.7	6.4	8.5
Барвенковский	37299	44.2	13.8	4.9	9.9
Близнюковский	51670	5.9	7.4	6.0	9.6
Богодуховский	97262	28.5	8.8	5.7	7.1
Боровский	32110	13.8	5.2	0.9	2.3
Валковский	78466	70.6	10.3	6.5	7.7
В. Бурлукский	39570	24.0	9.5	7.2	8.8
Волчанский	87221	132.9	12.2	3.9	9.6
Змиевский	76185	10.1	10.4	8.5	9.8
Двуреченский	49112	6.6	3.7	3.9	7.4
Зачепиловский	44180	98.0	3.9	3.7	3.4
Золочевский	66113	4.1	3.0	5.0	5.9
Изюмский	75077	31.8	7.1	6.1	6.8
Кегичевский	27014	80.8	7.6	6.5	13.5
Красноградский	64740	18.3	1.4	1.6	1.9
Краснокутский	77367	14.8	7.5	4.9	7.6
Купянский	81421	53.0	5.2	3.4	4.4
Лозовский	51419	26.9	8.7	7.1	6.8
Н. Водолажский	65057	49.3	5.2	7.8	8.2
Сахновщинский	50532	1.3	5.2	7.0	8.6
Шевченковский	40097	7.9	0.9	1.9	1.5
Г. Харьков	885856	47.0	11.2	8.9	10.0
Дергачевский, тыс.		1121	1273	772	974
Первомайский, тыс.		1000	447	267	352
Всего по районам тыс.	1270557	51630	11170	8204	11128
Некоторые районы тыс.	691912	40146	5611	3811	5139
Харьков тыс.	885856	40657	9850	7745	8103
Города областные тыс.		5728	2064	1527	1781

Рассчитано автором. Численность населения по районам на 1.1. 1933 (Народне господарство УСРР. Київ, 1935 сс.14-16). Смертность из документа украинского архива, полученного мной в 1993 году: «Сведения о регистрации смерти органами загса Харьковской области за 1929-1936 гг.»

В документе указано число умерших. Подписан он зам.начальника управления В.А. Котляр. Исп. Дамрина. В документе 24 района и 5 городов, два района Первомайский и Дергачевский отсутствуют в указанном справочнике, в котором число районов равно 87. К сожалению, там также отсутствуют данные о численности населения в городах областного подчинения (Изюм, Купянск, Лозовая и Чугуев). Судя по коэффициентам смертности, в некоторых районах численность населения в справочнике не соответствует территории района в момент учета смертности, однако это не сказывается на рассмотрении изменения значений по годам. В группу «некоторые районы» включены наиболее достоверные, на наш взгляд, районы с номерами 1, 2, 6, 8, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19.

Местная статистика в некотором отношении представляется более надежной, в ней заведомо ошибочные сведения могут быть рассмотрены отдельно. Зная о происходившем в тот период в стране, есть основания предполагать, что сельское население Украины и в частности Харьковской области в доколхозное время имело средний коэффициент смертности 15-20 промилле, а в 1930-х он должен был увеличиваться из-за трудностей жизни и потерь населения в процессе коллективизации и раскулачивания. В 1932 и особенно в 1933 он должен был заметно вырасти, а затем упасть до уровня заметно более низкого, чем был в конце 20-х годов. Этим условиям в большей или меньшей степени соответствуют 11 районов области, выделенные нами в отдельную группу. В остальных районах наблюдаются различного рода несоответствия, свидетельствующие о погрешностях статистики или изменении границ районов. Так как данные по каждому району нормированы по численности 1933 года, коэффициенты 1929-31 гг. слегка преуменьшены, а 1934-36 гг. несколько преувеличены. Вероятно, преуменьшение уровня смертности за счет ухудшения учета постепенно возрастало вплоть до 1934 года, а после этого положение заметно улучшилось, в силу введения паспортов в городах и резкого падения миграции сельского населения.

При этом во всех вариантах расчета 1933 год выделяется намного более высоким уровнем смертности. Повышенная смертность отмечается также в 1932 и 1934 годах. Снижение смертности в 1931 году, также отмечаемое повсеместно, является, скорее всего, артефактом миграции: снижением численности сельского населения в результате раскулачивания и отъезда и ухудшением статистики в тоже самое время. Общие потери населения Украины между переписями 1926 и 1937 годов, рассчитанные по таблицам смертности 1925/26 годов, принятым в качестве гипотетической нормы, составляют 3.7 млн. человек (1.5 млн. младше и 2.2 млн. старше 12 лет). Повышенная убыль 1933 года по официальной статистике равна 1.3 млн., но скорее всего, потери в два раза выше и составляют 2.5 млн. человек. Остальные 1.2 млн. пострадавших приходятся на 1930-32 и 1934-36 годы, в первую очередь на 1932 и 1934.

Потери наиболее пострадавших районов России: Северного Кавказа и Нижней Волги, как было показано выше (таблица 2), не слишком сильно отличаются от потерь Украины. Они составляют вместе около миллиона, в том числе 600 тысяч приходится на 1933 год.

Огромные потери понесло в годы коллективизации казахское население, Принуждаемые к переходу к оседлой жизни в колхозах казахи бежали в пустыню, в другие республики, в Китай, теряя при этом скот и собственные жизни. Между переписями 1926 и 1939 годов численность казахов сократилась на 867 тысяч человек, а должна была бы увеличиться примерно на 400 тысяч. Таким образом, потери казахов составляют 1.3 миллиона человек, из них 0.6 млн. в 1933 и 0.3 млн. в 1932 годах. Часть этих потерь (около 200 тыс.) составляют казахи, откочевавшие в Китай (Kulisher. E.M. Europe in the move. War and population changes. 1917-1947. N.Y. 1948). К такой же цифре потерь можно придти, сопоставляя возрастную структуру казахов и узбеков в переписях 1926 и 1939 годов и принимая во внимание интенсивную ассимиляцию узбеками малых народов Средней Азии.

Общие потери населения СССР, рассчитанные передвижкой населения между переписями 1926 и 1939 гг., составляют 9.8 млн. человек (Сергей Максудов. Потери населения СССР в годы коллективизации. «Звенья», 1, М. 1991), из них 8.7 миллионов приходится на годы коллективизации. На регионы России, кроме рассмотренных выше, приходится 2.9 млн. человек, из них 600 тысяч падает на 1933 год. 700 тысяч сосланных кулаков погибли в 1930-32 годах (без кулаков Украины, Северного Кавказа и Нижней Волги). 1.6 млн. человек составляет повышенная смертность по всей стране, связанная с ухудшением питания и условий жизни в рассматриваемый период. На детей младше 12 лет приходится почти половина всех потерь (4.1 млн. человек). 2.7 млн. старше 12 лет составляют мужчины и 1.9 млн. – женщины.

Предложенное распределение потерь не является абсолютно достоверным, оно нуждается в более детальном изучении на материалах первичной документации по всем регионам бывшего СССР.

Несомненно, потери сельского населения в ходе коллективизации были огромны. Но справедливо ли утверждение, что голод был геноцидом украинского народа, как говорят сегодня многие политические деятели Украины и некоторые ученые. В отличие от двух моих соавторов по изучению проблемы голодомора: Джима Мейса (с ним мы написали первую для него и для меня статью по этой теме *Vtraty naselennia Ukrainy za chasiv velikogo golodu*, CVOBODA, 8 July 1982) и Станислава Кульчицкого (Кульчицкий С.В., Максудов Сергій "Втрати населення України від голоду 1933 р.". Український Історичний журнал. Київ, №.2, 1991), я абсолютно убежден, что ни советское правительство, ни лично Сталин не имели намерения уничтожить ту или иную часть населения по этническому или территориальному признаку, и подобные утверждения лишь препятствуют серьезным историческим исследованиям.

Коллективизация была войной. Безжалостной и беспощадной войной, как ее тогда называли «битвой за хлеб». С одной стороны в сражении участвовали дисциплинированная партия и всемогущее тоталитарное государство, с другой – сельский житель, в первую очередь крестьянин, так называемой производящей полосы. Стороны боролись за контроль над производством и распределением зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Естественно потери в этой битве оказались больше в тех местах, где сражение было более интенсивным. Патронов советская власть никогда не жалела. Чего стоил чудовищный закон от 7 августа 1932 года, грозивший смертной казнью за воровство колхозной продукции, так называемый «закон о колосках». Вскоре этот закон был распространен на все сферы сельскохозяйственной деятельности.

«Центральный исполнительный комитет Союза СССР постановляет: Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян, во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей – как к расхитителям колхозной собственности, постановление от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности». (Максудов. Потери населения СССР. Бенсон. Вермонт. 1989, с. 293).

Никакой жалости ни к своим, ни к чужим «солдатам» великий полководец Иосиф Виссарионович Сталин, конечно же, не испытывал. Приведем один характерный пример. 20 ноября 1932 года один из партийных руководителей Кахиани прислал в ЦК ВКПб телеграмму, в которой доказывал, что репрессивная политика казахстанских властей, в частности занесение целых районов на «черную доску» ведет к подрыву сельскохозяйственного производства и потерям населения. Товарищ Сталин тут же отреагировал:

«Шифровка Кахиани с выражением недовольства по поводу последних распоряжений Совнаркома и крайкома Казахстана по линии хлебозаготовок получена. Оценка т. Кахиани при других условиях была бы правильна, а при данных условиях совершенно неправильна. Т. Кахиани совершенно не учитывает, что за последние пятидневки хлебозаготовки в Казахстане падают скачками и ведут к практическому прекращению заготовок, и это несмотря на то, что план заготовок максимально сокращен, а долг по плану заготовок превышает десять миллионов пудов. При таких условиях задача состоит в том, чтобы ударить в первую очередь по коммунистам в районах и ниже районов находящимся целиком в плену мелкобуржуазной стихии и скатившихся на рельсы кулацкого саботажа хлебозаготовок. Понятно, что при этих условиях СНК и крайком не могли поступить иначе, как перейти на рельсы репрессий, хотя конечно дело репрессиями не может ограничиться, так как

необходима параллельно широкая и систематическая разъяснительная работа. Сталин 21.XI 32 г.» (Голод в СССР, цит. соч. с. 197)

Несомненно, все действия по изъятию продовольствия у голодающего населения были преступлением против человечности. Однако среди решений властей были и такие меры, которые не диктовались соображениями экономической целесообразности, а, очевидно, ставили своей целью наказание или запугивание сельского жителя. Например, наложение на не выполнивших твердое задание по зерну поставок мяса на год и три месяца вперед или вывоз из колхозов семенных и фуражных фондов, хотя было ясно, что придется привозить семена обратно, поскольку власти не смогут отказаться от посева на следующий год.

На местном уровне это чудовищное давление выливалось в отбор у селян любого вида продовольствия, картофеля, фасоли и т.п., хотя эти культуры и даже мясо не засчитывались вместо поставок зерна, и порче продуктов, не подлежащих изъятию (втаптывание в грязь сваренной каши, загрязнение мочой бочек с капустой и другие подобные, поистине нечеловеческие поступки «заготовителей»). Изъятие на обысках проводилось у всех крестьян без учета предыдущей истории хлебозаготовок, было несущественно, выполнила ли семья свои обязательства перед государством, хорошо или плохо она работала в течение года в колхозе. Буксирную бригаду интересовало лишь, имеются ли у семьи продовольственные запасы и где они спрятаны? Фактически утверждалось, что крестьянин не имеет права принимать пищу. (Известны случаи исследования фекалий, по которым деревенские пинкертонеры старались понять, не ели ли крестьяне зерновых продуктов). Никакие жалобы на подобные действия до февраля 1933 года никакими государственными инстанциями не принимались.

Целью правительства было получение намеченного количества зерна независимо от того, сколько продовольствия останется в деревне. Кроме того, оно хотело, чтобы крестьяне осознали, что в случае неподчинения им грозит страшное наказание. Голод явился результатом реализации первой задачи и оружием для выполнения второй.

Знали ли высшие власти о размерах потерь от голода? Не знали, потому что не хотели знать. До февраля любые разговоры о голоде рассматривались как вражеская агитация. В официальных документах голодающие не упоминались. Партийным руководителям разрешалось думать только об одном – о выполнении плана хлебозаготовок.

Следует заметить, что административная и партийная деятельность тех лет носила характер кампаний и в каждый отдельно взятый момент главной считалась только одна кампания, чрезвычайно важная требовавшая концентрации всех сил и средств на ее выполнении. Поэтому, когда в начале февраля власти начали подготовку к севу, заготовки перешли в сбор семян, а все административно-партийные усилия были направлены на организацию посевной. Для этого требовались семена (частично выдаваемые в долг

государством), рабочий скот и трактора и, главное, рабочие руки, то есть сам сельский житель желательнее здоровый, способный к работе. Обтянутые кожей скелеты для работы не годились. Крестьянин из злоумышленника, прячущего государственное зерно, превратился в работника, нуждающегося в некотором питании. Начался отлов беглецов по стране и возвращение их по месту жительства, организация общественного питания, а также некоторой помощи голодающим, в первую очередь детям. К этому времени относятся исследования ОГПУ размеров голода, наказания местных руководителей, на которых была возложена вина за голод (хотя они всего лишь усердно выполняли распоряжения центра). Отпуск продовольствия голодающим районам и областям становится важной темой обсуждения центральных и местных партийных властей. Вот что 15 марта 1933 года Станислав Косиор считает необходимым сообщить товарищу Сталину:

«Если в прошлом году замалчивали о тяжелом положении в районах, то в этом году наоборот – всячески стремятся выпячивать наиболее тяжелые случаи, собрать и обобщить цифры. В очень многих сообщениях проглядывает целевое назначение информации – получить помощь ЦК. Само по себе это было бы правильно, если бы области и районы эти свои требования предваряли или хотя бы сопровождали собственной энергичной работой по мобилизации местных ресурсов для организации помощи. Имеющиеся в ЦК КПБУ сведения как от обкомов, так и по линии ОГПУ о размерах голодовок крайне разноречивы. Это объясняется тем, что достаточно серьезной и трезвой оценки положения без замалчивания и замазывания, как равно и без преувеличений и паники в областях, как правило, еще нет. ... если Днепропетровск слишком уж афиширует и выпячивает свое тяжелое положение, то Одесса наоборот многое замалчивает. Во всяком случае, несомненно, что наиболее тяжело в Днепропетровске, ибо пока 60% всех сведений о количестве голодающих и больше 70% зарегистрированных случаев смертей приходится на Днепропетровск. Из 49 районов в Днепропетровской области тяжелыми считаются 21 район. На втором месте по количеству сообщений о голодании стоит Киевская область, в которой особенно тяжелыми районами считаются 31. Здесь мы, несомненно, имеем очень серьезный рецидив прошлогодних голодовок в довольно широких размерах. Дальше по количеству пораженных районов идет Винница – 17, Донбасс – 11 районов, Одесса – 14, Харьковская 9 районов. Всего по регистрации ГПУ по Украине охвачено 103 района....»

По сравнению с прошлым годом и в отношении пораженных районов, как и в отношении колхозов получается значительно более нестрашная картина. Тут явно поражены районы с наиболее разложившимися колхозами и плохим ведением хозяйства. Основная часть голодающих это те, кто совсем не имел или имел очень мало трудодней, в особенности из числа многосемейных, а также единоличники. В особенности тяжелое положение, так называемых, возвращенцев, т.е. тех, кто подчас вместе с семьями где-то бродил, а

теперь в значительном количестве возвращается обратно в свои села и колхозы...

Но солидную часть голодающих представляют колхозники, хотя и выработавшие много трудодней, но получившие на руки очень мало хлеба. В этих районах 75-80% выданного хлеба падает на общественное питание. Причем, конечно, относительно больше пострадали от общественного питания как раз хорошие колхозники, а в особенности тяжело многосемейным. Есть случаи, когда выданный на руки хлеб отбирали обратно. Имеются такие факты, когда очень многие колхозники и единоличники под влиянием паники хлеб попрятали, а и в тоже время голодают. По одной Днепропетровской области таких случаев обнаружено больше 50. Основная причина голода – плохое хозяйничание и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растрата хлеба) в этом году перед массами выступает более выпукло и резко. Ибо в большинстве голодающих районов хлеба по заготовкам было взято ничтожное количество и сказать, что «хлеб забрали» никак невозможно. Это нужно сказать по отношению к большинству районов даже Днепропетровской области, тем более это выпирает, например, в Киевской области, где в этом году хлебозаготовки были совершенно ничтожны... То что голодание не научило еще многих колхозников уму-разуму показывает неудовлетворительная подготовка к севу как раз в наиболее неблагоприятных районах» (Голод в СССР цит. соч., сс.304-307).

Мы видим, что автор письма знает, что голод был и в прошлом году, его замалчивали, но он не сомневается, что его корреспонденту это хорошо известно. Он также отмечает, что в этом году более «пестрая картина», что не значит, однако, более тяжелая. Виноваты в тяжелом положении в первую очередь сами крестьяне (плохо работали, убежали куда-то). Ответственны и местные партийные руководители (разбазаривали зерно на общественное питание, а там дают есть всем, а не только хорошим колхозникам; и не хотя энергичной работой «мобилизовать» местные ресурсы). И меньше всех, конечно, виновато республиканское и общесоюзное руководство: «сказать, что хлеб забрали никак невозможно». Нельзя при этом сказать, что у Косиора достаточно адекватное представление о масштабе голода и распределении голодающих по стране. Мы знаем, что голод 1932/33 года был несравнимо страшнее, чем 1933/34 года. По данным о смертности за 1933 год на Днепропетровскую область приходится меньше 10% повышенной убыли населения, и смертность 1933 года превышает уровень 1927-29 годов в три раза, в то время как по Харьковской и Киевской областям 33 год почти в четыре с половиной раза превосходит предыдущие по размерам потерь. Возможно, однако, что потери населения в Днепропетровской и Одесской областях зимой были действительно больше, но благодаря своевременно принятым мерам в летние месяцы 1933 года,

когда смертность выросла в несколько раз (см. табл. 2), она оказалась в этих областях относительно меньше, чем в среднем по Украине.

В заключение следует заметить, что битву за хлеб Сталину и его подручным удалось выиграть. Но это была не просто пиррова, но сверхпиррова победа. Удар по сельскому хозяйству был такой силы, что оно не могло оправиться после этого более двух десятков лет. Погибли почти 9 миллионов человек и надолго, если не навсегда страна утратила класс людей, любящих землю и умеющих на ней работать. Деградировали морально-этические нормы населения, Были почти утрачены чувства независимости, самостоятельности, самоуважения, изменилось отношение сельского жителя к труду. Все эти трагические обстоятельства в дальнейшем определили и жизнь страны. Жестокость и привычка к насилию охватившие страну в годы коллективизации, аукнулись террором 1936-1938 годов. Нежелание защищать ненавистную власть, уморившую голодом родных и близких, во многом определяли массовую сдачу в плен советских солдат в первые месяцы Великой отечественной войны. Совковое сознание, сохраняющееся отчасти и сегодня, с его пассивностью, равнодушием, двоемыслием и неуважением к закону тоже в значительной степени является наследием тех страшных лет.

* * *

Товарищ Сталин, как известно, родился в рубашке. Он знал волшебное слово, которое помогало ему всегда одерживать победу. Это слово было – ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ. Однако это, как правило, была Пиррова победа. И на весах истории в продолжительной перспективе эта победа означала страшное поражение нашей страны.